

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

2022 Volume 26 No. 1

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76503 от 02.08.2019 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

DOI: 10.22363/2687-0088-2022-26-1

RUSSIAN JOURNAL OF LINGUISTICS

ISSN 2687-0088

e-ISSN 2686-8024

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.ru

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Russian Journal of Linguistics – периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 – русский язык, 10.02.04 – германские языки, 10.02.05 – романские языки, 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.ru

Подписано в печать 08.02.2022. Выход в свет 28.03.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 16. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
+7 (495) 952-04-41; E-mail: publishing@rudn.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana V. LARINA, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia
e-mail: larina-tv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Istvan KECSKES, State University of New York at Albany, USA
e-mail: ikecskes@albany.edu

ASSOCIATE EDITORS

Douglas Mark PONTON, University of Catania, Italy
Olga A. LEONTOVICH, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Alexander V. IGNATENKO, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia
e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Laura ALBA-JUEZ, National Distance Education University (UNED), Spain
Steven A. BEEBE, Texas State University, USA
Liudmila BOGDANOVA, Lomonosov Moscow State University, Russia
Donal CARBAUGH, University of Massachusetts, USA
Vadim DEMENTYEV, Saratov State University, Russia
Jean-Marc DEWAELE, Birkbeck, University of London, UK
Yulia EBZEEVA, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia
Zohreh ESLAMI, Texas A&M University at Qatar, Qatar / USA
Cliff GODDARD, Griffith University, Australia
Svetlana IVANOVA, Pushkin Leningrad State University, Russia
Olga IRISKHANOVA, Moscow State Linguistic University, Russia
Dániel Z. KÁDÁR, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences, Hungary
Vladimir KARASIK, Pushkin State Russian Language Institute, Russia
Eleonora LASSAN, Vilnius University, Lithuania
Carmen MAÍZ-ARÉVALO, Complutense University of Madrid, Spain
Sara MILLS, Sheffield Hallam University, UK
Andreas MUSOLFF, University of East Anglia, UK
Etsuko OISHI, Tokyo University of Science, Japan
Aneta PAVLENKO, University of Oslo, Norway
Martin PÜTZ, University of Koblenz-Landau, Germany
Klaus SCHNEIDER, University of Bonn, Germany
Maria SIFIANOU, National and Kapodistrian University of Athens, Greece
Olga A. SOLOPOVA, South Ural State University (National Research University), Russia
Yuhua SUN, Dalian University of Foreign Languages, China
Neelakshi SURYANARAYAN, Delhi University, India
Rafael Guzman TIRADO, University of Granada, Spain
Maria YELENEVSKAYA, Technion, Israel Institute of Technology, Israel
Anna ZALIZNIAK, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Russia
Franco ZAPPETTINI, University of Liverpool, UK

Review editor *Konstantin V. Zenkin*
English language editor *Julia B. Smirnova*
Computer design *Natalia A. Yasko*

Editorial office:
10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Tel.: +7 (495) 434-20-12;
e-mail: lingj@rudn.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛАРИНА Татьяна Викторовна, Российский университет дружбы народов, Россия
e-mail: larina-tv@rudn.ru

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

КЕЧКЕШ Иштван, Университет штата Нью-Йорк, США
e-mail: ikecskes@albany.edu

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

ПОНТОН Дуглас Марк, Катанийский университет, Италия

ЛЕОНТОВИЧ Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ИГНАТЕНКО Александр Владимирович, Российский университет дружбы народов, Россия
e-mail: ignatenko-av@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

АЛЬБА-ХУЭС Лаура, Национальный университет дистанционного образования (UNED), Испания

БИБИ Стивен А., Университет штата Техас, США

БОГДАНОВА Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

ГОДДАРД Клифф, Университет Гриффит, Австралия

ГУСМАН Тирадо Рафаэль, Гранадаский университет, Испания

ДЕВАЕЛЕ Жан-Марк, Лондонский университет, Великобритания

ДЕМЕНТЬЕВ Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

ЕЛЕНЕВСКАЯ Мария, Технион – Израильский политехнический институт, Израиль

ЕСЛАМИ Зохран, Техасский университет A&M в Катаре, Катар / США

ЗАЛИЗНЯК Анна Андреевна, Институт языкознания РАН, Россия

ЗАПЕТТИНИ Франко, Ливерпульский университет, Великобритания

ИВАНОВА Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Россия

ПРИСХАНОВА Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН, Россия

КАДАР Дэниел, Институт лингвистики Венгерской академии наук, Венгрия

КАРАСИК Владимир Ильич, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Россия

КАРБО Донал, Массачусетский университет, США

ЛАССАН Элеонора, Вильнюсский университет, Литва

МАИС-АРЕВАЛО Кармен, Университет Комплутенсе де Мадрид, Испания

МИЛЛС Сара, Университет Шеффилд Холлэм, Великобритания

МУЗОЛФ Андреас, Университет Восточной Англии, Великобритания

ОИСИ Эцуко, Токийский исследовательский университет, Япония

ПАВЛЕНКО Анета, Университет Осло, Норвегия

ПУТЦ Мартин, Университет Кобленц-Ландау, Германия

СИФЬЯНУ Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии, Греция

СОЛОПОВА Ольга Александровна, Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет), Россия

СУНЬ Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков, КНР

СУРЬЯНАРАЯН Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет, Индия

ШНАЙДЕР Клаус, Боннский университет, Германия

ЭБЗЕЕВА Юлия Николаевна, Российский университет дружбы народов, Россия

Литературный редактор **К.В. Зенкин**

Редактор англоязычных текстов **Ю.Б. Смирнова**

Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.ru

CONTENTS

Cliff GODDARD (Brisbane, Australia), Anna WIERZBICKA (Canberra, Australia) and Gian Marco FARESE (Milan, Italy) The conceptual semantics of “money” and “money verbs”	7
Vladimir N. POLYAKOV , Elena A. MAKAROVA (Moscow, Russia) and Valery D. SOLOVYEV (Kazan, Russia) Phylogenetic trees: Grammar versus vocabulary	31
Emna FENDRI and Mounir TRIKI (Sfax, Tunisia) The negotiation of authorial persona in dissertations literature review and discussion sections	51
TRAN Ba Tien (Vinh, Vietnam) Universality vs. cultural specificity of anger metaphors and metonymies in English and Vietnamese idioms	74
Nataliya A. LAVROVA and Alexandr O. KOZMIN (Moscow, Russia) Structural and semantic congruence of Bulgarian, Russian and English set expressions: Contrastive-typological research	95
Kristian RONCERO (Leipzig, Germany) A very unpredictable ‘person’: A corpus-based approach to suppletion in West Polesian	116
Alexander KIKLEWICZ (Siedlce, Olsztyn, Poland) Typology of pragmatic implications from the point of view of interaction between pragmatics and semantics	139
Svetlana Y. PAVLINA (Nizhny Novgorod, Russia) Pragmatic and stylistic perspectives on British and American COVID-19 cartoons	162
Valentina APRESJAN (Moscow, Russia) Prices are rising, wages are falling: argument structure of verbs denoting ‘increase’ and ‘decrease’ in the Russian language	194
Uldanai M. BAKHTIKIREEVA and Olga I. VALENTINOVA (Moscow, Russia) “Language thinking” from the perspective of systemic linguistics	224
Book reviews	
Anna GLADKOVA (Nizhny Novgorod, Russia) Review of Koshelev, Alexey. 2020. <i>On the Genesis of Thought and Language</i> . Translated by Alexander Kravchenko and Jillian Smith. Moscow and Boston: Academic Studies Press	245
Mostafa MORADY MOGHADDAM (Shahrood, Iran) Review of Capone, Alessandro. 2019. <i>Pragmatics and Philosophy: Connections and Ramifications</i> . Cham: Springer	250
Elena S. KUZMINA (Moscow, Russia) Review of Gladrov, Volfgan and Kotorova, Elizaveta G. 2021. <i>Models of Speech Behavior in German and Russian Communicative Cultures</i> . Moscow: YaSK Publ.	256
Obituaries	
Viktor I. Shakhovskii : The father of Emotive Linguistics in Russia	263
Iosif A. Sternin : The founder and pioneer of Communicative Linguistics in Russia	267

СОДЕРЖАНИЕ

Cliff GODDARD (Brisbane, Australia), Anna WIERZBICKA (Canberra, Australia), Gian Marco FARESE (Milan, Italy) The conceptual semantics of “money” and “money verbs” (Концептуальная семантика «денег» и «денежных глаголов»)	7
Vladimir N. POLYAKOV , Elena A. MAKAROVA (Moscow, Russia), Valery D. SOLOVYEV (Kazan, Russia) Phylogenetic trees: Grammar versus vocabulary (Филогенетические деревья: грамматика против словаря)	31
Emna FENDRI , Mounir TRIKI (Sfax, Tunisia) The negotiation of authorial persona in dissertations literature review and discussion sections (Авторская позиция в текстах диссертаций)	51
TRAN Ba Tien (Vinh, Vietnam) Universality vs. cultural specificity of anger metaphors and metonymies in English and Vietnamese idioms (Универсальные vs. культурно-специфические характеристики метафор и метонимий со значением гнева в английском и вьетнамском языках)	74
Natalya A. LAVROVA , Alexandr O. KOZMIN (Moscow, Russia) Structural and semantic congruence of Bulgarian, Russian and English set expressions: Contrastive-typological research (Структурный и смысловый изоморфизм и алломорфизм болгарских, русских и английских устойчивых выражений: опыт сопоставительно-типологического исследования)	95
Kristian RONCERO (Leipzig, Germany) A very unpredictable ‘person’: A corpus-based approach to suppletion in West Polesian (Непредсказуемый «человек»: корпусное исследование супплетивности в западнополесских говорах)	116
КИКЛЕВИЧ А.К. (Седльце, Ольштын, Польша) Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой	139
ПАВЛИНА С.Ю. (Нижний Новгород, Россия) Прагматические и стилистические особенности британских и американских политических карикатур на тему COVID-19 ..	162
АПРЕСЯН В.Ю. (Москва, Россия) Цены растут, зарплата падает: актантная структура глаголов увеличения и уменьшения в русском языке	194
БАХТИКИРЕЕВА У.М., ВАЛЕНТИНОВА О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики	224

Book reviews

Anna GLADKOVA (Нижний Новгород, Россия) Рецензия на книгу Koshelev, Alexey. 2020. <i>On the Genesis of Thought and Language</i> . Translated by Alexander Kravchenko with Jillian Smith. Moscow and Boston: Academic Studies Press	245
Mostafa MORADY MOGHADDAM (Shahrood, Iran) Рецензия на книгу Capone, Alessandro. 2019. <i>Pragmatics and Philosophy: Connections and Ramifications</i> . Cham: Springer.....	250
КУЗЬМИНА Е.С. (Москва, Россия) Рецензия на книгу: Гладров В., Которова Е.Г. Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. (<i>Studia philologica</i>)	256

Памяти ученых

Виктор Иванович Шаховский – основоположник эмотивной лингвистики в России ...	263
Иосиф Абрамович Стернин – основатель коммуникативной лингвистики в России	267

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-27193>

Research article

The conceptual semantics of “money” and “money verbs”

Cliff GODDARD¹ , Anna WIERZBICKA²
and Gian Marco FARESE³

¹Griffith University, Brisbane, Australia

²Australian National University, Canberra, Australia

³University of Milan, Milan, Italy

 c.goddard@griffith.edu.au

Abstract

The central purpose of this study is to apply the NSM (Natural Semantic Metalanguage) method of semantic-conceptual analysis to the word ‘money’ and to related “economic transaction” verbs, such as ‘buy’, ‘sell’ and ‘pay’, as used in everyday English. It proposes semantic explications for these words on the basis of conceptual analysis and a range of linguistic evidence and taking account of lexical polysemy. Even in its basic meaning (in a sentence like ‘there was some money on the table’), ‘money-1’ is shown to be surprisingly complex, comprising about 35 lines of semantic text and drawing on a number of semantic molecules (such as ‘country’, ‘number’, and ‘hands’), as well as a rich assortment of semantic primes. This ‘money-1’ meaning turns out to be a crucial semantic molecule in the composition of the verbs ‘buy’, ‘sell’, ‘pay’, and ‘(it) costs’. Each of these is treated in some detail, thereby bringing to light the complex semantic relationships between them and clarifying how this bears on their grammatical properties, such as argument structure. The concluding section considers how NSM semantic-conceptual analysis can help illuminate everyday economic thinking and also how it connects with Humanomics, an interdisciplinary project which aims to “re-humanise” economics.

Keywords: *money, lexical semantics, commercial transaction verbs, semantic molecules, Natural Semantic Metalanguage, Humanomics*

For citation:

Goddard, Cliff, Anna Wierzbicka & Gian Marco Farese. 2022. The conceptual semantics of “money” and “money verbs”. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 7–30. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27193>

Концептуальная семантика «денег» и «денежных глаголов»

Клифф ГОДДАРД¹ , Анна ВЕЖБИЦКАЯ²
и Джиаан Марко ФАРЕЗЕ³

¹Гриффитский университет, Брисбен, Австралия

²Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

³Миланский университет, Милан, Италия

 c.goddard@griffith.edu.au

Аннотация

Цель данного исследования – применить метод Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ) для семантико-концептуального анализа существительного «деньги» и связанных с ним глаголов, относящихся к «экономическим транзакциям», таких как ‘buy’ (покупать), ‘sell’ (продавать) и ‘pay’ (платить), употребляемых в бытовом английском языке. Он предполагает семантическую экспликацию этих слов посредством их концептуального анализа с учетом их языкового употребления и лексической полисемии. Даже в своем первичном значении (в таких предложениях как «На столе лежали деньги») лексема ‘money-1’ (деньги-1) демонстрирует удивительную сложность, включая около 35 строк семантического текста и опираясь на ряд семантических молекул (таких как «страна», «число» и «руки»), а также богатый набор семантических примитивов. Выяснено, что значение ‘money-1’ выступает как ключевая семантическая молекула в структуре глаголов ‘buy’, ‘sell’, ‘pay’ ‘(it) costs’. Каждому из них дается детальное описание, благодаря чему выявлены сложные семантические отношения между ними и влияние, которое они оказывают на грамматические свойства глаголов. В заключительном разделе показано, как семантико-концептуальный анализ ЕСМ может пролить свет на бытовое экономическое сознание и показать его связь с междисциплинарным проектом “Humanomics”, направленным на «гуманизацию» экономики.
Ключевые слова: деньги, лексическая семантика, глаголы коммерческих сделок, семантические молекулы, Естественный Семантический Метаязык, гуманомика

Для цитирования:

Goddard C., Wierzbicka A., Farese G.M. The conceptual semantics of “money” and “money verbs”. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 1. P. 7–30. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27193>

1. Background and aims

The Natural Semantic Metalanguage (NSM) framework is well-known, so only a very brief outline will be provided here, focussing on its application to lexical semantics. In the NSM framework, lexical meanings are described using paraphrases (semantic explications) written in a small, cross-translatable vocabulary of semantic primes and semantic molecules (cf. Goddard & Wierzbicka 2014, Goddard 2021, Goddard, Wierzbicka & Ye In press/2022). The NSM approach has been employed in hundreds of studies of lexical and grammatical phenomena in dozens of languages. For a brief overview, see Gladkova and Larina (2018a, 2018b). A bibliographical database and other helpful resources are available at (URL, December 12, 2021).¹

¹ <https://www.nsm-approach.net>

In NSM theory, semantic primes are regarded as the irreducible and universal bedrock of human thinking. After five decades of empirical research and conceptual analysis (cf. Wierzbicka 2021), 65 primes have been identified and their combinatorial grammar has been largely described. Semantic primes are like atoms or elements of human thought as it can be expressed in language.²

Semantic molecules are relatively basic meanings, themselves decomposable into primes, that function alongside primes as building blocks in the composition of yet more complex concepts. It is believed that some semantic molecules may be universal or near-universal, while others are clearly language/culture-specific. Semantic molecules play an indispensable role both in building up highly complex concepts and in the overall architecture of the lexicon.

Semantic explications are essentially paraphrases written in semantic primes and molecules³. As such, they are free of definitional circularity, provide very fine-grained depictions of meaning, and except for any language/culture-specific molecules, they ought to be readily cross-translatable between languages. Explications are the result of a careful process of conceptual analysis, informed by the evidence of linguistic usage and disciplined by the requirement that it be conducted within the narrow confines of NSM lexicon and syntax. Because semantic explications use only very clear and relatively simple words, they are in principle accessible to people without specialised training in linguistics. This opens the way for many practical applications in education, intercultural communication, health messaging, ethics, and ‘easy language’ projects (Goddard ed. 2018, 2021), as well as applications in human sciences other than linguistics, such as psychology, anthropology, musicology, philosophy, and, recently, economics. In §4.3 we report on connections between NSM work and the Humanomics project led by Vernon Smith and Bart Wilson (2019), which is aimed at rehumanising economics.

The central purpose of the present study is to apply the NSM method of semantic-conceptual analysis to the word ‘money’, as used in everyday English, and to several related verbs, ‘buy’, ‘sell’, ‘pay’, and ‘cost’ – again, as used in everyday English. We add this qualification to make it plain that we are writing as semanticists, and as such are not concerned with technical understandings by economists, anthropologists, sociologists, and other experts.

2. Conceptual semantics of ‘money’

2.1. Polysemy of ‘money’

To approach the polysemy of the word ‘money’ and the challenges of explicating its multiple meanings, it is a useful warm-up to look briefly at a couple

² Two further clarifications: (i) Properly speaking, primes should be referred to as ‘semantic/conceptual’, but for simplicity we generally use only one modifier at a time. (ii) The relationship between semantic/conceptual primes and their exponents in individual languages is not always one-to-one, on account of language-specific lexical polysemy and allomorphy.

³ Grammatical function words are also allowed in NSM texts, as are some portmanteau words, e.g. ‘often = at many times’.

of dictionary definitions for what is arguably its simplest meaning. The following show two such definitions from the Collins family of dictionaries, Collins dictionaries being more systematic and more lexicologically sound than most contemporary English dictionaries.

Money is the coins or bank notes that you use to buy things or when you pay for a service – Collins Cobuild English Language Dictionary, 1987.

Money is the coins or bank notes that you use to buy things or the sum that you have in a bank account – Collins Online English Dictionary, 2019.

Both these Collins definitions have a certain appeal on account of their relatively non-technical quality. Notably, both are attempts to define what we are terming ‘money-1’, i.e. concrete, physical money (termed “money objects” by some theorists) in the form of ‘coins or bank notes’. Both versions mention that money is used to ‘buy things’. The 1987 version also mentions that money can be used to ‘pay’ for a service. The 2019 version drops this detail, but adds that money can also be ‘the sum that you have in a bank account’, thereby, on our analysis, attempting to cover part of the range of use of ‘money-2’.

In any case, both definitions are ultimately circular because it is impossible to define expressions such as ‘coins’, ‘bank notes’, ‘bank account’, ‘buy’ and ‘pay’, without reference to ‘money’ itself.

The meaning we designate ‘money-1’ concerns physical money, i.e. coins and notes, that can be handled, can be in a real physical place, such as on a table, in a drawer, or in someone’s purse or wallet, in a piggy bank. Some clear examples of its use are given in (1)–(4) below. This meaning collocates with words like ‘hand’, ‘pocket’, and ‘wallet’, with the noun ‘change’, and with the verb ‘to count’.⁴

- (1) *In one of the bedrooms, there was some money on the table.*
- (2) *Teaching kids to count money can be a little confusing for them at first.*
- (3) *I asked my friend Kenny “Do you have any money on you?”*
- (4) *Identifying money is the foundation of teaching money management to kids.*

We claim (and propose to demonstrate shortly, by explications) that ‘money-1’ is the simplest and most basic of the various meanings of the word ‘money’. We take for granted that it is developmentally the first-acquired by young children. It is not necessarily, however, the most frequently occurring meaning in corpora. ‘Money-1’ is explicated in §2.2 below.

The meaning we designate ‘money-2’ is a more abstract idea, linked with ‘money-1’ and conceptually dependent upon it. Some illustrative examples of its use are given in (5)–(8) below. As shown in the first two of these examples, ‘money-2’ is often found in have-constructions. We will explicate ‘money-2’ in §2.3 below. To anticipate, we argue that the idea behind ‘money-2’ is that one is able to “lay hands” on ‘money-1’ and do with it as one wishes.

⁴ In formulating these generalisations, we relied mainly on two corpora: Collins Wordbanks Online and COCA (Corpus of Contemporary American English).

- (5) *They have a lot of money.*
- (6) *Mary has \$50,000 in the bank.*
- (7) *We are trying to save money for a house.*
- (8) *The university is very short of money.*

We see the need to recognise at least one additional sense, which will designate ‘money-3’. As shown in examples (9)–(11), in this use the word ‘money’ functions, one might say, as a “discourse topic”. This meaning or use will not be explicated or discussed further in the present study.

- (9) *Money talks.*
- (10) *Money is the root of all evil.*
- (11) *Money makes the world go round.*

We do not wish to say that all uses or meanings of the word ‘money’ can be reduced to these three, especially if the vast network of fixed expressions and common collocations is taken into account. The Oxford English Dictionary entry for ‘money’ comes to 53 pages in length. As far as we can tell, however, all dictionaries recognise at least the three senses distinguished above, and all of them identify the sense linked with ‘coins and bank notes’ as the primary or simplest sense.

2.2. Explicating ‘money-1’

The reader should be warned that the explication for ‘money-1’ may seem remarkably complex, even though it is no more so than explications of words for natural kinds and life-forms, such as ‘cat’ and ‘fish’ (Goddard 2020) or artefact words such as ‘cup’ and ‘spoon’ (Wierzbicka 1985, 2015). Any impression that the meaning of ‘money-1’ must be conceptually fairly simple is arguably a result of its extreme “over-learning” and constant reinforcement in daily life.

Our proposed explication consists of about 35 lines of semantic text, comprising more than 500 words in total (this tally includes English-specific function words, such as ‘of’, ‘with’, ‘about’, ‘the’, ‘a’). It uses no less than 33 semantic primes, i.e., half the total prime inventory, and about 15 semantic molecules. Among the primes, nominal elements and expressions such as ‘people’, ‘someone’ and ‘someone else’ are among the most common, along with mental and speech predicates such as ‘want’, ‘know’, ‘think’ and ‘say’, the “quantity” prime ‘(how) much/many’, and of course ‘do’, ‘happen’ and ‘(be) mine’. Among the molecules, ‘country’ and ‘number’ play a prominent role, as do ‘hands’ and ‘hold’, reflecting the importance of handling and exchanging coins and notes.⁵

The explication falls into six sections, which can be labelled as follows. These section labels are not part of the explication proper but are solely for expository convenience.

⁵ The explication also uses several portmanteaus, e.g. ‘often’ for ‘at many times’; ‘they’ sometimes for ‘these people’, sometimes for ‘this someone’, and ‘have to’ for ‘can’t not’.

[a] what money is for, [b] two kinds of money: coins and notes, [c] when someone holds one note/coin ..., [d] when many notes/coins are in one place ..., [e] how it often happens when people do something with money (prototypical scenario), [f] how people can think about money

It will be helpful to first examine and comment on each section in turn, before combining them into the full explication.

Section [a] is given below. The first line presents ‘money-1’ as an “essentialised” concept, i.e., as ‘something of one kind’, for which the word-form ‘money’ serves as an identifying label. Line two says that people in many countries use it very often, and the remainder of the section spells out two typical or generic purposes. The first is focussed on ‘things’, and is associated with the intention ‘I want this thing to be mine’. The second is focused on people, and is associated with the intention ‘I want someone to do something’. These twin components in a sense anticipate the ideas that money can be used to “buy” things and to “pay” people to do things; or, using even more complex terminology, the idea that money can be used to acquire “goods” and “services”.

‘Money-1’

- a. something of one kind, people can say what kind with the word ‘money’
people in many countries [m] do something with it very often
often people do something with it because they think like this about something: “I want this thing to be mine”
often people do something with it because they think like this about someone: “I want this someone to do something”

Section [b] of the explication moves to concretise or physicalise ‘money’ by saying that it comes in two kinds, corresponding to coins and notes, respectively. Obviously, we cannot use words like ‘coins’ or ‘notes’ in the explication, because to do so would incur circularity, but ‘things of one kind’ (coins) are described in terms of their composition (made of something very hard and shiny like gold or silver), their small size, and their shape (flat and round). The other kind (notes) are described as being made of something like paper, as being flat, very thin, and having straight sides. Both kinds of money are “easy to handle”. A person can hold many of them in one hand, and can hold one, or, in the case of notes, many, between two fingers. These properties are of course by design, in order to allow people to easily handle and exchange money.⁶

- b. there are two kinds of ‘money’
things of one kind are made [m] of something very hard [m], something shiny [m], like gold [m], like silver [m]
they are very small, they are flat [m], they are round [m]

⁶ In full explications of ‘coin’ and ‘note’ there would be more detail about their “design”, i.e. about the relationships between form and function, as expected in explications of artefact terms (Wierzbicka 1985).

someone can hold [m] many of them in one hand [m], someone can hold one of them with two fingers [m] of one hand
things of the other kind are made of something like paper [m]
they are not very small like the other kind, they are very thin [m], they are straight [m] on all sides
someone can hold [m] many of them in one hand [m], someone can hold many of them with two fingers [m] of one hand

Section [c] continues to say that when a person is holding a single coin or note, ‘they can see a number on it’, and, often, a word at the same time. The word is further described, using an example, as ‘a word like ‘dollar’ (‘pound’, ‘euro’, etc.). The idea here is that in any given country there will be one “premier” word that designates the main unit of currency, be it ‘dollar’, ‘pound’, ‘euro’, or some other locally prominent word.⁷ With the number and word, the section continues, a person can say about an individual coin or note “it is this much”. The idea that every individual money object bears testimony, so to speak, of its value and denomination seems essential to the concept of ‘money-1’. The words and numbers are necessary for people to know the specific values of different coins and notes and, relatedly, to know how much money they need in order to buy a thing or to pay for a service. That is not the end of it, however. As stated in the final two components of section [c], the coin or note will carry some other visible sign, be it words or images (e.g., a depiction of the monarch, national hero, national flag) to indicate the country to which it belongs⁸ and in which it can be an effective instrument for human action. These components are necessary to distinguish real money both from “play money” (as used in children’s games) and from ‘tokens’ of various kinds.

- c. when someone holds one of these things, they can see a number [m] on it
often they can see a word on it at the same time, a word like ‘dollar’ (‘pound’, ‘euro’, etc.)
they can say about it: “it is this much”, they can say it with this number, with this word
at the same time, they can see some other things on it; it can be some other words, it can be something else
because of this, they can know in what country something can happen as people want if they do something with it

The next section, section [d], captures a further essential characteristic of ‘money-1’, namely, that a collection or combination of notes and coins can usually be “summed up” and given a total value: i.e., that someone ‘can say about them all: “it is this much”’. This component is necessary in order to establish that not only do coins and notes have individual values, but that these values all fit into a single

⁷ The names of different currencies are of course highly salient linguistic elements in complex discourses in international economics, finance and business.

⁸ A slight problem with this component is that the phrasing seems to imply that a given currency is intended for a single country only. This would not be appropriate in the case of euro, for example.

system.⁹ The second line of the section mentions that ‘a short time’ may be needed before a total can be given, allowing time for a person to calculate. The final component in the section indicates that the total can be stated using ‘number words’ and ‘some other words’ at the same time. This echoes the phrasing used about individual notes and coins earlier, but this time the phrasing is in the plural, which allows for more complex combinations of numbers and denominations.

- d. often when someone sees many of these things in one place, it is like this:
after a short time this someone can say about them all: “it is this much”
they can say it with number words if they say some other words at the same
time, words like ‘dollar’ (‘pound’, ‘euro’, etc.)

The penultimate section, section [e] below, sets out an idealised prototypical scenario for doing something with money-1, introduced by ‘it often happens like this: ...’. Briefly, this scenario involves two people, a “price”, and someone literally “handing” some money to another person and in the process relinquishing possession of it. In more detail, one person (let’s call him or her the ‘primary actor’) has the idea that some purpose can be achieved (‘something can happen here as I want’) if they do something with money ‘as someone else wants’. The primary actor understands that in order to do it, they have to know how much money is required (the “price”) and that the other person can give this information. With this in mind, the primary actor does something ‘with the hand’, the details of which are given in the final indented part of section [e]. Putting it colloquially, some money “changes hands” and in the process ceases to belong to the primary actor.

This section of the explication is particularly important in providing a conceptual backdrop to “money verbs” like ‘buy’, ‘sell’ and ‘pay’, which we will examine in §3.

- e. when people do something with ‘money’, it often happens like this:
someone thinks like this:
“something can happen here as I want if I do something now with
‘money’ as someone else wants
before I do it, I have to know how much, this someone can say it to me”
because this someone thinks like this, they do something with the hand
when they do it, it is like this:
at one moment there is ‘money’ in this someone’s hand, it is this
someone’s
a moment after, this ‘money’ is not in this someone’s hand anymore, it
is in someone else’s hand
at the same time, it is not this someone’s anymore

⁹ It is worth noting that words for money in different languages may differ in their grammatical properties. English ‘money’ is an uncountable singular “mass noun”; Italian has both the countable *soldo/i* (masculine) and the uncountable *denaro* (singular masculine); Russian *den’gi* is plurale tantum. Such grammatical differences presumably reflect subtle semantic-conceptual differences which are impossible to pursue here.

Two further comments are in order about the idealised scenario in section [e]. First, the scenario does not correspond perfectly to either “buying” or “paying” but sits somewhere in between, as we will see when these verbs are explicated in §3. Second, on a finer point of detail, when the money changes hands it is stated only that in so doing it becomes ‘not this someone’s anymore’, not that it necessarily comes to belong to the person receiving it. This is because in many situations, even in a village market, the person who receives a payment of money often does so on behalf of someone else.

Finally, section [f] sets out a way of thinking about ‘money-1’, which though taken for granted in everyday life, is actually quite peculiar; namely, that because coins and notes are “changing hands” (circulating) all the time, individual items of money-1 are not anyone’s permanent possessions. As the component says, when people see ‘money-1’ somewhere, they realise that although it belongs to someone in particular now, it was someone’s else’s before, and will be someone’s else’s later.

- f. because something like this often happens, when people see ‘money’ somewhere, they can think like this:
 “it is someone’s now, it was someone else’s before, it can be someone else’s later”

Readers will be naturally be eager to see how the proposed explication of ‘money-1’, i.e. concrete, “handle-able” money, can be extended or built upon in order to accommodate money in its non-concrete sense, for instance, to speak about having money-2 in the bank, buying things on credit, and so on. We will move to this in section 2.3.

Before that, however, the full explication for ‘money-1’ is presented in [A] below. Seeing (and reading) the explication as a whole will reinforce the impression of complexity, but at the same time help one to appreciate its coherence as a whole and its “flow”, i.e., the logical progression and interrelationship between the various sections.

[A] money-1

A. WHAT MONEY IS FOR

- a. something of one kind, people can say what kind with the word ‘money’
 people in many countries [m] do something with it very often
 often people do something with it because they think like this about something: “I want this thing to be mine”
 often people do something with it because they think like this about someone: “I want this someone to do something”

B. TWO KINDS OF MONEY: COINS AND NOTES

- b. there are two kinds of ‘money’
 things of one kind are made [m] of something very hard [m], something shiny [m], like gold [m], like silver [m]
 they are very small, they are flat [m], they are round [m]
 someone can hold [m] many of them in one hand [m], someone can hold one of them with two fingers [m] of one hand

things of the other kind are made of something like paper [m]
they are not very small like the other kind, they are very thin [m], they are
straight [m] on all sides
someone can hold [m] many of them in one hand [m], someone can hold
many of them with two fingers [m] of one hand

C. WHEN SOMEONE HOLDS ONE NOTE/COIN ...

- c. when someone holds one of these things, they can see a number [m] on it
often they can see a word on it at the same time, a word like 'dollar'
(‘pound’, ‘euro’, etc.)
they can say about it: “it is this much”, they can say it with this number,
with this word
at the same time, they can see some other things on it; it can be some other
words, it can be something else
because of this, they can know in what country something can happen as
people want if they do something with it

D. WHEN MANY NOTES/COINS ARE IN ONE PLACE ...

- d. often when someone sees many of these things in one place, it is like this:
after a short time this someone can say about them all: “it is this much”
they can say it with number words if they say some other words at the same
time, words like 'dollar' (‘pound’, ‘euro’, etc.)

E. HOW IT OFTEN HAPPENS WHEN PEOPLE DO SOMETHING WITH MONEY

- e. when people do something with ‘money’, it often happens like this:
someone thinks like this:
“something can happen here as I want if I do something now with
‘money’ as someone else wants
before I do it, I have to know how much, this someone can say it to me”
because this someone thinks like this, they do something with the hand
when they do it, it is like this:
at one moment there is ‘money’ in this someone’s hand, it is this
someone’s
a moment after, this ‘money’ is not in this someone’s hand anymore,
it is in someone else’s hand
at the same time, it is not this someone’s anymore

F. HOW PEOPLE CAN THINK ABOUT MONEY

- f. because something like this often happens, when people see ‘money’
somewhere, they can think like this:
“it is someone’s now, it was someone else’s before, it can be
someone else’s later”

Before closing off this section, a reminder that we are not trying to explain what money “really is”, from the point of view of economics, philosophy, sociology, or anthropology. Ours is an exercise in the lexical semantics of ordinary words, as used by ordinary people in everyday contexts.

2.4. Explicating ‘have money-2’ (“have money” constructions)

As already mentioned, the word ‘money’ has also another sense, more abstract. It is this more abstract sense that is used when it is said, for example, that in the

modern world only a small portion of all the ‘money’ in a country takes the form of notes and cash. A common estimate is less than 5%.¹⁰ So, it is unsurprising that many everyday uses of the word ‘money’ are not about “cash money”, but about the less concrete ‘money-2’. See sentences (5)–(8), which are repeated here for convenience.

- (5) *They have a lot of money.*
- (6) *Mary has \$50,000 in the bank.*
- (7) *We are trying to save money for a house.*
- (8) *The university is very short of money.*

We will explicate the meaning ‘money-2’ in the context of have-constructions, such as those used in (5) and (6) above. Cross-linguistic research suggests that “have-possessive” constructions (and analogous constructions in other languages) typically have a topic-comment structure (cf. Stassen 2009: Ch 2). Taking a lead from this literature, as we done in relation to other so-called alienable possessive constructions (Goddard & Wierzbicka 2019), we propose that a sentence like *Mary has a lot of money* can be explicated as shown in [B1] below.

The explication begins with a line expressing the speaker’s intention to say something about a person (in this case, Mary), while the following components, introduced by ‘it is like this: ...’ depict a situation involving Mary. The have-construction, in essence, provides a way of framing a situation so it can be seen as about Mary.

The content of the situation is set out in components (c) and (d). They say, essentially, that if Mary wants, she is able to “lay hands” on much physical ‘money-1’ and that this ‘money-1’ will be hers and at her disposal. For background on the formulation of the (d) components, see Goddard and Wierzbicka (2016, 2019).

- [B1] *Mary has a lot of money-2.*
- a. [I want to say something about this someone (Mary), I say:]
 - b. it is like this:
 - c. if Mary wants, there can be much money-1 [m] in her hands [m]
 - d. she can say about it “it is mine”, she can do some things with it as she wants

Explication [B2] shows how this works with a designated amount of money.

- [B2] *Mary has \$10,000 (in the bank).*
- a. [I want to say something about this someone (Mary), I say:]
 - b. it is like this:
 - c. if Mary wants, there can be \$10,000 in her hands [m]
 - d. she can say about it “it is mine”, she can do some things with it as she wants

¹⁰ Briefly put, commercial banks create ‘money-2’ through their ability to lend much more money-2 than they hold in physical form, i.e., as money-1, cf. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Money_creation

As for negative sentences, such as *John has no money*, they can be explicated as shown in [B3]. The negative element appears in component (b).

- [B3] *John has no money-2.*
- a. [I want to say something about this someone (John), I say:]
 - b. it is not like this:
 - c. if this someone (John) wants, there can be money-1 [m] in his hands [m]
 - d. he can say about it “it is mine”, he can do some things with it as he wants

We note at this point that the ‘have money-2’ construction is needed as a semantic molecule in some explications, such as for the verb ‘pay’ (see §3.3 below), and probably for a great many other “money words”, both verbs and nouns alike.

3. How to do things with ‘money’: four English “money verbs”

Verbs like ‘buy’, ‘sell’, ‘pay’ and ‘costs’, often termed “commercial transaction” verbs, have attracted a fair amount from syntacticians on account of the fact that they can take up to four “arguments”, as shown by the underlined noun-phrases in (12a)–(12c) below (e.g. Croft et al. 2001, Hudson 2002, Levin & Rappaport Hovav 2005, Van Valin n.d.). The same sentences show another property, which can be seen as either syntactic or semantic according to one’s framework; namely, that there are systematic mappings or correspondences between the roles occupied by the noun-phrases. For this reason, ‘buy’ and ‘sell’ have sometimes been termed “relational antonyms” or “converses” (Cruse 1986). Frame Semantics (Fillmore & Atkins 1992, Ruppenhofer et al. 2016) recognises a distinct Commercial Transaction Frame with four frame-specific roles, and sees the various verbs as profiling or highlighting particular roles.

(12a) *John bought a car from Susan for \$6,000.*

(12b) *Susan sold her car to John for \$6,000.*

(12c) *John paid Susan \$6000 for her car.*

The interrelationships between ‘buy’, ‘sell’, ‘pay’ – and other “money verbs”, as we will term them – indeed pose a fascinating puzzle. In the following we will approach this puzzle head-on, by setting out to explicate these three verbs, and an additional one, ‘cost’, in sections §3.1–§3.4, respectively. All the explications employ ‘money-1’ or ‘have money-2’ as a semantic molecule.

3.1. Explicating ‘buy’

We will start with ‘buy’. Consider explication [C], for the sentence ‘John bought something (a shirt) today’ (for convenience, the explicated sentence is given in the past tense). The explication has a two-part structure. The first section sets out ‘What Happened’, and the next section gives a Prototypical Scenario for someone buying something.

In the ‘What Happened’ section, line (a) states that the actor (John) ‘did something as people often do when they do something with money-1 [m]’. In mentioning ‘money-1’ in this fashion the explication evokes or (to use a stronger word) activates that part of the explication of ‘money-1’ (namely, section [e]) that captures how people often do things with money.

The next two lines state that this resulted in something happening to something (a shirt): previously, this item was not John’s, afterwards it was. Notice that although ‘money-1’ (roughly, “cash”) is used to characterise ‘buying’ as a common “money act”, this does not entail that John necessarily used money-1 to make his purchase. The explication is fully compatible with use of credit card or bank transfer.

The ‘Prototypical Scenario’ section begins line (d): ‘often when someone does this, it is like this: ...’. Line (e) places the prototypical actor (the buyer) ‘in a place with some other people’, bringing to mind a place such as a market or a shop. Next, the lines in (f) spell out the prototypical actor’s mental state: thinking about ‘something in this place’ that ‘I want this thing to be mine’; assuming that ‘it can be mine if I do something with some money-1 as someone here says¹¹’; and understanding that ‘after I do it, this money-1 will not be mine anymore, it will be someone else’s; at the same time, this thing will be mine, as I want’. Component (g) essentially states that the buyer acts accordingly. The final component (h) rounds off the scenario by saying that as a result the buyer can then ‘do something with this thing, as they want’ (which would typically be to take hold of it) and that ‘a short time after’ the purchased item ‘is not in this place anymore, it is somewhere else’.

[C] *John bought something (a shirt) today*

WHAT HAPPENED

- a. this someone (John) did something today
as people often do when they do something with money-1 [m]
 - b. something happened to something (a shirt) because of it
 - c. before it happened, this thing was not John’s, afterwards it was John’s
- PROTOTYPICAL SCENARIO
- d. often when someone does this, it is like this:
 - e. this someone is in a place with some other people
 - f. this someone thinks like this about something in this place:
“I want this thing to be mine
it can be mine if I do something with some money-1
as someone here says
after I do it, this money-1 will not be mine anymore, it will be
someone else’s
at the same time, this thing will be mine, as I want”

¹¹ The phrase ‘as someone here says’ indicates that someone “on the scene” decides on the rules of transaction, in particular, the amount of money needed. It is part of our understanding of ‘money-1’ that when using money to get something to happen as one wants, one typically understands that ‘before I do it, I have to know how much, this someone here can say it to me’. See section [e] of explication [A].

- g. because this someone thinks like this, they do something with money-1 as people often do when they think like this
- h. after this, this someone does something with this thing, as they want a short time after this, this thing is not in this place anymore, it is somewhere else

Three further points should be noted. First, the explication will work for buying something while shopping, or buying tickets, or buying a sandwich for lunch, even though in such situations the goods, ticket, sandwich, etc., do not previously belong to the person who takes the money. Second, the Prototypical Scenario includes various additional details (e.g. being in a place where there are other people, the involvement of another person in this place, using one’s own money), but none of these details is obligatory. The explication remains applicable to buying something online, to buying something from a vending machine, to buying something on behalf of someone else, etc.

3.2. Explicating ‘sell’

This is an opportune time to observe, with Levin and Rappaport Hovav (2005: 20), that despite the emphasis in the syntax literature on the converse-like relationship of ‘buy’ and ‘sell’: “There are certain happenings that can be described using one verb, but not the other”. They point out although a sentence like *Chris bought a pack of cigarettes from the vending machine in the hall* is perfectly normal, it is not possible to describe the same event using the verb ‘sell’. They also note that, cross-linguistically, words for ‘sell’ are sometimes derived from ‘buy’, but not vice versa, e.g. German *kaufen, verkaufen*; Lakhota *ophéthu* ‘buy’, *liyópheya* ‘sell’; Tagalog *bili* ‘buy’; *mag-bili* ‘sell’ (Van Valin 1999: 387—388). They conclude: “Jointly these facts about *buy* and *sell* indicate that *buying* is in some sense more basic than *selling* and that *buy*’s meaning is perhaps properly contained in *sell*’s.”

We agree with this conclusion. The meaning of ‘sell’, to which we now turn, is indeed closely related to that of ‘buy’, but the relationship cannot be adequately captured by any statement about a switch in argument structure.

On our analysis, the explication of ‘sell’ has the same two-part structure as ‘buy’, but the overall meaning of ‘sell’ is more “transactional” than that of ‘buy’. The differences start as early as line (a), in the ‘What Happens’ section, where it is stated not only that the main actor (the seller) ‘did something’, but that they ‘did something with someone else’ (as people often do when they do something with money-1 [m]). That is, with ‘sell’ there are two co-participants on stage from the beginning: the seller and someone else; and, furthermore, in line (c), the change of ownership of the item is given in relation to both participants: i.e., before it belonged to the seller, afterwards it was ‘not this someone’s anymore, it was this other someone’s’.

As for the Prototypical Scenario, it too involves two participants, beginning with an exchange of speech acts. In component (e), the main actor offers the other person the opportunity to buy the item (saying, prototypically: “you can buy [m] this thing now”) and stating the desired price (“I want this much money”). The response, in (f), confirms that “I want to buy [m] it, I want it to be as you say”. The scenario concludes (g) with the participants acting accordingly.

[D] *Mary sold something (her bike) today (for \$250).*

WHAT HAPPENED

- a. this someone (Mary) did something with someone else today
as people often do when they do something with money-1 [m]
- b. something happened to something (a bike) because of it
- c. before it happened, this thing was this someone’s (Mary’s), afterwards
it was not this someone’s (Mary’s) anymore, it was this other
someone’s

PROTOTYPICAL SCENARIO

- d. often when someone does this, it is like this:
- e. this someone says to someone else:
“you can buy [m] this thing now
I say: I want this much money (e.g. \$250)”
- f. after this, this other someone says: “I want to buy it, I want it to be as
you say”
- g. after this, they do something with money-1

Two further remarks follow. First, as with the previous explication, the occurrence of ‘money-1’ in the first and last components does not entail that the transaction is necessarily done using money-1. The idea is rather that doing things with money-1 is a conceptual reference point for ‘selling’ (as it is with ‘buying’). Second, the exchange of speech-acts modelled in the prototypical scenario corresponds closely to what would be called “offer” and “acceptance” in conventional terminology.

3.3. Explicating ‘pay’

The verb ‘pay’ is important both in its own right and also because it is needed as a semantic molecule in explications of numerous other concepts, such as ‘wages’, ‘taxes’, ‘fees’, ‘fines’. Below we give explications for two different grammatical frames involving ‘pay’. Notably, both explications use the ‘have money-2’ construction. Compared with ‘buy’ and ‘sell’, they are more focussed on the transfer of money.

In [E1] we explicate the use of ‘pay’ with an amount of money in the object (post-verbal) position and a purchased item given in a *for*-phrase. The content of lines (a)–(c) will be familiar by now. The novel components are in (d), which introduces a particular way of thinking about the event. The “before-after” structure is reminiscent of a similar structure in the explication for ‘sell’, but here is the focus

is on the fact that before the transaction one party (the payer) had ‘more money’ (\$80 more) and afterwards ‘someone else’ had more money (\$80 more).¹²

[E1] *John paid-1 \$80 for it (a shirt).*

- a. this someone (John) did something
as people often do when they do something with
money-1 [m]
- b. this someone did it because he wanted to buy [m] something (a shirt)
- c. when this someone did it, something happened because of it
- d. people could think about it like this:
“before this happened, this someone had more money
(\$80 more)
after it happened, someone else had more money
(\$80 more)”

As a small point of detail, the wording of line (b) allows for the situation in which John paid for the shirt but never received it.¹³

The sentence explicated in [E2] is different in two ways. First, it has a ‘payee’ person as an indirect object and this is reflected in the inclusion, in line (a), of the phrase ‘with someone else’. Second, it is not about buying something but rather about paying someone to do something, as stated in line (b). The remaining components in (c) and (d) are the same as in [E1].

[E2] *John paid-2 Mary \$50 (for mowing the lawn).*

- a. this someone (John) did something with someone else (Mary)
as people often do when they do something with money-1 [m]
- b. this someone did it because he wanted this someone else to do
something
- c. when this someone did it, something happened because of it
- d. people could think about it like this:
before this happened, this someone had more money
(\$50 more)
after it happened, this someone else (Mary) had more money
(\$50 more)

The two explications do not exhaust the grammatical versatility of the verb ‘pay’. For example, there is a third frame which takes a complex lexical item (such as ‘fine’, ‘taxes’, ‘fee’, ‘bribe’, etc.) as direct object, e.g., ‘Mary paid her library fine/taxes’. We prefer to avoid this frame here, since to deal with it adequately would mean unpacking the lexical semantics of the nouns.

¹² As a point of clarification, the NSM metalanguage includes the semantic prime MORE, but there is no converse element ‘less’; for discussion, see Wierzbicka (1996: 76–78).

¹³ A related sentence pattern with ‘pay-1’ focusses on a place, e.g. ‘Where do I pay?’, ‘Pay at the counter’. We will not explicate such sentences here, but they presumably depend on the fact that the prototypical scenario for buying involves money changing hands, which in turn implies a specific place and time; see explication [C].

3.4. Explicating ‘it costs’

Finally, we present explications for the verb ‘(it) costs’, in two grammatical frames. For reasons of space, we will provide only minimal discussion. The main points of interest are that, on our analysis, ‘pay’ is a semantic molecule in both the explicated frames for ‘costs’, and in the first frame, so too is ‘buy’. The verb ‘costs’ is unusual from a syntactic-semantic point of view, in that it re-packages information about how much someone has to pay (the price) for something as information about that something.

Paralleling [E1] in this regard, in the [F1] frame ‘it costs’ says how much money one has to pay to ‘buy’ something. In the [F2] frame it says how much money one has to ‘pay’ in order to do something. The verb has a quasi-objective or factual quality, modelled in the explication by the initial ‘it is like this’ component and by the final ‘people can know that it is like this’.¹⁴

[F1] *It (= this thing) costs \$5.50.*

- a. it is like this:
- b. if someone wants to buy [m] this thing, they can’t not pay [m] this much: \$5.50
- c. people can know that it is like this

[F2] *It costs \$500 (to do it), e.g., to fly to Sydney.*

- a. it is like this:
- b. if someone wants to do this, they can’t not pay [m] this much: \$500
- c. people can know that it is like this

4. Discussion

4.1. Conceptual dependencies in the lexicon of “money words”

From a general theoretical point of view, the analysis presented in this study demonstrates the architecture of the NSM model of lexical-conceptual complexity, i.e., the way in which conceptual complexity is built up by way of nestings of molecules within molecules. The study also demonstrates how chains of conceptual dependency can be established, in a non-arbitrary fashion, by disciplined NSM semantic analysis. For example, we have seen that among the “money verbs”, the most basic is ‘buy’ and that it functions as a semantic molecule in the explications for ‘sell’ and ‘pay-1’. Both ‘sell’ and ‘pay-1’ can therefore be regarded as conceptually dependent, in part, upon ‘buy’. After ‘buy’, it appears that ‘pay-1’ is the next most important verbal molecule, not only in explications for ‘costs’, but presumably in the explications of various “money nouns”, such as ‘wages’, ‘fine’, ‘taxes’, ‘fee’, and ‘bribe’, not considered here.

¹⁴ In these respects, the verb ‘costs’ seems similar to ‘weighs’, in sentences like ‘It weighs 100 kilos’. If there is a postverbal NP identifying a specific person, e.g., *Lunch costs me \$15 every day*, *It cost Mary \$5.50 to get to work by bus*, the first line of (b) begins with ‘when’ rather than ‘if’, and the specific person appears in the place of ‘someone’.

Much future work will be needed to explore and map out the architecture and chains of conceptual dependency within the sprawling domain of “money words”. See Table 1 for a partial tabulation. As indicated by the number of starred expressions in this Table, we have only just scratched the surface.

**money* | *coins, notes, cash, change* | *dollar, cent, pound, currency* | **buy, *pay, *sell, *cost, spend, charge, afford* | *bank, cheque, credit, credit card, on credit, deposit, withdrawal* | **have money, make money, lose money, save money, savings* | *customer, vendor* | *stingy, miser, spendthrift* | *owe, loan, IOU, debt, in debt, interest* | *profit, employee, staff, consumers* | *price, fare, bill, toll, discount, on sale, bargain, refund, free (of charge), freebie* | *receipt, invoice* | *cheap, expensive* | *bargaining, haggling* | *advertising, marketing, sale, auction* | *rent, hire, bond, deposit, down payment, mortgage* | *fine, fee, taxes* | *wages, salary, pension* | *repairs, damages, compensation* | *income, expenditure, revenue, royalties, commission* | *shop, shopping, store, supermarket* | *market, market place* | *goods, retail, wholesale, merchandise, products, services* | *fund, invest, stocks, shares, bonds, securities, capital* | *trade, tariff, levy* | *bet, wager, gambling* | *bribe, bribery, kickback, extortion, blackmail, ransom, embezzlement, fraud, scam, counterfeit* | *subsidy, donation, scholarship, grant, allowance, alms* | *inflation, recession, exchange rate, interest rate* | *accountant, treasurer, audit, bankrupt, insolvent* | *welfare, superannuation, insurance* | *company, business(es), corporation (corporate), entrepreneur, monopoly* | *commerce (commercial)* | *finance, financial (gain, support, etc.); fiscal (policy)* | **the economy, economist, economic (growth, reforms, relationship, etc.*

Table 1: Partial grouped listing of “money words” and related expressions in English

(* = explicated in this or previous studies)

The foundational semantic molecule of the entire domain is, of course, ‘money’. In itself, this observation is hardly surprising. What is surprising, it seems to us, is the semantic complexity of the ‘money’ concept itself and the way in which it turns out to harbour so many assumptions and presuppositions that are subsequently inherited or propagated across the entire “money lexicon”.

In view of these considerations, it should be plain that conventional linguistic treatments of “economic transaction verbs” that simply use MONEY, or some other proxy term, as an unanalysed element fall far short of conceptual and explanatory adequacy.

4.2. ‘Money’ in everyday economic thinking

Stepping away from linguistics in the narrow sense, we would like to think that the conceptual-semantic analyses conducted in this study can contribute to an improved understanding of everyday economic thinking and of everyday discourse about economic matters.

In today's world there is scarcely any aspect of everyday life which is not touched in some way by “economic realities” and, accordingly, any discussion or thinking about people's lives and “life worlds” (to borrow a phrase from Habermas) is almost inescapably tied up with words and concepts about money.¹⁵ People need to keep track of their money and, if possible, make wise decisions and plan for the future. They need to understand and, if possible, have some control over matters such as their debts and savings, taxation, mortgages, and planning for retirement. Children need to learn basic concepts and skills of money management. And all the time, the public space is saturated by politically contested discourse about the ‘economy’ (Goddard & Sadow 2021). It is perhaps no exaggeration to say that ‘money’ is the paramount “cultural artefact” of contemporary life.

Though we cannot pursue the matter here, it is arguable that a good deal of everyday economic thinking is naïve and not “fit for purpose”, based as it is on the everyday concept of ‘money-1’, as explicated in this paper. Theoreticians in economics, sociology, anthropology, and ethics have repeatedly emphasised the human and social dimensions of money — asserting that money depends on “social relations”, or on “trust”, or on “power”, making it a historically and culturally contingent construct rather than a self-standing objective reality (cf. overviews in Ingham 2004, Gilbert 2005, Mauer 2006, Mellor 2010, Graeber 2011, Smith & Wilson 2019). Nevertheless, it seems indisputable that such considerations have hardly any impact on the way most people think about money, most of the time. Even economists spend most of their time modelling the economy in quantitative terms – accepting, rather than questioning, the hidden assumptions and human dimensions behind the “money system”.

4.3. Humanomics and NSM

Here we want to acknowledge the important new project known as Humanomics (Smith & Wilson 2019), which sets out to re-think “economics through the lens of the humanities and humanity through the lens of economics” (Humanomics website, Chapman University). It aims at rehumanising economics by emphasising the central role of people, their feelings, and their wants, in all kinds of human transactions.

A new body of interdisciplinary work in this field applies the NSM methodology to unpacking the principles of economics as theorised by Adam Smith (1776) in his foundational treatise *The Wealth of Nations* (Wilson & Farese In press a, in press b). Not only does this allow the moral and ethical (humanistic) aspects of Adam Smith's thinking to be re-discovered, it also – by virtue of the lexical simplicity and cross-translatability of the NSM primes – opens the way to making some of the fundamentals ideas of economic thinking accessible to non-experts all over the world. There are many remarkable correspondences between Adam

¹⁵ This observation applies not only to the plain or literal uses of “money words” and “money concepts”, as studied in this paper, but also to their extended, figurative and metaphorical uses, which are equally worthy of study (cf. Mooney 2018, Tomoni 2012).

Smith's thinking and the semantic-conceptual analysis presented in this paper (Farese & Wilson Forthcoming).

Smith's (1776: Ch 4) discussion of money builds on the notion, discussed in his Plan of Work, that people want to have things of two kinds: "necessaries" – things people can't do without if they want to live well, e.g., water, – and "conveniences" – things people want because having these things makes them feel good, e.g., jewels, cars. Since people cannot obtain all the different things they want as products of their own work, they sometimes need to be somewhere with other people in order to exchange things which they have for other things which other people have. The universal instrument of exchanging things is money, and the 'market', in its primary physical meaning, is the prototypical place of sociality where individual needs and wants can be satisfied. Farese and Wilson's (forthcoming) analysis shows that certain concepts recur consistently in Smith's (1776) treatise and, significantly, that these correspond exactly to many NSM primes, specifically: PEOPLE, SOMETHING~THING, KIND, PLACE, BE SOMEWHERE, DO (something with other people), SAY (in transactions), FEEL, and of course, WANT and (BE) MINE. By emphasising the salience of human feelings and human sociality in economic transactions, Smith put people at the centre of economic thinking. His view of economics as simultaneously the science of the individual (someone who wants to satisfy his or her needs) and the social (people doing things with other people) is in sharp contrast with prevailing utilitarian views of economics.

The explications for three kinds of economic transactions – 'buying', 'selling' and 'paying' – presented in this study illustrate the effectiveness of the NSM toolkit when applied to economic concepts.

5. Concluding remarks

It is interesting to reflect on the future of money and "money concepts" in the coming years and decades. Many prosperous countries are becoming increasingly "cashless", a trend intensified by the coronavirus pandemic that officially started in 2020. Even in these countries, however, physical, concrete 'money-1' continues to exist and to circulate, and the economic landscape is still populated with visual and virtual symbols of notes and coins. Similarly, digital crypto-currencies such as Bitcoin have no physical form, yet the nomenclature and symbolisation is still parasitic upon traditional money words and symbols. [Note ¹⁶] One wonders how long this leveraging on the past can continue and what manner of conceptual overhaul may lie ahead, especially in view of the global climate crisis which will dominate coming decades. More than ever, we think, the world needs clear, explicit and translatable ways to speak about "money matters" in human terms.

¹⁶ Crypto-currencies depend on distributed digital record-keeping (blockchain) and are not reliant on the laws and authorities of individual countries. Even so, a websearch for Bitcoin (BTC), Ethereum (ETH), Litecoin will show coin-like images and symbols, such as ₿ and Ł, analogous to those used with traditional money.

Acknowledgments

Earlier versions of this paper were presented at the annual conference of the Australian Linguistic Society 2019 (ALS2019, December 11), and at the UK Cognitive Linguistics Conference 2020 (UKCLC2020, July 28). We thank the participants of both conferences for comments received.

REFERENCES

- Croft, William, Chiaki Taoka & Esther J. Wood. 2001. Argument linking and the commercial transaction frame in English, Russian and Japanese. *Language Sciences* 23. 579–602.
- Cruse, D. Alan. 1986. *Lexical Semantics*. Cambridge University Press.
- Farese, Gian Marco & Bart J. Wilson. Forthcoming. *The Conceptual Semantics of “Money” and “Exchangeable Value of Goods” in the Wealth of Nations*.
- Fillmore, Charles J. & Beryl T. Atkins. 1992. Towards a Frame-based organization of the lexicon: The semantics of RISK and its neighbors. In A. Lehrer & E. Kittay (eds.), *Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization*, 75–102. Hillsdale: Lawrence Erlbaum.
- Gilbert, Emily. 2005. Common cents: Situating money in time and place. *Economy and Society* 34(3). 357–388.
- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018a. Anna Wierzbicka, words and the world. *Russian Journal of Linguistics* 22 (3). 499–520. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520>
- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018b. Anna Wierzbicka, language, culture and communication. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 717–748. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748>
- Goddard, Cliff. 2009. The conceptual semantics of numbers and counting: An NSM analysis. *Functions of Language* 16(2). 193–224.
- Goddard, Cliff. 2018. *Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage: Exploring Language, Thought and Culture Using Simple, Translatable Words*. Leiden: Brill.
- Goddard, Cliff. 2018. A semantic menagerie: The conceptual semantics of ethnozoological categories. *Russian Journal of Linguistics* 22(3). 539–559. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-539-559>
- Goddard, Cliff. 2021. Natural Semantic Metalanguage. In Xu Wen & J. R. Taylor (eds.), *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*, 93–110. London: Routledge.
- Goddard, Cliff & Lauren Sadow. 2021. It’s “the economy”, stupid! The everyday semantics of a geopolitical key word. *Journal of Postcolonial Linguistics* 5(1). 226–238. iacpl.net/jopol/issues/journal-of-postcolonial-linguistics-52021/its-the-economy-stupid (accessed 12 December 2021).
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2014. *Words and Meanings. Lexical Semantics Across Domains, Languages and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2016. ‘It’s mine!’. Re-thinking the conceptual semantics of “possession” through NSM. *Language Sciences* 56. 93–104. <https://doi.org/10.1016/j.ijcac.2016.05.002>
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2019. Cognitive semantics, linguistic typology and grammatical polysemy: “Possession” and the English genitive. *Cognitive Semantics* 5. 224–247. <https://doi.org/10.1163/23526416-00502003>
- Goddard, Cliff, Anna Wierzbicka & Zhengdao Ye. In press/2022. Natural Semantic Metalanguage. In Fuyin Thomas Li (ed.), *Handbook of Cognitive Semantics*. Leiden: Brill.

- Graeber, David. 2011. *Debt: The First 5,000 Years*. London: Melville House.
- Hudson, Richard. 2002. Buying and selling in Word Grammar. Ms. <https://dickhudson.com/wp-content/uploads/2013/07/buying.pdf> (accessed 12 December 2021).
- Ingham, Geoffrey. 2004. *The Nature of Money*. Cambridge: Polity.
- Jackendoff, Ray. 1990. *Semantic Structures*. MIT Press.
- Levin, Beth & Malka Rappaport Hovav. 2005. *Argument Realization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Maurer, Bill. 2006. The anthropology of money. *The Annual Review of Anthropology* 35. 15–36.
- Mellor, Mary. 2010. *The Future of Money. From Financial Crisis to Public Resource*. Pluto Press.
- Mooney, Annabelle. 2018. *The Language of Money: Proverbs and Practices*. London: Routledge.
- Ruppenhofer, Josef et al. 2016. *FrameNet II: Extended Theory and Practice*.
- Smith, Adam. 1776 [1981]. *The Wealth of Nations*. (Full title: *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*). Vols 1 and 2. Indianapolis, IN: Liberty Fund.
- Smith, Vernon L. 2015. Humanomics of Adam Smith. *The Adam Smith Review* 8. 161–174.
- Smith, Vernon L. & Bart J. Wilson. 2019. *Humanomics: Moral Sentiments and the Wealth of Nations for the Twenty-First Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stassen, Leon. 2009. *Predicative Possession*. Oxford: Oxford University Press.
- Tomoni, Bianca. 2012. Using money metaphors in banking discourse: Three possible scenarios. *Metaphor and the Social World* 2(2). 201–232.
- Val Valin, Robert. n.d. Generalized semantic roles and the syntax-semantics interface. <https://pdfs.semanticscholar.org/7847/d4c60915ce0c43f8762a5aad838860683424.pdf> (accessed 12 December 2021).
- Wierzbicka, Anna. 1985. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma.
- Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2006. *English: Meaning and Culture*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2014. *Imprisoned in English: The Hazards of English as the Default Language*. New York: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2015. The idea of a ‘spoon’: Semantics, prehistory, and cultural logic. *Language Sciences* 47(A). 66–83. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2014.08.005>
- Wierzbicka, Anna. 2021. Semantic primes: Fifty years later. *Russian Journal of Linguistics* 25(2). 317–342. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342>
- Wilson, Bart J. 2020. *The Property Species. Mine, Yours and the Human Mind*. New York: Oxford University Press.
- Wilson, Bart J. & Gian Marco Farese. In press a. What did Adam Smith mean? The Semantics of the Wealth of Nations. In P. Sagar (ed.), *Smith After 300 Years*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Wilson, Bart J. & Gian Marco Farese. In press b. A universally translatable explication of Adam Smith’s famous proposition on “the Extent of the Market”. *Journal of History of Economic Thought*.

Internet resources

- Humanomics website, Chapman University. <https://www.chapman.edu/research/institutes-and-centers/smith-institute-for-political-economy-and-philosophy/academics-and-research/humanomics.aspx> (accessed 12 December 2021).

Article history:

Received: 18 August 2021

Accepted: 14 December 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 августа 2021

Дата принятия к печати: 14 декабря 2021

Bionotes:

Cliff GODDARD is Professor of Linguistics at Griffith University (Australia). He has published widely on descriptive and theoretical semantics, ethnopragmatics and language description. His latest books are *Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage* (2018, Brill) and *Minimal Languages in Action* (2021, Palgrave). With Anna Wierzbicka, he is co-author of *Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages & Cultures* (2014, OUP). He is a Fellow of the Australian Academy of Humanities.

Contact information:

School of Humanities, Languages and Social Science

Griffith University, Brisbane Queensland 4111 Australia

e-mail: c.goddard@griffith.edu.au

Anna WIERZBICKA is Professor of Linguistics (Emerita) in the School of Literature, Languages, and Linguistics at Australian National University. Her work spans a number of disciplines, including anthropology, psychology, philosophy and religious studies, as well as linguistics, and has been published in many journals across all these disciplines. She has published over twenty books, including *English: Meaning and Culture* (2006, OUP), *Imprisoned in English* (2014, OUP), *What Christians Believe: The story of God and people in Minimal English* (2019, OUP) and *Vo chto verjat xristiane? Istorija Boga i ljudej* (2021, Izdatel'skij Dom JaSK). She is a Fellow of the Australian Academy of the Humanities, the Australian Academy of Social Sciences, the Russian Academy of Sciences and the Polish Academy of Arts and Sciences.

Contact information:

Australian National University

Canberra, ACT, 2602, Australia

e-mail: anna.wierzbicka@anu.edu.au

Gian Marco FARESE is a tenure-track researcher and lecturer in English linguistics in the Department of Language Mediation and Intercultural Communication at the University of Milan, Italy. His research interests include the language-culture interface, cross-linguistic semantics, intercultural pragmatics, translation studies, linguistic anthropology and cognitive linguistics. In addition to a number of book chapters and articles in international linguistics journals, he is the author of two monographs: *The Cultural Semantics of Address Practices* (2018, Lexington) and *Italian Discourse. A Cultural Semantic Analysis* (2019, Lexington).

Contact information:

University of Milan

Piazza Indro Montanelli, 1 – Mediapolis

20099 Sesti San Giovanni (MI), Italy

e-mail: gianmarco.farese@unimi.it

Сведения об авторах:

Клифф ГОДДАРД – профессор лингвистики в Гриффитском университете (Австралия), автор многочисленных трудов в области описательной и теоретической семантики, этнопрагматики и описания языка. Его новейшие публикации – монографии “Ten Lectures on Natural Semantic Metalanguage” (Brill, 2018) и “Minimal Languages in Action” (Palgrave, 2021). Он также опубликовал книгу “Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages & Cultures” (OUP, 2014) в соавторстве с Анной Вежбицкой. Является членом Австралийской академии гуманитарных наук.

Контактная информация:

School of Humanities, Languages and Social Science
Griffith University, Brisbane Queensland 4111 Australia
e-mail: c.goddard@griffith.edu.au

Анна ВЕЖБИЦКАЯ – профессор (эмерит) Института литературы, языков и лингвистики Австралийского национального университета. Ее научные интересы охватывают целый ряд дисциплин, включая антропологию, психологию, философию и религиоведение, а также лингвистику. Ею опубликовано большое количество статей в журналах по данным направлениям, а также более двадцати книг, включая: “English: Meaning and Culture” (2006), “Imprisoned in English” (2014), “What Christians Believe: The story of God and people in Minimal English” (2019) и «Во что верят христиане? История Бога и людей» (2021). Она член Австралийской академии гуманитарных наук, Австралийской академии общественных наук, Российской академии наук, Польской академии знаний.

Контактная информация:

Australian National University
Canberra, ACT, 2602, Australia
e-mail: anna.wierzbicka@anu.edu.au

Джан Марко ФАРЕЗЕ – научный сотрудник и преподаватель кафедры языковой медиации и межкультурной коммуникации Миланского университета (Италия). В сферу его научных интересов входят взаимодействие языка и культуры, кросскультурная семантика, межкультурная прагматика, переводоведение, лингвистическая антропология и когнитивная лингвистика. Он автор ряда статей и глав в коллективных монографиях, а также книг “The Cultural Semantics of Address Practices” (2010) и “Italian Discourse. A Cultural Semantic Analysis” (2019).

Контактная информация:

University of Milan
Piazza Indro Montanelli, 1 – Mediapolis
20099 Sesti San Giovanni (MI), Italy
e-mail: gianmarco.farese@unimi.it

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-26460>

Research article

Phylogenetic trees: Grammar versus vocabulary

Vladimir N. POLYAKOV¹, Elena A. MAKAROVA¹ ,
Valery D. SOLOVYEV²

¹*Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Kazan Federal University, Kazan, Russia*

MakarovaEA@iling-ran.ru

Abstract

Traditionally, genealogical relationships between languages are established on the basis of phonetic and lexical data. The question whether genealogical relationships among languages can be defined based on grammatical data remains unanswered. The objective of this article is to compare two phylogenetic trees: one built using the Automated Similarity Judgment Program (ASJP) project, and one using the World Atlas of Language Structures (WALS). We include data from WALS representing 27 languages from 5 language families of all continents that are deemed to be sufficiently well described. A Hamming distance matrix was calculated for all languages under study, and, based on the matrix, a phylogenetic tree was built. The trees built according to WALS and ASJP data are compared with each other and with a tree built by the classical comparative historical method. Both the ASJP-based tree and the WALS-based tree have their advantages and disadvantages. The ASJP-based tree is a good reflection of the evolutionary divergence of languages. Similarities of languages as calculated based on the typological database of WALS can provide information on the history of languages both in terms of genealogical descent and contact with other languages. The ASJP-based tree reflects genealogical relationship well at a relatively small time depth, while the WALS-based tree reflects genealogical relationship well at large time intervals. We suggest a new variant of a phylogenetic tree that includes information on both the divergence (ASJP project) and the convergence (WALS project) of languages, combining the benefits of both of these trees, although the problem of borrowings remains. The present research reveals prospects for future studies of genealogical relations among languages based on large-scale descriptions of their grammatical structures.

Keywords: *typology, quantitative linguistics, computational linguistics, historical linguistics, phylogenetics*

For citation:

Polyakov, Vladimir N., Elena A. Makarova & Valery D. Solovyev. 2022. Phylogenetic trees: Grammar versus vocabulary. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 31–50. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-276460>

Научная статья

Филогенетические деревья: грамматика против словаря

В.Н. ПОЛЯКОВ, **Е.А. МАКАРОВА**¹ , **В.Д. СОЛОВЬЕВ**²

¹*Институт языкознания РАН, Москва, Россия*

²*Казанский федеральный университет, Казань, Россия*

MakarovaEA@iling-ran.ru

Аннотация

Традиционно генеалогические отношения между языками устанавливаются на основе фонетических и лексических данных. Вопрос о том, можно ли определить генеалогические отношения между языками на основе грамматических данных, остается без ответа. Цель этой статьи – сравнить два филогенетических дерева: одно построено с использованием проекта Автоматизированной программы оценки сходства (ASJP), а другое – с использованием Всемирного атласа языковых структур (WALS). Мы включаем данные из WALS, представляющие 27 языков из 5 языковых семей всех континентов, которые достаточно хорошо описаны. Для всех исследуемых языков была рассчитана матрица расстояний Хэмминга и на ее основе построено филогенетическое дерево. Деревья, построенные по данным WALS и ASJP сравниваются между собой и с деревом, созданным с опорой на классический сравнительно-исторический метод. И у дерева на основе ASJP, и у дерева на основе WALS есть свои преимущества и недостатки. Дерево на основе ASJP указывает на расхождение языков в процессе эволюции. Сходство языков, рассчитанное на основе типологической базы данных WALS, может предоставить информацию об истории языков как с точки зрения генеалогического происхождения, так и с точки зрения контакта с другими языками. Дерево на основе ASJP хорошо отражает генеалогическое родство на относительно небольшой временной глубине, а дерево на основе WALS – на больших временных интервалах. Мы предлагаем новый вариант филогенетического дерева, который включает информацию как о дивергенции (проект ASJP), так и о конвергенции (проект WALS) языков, объединяя преимущества обоих этих деревьев, хотя при этом остается проблема учета заимствований. В настоящей работе обозначены перспективы будущих исследований генеалогических отношений между языками на основе крупномасштабных описаний их грамматических структур.

Ключевые слова: *типология, количественная лингвистика, компьютерная лингвистика, историческая лингвистика, филогенетика*

Для цитирования:

Polyakov V.N., Makarova E.A., Solovyev V.D. Phylogenetic trees: Grammar versus vocabulary. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 1. P. 31–50. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26460>

Introduction

In this paper we are interested in the extent to which structural features of languages are useful for language classification. We are not looking for a replacement of traditional methods of language classification, but we are interested

in learning more about whether structural features can constitute a useful alternative or complement. Claims to this effect exist and deserve to be investigated, and there is a growing body of structural data available which deserve exploration.

As tools for depicting the similarity of languages calculated either through the comparison of lexical or structural features we will be using tree diagrams. Often we use the term ‘phylogenetic tree’ to refer to these tree diagrams, even if not all aspects of the trees can be interpreted as depicting evolutionary relationships. Strictly speaking, the trees should be referred to as ‘phenetic’ rather than ‘phylogenetic’ trees. We urge the reader to keep in mind this broad and relatively vague use of the term ‘phylogenetic’.

The problem of defining the genealogical relationship of languages based on grammatical data has a long history. By the 20th century linguists had become aware of structural similarities among languages and were discussing how to interpret them (Trubetzkoy 1939, Benveniste 1954). The dominant point of view in modern linguistics is that genealogical relationships among languages can be established only by the comparative method, through comparisons of lexical and grammatical morphemes, whereas structural features of a language are believed to be more prone to borrowing and, consequently, cannot be a reliable source for defining the family connections between languages. Nevertheless, the discussion about the usefulness of typological features in historical linguistic research is not closed, and it is not much more than a decade ago that sufficiently large databases have become available so as to provide fodder for substantive discussion of the matter. In the following we will briefly review the pertinent literature.

The first attempt to identify deep genealogical relations among languages based on 31 typological features and modern phylogenetic methods was in Dunn & Foley & Levinson & Reesink & Terrill (2005). A discussion ensued between defenders of this approach (Dunn et al. 2007, Dunn et al. 2008) and critics, who argued that structural similarities are prone to come about through contact (Donohue & Wichmann & Albu 2008, Gray & Bryant & Greenhill 2010, Donohue et al. 2011, Wichmann & Holman 2010).

Among those doubting that typological features might finally give us the holy grail of historical linguistics, which is to reach further down in time than the traditional comparative method allows, there have been some who nevertheless paid attention to the utility of typological features in historical linguistic research, showing that more stable features can at least lead to better classification results than some less stable features (Wichmann & Saunders 2007), and it has been shown that many typological features have a rate of change comparable to what has been inferred by lexicostatistics (Swadesh 1955) for the basic lexicon (Wichmann & Holman 2009).

One of the studies that leaves some potential room for typological features to contribute productively to language classification, even if they might not be suitable for establishing far-flung relationships, is Holman et al. (2008). Here it was shown

that a similarity measure based on both typological and lexical data, weighted such that the typological data accounted for one quarter of the measure and lexical data accounted for three quarters, led to better results than use of lexical data alone. It is still an open question how to explain this result. Perhaps it is the mere addition of more data that caused the improvement. Possibly the sensitivity of the typological features to areal influence could have a positive effect on the classifications inasmuch as geography does influence family trees, genealogical closer languages tending to also be geographically closer than more distantly related languages. It may also be the case that typological features do exhibit a sufficient genealogical signal (in addition to the areal signal) to be directly phylogenetically informative.

In 2009, a study was conducted (Polyakov et al. 2009) one of whose goals was to compare phylogenetic trees built on lexical and phonetic data of ASJP and on structural data from two typological databases: WALS (Dryer & Haspelmath 2013) and the database known as “Languages of the World”, compiled at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Anisimov et al. 2013). The study demonstrated a considerable advantage of the lexical and phonetic data of ASJP compared to the structural data from WALS and “Languages of the World” with respect to the quality of the language classification based on these different datasets.

Some applications of computational methods in historical linguistics have tried to emulate the framework of the comparative method that developed in the wake of works such as (Bopp 1885) more than a century ago (Ringe, Warnow & Taylor 2002, Nakleh, Ringe & Warnow 2005). Most computational linguistic phylogenies, however, are based on standard lists of concepts, following in the tradition of lexicostatistics (Swadesh 1950, 1952, 1955, Burlak & Starostin 2005) but using modern character- or distance-based algorithms for inferring the trees (Dunn 2015, Wichmann 2017a). Among character-based methods, Bayesian ones in different software realizations such as MrBayes, BayesTraits or BEAST (e.g., Pagel & Meade 2006) are routinely used, and have served to produce phylogenies of several language families including Austronesian (Gray & Jordan 2000), Chapacuran (Birchall, Dunn & Greenhill 2016), and Dravidian (Kolipakam et al. 2018), even if a simulation study indicated that another type of algorithm (Maximum Parsimony) may actually perform better (Barbançon et al. 2013).

Distance-based methods usually involve string similarities (Rama & Borin 2015) and have also been used in the classification of many families, including Austronesian (Wichmann & Rama 2018), just to mention one. Since such methods do not require the assumption that the languages to be classified are related, they have moreover been applied to a large subset of the entire range of the world’s languages (Müller et al. 2013). It deserves mentioning that the linguistic distances feeding into distance-based phylogenetic methods also have a potential for investigations of other aspects of language dynamics (Wichmann & Good 2014), such as processes of language divergence (Holman & Wichmann 2017) or the modeling of historical linguistic processes (Wichmann 2017b).

Finally, and closer to the spirit of the present paper, grammatical features have also sometimes been drawn upon for phylogenetic inferencing, e.g., Longobardi et al. (2015). Moreover, such features have been used to find genealogical relationships among languages (Polyakov et al. 2016), for identifying cases of language contact, and for dating language divergence (Solovyev 2009). Using grammatical features for these kinds of historical linguistic purposes is a recent endeavor, so it seems quite reasonable to expect some new results and further developments. For instance, there are types of structural traits that have not yet been used for such purposes, including morphological data.

In the present paper, we wish to continue the discussion about the usefulness of typological features for linguistic phylogenetics. After describing how our data were selected, we build a based on typological data from WALS and contrast it with a tree based on lexical ASJP data. As mentioned, Holman et al. (2008) obtained meaningful results by mixing the two types of data, but we do not carry out a similar exercise here because when mixing the two kinds of data it becomes unclear what the contribution is of each to the results.

1. Materials and methods

1.1. Materials

The present study is based on materials from the two currently largest published linguistic databases (i.e. databases that embrace the biggest number of languages): ASJP (Wichmann, Holman & Brown 2016) and the World Atlas of Language Structures (WALS¹) (Dryer & Haspelmath 2013).

ASJP was officially launched in 2008 (Brown et al. 2008). It is a project based on the application of computational methods in comparative linguistics using 40-item lists of basic vocabulary of languages. At present, ASJP contains word lists from about 7000 existing languages and dialects, including creole languages, pidgins, mixed languages, and language isolates, and it is constantly being broadened.

One of the original goals of the ASJP project was to create a universal method that would allow linguists to automatically calculate the similarity of words with the same meaning in different languages, and, based on that, to define genealogical relationships among languages, including as yet unclassified ones. In addition, other foci of research has emerged from this project, including the identification of homelands of language families (Wichmann, Müller & Velupillai 2010a), the evaluation of different phylogenetic methods (Wichmann & Holman 2010b), and others.

Pompei, Loreto & Tria (2011) presents an objective analysis of the performance of ASJP. The authors of the study compared phylogenetic trees built

¹ We used the data from the WALS Program (Dryer and Haspelmath 2013), which, largely coincides with the ALS Online version.

on the methods and database of ASJP with trees built manually based on Ethnologue (Lewis 2009). While the performance of ASJP was found to be variable it remains the only existing project allowing linguists to quickly build a phylogenetic tree for any set of languages.

The WALS typological database was developed in 2005 (Haspelmath et al. 2005). The first version of this project, as embodied in the WALS Program, contained data on 2560 languages and 140 features. Later, in 2011, the authors released the online version (Dryer & Haspelmath 2013), which now exhibits 2679 languages and 192 features. The project was originally undertaken by 55 specialists.

WALS Online ensured consistency with the first version in terms of language codes and feature numbers. Since its creation, WALS has been used in a great number of studies, such as (Coloma 2017), to name but one recent paper, and this number keeps growing. Unfortunately, many languages, both in the WALS Program and in WALS Online, are incompletely attested. The fact that it represents a sparse data matrix requires users embarking on any kind of statistical analysis to implement a selection procedure. (Polyakov et al. 2016) contains a detailed description of a procedure for cleaning WALS data and selecting languages based on their degree of attestation, and we follow the same procedure here.

As a first step it is necessary to filter some features and feature values of WALS for the specific purpose at hand. The original goals of WALS would have been broader than that of facilitating a structural comparison of languages. In fact, it was designed by typologists and clearly not intended for phylogenetic uses. Therefore, the database includes lexical features relating to the encoding of lexical categories such as ‘hand’, ‘arm’, ‘finger’, numerals, colors, and ‘tea’. These features evidently have nothing to do with the structure of a language, and for this study, they were all excluded from the list of features that were compared for different languages. Furthermore, WALS also includes two features describing categories of sign languages. These features also were not taken into consideration. Finally, the values of some features, like ‘other’ and ‘not reported,’ which do not necessarily denote the same phenomenon in different languages, will introduce noise into comparisons. These values were also excluded from our data. The present work applies these filters.

Next, also following (Polyakov et al. 2016), we select language pairs according to the following criteria, which should all be satisfied: (1) at least 26 features are attested for both languages; (2) at least 65% of the feature values match; (3) the pair should be above a regression line within the space of shared values as a function of overlapping features fitted such that all pairs involving unrelated languages are below the line; (4) one member of the pair is the closest matching language of the other language. Criterion (4) can cause a language to recur in different pairs if that language comes up when searching for language closest to A and then comes up again when searching for the language closest to language B. Swedish is a case where this happens. The results of this selection procedure are shown in Table 1.

Table 1. Pairs of languages selected. WALs codes are given in brackets

N	Target language	Structurally maximally close language	Family of both languages	% matching values	Number of overlapping features
1	Shona [shn]	Zulu [zul]	Niger-Congo	96.97	33
2	Russian [rus]	Ukrainian [ukr]	Indo-European	94.59	37
3	Swedish [swe]	Danish [dsh]	Indo-European	95.24	42
4	Hindi [hin]	Panjabi [pan]	Indo-European	92.16	51
5	Kongo [kon]	Nkore-Kiga [nko]	Niger-Congo	85.42	48
6	Iaai [iaa]	Drehu [dre]	Austronesian	85.71	49
7	Dutch [dut]	German [ger]	Indo-European	83.64	55
8	English [eng]	Swedish [swe]	Indo-European	85.94	64
9	Spanish [spa]	Italian [ita]	Indo-European	83.08	65
10	Modern Greek [grk]	Bulgarian [bul]	Indo-European	82.35	68
11	Cantonese [cnt]	Chinese [mnd]	Sino-Tibetan	76.47	68
12	Latvian [lat]	Polish [pol]	Indo-European	74.65	71
13	Malagasy [mal]	Paiwan [pai]	Austronesian	72.15	79
14	Navajo [nav]	Slave [sla]	Na-Dene	70.13	77

1.2. Methods

The main method used for the present research pertains to linguistic phylogenetics (Nichols & Warnow 2008). Modern phylogenetics methods were first developed in biology (Edwards & Cavalli-Sforza 1964, Felsenstein 2003) and were subsequently adopted by linguists as a way of defining the relationship between languages. Some of the first works in comparative linguistics to rely on computational phylogenetics are Gray & Jordan (2000), Ringe et al. (2002), and Gray & Atkinson (2003). Computational phylogenetic methods are by now widely acknowledged as providing valid ways of comparing and classifying of languages. Naturally, just like any other method relying on empirical data, a phylogenetic method is only as good as the data it is given as input. Thus, a computationally produced phylogenetic tree should ideally be based on well-studied and well-described languages. Here we also use a computational method for testing classifications based on the of languages just defined, using data from WALs in comparison with ASJP, and, as the previous discussion has explained, we carefully select the data used.

The list of the selected languages in Table 1 was used to build two trees: a tree based on ASJP data, which is lexical in nature but also contains phonological information inasmuch as words consist of phonemes, and a tree based on the data of the WALs Program, which includes only structural information.

In order to build a tree using the WALs data, for all the pairs of languages, the Hamming distance (Hamming 1950, Wong & Kim 2014), that is, the percentage of unmatching feature values, was calculated, and a distance matrix was built. Finally, using the Neighbor-Joining method as implemented in the MEGA 7 software (Kumar, Stecher & Tamura 2016), we built trees for the selected set of the languages.

In order to build a tree from the 40-item word lists in the ASJP database, the Neighbor-Joining algorithm was again used, this time applied to a matrix of

pairwise edit distances. Specifically, we use the twice-modified Levenshtein distance called LDND (Levenshtein Distance Normalized & Divided), which has been justified Wichmann et al. (2010b) and furthermore tested in Pompei, Loreto & Tria (2011). The LDND is a measure of phonological distance, which is also sensitive to lexical replacement inasmuch as a lexical replacement will incur a large phonological distance. If we were to look at phonological and lexical differences separately, as suggested by a reviewer, we would have to distinguish cognates from non-cognates. This would be beyond our expertise for most of the language pairs involved. Quoting from Wichmann (2013), the LDND “is based on the Levenshtein distance, a distance metric which counts the minimal number of operations (deletions, insertions, and substitutions) required to transform one word into another. The LDN distance between a pair of words is the Levenshtein distance divided by the length of the longer of the two words. Next, the LDND distance between two languages is defined as the average LDN distance between each pair of words with the same meaning, divided by the average LDN distance between each pair of words with a different meaning. The latter division is intended to control for similarity owing simply to similar phonemic inventories of the two languages.” The 40-item subset of the Swadesh list given as input to the LDND is described in Holman et al. (2008).

The trees are presented and discussed in the next section. We are aware that a WALs-based tree could alternatively have been produced using a character-based method such as Maximum Parsimony, which has been found to perform better than Neighbor-Joining (Barbançon et al. 2013), but we prefer to compare trees that are produced using one and the same algorithm in order to enhance their comparability.

2. RESULTS AND DISCUSSION

2.1. Results

Figure 1 shows a tree built for the set of 27 languages singled out in Polyakov et al. (2016) and in Table 1 above. It is based on lexical (also implying phonetic) data from ASJP. Figure 2 presents a tree built for the same set of 27 languages using the grammatical data of WALs.

Both trees quite satisfactorily describe the relationship among the languages. Nevertheless, there are certain differences between the two trees that require our attention.

1. According to the ASJP tree, Dutch and Standard German are sisters and the node uniting them is a sister of English; according to the WALs tree, Danish and Swedish are sisters and together form a sister clade of English.

2. According to the ASJP tree, Greek is not closely related to any other Indo-European language. The WALs tree unites Modern Greek with Bulgarian.

3. The ASJP tree suggests the following sequence: after Greek, the first languages to split off from the Proto-Indo-European lineage were Balto-Slavic, then a clade consisting of Romance and Indic, and finally Germanic. According to the WALs tree, the first languages to separate were Indic, with Balto-Slavic—also including Greek—and Germanic constituting clades crystallizing later.

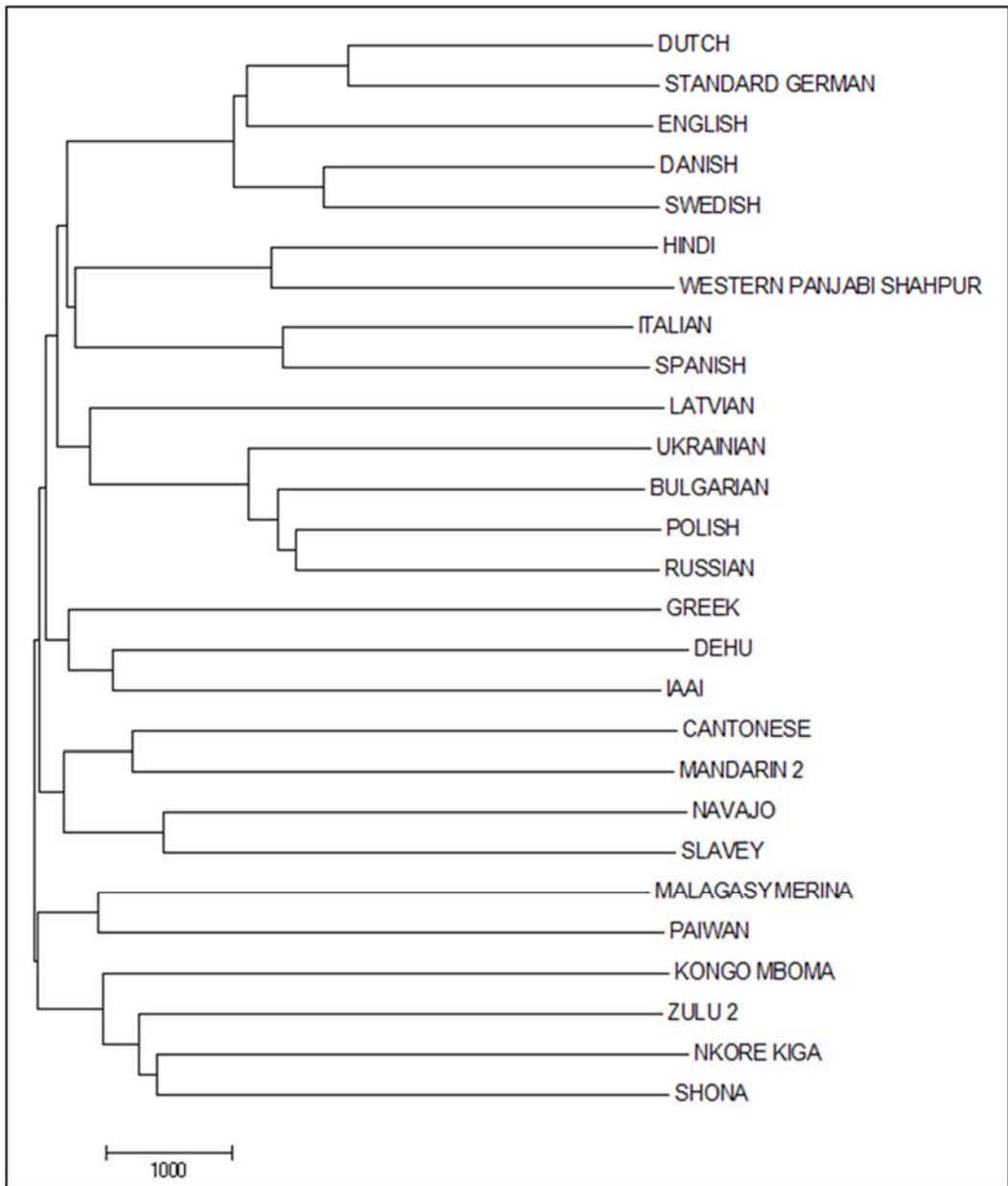

Figure 1. Tree for the set of 27 languages built from the lexical and phonetic data of the ASJP

4. In the ASJP tree, the closest relative of Shona is Nkore Kiga, and in the WALS tree, the closest relative of Shona is Zulu. In the following we compare the features of the trees in Figure 1 and 2 that were just highlighted with trees based on more mainstream methods of comparative linguistics.

Situation 1. According to Seebold (2006), Proto-Germanic divided into three branches: Northern, Eastern, and Western. The Western branch includes Dutch, German, and English. The ASJP tree, unlike the WALS tree, accurately represents this situation.

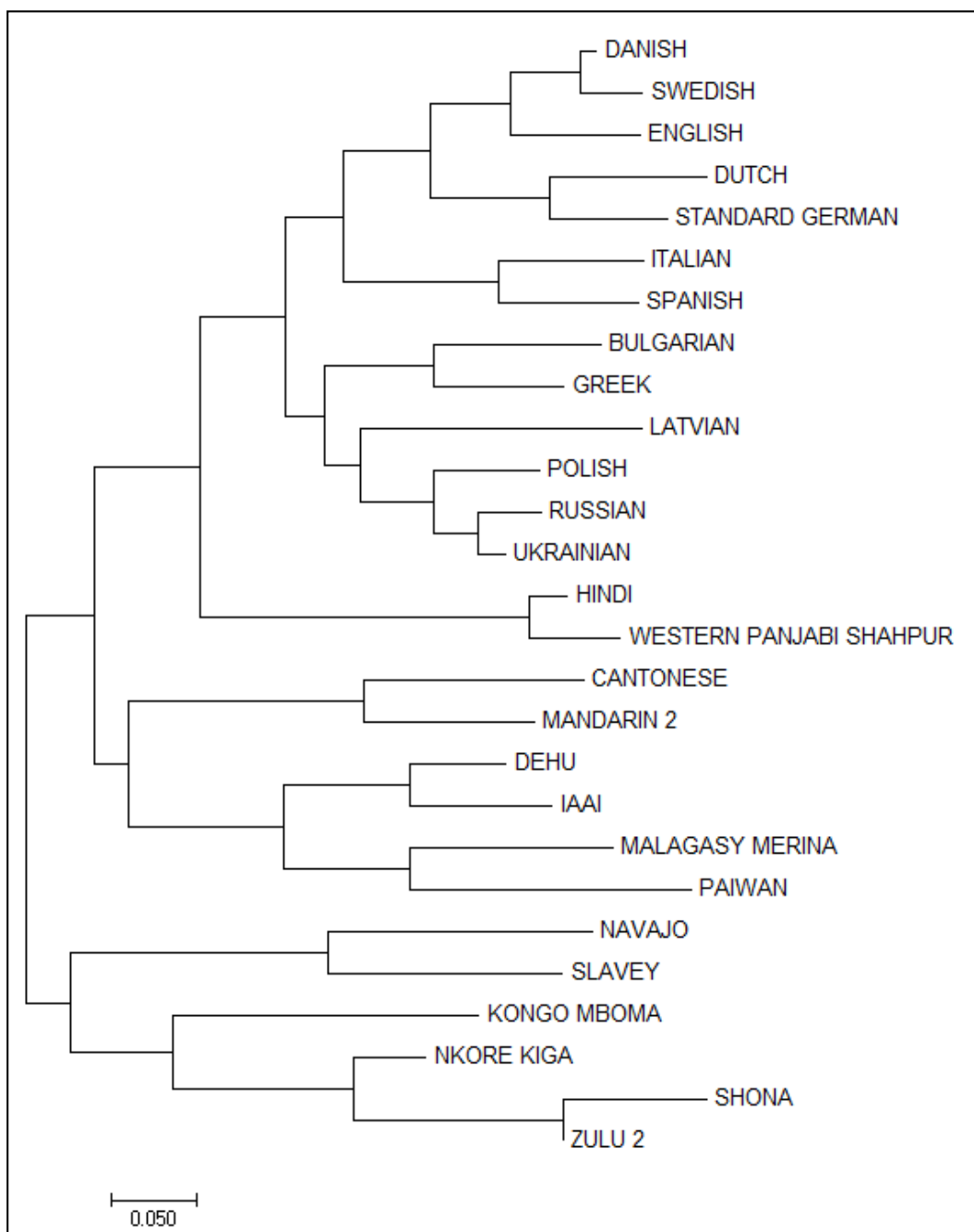

Figure 2. Tree for the set of 27 languages built on grammatical data from WALS

Situation 2. Bulgarian is the descendent of Old Bulgarian which, in turn, is closely related to the South Slavic dialects that formed the base of Old Church Slavonic (Maslov 2005), while Modern Greek has no close relatives. The ASJP tree reflects this situation. According to the WALS tree, Modern Greek and Bulgarian are close relatives.

Situation 3. According to Chang et al. (2015), the Indo-Iranian languages split off from the Indo-European lineage earlier (in the 3rd century BC, according to Oransky 1979) than the Slavic and Germanic languages. This situation is closer to the scenario described by the WALS tree, while the ASJP tree suggests a different sequence.

Situation 4. The classification of the African languages is not yet complete, so it would be premature to make any statements at this point. Thus, the tree built from the ASJP data is closer to the traditional views of comparative linguistics. The tree built from the WALS data brings up problems that require explanation.

For example, why is Danish the closest relative of English according to the WALS tree? It must have borrowed some elements of grammar of a language close to Danish, and more so than of Latin or Celtic grammar, although it is widely known that during the Roman invasion in the 1st to 5th centuries AD the native languages were Celtic (Brittonic) and not Germanic (Schrijver 2013). This may be explained by the fact that in the 9th century, part of England became a territory where laws of the Danes held sway (Hornung 2017). The lexical borrowings from Latin came to English mainly from Medieval French (after the Norman conquest in the 12th century, cf. Lutz 2017).

Another example is Greece and Bulgaria. ASJP classifies Modern Greek in a branch coordinate with the one uniting the other Indo-European languages. In contrast with the ASJP tree, the WALS tree classifies Modern Greek with the Balto-Slavic languages and singles out Bulgarian as its closest relative. Evidently this reflects the fact that Greek and Bulgarian are both participants in the Balkan linguistic area.

While it would take up too much space to discuss each individual WALS feature whose value has contributed to the particular shape of the WALS tree, we may at least consider whether the differential stabilities of WALS features, using the measurements of (Wichmann and Holman 2009, Table 1), have a role to play. In Table 2 we pick the two cases of contact influence, English-Danish and Bulgarian-Greek, and compare the language likely to have been most affected by the contact to its closest relative in the ASJP tree. We supply information on the number of features that match and the stabilities of features with respectively matching and non-matching values.

A hypothesis might be that features whose values are shared between languages that have been in contact will tend to be more unstable than features whose values are shared between languages that are related and not in contact. This hypothesis, however, rests on the assumptions that (1) diffusion of features is a main contributor to their instability and that (2) there is something inherent to different features that make them more or less diffusible. What Table 2 reveals is that the stability of features whose values agree are about the same for English-Dutch vs. English-Danish and Bulgarian-Russian vs. Bulgarian-Greek. The explanation for this—if it is something that needs an explanation—is that the two assumptions just mentioned are probably wrong. As regards (1), it may well be that a much stronger

force than diffusibility accounts for differential stabilities. In the summary of their results, Wichmann & Holman (2009: 51–52) suggest that a single, major driving force behind stability is the importance of a feature in the core morphosyntactic organization of a language. As for assumption (2)—the idea that some features are more diffusible than others—this was tested directly by Wichmann & Holman (2009: 19–20), who found that different features diffuse in different areas in patterns that cannot be predicted. So all in all, we should not be surprised by the numbers we encounter in the column showing mean stability of features with agreeing values in Table 2. Another hypothesis about what Table 2 should be telling us, which is a better one but perhaps also a less interesting one in the present context, is that we would expect features whose values are shared between related languages to more stable than features for which related languages disagree. This is borne out in 3 out of 4 cases in Table 2 (cf. the last two columns).

Table 2. Statistics on the sharing of feature values and the mean stabilities of those values for 259 language pairs of special interest

	Matching values	Number of overlapping features	Matching / overlapping	Mean stability of features with matching values	Mean stability of features with non-matching values
English-Dutch	48	60	0.80	37.46	37.93
English-Danish	35	41	0.85	38.41	30.83
Bulgarian-Russian	49	66	0.74	40.05	35.28
Bulgarian-Greek	55	66	0.83	39.42	33.55

Turning now to the third situation—the order in which the languages separated from the Indo-European tree—we note that in the results of Chang et al. (2015) the sequence in which the major subgroups included in our data split from the ancestral lineage is the same as in the WALS tree, namely first Indic and then Slavic and Germanic. In the ASJP tree this order is shuffled such that the split-off of Indic occurs later than that of Slavic.

At this point, we can draw some preliminary conclusions. ASJP allows for building trees based on lexical and phonetic data at relatively shallow time depths with a quality that is not very different from the quality of manually built phylogenetic trees. In contrast, it seems that WALS, which is based on grammatical data, allows for the correct identification of relationships between languages at a further distances, although we provide more discussion of this issue in the following subsection. At the same time, WALS data aids in the detection of diffusion of grammatical structures between languages that are otherwise not close in terms of lexicon or phonology.

2.2. Discussion

When comparing the trees built on the lexical and phonetic data (ASJP) and structural data (WALS) we have seen that the ASJP tree and the WALS tree, in general, represent the relationship of languages quite satisfactorily. Nevertheless,

the trees have some important differences. For example, the ASJP tree represents the relationships of languages in a way more similar to the trees built manually from the data from comparative linguistics.

This may be due to the fact that in both cases lexical and phonetic data play a major role. The WALS tree has two types of differences (A and B) from the ASJP tree:

A) The WALS tree shows very close relationships between some languages that are not close relatives from the point of view of historical linguistics (e.g., Danish & English and Greek & Bulgarian). As discussed in the previous subsection there is reason to believe that these are cases of convergence. Thus, the WALS tree seems to contain additional information on some cases of language convergence.

B) The WALS tree seems to render the distant relationship of languages with higher quality than the ASJP trees.

Concerning difference A), we can consider the following hypotheses: (1) The languages originated from a common proto-language, but the common vocabulary was mostly washed out from them (divergence). (2) Speakers of the languages used to be in close contact, and, as a result, borrowed grammatical structures (convergence). For instance, this linguistic situation occurred when English underwent substratal effects from Norse during the times of the Danelaw. (3) Target and structurally maximally close languages coincidentally evolved in the same way so that they became structurally closest in terms of the features we look at here.

The first hypothesis turns out to be inconsistent for the following reasons. English has many borrowings from a number of languages. For example, it has borrowings from Latin that came from Medieval French (7th century AD), which are administrative or professional terms (Mattila 2006). Danish contact with English took place in the 8th to 10th centuries AD.

As a result, English has some Scandinavian borrowings as well (Baugh & Cable 2002). Modern English has words both of Danish and of Latin origin, but the latter, especially, do not belong to the basic vocabulary (Baugh & Cable 2002). Emonds and Faarlund (2014) suggested that English can be classified as a Scandinavian language. This idea goes against widely held opinions and has been strongly criticized (Bech & Walkden 2016).

Consequently, the hypothesis about close contacts resulting in the borrowing of elements of grammatical structure (from Danish into English and vice versa) seems more logical. The nature and the intensity of these contacts are beyond the scope of the present research.

The language pair Greek-Bulgarian was probably in a similar situation. As a result of long-lasting linguistic contact in the Balkans, Bulgarian, perhaps mediated by other languages, borrowed some features of the grammatical structure of (earlier stages of) Greek (or vice versa) without borrowing any basic vocabulary.

Concerning the third suggestion of accidental evolution, the probability of many features independently converging on acquiring the same values is very low—it is something which is more likely to take place when the data is sparse

(Polyakov et al. 2016). Figure 3 shows a tree that combines information on the divergence (ASJP tree) and convergence (WALS tree) of languages. It reproduces the ASJP trees, but dotted lines are added to connect languages that have suffered convergence according to the WALS tree.

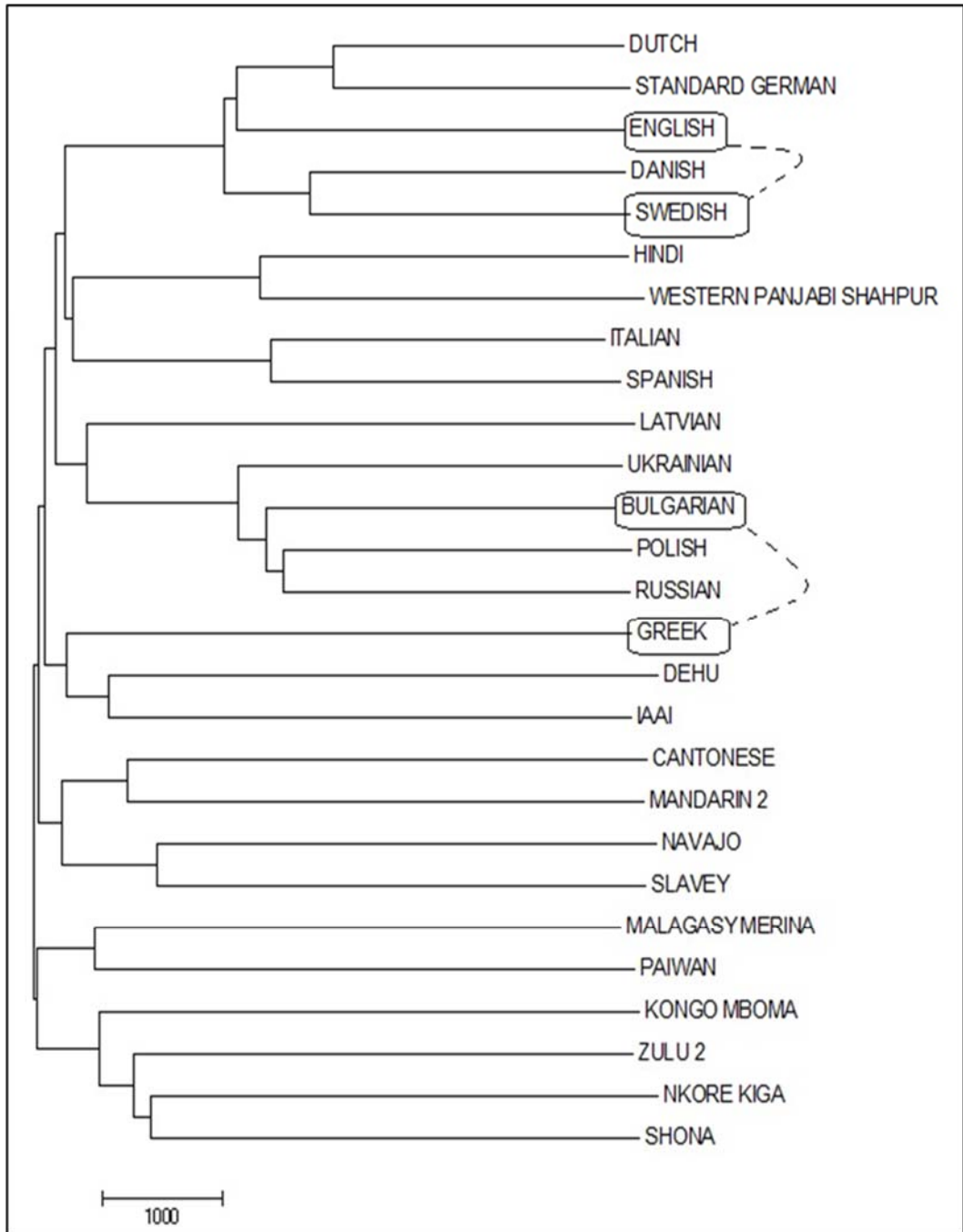

Figure 3. Tree combining information on divergence (ASJP-tree) and convergence (WALS-tree) of languages

As for situation B, it may well be that the areal input coming from typological features has contributed to the clustering of European languages separately from the Indic ones.

Conclusion

In this paper we have presented a comparative analysis of two trees. The first tree was built on lexical and phonetic data from the ASJP database, and the second tree was built on typological data of the WALS Program database, after filtering out non-structural features. Based on a previous study (Polyakov et al. 2016), we selected 27 languages from the WALS data, which formed a set for the present research.

The results show that both trees to some degree satisfactorily describe the relationship among the languages in the sample. Nevertheless, there are four major differences between the two trees. These differences were analyzed with reference to phylogenetic trees built manually using the comparative method. The analysis showed that the ASJP tree, in general, is better at presenting the information about relationships of languages at relatively shallow temporal distances. The WALS tree seems to better presents the information about relationships of languages at further distances, but it is still not clear whether the grouping of European languages as a clade separate from the Indic languages is due to a phylogenetic signal or an areal one. It is, at any rate, clear that certain aspects in which the WALS tree differs from traditional views of comparative linguistics can be explained as representing grammatical diffusion, as in the cases of English-Danish and Bulgarian-Greek. We suggested that different socio-linguistic situations can explain these phenomena. In the case of English and Danish we propose that the reason for large-scale borrowing was the existence of the Danelaw. In the case of Bulgarian and Greek, the reason was suggested to have been participation in the Balkan contact area.

Furthermore, in the present paper, we suggested a new type of tree representation that could unite information on divergence (i.e., information from lexical and phonetic data) and convergence (i.e., information from structural data) of languages.

The use of structural data for building trees for phylogenetic purposes has a number of advantages compared to lexical and phonetic data (ASJP). First, it seems to provide a more reliable view of a more distant historical period, although this matter requires further investigation: a family tree will often reflect geography because of historical migrations, and it may be the input of geographical information coming from typological features which helps to identify nodes that are also geographically defined, such as Indic vs. European languages. Second, despite being prone to borrowing, grammatical data may be preserved in the structure of a language for a longer time, even when all inherited lexical and phonetic elements have been washed out.

Conflict of interest information

There is no conflict of interest.

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant 16-06-00187a and by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program.

REFERENCES

- Anisimov, Ivan, Vladimir N. Polyakov & Valery D. Solovyev. 2013. Database “Languages of the World.” New Version. New Research Horizons. In Svetlana Masalóva & Valery Solovyev (eds.), *Proceedings of the First International Forum on Cognitive Modeling 14–21 September, 2013, Italy, Milano Marittima. Part 1. Cognitive modeling in linguistics: Proceedings of the XIV International Conference “Cognitive Modeling in Linguistics. CML-2013,”* 27–34. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press.
- Barbançon, François et al. 2013. An experimental study comparing linguistic phylogenetic reconstruction methods. *Diachronica* 30(2). 143–170. <https://doi.org/10.1075/Dia.30.2.01bar>
- Bech, Kristin & George Walkden. 2016. English is (still) a West Germanic language. *Nordic Journal of Linguistics* 39(1). 65–100. <https://doi.org/10.1017/S0332586515000219>
- Benveniste, Emile. 1954. La classification des langues. *Conférences de l'Institut de Linguistique de l'Université de Paris* 11. 33–50.
- Birchall, Joshua, Michael Dunn & Simon J. Greenhill. 2016. A combined comparative and phylogenetic analysis of the Chapacuran language family. *International Journal of American Linguistics* 82(3). 255–284.
- Bopp, Franz. 1885. *A Comparative Grammar of the Sanskrit, Zend, Greek, Latin, Lithuanian, Gothic, German, and Slavonic Languages; Volume 1*. London: Williams.
- Brown, Cecil H. et al. 2008. Automated classification of the world's languages: A description of the method and preliminary results. *STUF – Language Typology and Universals* 61(4). 285–308.
- Burlak, Svetlana & Sergei Starostin. 2005. *Sravnitel'no-istoricheskoe Yazykoznanie* [Comparative Linguistics]. Moscow: Publishing center “Academia.”
- Chang, Will et al. 2015. Ancestry-constrained phylogenetic analysis supports the Indo-European steppe hypothesis. *Language* 91(2). 194–244.
- Coloma, Germán. 2017. Complexity trade-offs in the 100-language WALS sample. *Language Sciences* 59. 148–158. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2016.10.006>
- Donohue, Mark & Simon Musgrave. 2007. Typology and the linguistic macro-history of island Melanesia. *Oceanic Linguistics* 46. 348–387.
- Donohue, Mark et al. 2011. Typological feature analysis models linguistic geography. *Language* 87(2). 369–383.
- Donohue, Mark et al. 2008. Typology, areality and diffusion. *Oceanic Linguistics* 47(1). 223–232.
- Dryer, Matthew S. & Martin Haspelmath (eds.). 2013. *The World Atlas of Language Structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <http://wals.info> (accessed 20 January 2018).
- Dunn, Michael. 2015. Language phylogenies. In Claire Bowern & Bethwyn Evans (eds.), *The Routledge handbook of historical linguistics*, 190–211. New York: Routledge.
- Dunn, Michael et al. 2007. Statistical reasoning in the evaluation of typological diversity in Island Melanesia. *Oceanic Linguistics* 46. 388–403.

- Dunn, Michael et al. 2008. Structural phylogeny in historical linguistics: Methodological explorations applied in Island Melanesia. *Language* 84(4). 710–759. <https://doi.org/10.1353/lan.0.0069>
- Dunn, Michael et al. 2005. Structural phylogenetics and the reconstruction of ancient language history. *Science* 309. 2072–2075.
- Edwards, Anthony, William Fairbank & Luigi Luca Cavalli-Sforza. 1964. Reconstruction of evolutionary trees. *Phonetic and Phylogenetic Classification. Systematics Association Publication* 6. 67–76. <http://www.faculty.biol.ttu.edu/Strauss/Phylogenetics/Readings/EdwardsCavalliSforza1964.pdf> (accessed 21 February 2018).
- Emonds, Joseph Embley & Jan Terje Faarlund. 2014. *English: The language of the Vikings*. Olomouc modern language monographs 3. Olomouc: Palacký University.
- Felsenstein, Joseph. 2003. *Inferring Phylogenies*. Sunderland, MA: Sinauer Associates.
- Gray, Russell D. & Quentin D. Atkinson. 2003. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European Origin. *Nature* 426(6965). 435–439. <https://doi.org/10.1038/nature02029>
- Gray, Russell D. & Fiona M. Jordan. 2000. Language trees support the express-train sequence of Austronesian expansion. *Nature* 405(6790). 1052–1055.
- Gray, Russell D., David Bryant & Simon J. Greenhill. 2010. On the shape and fabric of human history. *Philosophical Transactions of the Royal Society B* 365. 3923–3933.
- Hamming, Richard W. 1950. Error detecting and error correcting codes. *Bell System Technical Journal* 29(2). 147–160. <https://doi.org/10.1002/j.1538-7305.1950.tb00463.x>
- Haspelmath, Martin et al. 2005. *The World Atlas of language structures. 1st ed.* Oxford: Oxford University Press.
- Holman, Eric W. & Søren Wichmann. 2017. New evidence from linguistic phylogenetics supports phyletic gradualism. *Systematic Biology* 66(4). 604–610. <https://doi.org/10.1093/sysbio/syw106>
- Holman, Eric W. et al. 2008. Explorations in automated language classification. *Folia Linguistica* 42(2). 331–354.
- Hornung, Annette. 2017. *English: The Grammar of the Danelaw*. Arizona State University, ProQuest Dissertations Publishing.
- Kolipakam, Vishnupriya et al. 2018. A Bayesian phylogenetic study of the Dravidian language family. *Royal Society Open Science* 5(3). <https://doi.org/10.1098/rsos.171504>
- Kumar, Sudhir, Glen Stecher & Koichiro Tamura. 2016. MEGA7: Molecular Evolutionary Genetics Analysis version 7.0 for bigger datasets. *Molecular Biology and Evolution* 33(7). 1870–1874. <https://doi.org/10.1093/molbev/msw054>
- Lewis, Paul M. (ed.). 2009. *Ethnologue: Languages of the World* (Sixteenth edition). Dallas, Texas: SIL International. <http://www.ethnologue.com/> (accessed 20 January 2018).
- Longobardi, Giuseppe et al. 2015. Toward a syntactic phylogeny of modern Indo-European languages. In Leonid Kulikov & Nikolaos Lavidas (eds.), *Proto-Indo-European syntax and its development*, 125–156. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Lutz, Angelika. Norse loans in Middle English and their influence on Late Medieval London English. *Anglia* 135(2). 317–357. <https://doi.org/10.1515/ang-2017-0028>
- Maslov, Yu. 2005. Bolgarsky [Bulgarian]. In *Languages of the World. Slavic languages*. 69–102. Moscow: Academia.
- Mattila, Heikki E. S. 2006. Legal language: History. In Keith Brown (ed.), *Encyclopedia of language and linguistics* (2nd ed.), 8–13. London: Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/04504-1>
- Müller, André et al. 2013. ASJP World Language Tree of Lexical Similarity: Version 4 (October 2013). <http://asjp.cild.org/>

- Nakleh, Luay, Don Ringe & Tandy Warnow. 2005. Perfect phylogenetic networks: A new methodology for reconstructing the evolutionary history of natural languages. *Language* 81(2). 382–420.
- Nichols, Johanna & Tandy Warnow. 2008. Tutorial on computational linguistic phylogeny. *Language and Linguistics Compass* 5(2). 760–820.
- Oransky, Iosif Mikhailovich. 1979. *Iranian Languages in Historical Perspective*. Moscow: Nauka. http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=619 (accessed 20 March 2021).
- Pagel, M. & Meade, A. 2006. Bayesian analysis of correlated evolution of discrete characters by reversible-jump Markov chain Monte Carlo. *American Naturalist* 167. 808–825.
- Polyakov, Vladimir N., Ivan S. Anisimov & Elena A. Makarova. 2016. Can grammar define similarity of human natural languages? *American Journal of Applied Sciences* 13(10). 1040–1052. <https://doi.org/10.3844/ajassp.2016.1040.1052>
- Polyakov, Vladimir N. et al. 2009. Using WALS and languages of the world. *Linguistic Typology* 13(1). 137–167. <https://doi.org/10.1515/LITY.2009.008>
- Pompei, Simone, Vittorio Loreto & Francesca Tria. 2011. On the accuracy of language trees. *PLoS ONE* 6(6). e21019. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0020109>
- Rama, Taraka & Lars Borin. 2015. Comparative evaluation of string similarity measures for automatic language classification. Sequences in language and text. <http://spraakdata.gu.se/taraka/string-similarities-pdf2doc.pdf> (accessed 13 April 2021).
- Ringe, Don, Tandy Warnow & Ann Taylor. 2002. Indo-European and computational cladistics. *Transactions of the Philological Society* 100(1). 59–129.
- Schrijver, Peter. 2014. *Language Contact and the Origins of the Germanic Languages*. New York: Routledge.
- Seebold, Elmar S. 2006. Westgermanische Sprachen [West Germanic Languages], *Reallexikon der germanischen Altertumskunde* 33. 530–536.
- Solovyev, Valery. 2009. Is grammochronology possible? *Proceedings of the Swadesh Centenary Conference, 17–18 January 2009*. Munich: Official Website of Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. http://www.eva.mpg.de/lingua/conference/09_SwadeshCentenary/pdf/abstracts/Valery_Solovyev.pdf (accessed 15 April 2021).
- Swadesh, Morris. 1950. Salish internal relationships. *International Journal of American Linguistics* 16. 157–167.
- Swadesh, Morris. 1952. Lexicostatistic dating of prehistoric ethnic contacts. *Proceedings of the American Philosophical Society* 96. 452–463.
- Swadesh, Morris. 1955. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. *International Journal of American Linguistics* 21. 121–137. <https://lib.ugent.be/catalog/rug01:002194436> (accessed 5 May 2021).
- Trubetzkoy, Nikolai S. 1939. *Gedanken über das Indogermanenproblem* [Commemoration of the Indo-Germanic problem]. *Acta Linguistica. Copenhagen* 1(1). 81–89. <https://doi.org/10.1080/03740463.1939.10410851>
- Wichmann, Søren. 2013. A classification of Papuan languages. In: Hammarström, Harald and Wilco van den Heuvel (eds.), *History, contact and classification of Papuan languages (Language and Linguistics in Melanesia, Special Issue 2012)*, 313–386. Port Moresby: Linguistic Society of Papua New Guinea.
- Wichmann, Søren. 2017a. Genealogical classification in historical linguistics. In Mark Aronoff (ed.), *Oxford research encyclopedias: Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.78>
- Wichmann, Søren. 2017b. Modeling language family expansions. *Diachronica* 34(1). 79–101. <https://doi.org/10.1075/dia.34.1.03wic>

- Wichmann, Søren & Eric W. Holman. 2010b. Pairwise comparisons of typological profiles. In Jan Wohlgemuth & Michael Cysouw (eds.), *Rethinking universals: How rarities affect linguistic theory*, 241–254. Berlin/New York: Walter de Gruyter Publishers. <https://doi.org/10.1.1.558.3743&rep=rep1&type=pdf>
- Wichmann, Søren & Jeff Good. 2014. Introduction. In Søren Wichmann & Jeff Good (eds.), *Quantifying language dynamics: On the cutting edge of areal and phylogenetic linguistics*, 1–6. Leiden: Brill.
- Wichmann, Søren & Eric W. Holman. 2009. *Temporal Stability of Linguistic Typological Features*. München: LINCOM Europa.
- Wichmann, Søren et al. 2010b. Evaluating linguistic distance measures. *Physica A* 389. 3632–3639. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2010.05.011>
- Wichmann, Søren, Eric W. Holman & Cecil H. Brown (eds.). 2016. *The ASJP Database* (version 17). Available at: <http://asjp.clld.org/> (Accessed 4 February 2018).
- Wichmann, Søren, André Müller & Viveka Velupillai. 2010a. Homelands of the world's language families: A quantitative approach. *Diachronica* 27(2). 247–276.
- Wichmann, Søren & Taraka Rama. 2018. Jackknifing the black sheep: ASJP classification performance and Austronesian. In Kikusawa, Ritsuko and Lawrence A. Reid (eds.), *Let's talk about Trees: Genetic relationships of languages and their phylogenetic representation*, 39–58. Senri Ethnological Studies 98. Osaka: National Museum of Ethnology, Japan.
- Wichmann, Søren & Arpiar Saunders. 2007. How to use typological databases in historical linguistic research. *Diachronica* 24.2. 373–404.
- Wong, Kok-Seng & Myung Ho Kim. 2014. On private Hamming distance computation. *The Journal of Supercomputing* 69(3). 1123–1138. <https://doi.org/10.1007/s11227-013-1063-z>

Article history:

Received: 06 May 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionotes:

Valery D. SOLOVYEV is Doctor Habil. of Physics and mathematics, Professor, Chief Researcher of the “Text analytics” Research Laboratory at Kazan (Volga Region) Federal University. His research interests include cognitive sciences, computer linguistics, text complexity.

Contact information:

Kazan (Volga Region) Federal University, 18 Kremlevskaya St., 420008, Kazan, Russia
e-mail: maki.solovyev@mail.ru

Elena A. MAKAROVA is junior researcher, Section of Applied Linguistics, Her research interests embrace typology, typological databases, isolate languages. Research interests: Typology, typological databases, isolate languages.

Contact information:

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
e-mail: MakarovaEA@iling-ran.ru

Сведения об авторах:

Валерий Дмитриевич СОЛОВЬЕВ – доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика» Казанского (Приволжского) федерального университета. В сферу его научных интересов входят когнитивная наука, компьютерная лингвистика, сложность текстов.

Контактная информация:

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

e-mail: maki.solovyev@mail.ru

Елена Андреевна МАКАРОВА – младший научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН. В сферу ее научных интересов входят типология, типологические базы данных, языки-изоляты.

Контактная информация:

Институт языкознания РАН

Россия, Москва, 125009, Б. Кисловский пер. д. 1 стр. 1

e-mail: MakarovaEA@iling-ran.ru

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-27620>

Research article

The negotiation of authorial persona in dissertations literature review and discussion sections

Emna FENDRI   and Mounir TRIKI

University of Sfax, Sfax, Tunisia

 emna3000@yahoo.fr

Abstract

Writing at a postgraduate level is not only meant to obtain a degree in a specific field but also, and more importantly, to secure that one's research is published nationally as well as internationally. In other words, conducting research is first and foremost about making one's distinctive voice heard. Using Martin and White's (2005) appraisal framework, the present study examines the way Tunisian MA and PhD EFL researchers in applied linguistics establish a dialogue with the reader as a persuasive tool in their texts. The comparison is meant to unveil cross-generic differences in authorial voice manifestation that distinguish postgraduate writers at different degrees. A corpus of 20 Literature Review and 20 Discussion sections taken from 10 MA and 10 PhD dissertations written in English by Tunisian EFL writers is qualitatively and quantitatively explored. Linguistic markers denoting the writer's stance are identified in the corpus and are qualitatively studied using the engagement subsystem to qualify the utterance as dialogically contractive or expansive. A quantitative analysis then compares how dialogicality is manifested across the degrees and sections using SPSS. The results show that the negotiation of voice seems to be more problematic for MA researchers in both sections in comparison to PhD writers. Dialogic contraction in the MA subcorpus conveys a limited authorial positioning in the Literature Review section and a failure to stress personal contribution in the Discussion section. PhD researchers' frequent reliance on expansion in both sections displays their academic maturity. The critical evaluation of previous works in the Literature Review and the claim for authorial ownership in the Discussion section distinguish them from MA writers. The comparison not only stresses the strengths that distinguish PhD writers but also points out problematic instances in establishing a dialogue with the audience in postgraduate writings. The study findings can be used to consider EFL researchers' production in pedagogical contexts in terms of identity manifestation and stance-taking strategies across the different sections of the dissertation.

Keywords: *stance, dialogicality, academic writing, genre, authorial voice expression, EFL*

For citation:

Fendri, Emna & Mounir Triki 2022. The negotiation of authorial persona in dissertations literature review and discussion sections. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 51–73. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27620>

Научная статья

Авторская позиция в текстах диссертаций

Э. ФЕНДРИ , М. ТРИКИ

Сфакский университет, Сфакс, Тунис
 emna3000@yahoo.fr

Аннотация

Написание диссертации – это не только способ получить ученую степень в определенной области знания, но еще и возможность опубликовать свое исследование как внутри страны, так и за ее пределами. Другими словами, проведение исследования прежде всего требует, чтобы голос автора был услышан. Используя оценочную модель Дж. Мартина и П. Уайта (Martin & White 2005), мы рассматриваем, каким образом тунисские магистранты и докторанты, использующие английский язык как иностранный, устанавливают диалог с читателем, который выступает в создаваемых ими текстах как средство убеждения. Сопоставление проводится с целью обнаружить различия в проявлении голоса автора в текстах магистерских и докторских диссертаций. Проводится качественный и количественный анализ корпуса, включающего 20 разделов с анализом научной литературы и 20 разделов, содержащих обсуждение результатов, из 10 магистерских (MA) и 10 докторских (PhD) диссертаций в области прикладной лингвистики, написанных на английском языке тунисскими авторами. В корпусе идентифицируются языковые маркеры, выражающие позицию автора, и осуществляется их качественный анализ с использованием подсистемы установления контакта, чтобы охарактеризовать высказывание как диалогически контрактивное или экспансивное. Далее с помощью количественного анализа, использующего статистическую программу SPSS, сравнивается, как диалогичность проявляет себя в сопоставляемых разделах диссертаций магистрантов и докторантов. Результаты показывают, что выражение авторской позиции в обоих разделах более проблематично для магистрантов, чем для докторантов. Диалогическая контракция в субкорпусе магистерских диссертаций демонстрирует ограниченность авторской позиции в разделах «Обзор научной литературы» и неумение обозначить личный вклад в разделе «Обсуждение результатов». Тот факт, что докторанты часто прибегают к экспансивным высказываниям в обоих разделах, демонстрирует их научную зрелость. Критическая оценка трудов предшественников при анализе научной литературы и умение обозначить свое авторство отличают их от магистрантов. Результаты сопоставления не только выделяют сильные стороны, присущие докторантам, но и указывают на проблемы при установлении диалога с читателем в текстах диссертаций. Они могут быть использованы для рассмотрения продуктивности исследователей, использующих английский язык как иностранный в педагогическом контексте, с точки зрения стратегий выражения идентичности и позиции в различных разделах диссертаций.

Ключевые слова: *позиция, диалогичность, академическое письмо, жанр, выражение авторства, английский язык как иностранный (EFL)*

Для цитирования:

Fendri E., Mounir T. The negotiation of authorial persona in dissertations literature review and discussion sections. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 1. P. 51–73. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27620>

1. Introduction

Negotiation in academic writing is rooted in a social perspective to knowledge construction. Cherry's (1988) perception of scientific debate illustrates the way knowledge is created; "scientific facts or knowledge are not 'discovered' by individuals in isolation but established through consensus-building discourse in scientific communities" (p. 266). In addition to factual content, scientific debates are about the individuals' intersubjective exchange (Grossberg 1982). Dissertation writing as a type of scientific discourse is not about *transmitting* knowledge from an addresser to an addressee or audience, but about creating *new* knowledge through *consensus-building* with members of a community of interest. The function of a dissertation is to negotiate a distinctive authorial voice to convince the audience of the validity of the argument. The relation of a text with other texts is discussed as "intertextuality" (Bazerman 2004: 3), "dialogism" (Ewald 1998: 226), or "dialogicality" (Prior 2001: 63) to stress the interactive nature of any text. Interaction is associated with stance and voice expression— which represents highly valued features of academic writing (Alotaibi 2019, Alramadan 2020, Aull & Lancaster 2014, Barnawi 2011, Charles 2006, Hyland 2019, Street 2009).

It nevertheless represents a tricky facet of academic writing; the understanding of voice and stance as reflective of the writer's subjectivity and personality may clash with the objectivity of academic writing (e.g., Gillett, Hammond & Martala 2009, Swales & Feak 1994). The balance between the observance of norms and making one's contribution distinct bestows the success of an academic text (Lee 2011, Mei and Allison 2005, Sancho-Guinda & Hyland 2012). The task is further complicated for EFL writers, as is the case in the present research (Allison, Cooley, Lewkowicz & Nunan 1998, Bitchener & Basturkmen 2006, Can & Yuvayapan 2018, Paltridge & Starfield 2020). Researchers such as Elghoul (2016), Hajji (2012), Rouissi (2013), and Triki (Personal communication, June 17, 2019)¹ observe that Tunisian EFL researchers fail to craft a distinctive authorial persona in their dissertations. It makes their texts sound less effective. Hence the need to explore identity manifestation in this genre of academic writing regarding the high-stakes it represents for the writers.

The present study aims to unveil the way(s) postgraduate EFL researchers position themselves with reference to the authorities they refer to and to the audience they address through the systematic analysis of the engagement resources (Martin & White 2005) they rely on to establish a dialogue with the academic community. Engagement constitutes the heteroglossic nature of the text. Dialogic expansion and contraction account for the writer's authorial manifestation by

¹ Training sessions about academic writing organized by the Doctoral School at the Faculty of Letters and Humanities of Sfax, Tunisia.

situating his/her stance regarding voices exterior to the texts. The rationale behind the cross-generic comparison is to understand the way(s) EFL postgraduate writers linguistically manifest their authorial persona as a persuasive strategy to negotiate a position within the academic community. MA and PhD dissertations represent substantial differences by virtue of the researchers' place in the community and their experience in academic writing. The cross-degree differences represent areas of potential development that need to be foregrounded in order to help EFL writers master the intricacies of negotiating a personal voice. Besides, as a rhetorical construct, identity manifestation is not static. It differs depending on the dissertation section's objective(s). The cross-sectional comparison is meant to assess the writer's authorial presence in two rhetorically different sections– the Literature Review (henceforth LR) and the Discussion section (henceforth D). To this end, the following research questions are formulated:

1. In what ways, if any, is voice expression in MA and PhD dissertations manifested through the engagement system (i.e., dialogic expansion and contraction)?
2. In what ways, if any, does voice expression differ across the degrees (MA vs. PhD) and across the sections (LR and D)?
3. What do the differences/similarities reflect about the dialogic nature of writing, as demonstrated through expansion and contraction across the degrees and across the sections?
4. What do the differences/similarities reflect about the writer's authorial presence and audience engagement as a persuasive strategy across the degrees and across the sections?

2. A social view of genre

Within the social view, genre is defined as “types of texts that are recognizable to readers and writers, and that meet the needs of the **rhetorical situations** in which they function” (Swales 1990: 467) [emphasis in the original]. Texts have well-defined features that are used to achieve specific rhetorical purposes. MA and PhD dissertations² represent a distinct genre of academic writing as they have a specific goal(s), follow a particular structure, and adhere to conventions and standards that distinguish them from other forms of written discourse. Gosling and Noordam (2011) see that in a dissertation, the researcher is expected to look into original data in order to test a hypothesis that he/she formulated about a specific phenomenon. Different formats are possible in a dissertation (Paltridge 2002: 131–132).

In the present study, the I(Lr)MRD organization (Johns & Swales 2002) is referred to as an example of dissertation structure. More specifically, a focus on the LR and the D sections as two distinct “(sub)-genre[s]” (Thompson 2009: 50) is done to understand their rhetorical functions and to determine what is expected from the writer in each section. Indeed, because they represent two distinct genres, the LR and D have different rhetorical purposes (Salager-Meyer 1994). They are expected

² The terms dissertation and thesis are used interchangeably to designate MA and PhD works.

to display different ways of meaning negotiation and different configurations of authorial presence as a rhetorical strategy. The purpose of the LR section is to place the work within a larger research context, highlight the gap in the literature, and emphasize the importance of the research perspective (Ellinger & Yang 2011, Imel 2011, Paltridge & Starfield 2007, Swales & Feak 1994). In the D, the researcher emphasizes his/her findings. He/she refers to the literature to support his/her claims. The writer thus endorses different roles. The aim behind the study of expansion and contraction strategies is to unveil the differing rhetorical maneuvers across the sections.

There is also evidence that the writing requirements vary by degree. There seems to be an agreement that the higher the degree, the more is expected from the researcher (e.g., Allison et al. 1998, Johns & Swales 2002, Nackoney, Munn & Fernandez 2011, Street 2009, Woodward-Kron 1999). The writers' presumed role(s) and identity shift as they move from one level to the next. Although treated under the same label as postgraduate writing, MA and PhD texts present substantial differences (Paltridge & Starfield 2007, Richards & Miller 2005). According to Paltridge and Starfield (2007), there is a variation in the writer's performance and the supervisors' and examiners' expectations depending on the degree of study. They emphasize that contribution to knowledge is especially vital for PhD research in comparison to MA writing. Critical thinking, openness to questioning, and reflective curiosity are abilities that researchers learn through their academic writing training. These features are expected to be present in the writings of PhD researchers. The comparison of expansion and contraction across the corpora is meant to assess EFL postgraduate writers' skills to make their texts dialogic and stress their contribution to knowledge construction.

2.1. Cross-sectional differences: The Literature Review vs. Discussion sections

In a dissertation, the LR section is regarded as an “extensive”, “comprehensive” and “thorough” coverage of previous literature (Ellinger & Yang 2011: 117). Researchers (e.g., Ellinger & Yang 2011, Imel 2011, Paltridge & Starfield 2007, Gillett et al. 2009), however, warn against falling into the trap of making this part a mere summary of who said what. The LR is often transformed into a section where novice academic writers “regurgitate” what they found in previous literature, to borrow Gillett et al.'s (2009: 97) word. Rather, the LR is a place where the writer needs to synthesize what has been previously said. Synthesis is different from summary because it allows the researcher to come up with new knowledge and new perspectives (Imel 2011: 146–147) rather than repeating existing ones.

The researcher needs to express a personal stance and to construct an authorial voice to show the relevance of what he/she is reporting to his/her major claims and to foreground his/her contribution based on the works he/she reviewed and criticized (Bizzell 1992, Nackoney et al. 2011). Students at a postgraduate level are expected to add something to their field of study, not just to reproduce what has

already been said. In evaluating other works, some *footing* (Triki 2019) is needed to show humility and avoid the reader's possible disagreements and counterarguments. Humility should not, however, be understood as stifling one's voice. Finding a balance between expressing a distinct persona and showing deference to and recognition of others' voices is a challenging aspect of academic writing (Hyland 1998, Salager-Meyer 1994, Woodward-Kron 1999).

The D section is described as the "reverse" form of the LR (Paltridge & Starfield 2007: 146). The researchers qualify it as such because, in the LR, the focus is on previous research and the student's work is at the periphery. On the contrary, in the D, the primary focus is on the student's research, and the literature is at the periphery; it serves to back up the student's work. The function of the D section is to convince the reader of the significance, validity, worthiness, and contribution of the research (Ellinger & Yang 2011, Flowerdew 2000, Saz-Rubio 2011). It is to be noted that the D section is often considered with the section that directly precedes it, which is the Results (henceforth R) section. Swales and Feak (1994), however, distinguish the two and insist that the D is "more than summaries" (p. 195) of the findings. After dealing with factual information in the R section, the writer is expected to move to the interpretation and evaluation of the outcomes in light of previous literature. Therefore, it is assumed that the D is about comparing, contrasting, and positioning one's results with previous works. The difference with the LR is that the D is about claiming ownership, stressing personal contributions, and positioning oneself as an active agent in knowledge-making.

Authorial presence is hence needed to achieve the rhetorical function of the LR and D sections. Yet, because the writer has different roles and positions, it is expected that voice expression is achieved in different ways. The management of the voices used to construct the argument needs to serve the balance between acknowledging others' contribution(s), asserting personal distinctiveness, and responding to audience potential disagreement. According to Hyland (2019), for example, hedges are usually used to open the dialogue and leave the space for other interpretations. They correspond to what Martin and White (2005) call dialogical expansion. On the contrary, boosters are used to stress the strength of the assertion and close the dialogue, according to Hyland (2019). Their use is an instance of dialogic contraction following the definition provided by Martin and White (2005). Other ways of opening and closing the dialogue are possible. This study is meant to spot the lexical and grammatical choices that MA and PhD EFL writers make to signal other voices in their dissertations either by opening or by closing the dialogue with the audience.

2.2. Postgraduate writing: differences across degrees

MA and PhD writing present two different subgenres within the dissertation category when it comes to the researcher's roles and presence in the text. In effect, the academic discourse community is seen as a "hierarchical" structure (Hyland 2006: 20) where MA researchers are placed at the periphery. PhD writers are more

established in the community. Yet, they occupy a lower hierarchical place in comparison to established scholars. The researchers' statuses at different degrees give them specific roles to perform within the group. It is reflected in the way they manifest their authorial presence in the academic text. An academic writer is expected to develop higher-level thinking skills as he/she ascends the literacy ladder. Differences in critical thinking abilities are observed between MA and PhD researchers, with the former being considered as less experienced in academic writing.

Contribution to knowledge represents an important criterion that distinguishes the different stages of literacy (Street 2009, Nackoney et al. 2011). Paltridge and Starfield (2007) argue that "A good thesis or dissertation should tell the reader not just 'what I have done', but 'why what I have done matters'" (p. 154). It is not enough to be knowledgeable of previous research; academic writing aims to evaluate the state of the art (Bizzell 1992, Nackoney et al. 2011). Evaluation involves the writer's stance expression towards what is being reported and the audience's reaction to it. As the researcher's role(s) highly depends on the research stage he/she is accomplishing, evidence of his/her voice becomes necessary for the success of a piece of research.

The writer's manifestation is especially important in the humanities and social sciences (Hyland 2008; Lee & Aitchison 2011; Myers 2001). The researcher guides the reader through text unfolding and factual interpretation. Dialogic expansion and contraction are therefore expected. Nevertheless, dissatisfaction with the postgraduate writer's authorial presence in the text is reported. In the case of dissertations in social sciences written in the Tunisian EFL academic context, MA and PhD writers are often criticized for the lack of voice and stance, lack of personal contribution, and inability to position their work (e.g., Elghoul 2016, Hajji 2012, Rouissi 2013, Triki 2019). In the present study, we assume that problems of authorial voice expression are more salient in an EFL context. In effect, writing in a foreign language seems to pose further challenges for postgraduate writers, as will be explained in the following section.

2.3. Extra challenges for postgraduates writing in English as a Foreign Language:

The review of the literature about L1 and L2/EFL writing shows that writing in an L2/ EFL presents extra challenges to the writer in comparison to writing in the L1 (e.g., Connor 2008, Intaraprawat & Steffensen 1995, Mohan & Lo 1985, Paltridge 2002, Paltridge & Starfield 2020, Weigle 2002). Paltridge (2002), for example, asserts that "Thesis and dissertation writing is a difficult process for native speaker students and often doubly so for non-native speaker students" (p. 137). This is mainly due to some linguistic (e.g., Casanave & Hubbard 1992, Intaraprawat & Steffensen 1995), cultural (e.g., Connor 2008), and educational (e.g., Hyland 2003) factors that make the EFL text less effective. Chang (2015) notes that EFL writers "are often found to have weaker control of their academic writing, among which presenting an effective authorial stance has been reported as particularly challenging" (p. 1).

EFL writers’ mental schemata are constrained by their limited mastery of the foreign language’s formal and pragmatic features. MA and PhD researchers may be aware of the need to express a voice but miss the opportunity to appropriately establish a dialogue due to linguistic and cultural differences between the L1 and the EFL. As advanced by Contrastive Rhetoricians, what is accepted in one linguistic and cultural group might sound unfamiliar in another group. EFL writers need to develop, in addition to formal knowledge, intercultural communication skills that allow them to appropriately negotiate a position in a specific discourse community. It is also influenced by the educational environment, which favors, or not, such skills as critical thinking and openness to questioning. The inability to evaluate previous works and establish a dialogue with the audience might be due to inadequate knowledge of audience expectations at different educational levels.

3. Methodological framework

3.1. The Appraisal framework: Engagement

Authorial presence in Tunisian postgraduate EFL writings is examined using Martin and White’s (2005) Appraisal framework. It is concerned with the study of interpersonal meaning expressed through epistemic and affect modality. It involves three main subsystems; engagement, attitude, and graduation (Fig. 1). The choice of the framework is motivated by its adequacy for the “analysis of stance as positioning in relation to values and voices in the text” (Hood 2004: 13)³.

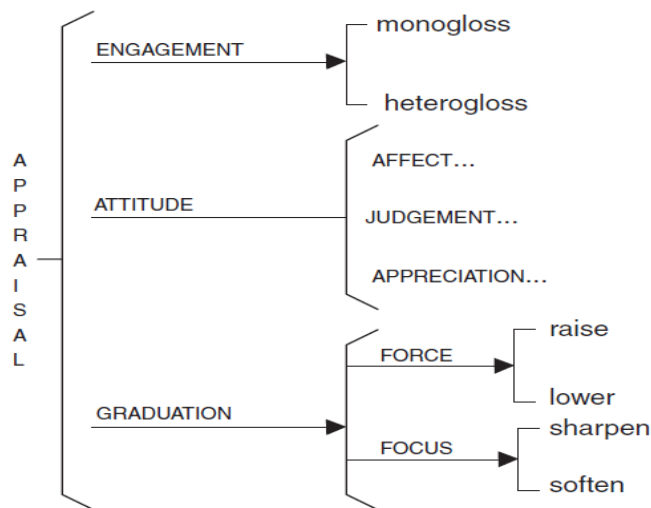

Fig. 1. An overview of the Appraisal framework (Martin & White 2005: 38)

The present study is concerned with the engagement system, which deals with epistemic stance meanings (Gray and Biber, 2012, p. 18). Engagement is defined

³ Hood, Susan. 2004. *Appraising Research: Taking a Stance in Academic Research*. Ph.D dissertation. Faculty of Education, University of Technology, Sydney.

as “those meanings which in various ways construe for the text a heteroglossic backdrop of prior utterances, alternative viewpoints and anticipated responses” (Martin & White 2005: 97). It refers to the writers’ stance towards the material they refer to and the audience they address. More specifically, it corresponds to “epistemic stance” (Gray & Biber 2012: 17) or “evidentiality” (Chafe 1986, Chafe & Nichols 1986). It denotes “the status of the knowledge contained in propositions.” (Gray & Biber 2012: 16). Engagement is contrasted with “attitudinal stance” (ibid) or “affect” (Ochs, 1989) which rather refer to “personal feelings, emotions and attitudes rather than evaluations of knowledge.” (Gray & Biber, 2012: 17). We limited our exploration to the engagement system because according to Gray and Biber (2012), in academic research, epistemic stance is regarded as more relevant than attitudinal stance (attitude). Graduation has to do with the force and focus of the utterance. It does not support the dialogic nature of the exchange. It is therefore not taken into consideration in the present work.

The expression of stance can take two possible directions for the writer following the engagement framework (Fig. 2); the author can “make[s] allowances for dialogically alternative positions and voices” (Martin & White 2005: 102); he/she is thus said to open the dialogue with the audience and be dialogically expansive, or “act[s] to challenge, fend off or restrict the scope of” (ibid) other voices in the text. In this case, the writer is said to be dialogically contractive by closing the possibility of a dialogue with potential audience. The study of stance using this system not only unveils the writer’s authorial positioning but also foregrounds the resulting voice that the writer constructs throughout the text.

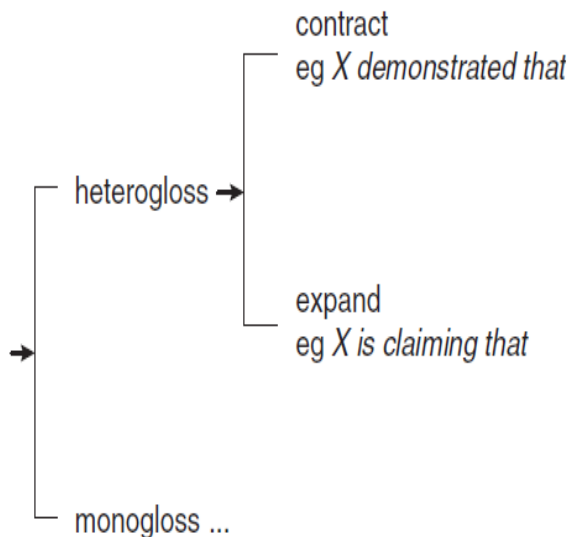

Fig. 2. The Engagement system (Martin & White 2005: 104)

The systems are further divided into more subsystems, but for the sake of the present research questions, the analysis of the corpus is going to be done based on the distinction between dialogically expansive and dialogically contractive

expressions to see whether the writers' voice is used to open up the dialogue or whether it is used to close up the discussion.

3.2. The corpus

The corpus under study consists of 20 LR and 20 D sections taken from ten MA and ten PhD dissertations written in English as an EFL by male and female Tunisian researchers in the field of applied linguistics. It was selected following a "random sampling" technique (Kothari 2004). Only dissertations written in applied linguistics were chosen to avoid differences due to disciplinary preferences (Becher & Trowler 2001). Besides, only dissertations that follow the I(Lr)MRD style were selected. It is to be noted that in both the MA and PhD dissertations, the R and D sections are not separated. Therefore, it was only possible to study both the R and the D together (henceforth RD). Finally, because interest is in the analysis of the writer's linguistic choices, all quotes and labels are discarded from the LR and RD sections. The number of words per subcorpus is summarized in Table 1 below.

Table 1. Number of words in each subcorpus

	LR	RD	Total number of words
MA	90051	81435	171486
PhD	150229	211420	361649
Total number of words	240280	292 855	533135

3.3. Data analysis

The corpus was first qualitatively analyzed for the use of engagement resources. Expressions with dialogically expansive and dialogically contractive meanings were identified, then classified into the *expand* or *contract* categories. The UAM corpus tool was used for that purpose. The data were then exported to SPSS for quantitative analysis. A one-way ANOVA test was computed to study the similarities/ differences in the use of the *expand* and *contract* categories across the degrees and across the dissertation sections. To that purpose, the following hypotheses were formulated:

H₀: It states that the mean difference between the categories is not significant.

H₁: It states that the mean difference between the categories is significant.

Next, a significance level $p \leq 0.05$ was chosen as it is common to set in social sciences. It represents "the probability level below which the researcher is willing to treat his/her hypotheses as significant" (Triki & Sellami-Baklouti 2002: 56). It means that when the significance level is above 0.05, the Null Hypothesis cannot be rejected. If, on the contrary, p is below 0.05, H₀ is rejected, and H₁ is kept.

4. Results

4.1. The distribution of expansion and contraction across the corpora

The distribution of expansion and contraction in the corpus is summarized in Table 2 below. The difference in the number of words across the subcorpora is dealt with by computing engagement resources per 1000 words.

Table 2. Expansion and contraction mean occurrence in MA and PhD dissertations LR and RD sections

	Expansion		Contraction	
	LR	RD	LR	RD
MA	6.03	7.70	7.00	6.57
PhD	9.53	10.04	8.57	9.21

The exploration of the study results through the SPSS software shows that mean differences between expansion and contraction categories are not statistically significant when the rhetorical sections (LR and RD) are considered. The results are presented in Table 3. However, the difference is statistically significant when the corpus is studied taking the degree (MA and PhD) into consideration, as is shown in Table 4.

Table 3. ANOVA test for expansion and contraction categories across the sections

		Sig.
Expansion	Between Groups	.209
	Within Groups	
	Total	
Contraction	Between Groups	.348
	Within Groups	

Table 4. ANOVA test for expansion and contraction categories across the degrees

		Sig.
Expansion	Between Groups	.001* ⁴
	Within Groups	
	Total	
Contraction	Between Groups	.005*
	Within Groups	

The statistically significant difference between MA and PhD dissertations in the use of expansion and contraction in the present corpus suggests that the ability to establish interpersonal relationships in the text is related to the writers’ degree rather than to the rhetorical section. This might imply that voice and stance expression is a developmental feature of academic writing, as is advanced by Aull and Lancaster (2014). Researchers at different educational degrees have different strategies of authorial expression and positioning in their texts. The perception of their active role in knowledge construction might enhance their ability to create a dialogue and establish networks. It is reflected in their use of expansion and contraction to evaluate the literature they refer to, make assumptions, or address the reader. The findings echo those made by Barton (1993), Lancaster (2014), Nackoney *et al.* (2011), Paltridge and Starfield (2007), and Street (2009), who see that the writers’ ability to negotiate a position and to claim ownership depends on their literacy level.

To check the validity of these claims, a detailed analysis of expansion and contraction in each section is presented below. The mean difference of expansion and contraction in the MA and PhD LR and RD sections are illustrated in Fig. 3.

The ANOVA test is conducted to see if the mean difference is statistically significant. The results are summarized in Table 5.

The ANOVA results revealed that mean differences for the expansion and contraction categories in the MA and PhD dissertations are statistically significant ($p \leq 0.05$) for all the sections except for contraction in the LR section, where

⁴ The significance level is below $p < 0.05$, which means that H_1 is kept.

$p=0.051$. In the latter case, H_0 is kept. It shows that, quantitatively, contraction in the MA and PhD LR sections is used similarly. It is, however, more frequently used in the PhD RD section. Expansion is more frequently used in the PhD dissertations in both the LR and RD sections. The differences in the use of expansion and contraction across the sections are in line with the claim that LR and RD represent distinct subgenres (Thompson 2009) and have different rhetorical purposes (Salager-Meyer 1994). Therefore, the writer adopts different tones of voice across the sections.

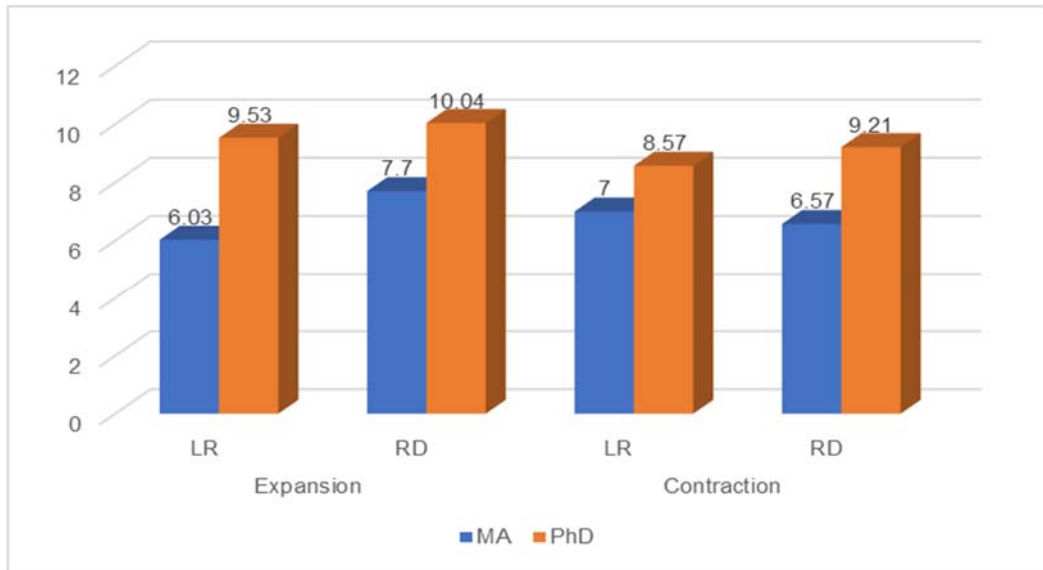

Fig. 3. Expansion and contraction in MA and PhD LR and RD sections

Table 5. ANOVA test results for expansion and contraction in MA and PhD dissertations LR and RD sections.

			Sum of Squares	Mean Square	F	Sig.
Expansion	LR	Between Groups	39516.050	39516.050	13.375	.002*
		Within Groups	53181.700	2954.539		
		Total	92697.750			
	RD	Between Groups	111900.800	111900.800	13.962	.002*
		Within Groups	144260.200	8014.456		
		Total	256161.000			
Contraction	LR	Between Groups	21648.200	21648.200	4.373	.051
		Within Groups	89101.600	4950.089		
		Total	110749.800			
	RD	Between Groups	99828.450	99828.450	14.369	.001*
		Within Groups	125052.100	6947.339		
		Total	224880.550			

These results show that PhD dissertations present more instances where dialogicality is enhanced through expansion resources in both LR and RD. MA writers seem less inclined to open the possibility for other voices to be heard in both the LR and RD sections. It might be explained by the MA researchers' limited

experience in writing academic texts as long as the dissertation and their failure to see academic discourse as an intersubjective and interpersonal genre. Their limited use of expansion in comparison to their PhD peers reflects their inability to take a critical distance towards the voices they are using as evidence and towards the reader as an active part in argument construction.

The tendency to close the dialogue through contraction is similar in both the MA and PhD LR sections since no statistical difference is observed in means occurrences across the degrees. The tendency might be explained by the writers' awareness of their role in this section regardless of their degree. Indeed, the function of the LR is to review the state of the art; the writer is expected to be open to different perspectives. Therefore, closing the dialogue through contraction is not the appropriate strategy to adopt to meet the LR rhetorical function.

A significant difference between the MA and the PhD writers is, however, observed in the use of contraction expressions in the RD sections. The rhetorical function of this section might explain this finding; the writer is expected to describe the study outcomes, compare and contrast them with those of previous research, and come up with conclusions concerning the issue being commented on. The writer is expected to highlight personal contribution and distinctiveness. Strong authorial presence is a strategy to cut clear an argument and to negotiate a voice among the panoply of voices present in the text. It is to be noted that the PhD subcorpus displays more instances of contraction use. Stronger authorial persona supports the claim made earlier that PhD researchers display greater mastery of the rhetorical strategies at hand to position themselves in the community (Barton 1993, Lancaster 2014, Nackoney et al. 2011, Paltridge & Starfield 2007; Street 2009).

4.2. Dialogicality and authorial presence in the Literature Review

The examples below are taken from the LR sections written by MA and PhD researchers. In example [1], the MA researcher deals with a key concept in his/her work which is “face-to-face political talk”. He/she refers to an authority figure to describe the concept. The use of the reporting verb is expansive as it opens the space for a dialogue between the different voices present in the text. The verb ‘contend’ actually conveys three voices– the source’s voice, the writer’s, and the reader’s. The reporting verb is multifunctional; it introduces the reference and signals the researcher’s detachment from what is being advanced, which might protect him/her from the reader’s potential disagreement. Anticipation of the audience reaction is also manifested through the use of the hedge ‘oftentimes’. The writer, then, strategically moves to contraction through the use of “much”, “more”, and “fervent” in the explanation of the concept being discussed to lead the reader into a specific evaluation. The voices in the text seem to converge towards the same interpretation. The problem is that the writer’s stance is not properly signaled. It is not explicitly distinguished from that of the original source. It weakens the MA researcher’s authorial presence and might be a source of criticism for him/her.

- [1] *Schudson (1997:299) contends that face-to-face political talk is “profoundly uncomfortable” as it is built on controversial issues that cause interactants to, oftentimes, withdraw from **much** of their civility and respect in favor of a **more robust and fervent** dispute. (MA LR)*

Similarly, in example [2], the MA student does not establish clear boundaries between his/her personal stance and that of the reference he/she is using to comment on a key concept in the literature review. The use of the expression “One of the advantages” is expansive as it gives the reader the impression that the writer is evaluating the state of the art based on what came in the literature while the concept is being evaluated with reference to one authority (i.e., Martin (2000)). The writer merges his/her voice with that of the reference. This is also clear through the use of “mainly”, “dive”, and “therefore” which are also evaluative, but the origin of the evaluation is not clear. Their use is contractive and gives the writer a strong authorial presence. The MA writer hides behind an authority voice to make strong claims. The authorial persona he/she creates might therefore be criticized for sounding categorical and also for being ambiguous as to whose voice is being heard.

- [2] ***One of the advantages** of the appraisal framework lies in its accessibility to non-linguists, **mainly** due to the use of semantics rather than grammar as the way to **dive** into the analysis (Martin 2000; 143). It is, **therefore**, suited to an analysis aimed at potentially multiple readerships, e.g. linguists, critical discourse analysts, organizational behaviorists, and leadership rhetoric scholars. (MA LR)*

The study of the PhD LR sections displays a more effective authorial presence. As is shown in example [3], the PhD researcher uses both expansion and contraction to report what has been said in the literature. By referring to more than one authority, the writer uses contraction (“is”, “widespread”, “especially”, and “typically”) to give force to his/her claims. He/she, however, uses expansion to attenuate his/her stance; the use of the hedge “often” twice in the sentence strengthens the writer’s authorial persona as a researcher by opening the possibility for other voices to be heard. It increases the dialogicality of his/her work which is in line with the heteroglossic nature of academic research.

- [3] *The use of false identities, **often** of a different sex, **is widespread** in electronic communities and in MUDs **especially** (Curtis, 1996; Mantovani, 1995; Spears and Lea, 1992). This is **typically** the case for unsolicited emails where spammers declared a false identity to fulfill their deceptive goals. Spam writers **often** plagiarize other identities to sustain the intention of the reader, convince him/her and eventually trap him/her. (PhD LR)*

The analysis of these examples, though only illustrative, supports the conclusions made by researchers concerning the writer’s stance and voice expression as a criterion that distinguishes writers across the degrees. Indeed, the qualitative and quantitative analysis of the corpus shows that MA researchers’ LRs reflect the image of a writer who is “less committed and critically distant”

(Lancaster 2014: 51) in contrast to the PhD researchers who are more committed in their stance expression and who “build a critically discerning reader in the text” (ibid). The qualitative analysis of the corpus shows that expansion and contraction are not always judiciously used to construct an effective authorial persona that is in line with the section’s rhetorical purposes. MA students seem to have more problems in the LR as they do not always succeed in manipulating the text polyphony to their advantage. Conversely, PhD researchers display a greater mastery of the expansion and contraction resources to manage the voices within the text.

4.3. Dialogicality and authorial presence in the Discussion

Quantitative analysis (Table 5) revealed significant differences between MA and PhD researchers in the use of expansion and contraction in the RD. To start with expansion, it is more frequently used by PhD researchers. The comparison between example [4] taken from the MA RD subcorpus and example [5] taken from the PhD RD subcorpus will illustrate how MA researchers’ use of expansion does not reinforce their personal contribution to knowledge.

- [4] *As pointed out in the literature review (see section 2.4.2.1), Culpeper (1996) makes clear that this super-strategy has as a purpose to damage the addressee’s positive face wants; i.e., his/her want to be approved of. Nevertheless, following Blitvich (2010), face damage is not simply limited to the addressee, but exceeds him/her to cover the collective face of those identifying with the out-group (see section 2.4.3). (MA RD)*
- [5] *Among the one million words studied in the corpus, 129,796 words are prepositions, thus representing almost 13 percent of all the words in the corpus. This result supports the claim held by Mindt and Weber (1989) that every eighth word in English is a preposition [Chapter One: Syntactic Approach], and therefore, they can be thought of as important categories as far as the English language is concerned. (PhD RD)*

In example [4], the MA researcher refers to what has been stated in the literature to explain his/her findings. Despite the force of the utterance (expressed through the use of contraction “as”, “makes clear”, “i.e.”), the researcher’s personal voice is not foregrounded. The use of previous literature to support one’s claim is a necessary rhetorical strategy in the RD section, but it seems that in the present example, there is a predominance of other researchers’ voices. The MA writer is restating what is already explained in the LR and implicitly aligns himself/herself with other voices. Reference to the literature does not serve the discussion’s rhetorical purposes. It creates ambiguity as to whose voice is being heard. The writer’s authorial persona is thus counter-productive and jeopardizes his/her position.

Conversely, the PhD researchers’ use of expansions sounds more effective. In example [5], the writer opens the dialogue through the use of hedges (e.g., “almost”, “can”) to introduce their findings. It reflects the researchers’ personal contribution

and distinctiveness, on the one hand, and acknowledges the possible criticism that can be directed at them, on the other hand. The use of expansion in the RD section in that way shows that PhD writers are aware that the scientific debate is not yet over and that other voices can be heard in addition to theirs. The use of expansion lubricates the interaction between the researcher and the reader. With dialogue being the essence of academic research, it can be assumed that the PhD researchers open the interpersonal exchange as a rhetorical strategy to position themselves in the community.

5. Discussion

The qualitative and quantitative exploration of a corpus of LR and RD sections written by MA and PhD EFL researchers for the use of engagement strategies foregrounded the role of the writer's authorial persona in the persuasive act. Voice construction and the writer's ability to manipulate the interpersonal relationships in the text are studied to understand the writer's construction of an authorial presence as a tool to negotiate meaning. The triangulation of data analysis tools is particularly significant since it allows for the description of recurrent trends in the corpus and provides an illustration of the writers' differing strategies in creating a persuasive authorial persona following the section rhetorical purpose, on the one hand, and the writer's experience in writing academic texts, on the other hand.

The quantitative analysis shows that authorial persona, positioning, and the negotiation of meaning are related to the writer's roles and responsibilities in the academic community. The significant differences in the use of engagement across the degrees demonstrate that MA and PhD researchers do not build text dialogicality in the same way. The analysis of actual utterances from the corpus in their context shows that the stance that MA and PhD researchers create reflects different perceptions of their roles in the academic community. At the MA level, the researchers display an ability to report previous literature. More is, however, needed from an academic writer. He/she needs to be able to problematize and to give a synthesis (Nackoney et al. 2011, Paltridge & Starfield 2007, Triki 2019). Paltridge and Starfield (2007) explain the writer's evolution as a move from knowledge reproduction with a focus on correctness at secondary school– through “summarizing and describing” (p. 7) from other sources, to knowledge creation and “recombination” (ibid) at more advanced levels. It is achieved through the “questioning” and “judging” (ibid) of existent knowledge to come up with new and original ideas. Postgraduate writing is about personal contributions and distinctiveness. This is especially true for PhD writers, as noted by Nackoney et al. (2011), who see that “Doctoral students are expected to become more critically reflective and master the complexities of scholarly writing as they approach the task of writing their dissertations” (p. 27). These maneuvers involve the writer's stance expression towards what is being reported and the audience's reaction to it. The present study shows that authorial voice expression, positioning vis-à-vis other

voices in the text, and the foregrounding of personal contribution sound less effective in the MA in comparison to the PhD dissertations.

The comparison of engagement resources across the sections shows that the writer's authorial persona is not static. It differs following the section's rhetorical purposes. The analysis of expansion and contraction in light of the section's rhetorical moves reveals that MA researchers do not always succeed in detaching their voice from that of the cited authors. The PhD researchers are more proficient in managing text polyphony. In the LR, expansion resources are used to open the dialogue between the different interactants involved in the persuasive act, i.e., the writer, the audience, and other texts. Contraction is used to narrow down the discussion and specify the study perspective. It is used in a similar way by MA and PhD researchers. In the RD, the writer adopts a different persona, one which situates the work in a wider research context through the use of expansion resources and stresses personal contribution and distinctiveness through the use of contraction. Expansion is also used to acknowledge other voices in the text to foster the researcher's humility and anticipation of the reader's different interpretation of the results.

The orchestration of the writer's authorial voice, evidence from previous literature, and the audience's potential reaction to content needs to be done in a way that fosters the writer's position so that he/she is ushered into the discourse community. The writer's responsibility in dissertation writing is not about stating facts in a neutral way. He/she is required to position himself/herself through engaging the audience in a dialogue to achieve the text's persuasive ends. As Street (2009) emphasizes, "So, the writer is establishing who they are as a situated subject when they present their essay/dissertation, etc. They are not just presenting data in some supposedly objective way, as many students may have been led to believe up to this stage (and beyond) [...]" (p. 12). The limited use of expansion resources in the MA subcorpora does not foster negotiation in knowledge creation as is advanced by Cherry (1988). Limited intertextuality undermines research quality as interaction represents a highly appreciated feature of academic writing. The study findings can thus be used in pedagogical contexts to assist EFL postgraduate writers.

6. Pedagogical implications

Knowledge creation is the result of the superposition of the writer's individual choices, the voices coming from previous texts, and those which are anticipated from potential audience. Likewise, dissertation writing is about reporting other voices, stating and situating one's own, and anticipating the reader's potential reactions. The writer's role is to orchestrate these voices and to situate his/her own stance towards them. Because these voices can be opposite or conflicting, the academic text is said to be heteroglossic (Brooke 2014, Lee 2011, Tang 2009). Within the polyphony of academic texts, the writer's authorial stance needs to be clear to avoid ambiguity. The role(s) and responsibility(ies) of each agent of

knowledge construction are to be acknowledged in the dissertation to secure the research ethics, avoid plagiarism, and highlight personal contribution(s). According to Ivanič (1998), the writer needs “to skillfully combine some characteristics of being an established member with those of being an apprentice.” (Ivanič 1998: 296), which is not an easy balance to attain. The researcher needs to demonstrate personality and avoid being pretentious. It is like walking on a tight rope; researchers can either fall into excessive tentativeness or into arrogance. At certain stages of dissertation writing, the writer is expected to open the possibility for other voices to be heard, and at other stages, the writer needs to demonstrate certainty and strength. This balance is challenging for novice researchers, especially non-native speakers.

The study has, thus, pedagogical implications as to the understanding of academic writing at a postgraduate level. The examination of expansion and contraction resources in authentic EFL academic discourse unveils the persuasive strategies that postgraduate researchers use to negotiate a position within a specific discourse community. We argue that, in many instances, and especially for MA researchers, some usages of engagement resources are ineffective. The investigation of the researchers’ linguistic choices across the degrees confirms the peripheral status of MA writers within the community (Hyland 2006) and the more established position of PhD researchers. It also supports what researchers such as Chang (2015), Hyland (2019), and Rouissi (2013) noted as to EFL writers’ failure to construct an effective voice that serves their rhetorical moves. The comparison between MA and PhD writings proves that the use of voice is a developmental feature of academic writing. Therefore, closer attention to authorial presence and to problems of voice negotiation through the study of engagement resources can help EFL writers produce more effective texts and can enhance their chances to get heard in their discourse communities. We aspire to foreground the linguistic behavior that fosters postgraduate researchers’ positioning in the community by pointing out these tendencies.

7. Conclusion

Authorial presence plays a pivotal role in argument construction as it affects the dialogue that the writer creates throughout the text. The role of the writer’s authorial persona in the persuasive act is highlighted through the qualitative and quantitative examination of a corpus of LR and RD sections authored by MA and PhD EFL researchers for the usage of engagement strategies. To appreciate the writer’s development of an authorial presence as a tool to negotiate meaning, the writer’s ability to create interpersonal relationships through the text is studied. The study confirms the cross-degree differences between MA and PhD researchers. These areas represent zones of proximal development (Vygotsky & Cole 1978) that need to be addressed in pedagogical contexts to help EFL postgraduate writers make their texts sound more appealing. The more frequent use of dialogic expansion by PhD writers fosters their ability to synthesize, critically evaluate, and

question textual content in comparison to MA writers. The cross-sectional comparison of dialogicality shows that authorial persona is a dynamic construct that is meant to respond to specific rhetorical needs and to meet generic and community expectations. It is an aspect that needs careful consideration, especially for EFL writers who are said to experience extra challenges compared to their native speakers peers. Authorial voice manifestation can be accounted for by educational and individual preferences that could be further investigated to validate the study findings.

Acknowledgments

We would like to thank the editor and anonymous reviewers for their helpful comments on an earlier draft of this paper.

REFERENCES

- Allison, Desmond et al. 1998. Dissertation writing in action: The development of a dissertation writing support program for ESL graduate research students. *English for Specific Purposes* 17 (2). 199–217. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(97\)00011-2](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(97)00011-2)
- Alotaibi, Hmoud S. 2019. An exploration of authorial stance in SSCI-ranked journals versus non-SSCI-ranked journals. *3L: Language, Linguistics, Literature* 25 (3). 65–78. <https://doi.org/10.17576/3L-2019-2503-05>
- Alamadan, May M. 2020. Authorial stance in English, Arabic and EFL applied linguistics research: An appraisal study. *Asiatic: IIUM Journal of English Language and Literature* 14 (1). 189–216.
- Aull, Laura L. & Zak Lancaster. 2014. Linguistic markers of stance in early and advanced academic writing: A corpus-based comparison. *Written Communication* 31 (2). 1–33. <https://doi.org/10.1177/0741088314527055>
- Barton, Ellen L. 1993. Evidentials, argumentation, and epistemological stance. *College English*, 55(7). 745–769. <https://doi.org/10.2307/378428>
- Bazerman, Charles. 2004. Intertextuality: How texts rely on other texts. In Charles Bazerman & Paul Prior (eds.), *What writing does and how it does it?*, 1–11. London: Lawrence Erlbaum.
- Bitchener, John & Helen Basturkmen. 2006. Perceptions of the difficulties of postgraduate L2 thesis students writing the discussion section. *Journal of English for Academic Purposes* 5. 4–18. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2005.10.002>
- Bizzell, Patricia. 1992. *Academic Discourse and Critical Consciousness*. Pittsburgh/London: University of Pittsburgh Press.
- Becher, Tony & Trowler, Paul R. 2001. *Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Culture of Disciplines*. 2nd edn. Philadelphia: SRHE and Open University Press.
- Can, Cem & Fatma Yuvayapan. 2018. Stance-taking through metadiscourse in doctoral dissertations. *Online Submission* 6 (1). 128–142.
- Casanave, Christine P. & Philip Hubbard. 1992. The writing assignments and writing problems of doctoral students: Faculty perceptions, pedagogical issues, and needed research. *English for Specific Purposes* 11. 33–49.
- Chafe, Wallace. 1986. Evidentiality in English conversation and academic writing. In Wallace Chafe & Johanna Nichols (eds.), *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*, 261–272. Norwood/New Jersey: Ablex Publishing Corporation.
- Chafe, Wallace. L. & Johanna Nichols. 1986. *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*. Norwood/New Jersey: Ablex Publishing Corporation.

- Chang, Peichin. 2015. EFL doctoral students' conceptions of authorial stance in academic research writing: An exploratory study. *RELC Journal* 47 (2). 1–18.
- Charles, Maggie. 2006. The construction of stance in reporting Clauses: A cross-disciplinary study of theses. *Applied Linguistics* 27 (3). 492–518. <https://doi.org/10.1093/applin/aml021>
- Cherry, Roger D. 1988. Ethos versus persona: Self-representation in written discourse. *Written Communication* 5 (3). 251–276. <https://doi.org/10.1177/0741088388005003001>
- Connor, Ulla. 2008. Mapping multidimensional aspects of research: Reaching to intercultural rhetoric. In Ulla Connor, Ed Nagelhout & William W. Rozycki (eds.), *Contrastive rhetoric: Reaching to intercultural rhetoric*, 299–315. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Elghoul, Hana. 2016. *Projection Strategies and the Expression of Stance in Academic Writing: A Functional Grammatical Approach to Literature Review Chapters in Linguistics and Literary Studies Master's Theses*. Unpublished MA dissertation. University of Sfax, Faculté des Lettres et des Sciences Humaines.
- Ellinger, Andrea D. & Baiyin Yang. 2011. Creating a whole from the parts: Qualities of good writing. In Tonette S. Rocco & Timothy G. Hatcher (eds.), *The handbook of scholarly writing and publishing*, 115–124. San Francisco: Jossey-Bass.
- Ewald, Helen R. 1998. Waiting for answerability: Bakhtin and composition studies. In Frank Farmer (ed.), *Landmark essays on Bakhtin, rhetoric and writing*, 225–240. New Jersey: Hermagoras Press.
- Flowerdew, John. 2000. Discourse community, legitimate peripheral participation, and the nonnative-English-speaking scholar. *TESOL Quarterly* 34 (1). 127–150.
- Gillett, Andy, Angela Hammond & Mary Martala. 2009. *Successful Academic Writing*. Canada: Pearson Longman.
- Gray, Bethany & Douglas Biber. 2012. Current conceptions of stance. In Ken Hyland & Carmen Sancho-Guinda (eds), *Stance and voice in written academic genres*, 15–33. Great Britain: Palgrave Macmillan
- Gosling, Patricia & Bart Noordam. 2011. *Mastering your PhD: Survival and Success in the Doctoral Years and Beyond*. 2nd edn. Verlag Berlin Heidelberg: Springer.
- Grossberg, Lawrence. 1982. Intersubjectivity and the conceptualization of communication. *Human Studies* 5 (3). 213–235.
- Hajji, Ayadi. 2012. *Academic Literacy in the Electronic Era: Aspects of stability and Signs of change*. Unpublished Ph.D dissertation. University of Carthage, Higher Institute of Languages Cité Elkhadhra, Tunis.
- Hyland, Ken. 1998. Boosting, hedging and the negotiation of academic knowledge. *Text* 18 (3). 1–33.
- Hyland, Ken. 2003. *Second Language Writing*. New York: Cambridge University Press.
- Hyland, Ken. 2006. *English for Academic Purposes: An Advanced Resource Book*. London/New York: Routledge Taylor & Francis Group.
- Hyland, Ken. 2008. Writing theories and writing pedagogies. *Indonesian Journal of English Language Teaching*, 4 (2). 91–110.
- Hyland, Ken. 2019. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London/New York: Bloomsbury.
- Imel, Susan. 2011. Writing a Literature Review. In Tonette S. Rocco & Timothy G. Hatcher (eds.), *The handbook of scholarly writing and publishing*, 145–160. San Francisco: Jossey-Bass.
- Intaraprawat, Puangpen & Margaret S. Steffensen. 1995. The use of metadiscourse in good and poor ESL essays. *Journal of Second Language Writing* (4) 3. 253–272.

- Ivanič, Roz. 1998. *Writing and Identity: the Discoursal Construction of Identity in Academic Writing*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Johns, Ann M. & John M. Swales. 2002. Literacy and disciplinary practices: Opening and closing perspectives. *Journal of English for Academic Purposes* 1. 13–28.
- Kothari, Chakravanti R. 2004. *Research Methodology: Methods & Techniques*. New Delhi: New Age International Publishers.
- Lee, Monica. 2011. Finding Voice: Appreciating Audience. In Tonette S. Rocco & Timothy G. Hatcher (eds.), *The handbook of scholarly writing and publishing*, 102–114. San Francisco: Jossey-Bass.
- Lee, Alison & Claire Aitchison. 2011. Working with Tensions: Writing for Publication During Your Doctorate. In Tonette S. Rocco & Timothy G. Hatcher (eds.), *The handbook of scholarly writing and publishing*, 62–74. San Francisco: Jossey-Bass.
- Martin, Jeannett R. & Peter P. R. White. 2005. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Basingstoke [UK]: Palgrave Macmillan.
- Mei, Wu S. & Desmond Allison. 2005. Evaluative expressions in analytical arguments: Aspects of appraisal in assigned English language essays. *Journal of Applied Linguistics* 2 (1). 105–127. Equinox Publishing. <https://doi.org/10.1558/japl.2005.2.1.105>
- Mohan, Bernard A. & Winnie A. Lo. 1985. Academic writing and Chinese students: Transfer and developmental factors. *TESOL Quarterly*, 19 (3). 515–534.
- Myers, Greg. 2001. ‘In my opinion’: the place of personal views in undergraduate essays. In Martin Hewings (ed.), *Academic writing in context: implications and applications*, 63–78.
- Lancaster, Zak. 2014. Exploring valued patterns of stance in upper-level student writing in the disciplines. *Written Communication* 31 (1). 27–57. <https://doi.org/10.1177/0741088313515170>
- Nackoney, Claire K., Sunny L. Munn & Jesus Fernandez. 2011. Learning to write: Wisdom from emerging scholars. In Tonette S. Rocco & Timothy G. Hatcher (eds.), *The handbook of scholarly writing and publishing*, 26–43. San Francisco: Jossey-Bass.
- Ochs, Elinor. (ed.). 1989. *The Pragmatics of Affect*, [special issue]. *Text* 9 (3).
- Paltridge, Brian. 2002. Thesis and dissertation writing: An examination of published advice and actual practice. *English for Specific Purposes* 21. 125–143.
- Paltridge, Brian & Sue Starfield. 2007. *Thesis and Dissertation Writing in a Second Language: A Handbook for Supervisors*. London/ New York: Routledge Taylor & Francis Group.
- Paltridge, Brian., & Sue Starfield. 2020. *Thesis and Dissertation Writing in a Second Language: A Handbook for Students and their Supervisors*. 2nd edition. London/New York: Routledge Taylor & Francis Group.
- Prior, Paul. 2001. Voices in text, mind, and society: Sociohistoric accounts of discourse acquisition and use. *Journal of Second Language Writing* 10 (1–2). 55–81.
- Rouissi, Ikram. 2013. *Attribution and Aversion as Manifestations of Voice in Experts’ and Novices’ Secondary Research Papers in English Language Teaching*. Unpublished Ph.D dissertation. University of Mannouba, Faculty of Letters, Arts, and Humanities.
- Salager-Meyer, Françoise. 1994. Hedges and textual communicative function in medical English written discourse. *English for Specific Purposes* 13 (2). 149–170.
- Sancho-Guinda, Carmen & Ken Hyland. 2012. Introduction: A context-sensitive approach to stance and voice. In Ken Hyland & Carmen Sancho-Guinda (eds.), *Stance and voice in written academic genres*, 1–11. Great Britain: Palgrave Macmillan.
- Saz-Rubio, Ma M. 2011. A pragmatic approach to the macro-structure and metadiscoursal features of research article introductions in the field of Agricultural sciences. *English for Specific Purposes* 30 (4), 258–271.

- Street, Brian. 2009. “Hidden” features of academic paper writing. *Working Papers in Educational Linguistics* 24 (1). 1–17.
- Swales, John. 1990. The concept of discourse community. In Douglas Downs & Elizabeth Wardle (eds.), *Writing about writing*, 466–473. Boston: Bedford St Martins.
- Swales, John M. & Christine B. Feak. 1994. *Academic Writing for Graduate Students: Essential Tasks and Skills. A course for Nonnative Speakers of English*. USA: The University of Michigan Press.
- Thompson, Paul. 2009. Literature reviews in applied PhD theses: Evidence and problems. In Ken Hyland & Giuliana Diani (eds.), *Academic Evaluation*, 50–67. London: Palgrave Macmillan.
- Triki, Mounir & Akila Sellami-Baklouti. 2002. *Foundations for a Course on the Pragmatics of Discourse*. Sfax: Imprimerie Reliure d’Art.
- Vygotsky, Lev S. & Michael Cole. 1978. *Mind in society: The development of higher psychological processes*. Cambridge/MA: Harvard University Press.
- Weigle, Sara C. 2002. *Assessing Writing*. Cambridge University Press.
- Woodward-Kron, Robyn. 1999. Learning the discourse of a discipline: the nature of the apprenticeship. HERDSA Annual International Conference, Melbourne, 12–15 July 1999.

Article history:

Received: 07 October 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionotes:

Emna FENDRI holds a Ph.D. in English Language and Linguistics from the University of Sfax, Tunisia. She teaches English language modules for undergraduate students at the same university. Her research interests include English as a Foreign Language Learning/Teaching, Intercultural Communication, Genre Analysis, English for Academic Purposes, Corpus Linguistics, Contrastive Rhetoric, (Critical) Discourse Analysis, and Systemic Functional Linguistics.

Contact information:

Laboratory on Approaches to Discourse (LAD), University of Sfax, Tunisia.

Route de l’aéroport- Km 4.5 – Sfax, Tunisia

e-mail: emna3000@yahoo.fr

Mounir TRIKI is Full Professor at the Faculty of Letters and Humanities of the University of Sfax, English Department, Tunisia. After graduating from French and British Universities, and a long teaching experience at King Saud University, KSA, Professor Triki has co-founded the English Department and the postgraduate English Studies in English at FLSHS. His research includes Pragmatics, Critical Discourse Analysis, Rhetoric, Literary Criticism, Culture Studies, Media Studies, Forensic Linguistics, Translation Studies, and Pedagogical Pragmatics.

Contact information:

Faculty of Letters and Humanities of Sfax, University of Sfax, Tunisia.

Route de l’aéroport- Km 4.5 – Sfax, Tunisia

e-mail: mtriki2001@yahoo.com

Сведения об авторах:

Эмна ФЕНДРИ получила докторскую степень (Ph.D.) по английскому языку и лингвистике в Сфакском университете в Тунисе и в настоящее время преподает там английский язык. Ее научные интересы включают преподавание английского языка как иностранного, межкультурную коммуникацию, жанроведение, английский язык для академических целей, корпусную лингвистику, контрастивный, риторический и (критический) дискурс-анализ, а также системно-функциональную лингвистику.

Контактная информация:

Laboratory on Approaches to Discourse (LAD), University of Sfax, Tunisia.

Route de l'aéroport- Km 4.5 – Sfax, Tunisia

e-mail: emna3000@yahoo.fr

Моунир ТРИКИ – профессор английского отделения факультета гуманитарных наук Сфакского университета в Тунисе. После обучения во французском и британском университетах и многих лет преподавания в Университете Короля Сауда в Саудовской Аравии профессор Трики стал одним из основателей английского отделения и программы обучения аспирантов/магистрантов на факультете гуманитарных наук Сфакского университета. Сфера его научных интересов включает прагматику, критический дискурс-анализ, риторику, литературную критику, культурологию, медиаисследования, лингвистическую экспертизу, переводоведение и педагогическую прагматику.

Контактная информация:

Faculty of Letters and Humanities of Sfax, University of Sfax, Tunisia.

Route de l'aéroport- Km 4.5 – Sfax, Tunisia

e-mail: mtriki2001@yahoo.com

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-24951>

Research article

Universality vs. cultural specificity of anger metaphors and metonymies in English and Vietnamese idioms

TRAN Ba Tien

Vinh University, Vinh City, Vietnam

tientb@vinhuni.edu.vn

Abstract

As a human basic emotion, anger has been extensively investigated to gain insights into human cognition and psychology. From the cognitive linguistic perspective, research into metaphor and metonymy of anger across languages can shed light on the cultural models of respective speech communities. This paper looks into metaphors and metonymies of anger in Vietnamese and English idioms to find out how this emotion is conceptualized in each language, what features are universal and what characteristics are culturally specific. The Conceptual Metaphor Theory framework proposed by Lakoff & Johnson (1980) was used for data analysis, which involves 68 English and 52 Vietnamese idioms. It was found that both languages conceptualize anger based on embodied experiences as well as cultural models. Six major conceptual metaphors of anger are identified with more diverse elaborations in Vietnamese idioms. Cultural differences are that Vietnamese makes frequent use of body parts and internal organs metonymies while English tends to utilize the whole body to describe emotional states. Vietnamese feudal values and folk culture are also evident in the metaphorical and metonymic idioms of anger. These findings have both linguistic significance and pedagogical implications. It is suggested that awareness of conceptual motivation should be promoted when teaching idioms as figurative, metaphorically based expressions.

Keywords: *anger, metaphor, metonymy, cognitive linguistics, emotion*

For citation:

Tran, Ba Tien. 2022. Universality vs. cultural specificity of anger metaphors and metonymies in English and Vietnamese idioms. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 74–94. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-24951>

Научная статья

Универсальные vs. культурно-специфические характеристики метафор и метонимий со значением гнева в английском и вьетнамском языках

ТРАН Ба Тьен

Виньский университет, Винь, Вьетнам

tientb@vinhuni.edu.vn

Аннотация

Гнев как одна из базовых человеческих эмоций является объектом многочисленных исследований, позволяющих постичь особенности когниции и психологии. С точки зрения когнитивной лингвистики изучение метафор и метонимий, выражающих гнев в разных языках,

© Ba Tien Tran, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

может пролить свет на культурные модели соответствующих языковых сообществ. В настоящей статье рассматриваются вьетнамские и английские идиомы, основанные на метафорах и метонимиях со значением гнева, с целью выявить, как эмоции концептуализуются в этих языках и какие черты универсальны, а какие культурно-специфичны. Для анализа данных, включающих 68 английских и 52 вьетнамские идиомы, используется Теория концептуальной метафоры Лакоффа и Джонсона (1980). Показано, что в обоих языках концептуализация гнева определяется телесным опытом и культурными моделями. Выявлено шесть концептуальных метафор гнева, разнообразными способами воплощенных во вьетнамских идиомах. Культурные различия заключаются в том, что вьетнамцы часто метонимически используют наименования различных частей тела и внутренних органов, в то время как в английском языке обозначение эмоциональных состояний, как правило, основано на целостных телесных образах. Во вьетнамских метафорических и метонимических идиомах, выражающих гнев, также проявляются феодальные ценности и народная культура. Полученные результаты значимы как для лингвистики, так и педагогики. Утверждается, что в процессе преподавания следует принимать во внимание концептуальную мотивацию идиом как образных выражений, метафоричных по своей природе.

Ключевые слова: гнев, метафора, метонимия, когнитивная лингвистика, эмоция

Для цитирования:

Tran B. T. Universality vs. cultural specificity of anger metaphors and metonymies in English and Vietnamese idioms. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 1. P. 74–94. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-24951>

1. Introduction

Research on conceptual metaphor and metonymy has drawn considerable attention from cognitive linguists over the last few decades. It is a burgeoning area that is claimed to be able to account for much of language phenomena and human cognition (Kövecses 2002, Lakoff 1987, Lakoff & Johnson 1980, Lakoff & Turner 1989, Yu 1998). Many language aspects, including idioms which used to be considered arbitrary by traditional linguists are now proved to be motivated by conceptual structures that exist independently of language (Keysar & Bly 1999). Unlike the traditional view which posits that metaphor and metonymy are a matter of extraordinary language and characteristic of speech, Lakoff et al. (Lakoff 1987, Lakoff & Johnson 1980, Lakoff & Turner 1989, Lakoff 2008, Musolff 2019, Musolff 2021) see them as a matter of thought and action; therefore, they are pervasive not only in literary works and in political discourse, but also everyday life. As metaphors and metonymies are primarily conceptual, they are manifested not only in language but also in non-linguistic realizations, such as acting, cartoons, drawings, advertisements, etc. For example, an angry man may be drawn with smoke coming out of his ears. Such a picture is based on the conceptual metaphor *Anger is a hot fluid in a container* (Kövecses 2002: 58).

Conceptual metaphors usually use a more concrete concept as their source and a more abstract concept as their target. In other words, we understand something abstract in terms of something we are familiar with. For example, in the conceptual metaphor *anger is heat*, ‘anger’ is understood via ‘heat’, which we can feel and even see with our senses. Metaphors are so pervasive in everyday language that we are almost unaware of their existence, and use them automatically. Metaphorical mappings are not arbitrary, but grounded in the bodily and everyday experiences

and knowledge. While the embodied experience may be universal, as we have similar biological mechanisms, understanding of the world may vary from culture to culture. It follows then that metaphorical mappings may, to some extent, vary across speech communities. In order to fully understand human cognition, both enculturated and embodied meaning must be included (Yu 1998: 46).

With regards to metonymy, the traditional view considers it a figure of speech in which one entity is used to indicate another entity on the basis of closeness or contiguous relation. For instance, we use a part to stand for a whole as in the sentence *The authority needs a tough hand to deal with the problem*. In this sentence, ‘hand’ refers to a person. The cognitive view accepts the traditional view, but adds that “metonymy is a cognitive process in which one conceptual entity, the vehicle, provides mental access to another conceptual entity, the target, within the same domain, or idealized cognitive model” (Kövecses 2002: 145). In the example *The White House is going to withdraw its troops out of Iraq*, ‘the White House’ is the building where the American president lives and works. It is also the vehicle entity referring to the U.S. central government, which is called the target entity.

Metaphor and metonymy have a conceptual nature, but they differ in some aspects. The function of the former is to understand one thing in terms of another, while the latter’s function is to provide mental or cognitive access to a target entity that is less readily available. Metonymy occurs in the same domain while metaphor is the mapping of two distinct domains. Both metaphor and metonymy have some universal and culture-specific features that serve as windows to human cognition and cultures. Among linguistic units, idioms are rich in figurative properties that include metaphor and metonymy. Thus, a cross-linguistic study of idioms through the lens of cognitive linguistics would uncover characteristic features of these two types of trope. Anger is chosen as the focus of investigation because it is one of basic human emotions, possessing “an extremely complex conceptual structure, which gives rise to a wide variety of nontrivial inferences” (Lakoff 1987: 380).

2. Literature review

From the psychological perspective, the question whether emotions are universal or culturally specific is inconclusive (Barrett 2017). The advocates of emotion universality hold that emotions are innately constructed, hence universal. All humans are able to experience and perceive the same core set of emotion categories (Ekman 1999). Constructionist psychologists (e.g.: Lindquist et al. 2012), however, propose that emotions are socially constructed and emerge when people make sense based on the sensory input from the bodily experience and from the world they are familiar with. As a basic emotion of human beings, *anger* has been actively researched by cognitive linguists over the last few decades. Since the inception of Lakoff and Johnson’s (1980) groundbreaking work “*Metaphors We Live By*”, a considerable body of research has focused on investigating anger from the cognitive perspective in various languages and cultures.

Recent research shows that metaphors and metonymies of anger in Indo-European languages have striking similarities with a few variations. The English and Hungarian languages share significant similarities in metaphors of anger (Kövecses 2000, 2005). One minor difference is that while English makes use of the whole body for metaphors, Hungarian has 'head' as a container that can hold the hot liquid in the metaphor *Anger is a hot fluid in a container*. Soriano (2003) investigated the metaphorical models of anger in English and Spanish with a focus on analyzing four parameters: existence of the mapping in the language, degree of conceptual elaboration, degree of linguistic conventionalization, and degree of linguistic exploitation. She found that there are considerable commonalities in the cognitive model of anger in both tongues. Nevertheless, the differences are found in the language-specific submetaphors, some of which are motivated by cultural preferences. For example, both English and Spanish conceptualize the effects of anger on the person as 'boiling' or 'burning'. Nonetheless, further elaborations show that Spanish people make use of 'get fried' linguistic expression as compared to the 'stew' manifestation in English due to the cultural preferences in cooking culture. Conceptual metaphors of anger were also contrastively analyzed in English, French, and Greek discourses based on the comparable corpora in psychology, psychiatry, and psychotherapy (Constantinou 2014). She found that the three languages share the conceptual metaphors *Anger is a hot fluid in a container*, *Anger is fire*, *Anger is insanity*, and *Anger is an opponent in a struggle*. Nevertheless, as with the Spanish metaphors of anger, differences were seen in certain elaborations which highlight various aspects of anger emotion. While the metaphor *Anger is addiction* is found in English authentic texts, it is not observed in a subcorpora of French and Greek. In a similar vein, the conceptual metaphor *Anger is an eruptive force* leads to more diverse elaborations in the English corpora than in those of Greek and French. A comparative study of English and Persian (Abbasvandi & Maghsoudi 2013), which is a more distant language than the aforementioned tongues and cultures, also indicates a tendency in universal features of anger metaphors. Both languages have common conceptual metaphors of anger as *Anger as a fluid*, *Anger as heat/fire*, *Anger as an opponent*, and *Anger as insanity*. However, the differences are present in the entailments and language specific mappings. For instance, the effects of anger on the person, which are conceptualized as 'steaming' in English, are not seen in Persian. The variations are also found with regard to the productivity of mapping in the two tongues. For example, the entailment submetaphor *The increase in intensity of anger is the rise in fluid* is very common in English, but it is sparsely found in Persian.

Research in some East Asian languages has revealed more differences in the subversions of anger metaphors and metonymies. Comparative studies of anger in English and Chinese (e.g.: Yu 1995, Chen 2010) show that both English and Chinese have the central conceptual metaphor *Anger is heat*, which is divided into two sub-versions in the two languages. While both English and Chinese shares a submetaphor *Anger is fire*, English opts for the FLUID metaphors and Chinese uses

the GAS instantiations. The reason for the difference is rooted in the Chinese classical philosophy and traditional medicine, which considers “Qi” (air/gas) as a basic form of physical existence and a source of life. The folk Chinese belief is that all diseases stem from the malfunctions of Qi, hence GAS metaphors. It is also found that Chinese makes use of body parts for metonymies of anger. In Chinese, the GAS metaphors usually go with livers, lungs, and heart; anger is an excess of Qi in these organs. A study of Japanese metaphors of anger (Matsuki 1995) also indicates important universal features of HEAT metaphors, whose instantiations of body heat, internal pressure, redness, and agitation are commonly found. However, metonymies of anger are more varied. Body parts, namely *face*, *neck*, and *belly* are very productive for metonymic expressions in the Japanese language. For example, such expressions as *to have a swollen face*, *belly rises up*, *red in the neck/face*, etc. are pervasive in Japanese linguistic expressions.

In summary, the review of related literature indicates both universal and cultural grounds for anger metaphors and metonymies. While universality is found at the generic conceptual level, differences lie in the degree of conceptual elaborations, entailments, and language specific mappings. Despite extensive studies in other languages, there is a research gap in anger metaphors and metonymies manifested in Vietnamese idioms in contrast with English counterparts. This paper is intended to enrich knowledge of the universality and cultural specificity of anger phraseology in the light of cognitive linguistics.

3. Methodology

The study employs a contrastive analysis method from the cognitive linguistic perspective, using the framework of Conceptual Metaphor and Metonymy Theory (Lakoff & Johnson 1980). The idioms of anger (68 English and 52 Vietnamese occurrences) were classified and analyzed according to the conceptual metaphors and metonymies identified by Lakoff (1980, 1987, 1989) and Kövecses (2002). As figurative expressions, they may or may not contain the lexemes denoting anger such as *anger*, *rage*, *fury* or *wrath*, etc. The data are restricted to linguistic expressions collected from idiom dictionaries. The English expressions were taken from “McGraw-Hill’s American Idioms Dictionary” (Spears 2007); therefore, the idioms are American English. The Vietnamese counterparts were collected from two idiom dictionaries: “Popular Vietnamese Idioms Dictionary” (Nguyen 2002) and “Vietnamese Annotated Idioms Dictionary” (Nguyen et al. 1998). The examples for illustration include naturally occurring data retrieved from the internet archives of two English and three Vietnamese newspapers, including “The New York Times”, “USA Today”, “An Ninh Thu Do”, “Doi Song” and “Dat Viet”, respectively. For the ease of comparison, Vietnamese data were translated semantically. Word-for-word translation was also provided to indicate the actual words in the source language.

4. Results

Overall, the taxonomy falls into six major conceptual metaphors, namely *Anger is heat* (which comprises two submetaphors: *Anger is fire* and *Anger is hot fluid in a container*), *Anger is insanity*, *Angry behavior is aggressive animal behavior*, *Cause of anger is physical annoyance*, and *Anger is a natural force*. Four overarching conceptual metonymies include: *The face stands for anger*, *Internal organs stand for anger*, *Physiological effects of anger stand for anger*, and *Gratuitous behavior stands for impotent anger*. However, Vietnamese metonymies are more diverse with more subtle elaborations of the body parts and internal organs. In fact, the overlapping of metaphor and metonymy in one idiom is particularly common in Vietnamese. Many idioms are, therefore, analyzed in both the metaphors and metonymies sections.

4.1. Metaphors of anger in English and Vietnamese idioms

Our contrastive analysis reveals that English and Vietnamese anger metaphors share fundamental commonalities, and at the same time they distinguish themselves from each other with culturally specific features. Six major conceptual metaphors of anger are identified as follows:

ANGER IS HEAT

The metaphorical conceptualization of *Anger is heat* is based on the cultural model of physiological effects that emphasize HEAT (Lakoff & Johnson 1987). The instances below show that English and Vietnamese have many idioms derived from the *Anger is heat* metaphor, which is composed of two versions: *Anger is fire*, and *Anger is a hot fluid in a container*.

Table 1

Anger is Fire	
English idioms	Vietnamese idioms
1. <i>Add fuel to the fire</i>	6. <i>Đổ dầu vào lửa</i> (Pour oil in the fire – Add fuel to the fire).
2. <i>Do a slow burn</i>	7. <i>Lửa cháy lại bỏ thêm rơm</i> (Add straw to the fire)
3. <i>Burn up</i>	8. <i>Cơm sôi bớt lửa</i> (Rice boil reduce fire – When rice is boiling, reduce the heat).
4. <i>Breathe fire</i>	9. <i>Nóng như lửa</i> (Hot as fire – As hot as fire).
5. <i>Get hot under the collar</i>	10. <i>Mắt đỏ như lửa</i> (Eye red as fire – One’s eyes are as red as fire).
	11. <i>Mắt như nẩy lửa</i> (Eye like spark fire – One’s eyes spark fire).
	12. <i>Nóng tai nóng mặt</i> (Hot ear hot face – Feel hot in the ears and in the face)

It is evident that English and Vietnamese use exactly the same conceptual metaphor to indicate anger which is based on physiological effects and daily life experience. The intensity of fire corresponds to the level of anger. For example, our

common knowledge tells us that *breathing fire* is much more intense than a *slow burn*. Upon hearing ‘*breathe fire*’ (4), one would understand the person is very angry. It is interesting to note that the description of somebody’s anger is predominantly based on the bodily experience (e.g.: 4, 5, 10, 11, 12) while someone’s behavior of provoking another’s anger is derived from everyday experience (e.g.: 1, 2, 6, 7, 8). Physiologically, when people get angry, the pulse rate becomes faster, making body heat increase. The main difference between the two tongues is found in the association of fire images. While English metaphorical expressions refer to FIRE in general, Vietnamese idioms make use of fire images in specific situations that they are very familiar with. As Vietnam is a rice-growing country, rice and straw (dried yellow stem of rice) are part of Vietnamese culture, hence there are metaphorical expressions with rice and straw. Furthermore, the collectivistic cultural values, which promote harmony and relational interdependence (Hofstede 1991), are present in example (8). The idiom *Com sôi bót lửa/When rice is boiling, reduce the heat* is actually advice for appropriate behavior. To maintain harmony, people are advised to calm down if their counterpart is very angry. Such metaphorical expressions are not found in English.

Table 2

Anger is Hot Fluid in a Container	
English idioms	Vietnamese idioms
13. <i>Make one’s blood boil</i>	22. <i>Mắt long sòng sọc</i> (Eye surge bubble – One’s eyes boil with bubbles / Eyes are flashing fierce glares)
14. <i>Simmer down</i>	
15. <i>Reach the boiling point</i>	
16. <i>Let sb stew</i>	23. <i>Bầm gan sôi máu</i> (Bruise liver boil blood – One’s liver is bruised and blood boils)
17. <i>Seethe with rage</i>	
18. <i>Get all steamed up</i>	24. <i>Tức sôi máu</i> (Angry boil blood – So angry that one’s blood boils)
19. <i>Blow off steam</i>	
20. <i>Flip one’s lid</i>	
21. <i>Blow one’s top</i>	

It can be seen from Table 2 that both English and Vietnamese have the same metaphorical mechanism in conceptualizing *Anger as hot fluid in a container*. Like the *fire* instances, the linguistic realizations of the *hot liquid* metaphors also show a scale of heat, hence a different degree of anger. The meaning of anger is conveyed in terms of destructive force of the hot liquid producing too much steam in a closed container. The steam has to find or force its way out; otherwise it will cause an explosion, which implies the strongest level of anger. There are, however, several differences between the two languages. The English idioms outnumber the Vietnamese counterparts and are more diverse in the intensity and metaphorical images. While Vietnamese metaphorical expressions are all based on the experience in the body parts, English makes use of whole body’s physiological effects (e.g.: 13), cooking experience (e.g.: 14, 15, 16, 20, 21), as well as industrial civilization, namely steam engines (e.g.: 18, 19).

Anger is Pressurized Gas in a Container	
English idioms	Vietnamese idioms
25. <i>Pop one's cork:</i>	32. <i>Nộ khí xung thiên</i> (Angry gas soar sky – Angry gas gushes into the sky)
26. <i>To go through the roof</i>	
27. <i>Give vent to:</i>	33. <i>Tức nổ mắt</i> (Angry explode eye – So angry that one's eyes explode)
28. <i>Vent one's spleen on:</i>	
29. <i>It blows my mind:</i>	34. <i>Tức lò con người</i> (Angry come out pupil – So angry that one's pupils are forced out of the eyeballs)
30. <i>Release one's pent-up emotions:</i>	35. <i>Tức nổ ruột</i> (Angry explode guts – So angry that guts explode)
31. <i>Put sb out</i>	36. <i>Bầm gan tím ruột</i> (Bruised liver purple gut – Refrain from anger so much that the livers get bruised and the guts become purple)

The English metaphor *Anger is pressurized gas* manifests itself with idioms indicating a loss of anger control while Vietnamese idioms have two levels: refraining from anger and losing control of anger based on the bodily experience. According to Tran (2008), Vietnam is a sentimentally-oriented society as a saying goes “*Một sự nhịn, chín sự lành/Refrain your anger once, you'll have nine smooth deals*”. Inhabiting a region with frequent natural disasters such as typhoons and floods, Vietnamese people have to cooperate with one another to contain and conquer the destructive power of nature. Thus, keeping harmonious relationships with their partners is very important. Tran (ibid) further notes that if applying the Ying-Yang theory to explain for cultural characteristics, Vietnamese people incline to Ying (cold), which symbolizes harmony while Yang (hot) indicates hot temper and directness (ibid). American people, by contrast, are more extrovert, straightforward and usually speak their mind (Athen 1998). They also believe that venting anger is better for the body than refraining from anger and “*youngsters should be taught to vent their anger*” (Myers 1986: 379).

It should also be noted that Vietnamese idioms of anger are frequently based on metaphorical entailment to describe anger repression. Metaphorical entailment refers to the process where additional knowledge about a source is mapped onto a target by logical means (Lakoff and Johnson 1980, Kövecses 2002). The metaphorical entailment in the idiom (36) *Bầm gan tím ruột/Bruised liver purple gut* is derived from the premise that ‘a pressurized liver and gut will become bruised and/or purple’. Therefore, the metaphorical expression *Bầm gan tím ruột/Bruised liver purple gut* is an entailment of the metaphor *Anger is pressurized gas in a container*.

ANGER IS INSANITY

Literally, *insane* refers to a state of mind which prevents normal perception, behavior, or social interaction (Summers 1998). When people become too angry, they may lose their control. This is the reason why the metaphor *Anger is insanity* is common in both English and Vietnamese.

Table 4

Anger is Insanity	
English idioms	Vietnamese idioms
37. <i>Crazy as betsy bug</i>	50. <i>Quá giận mất khôn</i> (so angry lose wisdom/so angry that one loses his wisdom)
38. <i>Crazy as a peach orchard boar</i>	51. <i>Như điên như dại</i> (go crazy)
39. <i>Drive one out of one's mind</i>	52. <i>Nổi cơn Tam Bành</i> (rise Tam Bành (ill) spirit / to be driven out of one's mind)
40. <i>Drive sb insane</i>	53. <i>(Tức) điên đầu điên tiết</i> (crazy head crazy blood/ Stark raving mad)
41. <i>Go nuts</i>	
42. <i>Go postal</i>	
43. <i>Go mental</i>	
44. <i>Hopping mad</i>	
45. <i>Mad as a Hatter</i>	
46. <i>Mad as a March hare</i>	
47. <i>Mad as a hornet</i>	
48. <i>Mad enough to chew/spit nails</i>	
49. <i>Stark raving mad</i>	

Table 4 shows that the English idioms with the metaphor *Anger is insanity* significantly outnumber the Vietnamese counterparts (13 idioms vs. 4 idioms, respectively). The source domains in English are also more varied and many of them are associated with animal behavior while there is no such case in the Vietnamese data. The commonality between the two languages is that the metaphorical expressions with the physiological effects of an angry person used as the source domain are present in both tongues. Also, classical stories and famous quotes in literature are productive sources for metaphors. The English idioms (45, 46) *Mad as a Hatter* and *Mad as a March hare* are derived from the two characters in Lewis Carroll's famous novel "Alice's Adventures in Wonderland" (1865) and the Vietnamese idiom (52) *Nổi cơn Tam Bành* (rise Tam Bành (ill) spirit/to be driven out of one's mind) is based on a character in Nguyen Du's famous *Kieu Tale* in the 19th century. Although derived from classical literary works, these idioms are still fresh and commonly used in everyday language as in the examples below.

- (1) *Mr. Perot did not support the Persian Gulf war ... he made the blasphemous suggestion that there might be too much emphasis on high school football, which caused Molly Ivins to declare he had gone "crazy as a peach-orchard boar"* (New York Times, 8th June, 1992).
- (2) *Ronaldo bị thay ra 2 trận liên tiếp: **Nổi cơn tam bành*** – Ronaldo was substituted in 2 consecutive matches: he was driven out of his mind (Doi Song newspaper, 11th November, 2019).

ANGRY BEHAVIOR IS AGGRESSIVE ANIMAL BEHAVIOR

Aggressive behavior of animals is a productive source for anger metaphors in English while it is sparsely seen in Vietnamese. As mentioned earlier, the extroversion and directness of American people are clearly present in the metaphorical idioms of anger. The source domains are dominantly related to domestic animals as examples below.

Angry Behavior is Aggressive Animal Behavior	
English idioms	Vietnamese idioms
54. <i>Bristle with anger/rage</i>	69. <i>Chó dại cắn gàn</i> (rabid dog fiercely bites – an angry person attacks someone without good cause)
55. <i>The feathers/ fur/ sparks will fly</i>	70. <i>Đụng vào tổ kiến lửa</i> (touch the fire ant's nest – drive someone crazy and fierce)
56. <i>(To) foam at the mouth</i>	71. <i>Cấm cắn như chó cắn ma</i> (barking as a dog barks at ghosts – growling because of anger but cannot attack)
57. <i>A gnashing of teeth = Grit one's teeth</i>	72. <i>Tức như bò đá</i> (as angry as being kicked by a bull – angry but cannot take revenge)
58. <i>Get up on one's hind (=rear leg) leg</i>	
59. <i>Set sb's teeth on edge</i>	
60. <i>Show/bare one's teeth</i>	
61. <i>Snap at sth</i>	
62. <i>Go ape (over) sb/sth</i>	
63. <i>Like a bear with a sore head</i>	
64. <i>Get sb's dander up</i>	
65. <i>Get sb's back up</i>	
66. <i>Get sb's hackles up = raise sb's hackles</i>	
67. <i>Rattle sb's cage</i>	
68. <i>Ruffle sb's feathers</i>	

Table 5 indicates that numerous English idioms are derived from the metaphor *Angry behavior is aggressive animal behavior* as compared to only three in Vietnamese. The English metaphorical expressions are made up of two types: venting anger and causing somebody to become angry. The Vietnamese has another type of idiom which indicates a repression of anger (e.g.: idioms 71, 72) in addition to the two categories as in English. Again, the Vietnamese people's yielding spirit and introversion are evident in the idioms. The English and Vietnamese idioms derived from the metaphor *Angry behavior is aggressive animal behavior* are exemplified as follows.

- (3) *Imagine British Prime Minister Theresa May each time she sees an unflattering article in The Guardian or The Observer. She might **bristle with rage**. She might ignore the reporters, attack the newspaper or deny the story* (USA Today, 22nd May 2018).
- (4) *Cả nhóm đau, **tức như bò đá**, mặt mày bí xị... Thấy vậy Thị Hén liền nói: Bác Nghêu mù sướng thật! Chúng em mong được mù như bác để khỏi nhìn thấy nhiều chuyện trái khoáy trên đời* (The whole group was as **angry as being kicked by a bull** but could do nothing. ... Seeing this, Thi Hen said "Uncle Nghêu is the happiest man in the world. We wish we were blind as you so as not to see unfairness in this life"). (An Ninh Thu Do newspaper, 4th January, 2008).

THE CAUSE OF ANGER IS PHYSICAL NUISANCE

The bodily experience is an important source domain for metaphor as we can easily feel what is happening in our body (Lakoff & Johnson 1980, Kövecses 2002, 2005). The concept of anger is abstract and it is easier to understand if it is described by means of more concrete physiological effects such as pain. The metaphorical expressions of this type are mainly related to the cause of anger with the source domain being physical nuisance as in the following instances.

Table 6

The Cause of Anger is Physical Nuisance	
English idioms	Vietnamese idioms
73. <i>A Pain in the ass/butt/rear</i>	78. <i>Chướng tai gai mắt</i> (object ear thorn eyes/an object in the ear and a thorn in the eye)
74. <i>A pain in the neck</i>	
75. <i>Give sb a pain</i>	79. <i>Lẩu bầu như chó hóc xương</i> (grumble as dog choke bone/grumble as a dog choked with bone)
76. <i>Get under sb's skin</i>	
77. <i>Grate on sb's nerve</i>	

As can be seen in Table 6, most of the metaphorical expressions make use of body parts with two Vietnamese idioms capitalizing on the feature of physical nuisance as compared to five expressions in English. It should be noted that the Vietnamese idiom (79) *Lẩu bầu như chó hóc xương* (*grumble as a dog choked with bone*) is always used with the second or third person, never with the first person. This idiom describes someone's anger suppression, a situation in which the person feels angry or irritated but he or she cannot express it. Due to the dog's low status in Vietnamese folk culture, most of the Vietnamese idioms associated with canines carries a negative connotation (Pham 2018).

ANGER IS A NATURAL FORCE

It is common knowledge that natural forces such as storms and lightning are highly destructive. Therefore, a number of English and Vietnamese metaphorical expressions elaborate on this idea as in the instances below.

Table 7

Anger is a Natural Force	
English idioms	Vietnamese idioms
80. <i>Face is like thunder</i>	83. <i>Nổi trận lôi đình</i> (begin battle thunderbolt/vent Thunder God's anger)
81. <i>Storm at sb/sth</i>	
82. <i>A storm is brewing</i>	84. <i>Nổi giận đùng đùng</i> (get furious lightning strike/get furious as lightning strike)

It is interesting to note that both English and Vietnamese have the same mappings of anger onto natural forces and the metaphorical expressions construed as thunder and storms indicate the strongest degree of anger. Since storms, thunder and lightning are as old as the earth, the use of such idioms is found in archived English newspapers as long ago as in the early 20th century.

- (5) *On cross-examination, Weinberger **stormed at** the witness* (New York Times, 12th June, 1917)/
- (6) *Huấn luyện viên Calisto **nổi trận lôi đình** với học trò mới* (*The football coach Calisto vented Thunder God's anger on his new players* (Dat Viet newspaper 18th March, 2011).

4.2. Metonymies of anger in English and Vietnamese idioms

As one of the basic characteristics of cognition, metonymy has primarily a referential function, which allows us to use one entity to stand for another (Lakoff

& Johnson 1980, Lakoff 1987, Kövecses 2002). For example, in the sentence *We need a smart head to deal with this issue*, the body part ‘head’ stands for a person. The selection of referents depends largely on cultural and common knowledge, which means that metonymy is characterized by both universal and culturally specific features. As will be discussed below, there are four main types of anger metonymies in Vietnamese in comparison with only three in English.

THE FACE STANDS FOR ANGER

Facial expression plays a crucial role in face-to-face communication as it conveys a significant message to the hearer. As a non-verbal component, facial expression gives insight into emotional states (Axtell 1998) and it is the more trusted form when the verbal message and the non-verbal cue seem to be in conflict (Verderber 1989). Another important universal feature of facial expression is that it is the manifestation of such basic emotions as anger, happiness, sorrow, surprise, fright, and hate (Gallois & Callan 1997). Conducting research in facial expression in various cultures, Ekman (2003) found that one can point out exactly what emotion it is being expressed by looking at pictures with facial expression. Three important positions in the face that usually convey emotional states include forehead, eyes, and mouth. This is the ground for the metaphor *The face stands for anger* in both English and Vietnamese idioms of anger.

Table 8

The Face Stands for Anger	
English idioms	Vietnamese idioms
85. <i>Draw/get a dirty look</i>	90. <i>Chau mày nghiêng răng</i> (frown eyebrows clench teeth/vent anger by frowning one’s eyebrows and clenching one’s teeth)
86. <i>Give sb a dirty/black look</i>	91. <i>Mặt đỏ như vang</i> (face red as red wood/one’s face gets red as red wood)
87. <i>Give sb the evil eye</i>	92. <i>Mặt nặng mày nhẹ</i> (face heavy eyebrows light / one’s face is heavy and one’s eyebrows are light)
88. <i>Look daggers at sb</i>	93. <i>Mặt nặng như chì</i> (face heavy as lead / one’s face is as heavy as lead)
89. <i>See red</i>	94. <i>Mặt sưng mày sía</i> (face swell, eyebrows frown / one’s face is swollen and one’s eyebrows frown with anger)
	95. <i>Nặng mặt sa mày</i> (heavy face down eyebrows / one’s face is heavy and one’s eyebrows frown with anger)
	96. <i>Phồng má trợn mắt</i> (inflate cheek goggle eyes / one’s cheeks inflate and one’s eyes goggle with anger)

It is noticeable that facial expressions indicating anger in English idioms are all manifested in the eyes while it is more varied in the Vietnamese counterparts. In American culture, looking at the partner’s eyes during conversation is appropriate behavior (Althen 1998, Ross & Nilsen 2013). In Vietnamese culture, *mặt* (face) is very important for assessing a person’s character and behavior since physiognomy is part of their folk belief¹. The collocations of *mặt* (face) that indicate anger include

¹ As a Vietnamese saying goes, *Nhìn mặt bắt hình dong* (Looking at a person’s face, we can tell what kind of person he/she is).

đỏ (red), *sung* (swollen), and *nóng* (hot). These adjectives are associated with the physiological effects of anger. When someone is angry, his face becomes red, or it may look as if it is swollen. The person may feel hot in the face as more blood circulates to the area. Of the body parts in the face, *mắt* (eyes) are considered as windows to the soul in Vietnamese culture. Therefore, these body parts form the basis for the metonymic expressions of anger.

INTERNAL ORGANS STAND FOR ANGER

It is worth noting that while the heart is the major internal organ that forms the basis for the metonymy of emotions in English, a number of other organs are utilized for the same purpose in Vietnamese as evident in the table below:

Table 9

Internal Organs Stand for Anger	
English idioms	Vietnamese idioms
97. <i>Harden one's heart</i>	98. <i>Bầm gan sôi máu</i> (bruise liver boil blood / so angry that the livers are bruised and blood boils)
	99. <i>Buồn gan tím ruột</i> (hurt liver purple intestine / repress anger so much that the livers hurt and the intestine becomes purple)
	100. <i>Căm gan ngứa tiết</i> (anger liver itch blood / anger in the livers and blood)
	101. <i>Cắn răng bắm bụng</i> (clench teeth, hold breath belly / repress anger by clenching one's teeth and holding breath in the belly)
	102. <i>Tức lộn ruột</i> (angry inside out intestine/so angry that one's intestines get inside out)
	103. <i>Ngứa gan ngứa tiết</i> (itch livers itch blood/the livers and blood get itch with anger)
	104. <i>Sôi gan nổi mậ</i> t (boil livers float bile/so angry that the livers and bile boil)

As indicated in Table 9, Vietnamese idioms predominantly make use of four body parts, namely *liver*, *belly*, *bile* and *intestines* to refer to anger. *Gan* (liver) in Vietnamese culture represents the character of a person. A coward is described as a person with '*the liver of a rabbit*'; a courageous or stubborn person is said to have a '*big liver*'. It can also be used to describe a state of emotion as in the examples above. In such cases, the adjectives that collocate with *gan* (liver) to describe anger are *bầm* (bruised) and *nóng* (hot), as opposed to *nhỏ* (small) and *to* (big) in describing cowardliness and stubbornness, respectively.

Also in Vietnamese culture, *ruột* (intestines) are used to indicate two states of emotions: *anxiety* and *anger*. However, they collocate differently. To describe anxiety, *nóng* (hot) is employed, as in *nóng ruột* (hot intestines – feeling anxious). This usage might be based on the physiological effects of anxiety. When we are anxious, there is a feeling of discomfort in the belly, and it appears to be '*hot*', although the real organ that controls the feeling and is affected by the feeling is the brain. The adjective *tím* (dark purple) or *bầm* (bruised) collocates with intestines to express anger. The collocation might be derived from the fact that when we hold

pressurized air in the mouth for a while, our face looks dark purple. This color is also seen on the body where the blood circulation is blocked.

GRATUITOUS BEHAVIOR STANDS FOR IMPOTENT ANGER

Influenced by Confucianism and Feudalism, Vietnamese culture is characterized by a Large Power Distance dimension (Hofstede 1991). This cultural value reflects hierarchical relations and regulates proper behavior in verbal and non-verbal communication in a culture. Each type of relation has its own standards of conduct that are readily evident in sayings and idioms. For instance, the relationship between the teacher and students is that the teacher always has an absolute superior status, which is manifested in the saying *Nhất tự vi sư, bán tự vi sư* (The teacher is always the teacher even if he or she taught you only a word or half a word). Women in Vietnam’s feudal society were subordinate to men and had to follow the rule of conduct known as *Three subordinations and four virtues*. The three subordinations are evident in the saying *Tại gia tông phụ, xuất giá tông phu, phu tử tông tử* (Before marriage, the woman is subordinate to her father, after marriage (she) is subordinate to her husband, after her husband’s death (she) is subordinate to her eldest son). The women’s four virtues include *Công, Dung, Ngôn, Hạnh* (Housekeeping skills, Beauty, Appropriate speech, Moral conduct). Therefore, people of lower ranks or status are expected to refrain from expressing their anger directly to those in a higher position. In case of excessive fury, they may vent their anger on something else. This forms the basis for the Vietnamese metonymy *Gratuitous Behavior Stands for Impotent Anger*.

Table 10

Gratuitous Behavior Stands for Impotent Anger	
English idioms	Vietnamese idioms
	105. <i>Chửi chó mắng mèo</i> (Curse dogs (and) scold cats)
	106. <i>Đá mèo quéo chó</i> (Kick cats (and) hit dogs)
	107. <i>Đá mèo quèo rế</i> (Kick cats (and) hit baskets)
None	108. <i>Đá thúng đụng nia</i> (Kick baskets (and) hit flat wicker baskets)
	109. <i>Giận chồng vật con</i> (Angry with the husband (but) hit children)
	110. <i>Giận con rận đốt cái áo</i> (Angry with the bug (but) burn the shirt)
	111. <i>Giận cá chém thớt</i> (Angry with the fish (but) cut the chopping board)

It is worth noting that the idioms in Table 10 usually refer to women who get angry with someone but they cannot express their anger directly to them. Instead, they vent their rage on something or somebody else to relieve the anger. Such types of idioms are not found in the English language.

PHYSIOLOGICAL EFFECTS OF ANGER STAND FOR ANGER

Lakoff found that English utilizes a general metonymic principle: “The physiological effects of an emotion stand for the emotion” (1987: 382). This principle forms the basis for the physiological effects of the metonymy of anger in both English and Vietnamese idioms.

Physiological Effects Stand for Anger	
English idioms	Vietnamese idioms
112. <i>Shake with anger</i>	117. <i>Run lên vì giận</i> (Shake because angry – Shake with anger)
113. <i>Quiver with rage</i>	118. <i>Phồng má trợn mắt</i> (Swell cheek open upward eye – One’s cheeks are swollen with gas and one’s eyebrows are raised)
114. <i>Burst a blood vessel</i>	119. <i>Mặt đỏ như vang</i> (Face red as ironwood – One’s face is as red as ironwood)
115. <i>Hop mad</i>	120. <i>Mặt sưng mày sía</i> (Face swell eyebrows lower – One’s face is swollen and one’s eyebrows lower)
116. <i>Blind with rage</i>	

The metonymy based on the physiological effects reflects the cause-effect relationship between anger and physiological symptoms that are universal in all languages. The cultural specificity lies in the linguistic expressions. While the English metonymies associated with the physiological effects involve the whole body, the Vietnamese counterparts are mainly indicated in the face. Again, a Vietnamese metonymy of suppressed anger is also present in this category but not a single instance is found in the English data.

5. Discussion

The findings indicate both universality and cultural specificity in the English and Vietnamese metaphors and metonymies of anger. The meaning of idioms is based on three mechanisms: independent metaphor and metonymy (i.e., metaphor and metonymy are not related), metaphor from metonymy, and metonymy within metaphor. This overlapping phenomenon is common in all languages and it is hard to distinguish between them in many cases (Geeraerts 2002). The metaphor with no relation to metonymy can be exemplified as *add fuel to the fire, burn up*. The idiom *harden one’s heart* is an example of metonymy independent of metaphor. In general, independent metaphors in English idioms far outnumber the Vietnamese counterparts while there is a high frequency of metonymy and metaphor overlapping in Vietnamese idioms.

By comparison, both English and Vietnamese idioms share the same basic conceptual metaphors, including: *Anger is Heat, Anger is Insanity, Angry Behavior is Aggressive Animal Behavior, the Cause of Anger is Physical Annoyance, and Anger is a Natural Force*. The differences are present in specific linguistic expressions associated with the culture that its speakers are familiar with. Since Vietnam is an agricultural country influenced by Confucianism, a number of anger metaphors are motivated by images of dogs, cats, and cows. It is worth noting that the dog does not have a good status in Vietnamese culture; therefore, metaphors associated with dogs usually carry negative connotation. Furthermore, the Confucianist values are also evident in Vietnamese metaphorical idioms, which include both expressing anger and repressing anger. People of lower status are expected to be submissive to the superiors both at home and at work. By no means do such metaphors exist in English.

With regards to metonymy, while the body part metonymies of anger in English are mainly associated with the *heart*, *face* and *eyes*, Vietnamese metonymies of anger are much more diverse with *face*, *eyes*, *intestines*, *belly*, *livers*, *biles*, etc. The motivation for such metonymies is based on a folk understanding of traditional medicine, the Theories of Ying-Yang and Five Elements, as well as bodily experiences. According to the Ying-Yang Theory, all things in the universe are governed by opposing, yet interdependent forces (Lê 1998). The opposing Ying-Yang characteristics can be represented by cold and hot, night and day, passive and active, etc, respectively. The theory serves as a basis for understanding the human body and its relationship with other entities, as well as imbalance in the body. The duality of the Ying-Yang theory can be illustrated in the table below:

Table 12

The duality of the Ying-Yang theory (Le 1998: 72)

Ying	<i>cold</i>	<i>static</i>	<i>passive</i>	<i>night</i>	<i>soft</i>	<i>covert</i>
Yang	<i>hot</i>	<i>dynamic</i>	<i>active</i>	<i>day</i>	<i>hard</i>	<i>overt</i>

Applying the theory to explain the Eastern and Western cultures, Le (ibid) holds that Vietnamese culture inclines to the Ying extreme (covert) while Western cultures tend to incline towards the Yang polarity (overt). This concurs with the above-mentioned Confucianist values that account for the reason why there exist a significant number of Vietnamese linguistic expressions of repressed anger but none of such idioms is found in English.

Also derived from the Chinese philosophy and closely related to the Ying-Yang Theory, the Theory of Five Elements provides basic principles, knowledge and guidance for diagnosis and treatment of diseases and it is popular in Vietnamese traditional medicine and a folk understanding of emotions. According to the theory, the universe is made up of five basic elements, including *metal*, *wood*, *water*, *earth*, and *fire*, which have generating and overcoming relationships with each other (Hoàng 2008). Each element has its own characteristics and associations with different aspects of nature, human body organs, as well as respective emotions.

Table 13

Five elements and their corresponding organs (Hoang 2008: 25)

Relationships	Five elements				
	Wood	Fire	Earth	Metal	Water
Colors	green	red	yellow	white	black
Tastes	sour	bitter	sweet	spicy	salty
Seasons	spring	summer	summer end	autumn	winter
Directions	east	south	center	west	north
Organs (Yin)	<i>livers</i>	<i>heart</i>	<i>spleen</i>	<i>lungs</i>	<i>kidneys</i>
Organs (Yang)	<i>gall blader</i>	<i>small intestine</i>	<i>stomach</i>	<i>large intestine</i>	<i>urinary bladder</i>
Five sensory organs	<i>eyes</i>	<i>tongue</i>	<i>mouth</i>	<i>nose</i>	<i>ears</i>
Emotions	<i>anger</i>	<i>happiness</i>	<i>worry</i>	<i>sadness</i>	<i>fright</i>

According to Vietnamese traditional medicine, each emotion has a close relationship with an internal organ: anger with the liver, happiness with the heart, sadness with the lungs, worry with the spleen, fright with the kidneys. The five sensory organs also have a direct relationship with the internal organs: nose with the lungs, eyes with the liver, mouth with the spleen, tongue with the heart, ears with the kidneys. Therefore, external observations of the five sensory organs can help diagnose the problems in the corresponding internal organs (Hoàng, *ibid*). As can be seen in the table, *liver* and *gall bladder*, which belong to *wood*, have a direct relationship with *eyes*, and correspond to *anger*. This association is the basis for such metonymies as: *Tức nổ mắt* (Angry explode eye – So angry that one’s eyes explode), *Tức lòi con ngươi* (Angry come out pupil – So angry that one’s pupils are forced out of the eyeballs), *Mắt long sòng sọc* (Eye surge bubble – One’s eyes boil with bubbles / Eyes are flashing fierce glares), *Mắt đỏ như lửa* (Eye red as fire – One’s eyes are as red as fire), *Mắt như nảy lửa* (Eye like spark fire – One’s eyes spark fire), *Sôi gan nổi mật* (boil livers float bile / so angry that the livers and bile boil), etc.

It should be further noted that according to Vietnamese traditional medicine, gas (or air) and blood are the two fundamental elements that help the body function normally. Gas is considered as invisible nutrition whose function is to generate physiological moving forces for the internal organs (Hoàng, *ibid*). Gas energy pushes blood to circulate in the veins and arteries all over the body and the acupuncture points are anatomically identified along this network. Obstruction to the gas energy flow would result in diseases and negative emotions. When one gets angry, the flow of gas energy and blood in the liver would be obstructed, causing bruise in the liver, hence (bruised) liver metonymies. The data show that repressed anger idioms are associated with metonymies and metaphors based on this mechanism. Repressed emotions have a direct connection with the respective internal organs in accordance with the principles of the Five Elements Theory and Vietnamese traditional medicine.

6. Conclusions

Lakoff (1987) suggests that our concept of anger is embodied via the autonomic nervous system and that the conceptual metaphors and metonymies used in understanding anger are by no means arbitrary. Instead, they are motivated by our physiology. It can be inferred that the metaphors based on the bodily experiences *Anger is Fire* and *Anger is Hot Fluid in a Container*, *Cause of Anger is Physical Annoyance* are universal since human beings have similar biological bodies. The metaphors derived from angry behavior including *Anger is Insanity*, *Angry Behavior is Aggressive Animal Behavior* and *Anger is a Natural Force* are also of human nature. They are, therefore, similar in both languages and cultures. Furthermore, the metonymy *physiological effects of an emotion stand for the emotion* metonymic principles are universal. Many metonymic phrases of anger are found to be parallel in both languages. Lakoff also notes that the cultural models

have a great influence on our understanding of the world and constrain the selection of metaphors and metonymies. Since the cultures of Vietnam and the English-speaking nations are quite distant, certain differences are found in the two taxonomies with more detailed elaborations in the former language.

In addition to the linguistic and cultural significance, the findings also have pedagogical implications. As most figurative idioms are metaphorically based and conceptually motivated (Liu 2008), it is advisable to promote conceptual motivation awareness when teaching idioms. Research has shown that using the strategy of thinking in terms of conceptual and orientational metaphors enhances the students' understanding and acquisition of idioms motivated by the concept (Boers 2001, Bui 2019, Kövecses & Szabó 1996, Liu 2008, Tran 2010). Another strategy is to highlight the concepts that motivate the idioms being taught by explaining the concepts or by presenting together idioms that are based on the same concept to help students recognize the conceptual metaphor underlying them. Doing this will help students comprehend and retain idioms more effectively. This strategy is not only good for fixed metaphorical expressions, but also effective for metaphorically used language which is constantly created by the media. Furthermore, it is helpful to have students compare and contrast L2 idioms with their L1 counterparts based on the conceptual motivations and linguistic forms. This analysis shows that Vietnamese and English have the same conceptual metaphor of anger and different linguistic realizations. Such variations are caused by cultural factors, which are also well worth mentioning when teaching idioms. In fact, a metaphorical concept noticeable in one culture may be relatively inconspicuous in another due to the cultural differences. Thus, both conceptual metaphors and cultural factors should be included.

REFERENCES

- Abbasvandi, Mehdi & Mojtaba Maghsoudi. 2013. A contrastive socio-pragmatic analysis of anger metaphors in English and Persian. *European Online Journal of Natural and Social Sciences* 2(2). 50–58.
- Athen, Gary. 1998. *American Ways: A Guide for Foreigners in the United States*. Main: Intercultural press Inc.
- Axtell, Roger. 1998. *Gestures: The Dos and Taboos of Body Language around the World*. New York: John Wiley & sons, Inc.
- Barrett, Lisa F. 2017. The theory of constructed emotion: An active inference account of interoception and categorization. *Social Cognitive and Affective Neuroscience* 12(11). 1–23.
- Boers, Frank. 2001. Remembering figurative idioms by hypothesizing about their origin. *Prospect* 16(3). 35–43.
- Bui, Phu Hung. 2019. A cognitive linguistic approach to teaching English idioms to EFL students: Experimental results. *3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies* 25(2). 113–126.
- Constantinou, Maria. 2014. Conceptual metaphors of Anger in popularized scientific texts: Acontrastive (English/Greek/French) cognitive-discursive approach. In F. H. Baider and

- G. Cislaru (eds.), *Linguistic Approaches to Emotions in Context*, 159–188. John Benjamins Publishing House.
- Ekman, Paul. 1999. Basic emotion. In Tim Dalgleish and Mick Power (eds.), *Handbook of cognition and emotion*, 45–60. New York: John Wiley and Sons.
- Ekman, Paul. 2003. *Emotions Revealed*. New York: Henry Holt and Company.
- Feldman, Jerome A. 2006. *From Molecule to Metaphor: A Neural Theory of Language*. The MIT Press.
- Gallois, Cynthia & Victor Callan. 1997. *Communication and Culture: A Guide for Practice*. England: John Wiley & Sons.
- Geeraerts, Dirk. 2002. The interaction of metaphor and metonymy in composite expressions. In René Dirven & Ralf Pörings (eds.), *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*, 435–465. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Hoàng, Trọng Quang. 2008. *Y học cổ truyền*, Nhà xuất bản Y học/Hoang Trong Quang. *Traditional Medicine*. Hanoi: Medicine Publishing House.
- Hofstede, Geert. 1991. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London: McGraw-Hill.
- Keysar, Boaz & Martin B. Bly. 1999. Swimmers against the current: Do idioms reflect conceptual structure? *Journal of Pragmatics* 31(12). 1559–1578.
- Kövecses, Zoltán & Péter Szabó. 1996. Idioms: A view from cognitive linguistics. *Applied Linguistics* 17. 326–355.
- Kövecses, Zoltán. 2000. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kövecses, Zoltán. 2002. *Metaphor: A Practical Introduction*. USA: Oxford University Press.
- Kövecses, Zoltán. 2005. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, George & Mark Johnson. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, George. 1987. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, George & Zoltán Kövecses. 1987. The cognitive model of anger inherent in American English. In D. Holland & Q. Naomi (eds.), *Cultural models in language and thought*, 195–221. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lakoff, George and Mark Turner. 1989. *More Than Cool Reasons*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, George. 2008. *The Political Mind: Why You Can't Understand 21st Century Politics with an 18th Century Brain*. New York: Viking.
- Lê, Văn Sĩru. 1998. *The Theories of Ying-Yang and Five Elements*. Hanoi: Culture and Information Publishing House.
- Lindquist, Kristen et al. 2012. The brain basis of emotion: A meta-analytic review. *Behavioral and Brain Science* 35(3). 121–143. <https://doi.org/10.1017/S0140525X11000446>.
- Liu, Dilin. 2008. *Idioms: Descriptions, Comprehension, Acquisition, and Pedagogy*. USA: Routledge.
- Makkai, Adam. 2003. *A Dictionary of American Idioms*. USA: The Barron's.
- Matsuki, Keiko. 1995. Metaphors of anger in Japanese. In J. R. Taylor & R. E. MacLaury (eds.), *Trends in linguistics: language and the cognitive construal of the world*, 137–153. New York: Mouton De Gruyter.
- McCarthy, Michael & Felicity O'Dell. 2008. *English Idioms in Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Musolff, Andreas. 2019. Creativity in Metaphor Interpretation. *Russian Journal of Linguistics* 23(1). 23–39. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39>

- Musolff, Andreas. 2021. Hyperbole and emotionalisation – escalation of pragmatic effects of metaphor and proverb in the Brexit debate. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 628–644. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-628-644>
- Myers, David. 1986. *Psychology*. New York: Worth Publishers, Inc.
- Nguyễn, Như Ý. 2002. *Thành Ngữ Tiếng Việt Phổ Thông*. Hanoi: Nhà xuất bản Đại học Quốc gia Hà Nội.
- Nguyễn, Như Ý et al. 1998. *Từ Điển Giải Thích Thành Ngữ Tiếng Việt*. Nhà xuất bản Giáo dục.
- Phạm, Ngọc Hàm. 2018. Dog” in Chinese and Vietnamese languages and cultures. *Journal of Foreign Studies* 34(1). 59–69.
- Ross, Catherine & Kirti Nilsen. 2013. *Communicating Professionally: A How-to-do-it manual*. Chicago: Neal-Schuman.
- Soriano, Cristina. 2003. Some anger metaphors in Spanish and English. A contrastive review. *International Journal of English Studies* 3(2). 107–122.
- Spears, Richard. 2007. *McGraw-Hill’s American Idioms Dictionary*. NY: McGraw-Hill.
- Steen, Gerald J. 1999. From linguistic to conceptual metaphors in five steps. In Gibbs & Steen (eds.), *Metaphors in Cognitive Linguistics*, 55–77. Amsterdam: John Benjamins.
- Summers, Della. 1998. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. England: Longman.
- Tran, Ba Tien. 2010. Teaching Vietnamese idioms to foreign students from the cognitive linguistics perspective. *Vinh University Journal of Science*, 2B. 55–60.
- Trần, Ngọc Thâm. 2008. *An Introduction to Vietnamese Culture*. Education Publishing House.
- Verderber, Rudolph F. 1989. *Inter-act: Using Interpersonal Communication Skills*. USA: Wadsworth Publishing Company.
- Yu, Ning. 1995. Metaphorical expressions of anger and happiness in English and Chinese. *Metaphor and Symbolic Activity* 10(2). 59–92.
- Yu, Ning. 1998. *The Contemporary Theory of Metaphor: A Perspective from Chinese*. USA: John Benjamins Publishing Company.

Article history:

Received: 15 October 2020

Accepted: 14 December 2021

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 октября 2020

Дата принятия к печати: 14 декабря 2021

Bionote:

TRAN Ba Tien, PhD., is a lecturer of linguistics at the Foreign Languages Faculty of Vinh University (Vietnam), where he has been teaching undergraduate and graduate courses in English linguistics and second language acquisition for over 20 years. He is on the Advisory Panel of Vietnam’s National Foreign Languages Project and a journal reviewer. His research interests and publications center on cognitive linguistics, cross-cultural communication, and multiple intelligences in teaching English as a foreign language.

Contact information:

Vinh University

182 Le Duan street, Vinh city – Vietnam

e-mail: tientb@vinhuni.edu.vn

Сведения об авторе:

ТРАН Ба Тьен – доктор наук, доцент факультета иностранных языков Виньского университета (Вьетнам), где он уже более 20 лет преподает английскую лингвистику, а также теорию и практику преподавания иностранных языков. Является членом Консультативной группы Вьетнамского национального проекта иностранных языков и рецензентом научных статей. В сферу его исследовательских интересов входят когнитивная лингвистика, кросскультурная коммуникация и различные аспекты преподавания английского языка как иностранного.

Контактная информация:

Vinh University

182 Le Duan street, Vinh city – Vietnam

e-mail: tientb@vinhuni.edu.vn

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-26443>

Research article

Structural and semantic congruence of Bulgarian, Russian and English set expressions: Contrastive-typological research

Nataliya A. LAVROVA¹, Alexandr O. KOZMIN²

¹*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*

²*MGIMO University, Moscow, Russia*

na.lavrova@mpgu.su

Abstract

The main aim of the research is to analyze the degree of isomorphism and allomorphy (congruence) of set expressions in three languages – Bulgarian, Russian and English, and to highlight the main factors that have a bearing on the typological affinity of set expressions in these languages. The procedure of the research was two-fold. At the first stage, 4000 idioms were selected from Russian, Bulgarian and English idiomatic dictionaries through the method of random sampling (1334 idioms were selected from each language). For the sake of convenience and comparison, the selected idioms were divided into 5 thematic groups. At the second stage, 850 idioms were further selected for each group through stratified and quota sampling with the aim of subsequent quantification of recurrent keywords in each group. In order to quantify the number of the most frequent keywords in each group and to measure the prevalence of assonance and alliteration, the SPSS software was utilized. The results of the research revealed that the main factors that determine isomorphism and allomorphy among idioms from Bulgarian, Russian and English are (1) typological affinity between Bulgarian and English, (2) genetic kinship, (3) borrowings from English into Russian and Bulgarian and (4) from Russian into Bulgarian, (5) shared idiomatic stock and (6) such extralinguistic factors as the universal makeup of objects and entities, for instance, the same number of functional parts. The research results are relevant for comparative phraseology, areal and contrastive typology as well and for contactology.

Keywords: *cross-cultural congruence, idioms, cultural connotation, typology, Bulgarian, English, Russian languages*

For citation:

Lavrova, Nataliya A. & Alexandr O. Kozmin. 2022. Structural and semantic congruence of Bulgarian, Russian and English set expressions: Contrastive-typological research. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 95–115. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26443>

Научная статья

**Структурный и смысловой изоморфизм
и алломорфизм болгарских, русских
и английских устойчивых выражений:
опыт сопоставительно-типологического исследования**

Н.А. ЛАВРОВА¹ , А.О. КОЗЬМИН²

¹*Московский педагогический государственный университет*

²*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, Москва*

 na.lavrova@mpgu.su

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена взаимообогащением разных лингвокультур устойчивыми выражениями, отражающими особенности культуры и быта определённой лингвокультуры. Проблема исследования заключается в мнимой межъязыковой эквивалентности многих устойчивых выражений, которые на смысловом и концептуальном уровне обнаруживают культурно-семантические компоненты, отсутствующие в словарных источниках. Изучение фразеолофонда в сопоставительно-типологическом аспекте позволяет на контрасте показать общие и различные аспекты языковой и понятийной картин мира определённой лингвокультуры. Цель исследования – установить степень изо- и алломорфизма устойчивых выражений в русском, болгарском и английском языках, а также проанализировать факторы, которые влияют на степень типологического сходства устойчивых выражений в трех языках. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе материалом исследования послужило 4000 устойчивых выражений, отобранных методом случайной выборки из болгарских, русских и английских словарей устойчивых выражений (по 1334 фразеологизма из каждого словаря). В сопоставительных целях отобранные идиомы были поделены на 5 лексико-тематических групп. На втором этапе методом стратифицированной и квотной выборки в каждую группу было отобрано по 850 идиом. Для подсчета частотности опорных слов в составе устойчивых выражений использовалась программа статистической обработки данных SPSS. Результаты исследования обнаружили, что основными факторами, которые влияют на степень изоморфизма и алломорфизма между идиомами из трех анализируемых языков, являются (1) типологическое сходство и (2) генетическое родство между болгарским и русским языками, (3) заимствования из английского в болгарский и русский, (4) заимствования из русского в болгарский, (5) общий фразеолофонд и (6) некоторые экстралингвистические факторы, например, наличие определенного количества функциональных частей предметов. Результаты исследования вносят вклад в сопоставительную фразеологию, ареальную и контрастивную типологию и контактологию.

Ключевые слова: *межъязыковой изоморфизм, идиомы, культурная коннотация, типология, болгарский, английский, русский языки*

Для цитирования:

Lavrova N.A., Kozmin A.O. Structural and semantic congruence of Bulgarian, Russian and English set expressions: Contrastive-typological research. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 1. P. 95–115. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26443>

1. Introduction

Phraseology, including proverbs and sayings, is a prolific source of axiological information, which contributes to the explication of culture and mentality of a linguacultural community and its linguistic worldview (Sharifian 2017, Nelyubova et al. 2020, Bila & Ivanova 2020, Diedrichsen 2020). The unique imagery, which is part and parcel of idiomatic expressions, emerges as a result of the figurative and transferred meanings conveyed by the key constituents of idioms (Maltseva 2017, Bagasheva 2017, Sharifian 2017). Given that extralinguistic knowledge develops in the context of a particular language and culture, both of which make cognition culturally determined, and because ethnocultural specificity of cognition manifests itself in various ways in language (Kozlova 2020: 900), investigation of phraseology from a typological and contrastive perspective is meant to reveal common and divergent aspects of linguistic and cognitive worldviews of a certain linguacultural community. Divergent linguistic and cognitive worldviews embedded in idioms are closely linked with the social and cultural identity of communicants (Kononenko 2020: 927).

Historically, the linguistic impact of Russian on Bulgarian has been more pronounced and long-lasting than the other way round (Karpov 2020). Like English, modern Bulgarian is an analytical language from the point of view of its typology (Ivanova 2019). This means that most grammatical concepts and relations are conveyed by function words – link verbs (copulas), particles, prepositions and clitics. Bulgarian thus reveals typological affinity with English and genetic affinity with Russian, being at the ‘mercy’ of different forces.

Previous research has established that idioms are expressive of speakers’ spirituality and are a result of an intricate, almost chemical interaction between language and culture (Lavrova, Nikulina 2020). The image conveyed by set expressions pertains to important fragments of material, social and spiritual culture, imbedding the mentality of a linguacultural community and revealing its speakers’ linguistic and cultural competencies (Stoyanova 2002: 6). This ‘double bind’ of idioms – with language and with culture – ensures their function in language as both nominative signs and purveyors of cultural values (Teliya 1996: 251). The presence of unique cultural connotations in the semantic and conceptual structure of set expressions prevents them from becoming completely cross-linguistically and cross-culturally equivalent.

This research is a complex study aimed at comparing the meaning and structure of spuriously congruent idioms from languages that differ in the degree of their genetic and typological affinity. The unique contribution of this research is that structural, semantic and conceptual affinity between set expressions was established on the basis of the method developed by V. D. Arakin (Arakin 2005).

2. State of the art and contrastive-typological analysis of Bulgarian, Russian and English idioms

2.1. Idioms with cultural connotations

Cultural connotations are additional semantic and conceptual elements, frequently elusive, acquired by an idiom due to the presence in its structure of the name of certain realia, connected with the history and culture of a linguistic community (Vereshchagin & Kostomarov 1982). These are typically proper names, lacunae, names of everyday objects and artifacts that play an important and sometimes unique role in the culture of a certain community of speakers (Peeters 2016, Senkbeil 2020). The spurious translational equivalence of many set expressions, which on closer inspection turns out to be only skin deep, lack of cultural and conceptual components in dictionary definitions of idioms results in a rather impoverished representation of their semantics (Wolf 2015).

Idiomatic cultural connotations have been studied in detail for English, Russian, Bulgarian and other languages (Wang Yan 2018, Goshkheteliani 2019, Lakshmi, Al-Fauzanb 2019). However, comparative typological research into idiomatic cultural connotations in the three languages has not been done over the period of the last 5 years.

The Russian expression «мастер на все руки» (lit. ‘a master of all hands’), for example, does not contain any cultural connotations, while its Bulgarian and English counterparts do: e.g. *мајстор Тричко прави всичко* (lit. ‘Master Trichko does everything’), *Jack of all trades*. Both contain proper names, and the Bulgarian idiom also has final assonance as a mnemonic device. Apart from that, Russian and Bulgarian idioms have a positive connotation, while in English the connotation is ambiguous and fluctuating: if we add the continuation ‘and master of none’, the connotation becomes negative. Most native speakers are aware of this and even when the shorter version of the idiom is used, the possible inference is that its user expresses a negative evaluation of its referent.

It has been established that due to the expressive function of idioms, rhyme plays an important role in their structure and acts as a certain aide-memoire. However, the role of final and initial assonance and consonance in Russian, Bulgarian and English idioms has been only tangentially studied. Frequently, despite the difference in the inner form of Russian, Bulgarian and English semantically comparable idioms, the same stylistic devices are employed, such as semantic contrast, assonance or alliteration, in order to focus on the idiomatic exponent: cf. Russ. *из грязи в князи* (lit. ‘from dirt into a prince’), Bulg. *от нищо нещо* (lit. ‘from nothing into something’), E. *from rags to riches*. Only the Russian idiom has an additional cultural connotation, as it contains the name of realia: the name of the chief of a feudal monarchic state or a separate political unit in IX–XVI centuries in Russia.

Different cultural connotations are embedded in the Russian idiom *без руля и веслу* (lit. ‘without a rudder and sails’), its English equivalent *up the creek without a paddle* and its Bulgarian counterpart *без цел и посока* (lit. ‘without a purpose and

a staff'). The first two idioms verbalize the maritime frame, while the third idiom explicates the land travelling frame, and all the three are manifestations of the conceptual metaphor 'life is a journey'. Semantically, Bulgarian and Russian idioms mean 'without a clear purpose', while their spurious English counterpart has the meaning of 'dire straits' and is sometimes used in its truncated form *up the creek*, especially in American English: "If my check doesn't come by tomorrow, I'll be up the creek. The rent is due on Friday." (<https://www idioms online / up - the - creek />). Since the origin of this idiom is connected with American English, it may also be considered to have an additional cultural connotation, which is 'lack of finances'.

The Bulgarian proverb *Тихата вода е най-дълбока* (lit. 'Still water is the deepest') is a closer conceptual counterpart of the English proverb *Still waters run deep* (cf. 'used to say that someone who is quiet may have very strong feelings or a lot of knowledge' (Longman Dictionary of Contemporary English 1998); 'Quiet people are often very thoughtful' (McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs 2006). 'A quiet person may be very profound' (The American Heritage Dictionary of Idioms 2003). 'People say still waters run deep when they are talking about someone who is quiet and speaks little, to suggest that they are in fact interesting and complex'. 'A quiet or placid manner may conceal a passionate nature' (Farlex Idioms and Slang Dictionary 2017)), compared to their Russian counterpart «В тихом омуте черти водятся» (lit. 'There are devils in the whirlpool'), which has a pronounced negative connotation and is never used with reference to a quiet, but deep and thoughtful individual. Apparently, the negative evaluative connotation is down to the word «черти» ('devils'), whose referent can be considered the epitome of an evil creature. The conceptual link between evil spirits and a whirlpool reflects an ancient stratum in the structure of the concept 'an evil, impure place'. Unlike the Russian and English proverbs, the Bulgarian one uses rhyme as an additional mnemonic device, which contributes to its memorability and renders it humorous or even sarcastic.

The Russian idiom «продаваться как горячие пирожки» (lit. 'to sell like hot pirozhki') and its non-predicative Bulgarian counterpart *като топъл хляб* (lit. 'like warm bread') are loan-translations (calques) of the English idiom *to sell like hot cakes*. Here a cultural connotation emerged due to the different cultural value of cakes, хляб and pirozhki, all of which nominate the staple, affordable and nutritious food. Nearly every morning, the following recurrent scene can be observed in Bulgarian villages: people gather near the local shops and wait for the delivery of fresh and warm bread, which is sold out in the twinkle of an eye. In Russian gastronomic tradition, apart from bread, the so-called 'pirozhki' are highly valued by villagers, as they are tastier, nutritious and not as expensive as the fancier cakes. It should be noted that the Russian word «пирожки» is not an optimal equivalent of the English word *cakes*, as they refer to different denotata. The word «пирожки» has been loan-translated into English as *pirozhki* (a variant – *piroshki*), which is defined in the following way by the *Oxford Dictionary of English*: 'small Russian savoury pastries or patties, filled with meat or fish and rice' (Oxford Dictionary of English 2019).

2.2. Productive phraseosemantic frames

Idioms typically cluster around different phraseosemantic frames. However, not all frames are equally distributed or salient (Rafatbakhsh, Ahmadi 2019). Death, insobriety and failure to achieve are some of the productive phraseosemantic frames in Russian and English (Lavrova, Nikulina 2020: 68). Phraseosemantic frames are clusters of idioms that nominate a highly salient notion and are thus productive and frequent in the corpora. In the analysed linguacultures this is the frame ‘an unnecessary, non-functional part of something’: ср. Bulg. *петето колело на колата, деветата/десетата/седмата дупка на кавала*; Russ. *пятая спица в колеснице, нужен как пятое колесо в телеге, как собаке пятая нога, как прошлогодний снег, как покойнику галоши, как летошний снег, как козе баян, как рыбе зонтик, как попу гармонь*. In English, the idiom *to need smth. like a hole in the head* can be considered an ideogram, i.e. the most frequent and productive set expression that forms the centre of a frame. The following expressions are used as its synonyms in English: *like a fifth leg to a dog, like a moose needs a hat rack, like a giraffe needs a strep throat, to make oneself into a third wheel*. The last expression differs from the rest both structurally and conceptually, although the shared semantic component of an extraneous entity is retained. The closest Russian equivalent is «третий лишний» (lit. ‘the third, unwelcome person’), both are more restricted in usage: when there is an amorous affair between two people, a third one is unwelcome and should retreat from the scene. All the other expressions profile an additional appendage or part of a person, an animal or an object, which does not impede their function; however, it does not facilitate it, either.

The Russian frame «никогда» (‘never’) is less linguistically dense and therefore less salient than its Bulgarian or English counterpart. The typical low colloquial idiom that saturates this frame is produced in answer to the Russian question «Когда?» (‘When?’): cf. «Когда рак на горе свиснет» (lit. ‘When a crab whistles in the mountains’). The typical English counterparts are *Twelfth of Never. When two Sundays come together. Pigs might fly*. Like in Russian, in Bulgarian comparable idioms are colloquial: *Когато си видиш ушите без огледало* (lit. ‘When you see your ears without a mirror’); *Когато си видиш гърба си* (lit. ‘When you see your own back’); *На върба в сряда или на куково лято цъфнат налъмите* (lit. ‘Old rubber boots blossom on a willow Wednesday or in the mummies’ summer’); *конски Великден* (lit. ‘on a horse’s Easter’); *Когато израснат на коня рога* (lit. ‘When a horse grows horns’); *Когато върбата роди круши/върже грозде* (lit. ‘When a willow gives birth to pears/grapes’); *Когато дойде четвъртък подир петък* (lit. ‘When Friday comes before Thursday’). The closest English-Bulgarian conceptual equivalents are the sayings *When two Sundays come together. Когато дойде четвъртък подир петък*. Their interpretation requires the activation of the fame ‘week’, in which weekdays are not conceptually on a par with one another. As a rule, the weekend arouses positive associations and emotions in native speakers, while workdays, especially Monday,

tend to have negative associations. It can thus be seen that at the basis of the frame ‘never’ lies the principle of absurdity, sacrilege, something which is in violation of the natural course of events, when something grows or is found where it is not supposed to be (Mokienko 1980, 1983). In all the three linguacultures these and similar expressions make fun of speakers’ unwarranted expectations: cf. *Този е страшен мошеник, парите ще ти ги върне на куково лято!* (≈ ‘This is a real villain, he’ll never give you back your money!’). *Ще сложии климатик на тази таратайка, когато цъфнат нальмите!* (≈ ‘You’ll never be able to install an air-conditioner in your old car’) (<http://news.flarus.ru/?topic=6763>). The nonsense effect arises because an entity is ascribed some semantic features that are incompatible with its referential status.

Even though all of the above idioms verbalize the frame ‘never’, they are only quasi-synonymous in one and the same language and are brought about by different contexts. Thus, sayings that begin with the word ‘When’ and its equivalents in Russian and Bulgarian are used in answer to the question that begins with the same word. The sayings about the ‘willow Wednesday’ and ‘horse’s Easter’ in Bulgarian are used when the speaker criticizes his interlocuter’s unrealistic plans for the future.

Structurally and semantically comparable images at the basis of the Bulgarian and English idioms *влиза ми муха в главата* and *to have a bee in one’s bonnet* correspond to the Russian expression «вбить себе ч.-л. в голову» (lit. ‘to drive home something into one’s head’). The shared semantic component in the Bulgarian and English idioms is the image of a pestering insect that produces a jarring and buzzing sound. In English, the frame ‘to be obsessed about something’ is especially salient and is verbalized by idioms in which the key word nominates a bothersome animal that is not welcome in a particular place: *to have a maggot in the brain, to have rats in the attic, to have bats in the belfry, to have a bee in one’s bonnet, to have kangaroos in one’s top paddock*. Some of these idioms are more productive in different varieties of English, as, for example, the idiom *to have kangaroos in one’s top paddock*, prevalent in Australian English.

2.3. Crosslinguistic homonymy

Due to common ancestry, cross-linguistic homonymy is more typical for genetically related languages (Piiirainen 2005). The implication is that structurally identical or similar idioms have different semantics, though may be erroneously considered as cross-linguistic, translational equivalents (Nordman, Jambazova 2017). However, if a distant relative is added to a pair of closely related languages, the predominant relations are far from straightforward.

Despite a comparable structure of all the three idioms – Bulg. *дишам във врата на някого*, Russ. *дышать в спину*, E. *to breathe down smn.’s neck* – they are linguistic manifestations of different concepts, as only Russian and Bulgarian idioms are semantically and conceptually equivalent, while the English idiom stands apart. Its meaning is ‘to stand close to a person, impatiently waiting for them

to finish a task and sometimes urging them on'. The Russian idiomatic equivalent is *стоять над душой* (lit. 'to stand above someone's soul'). The meaning of Russian and Bulgarian idioms is 'to closely watch someone, wishing to upstage them'.

The Russian idiom *повернуться спиной к к.-л.* is typically used with a complement expressed by an animate noun and means to 'abandon someone'. The Bulgarian idiom *обръщам гръб на някого/нещо*, which is comparable to the Russian one in its structure, may be used with an inanimate noun and corresponds to the English idiom *to turn over a new leaf* 'to make a new start, to begin your life afresh' (Sabeva, Zagorova 2015): ср. *Обръщам гръб на проблемите/него и гледам само напред* ≈ 'I'm looking ahead, without dwelling on the past'. The English equivalent *to turn one's back on smn.* is a false friend of the Bulgarian expression and has the same meaning as the Russian idiom *повернуться спиной к к.-л.* (lit. 'to turn one's back to smn.').

The concept of physical exhaustion is conveyed by similar expressions in Russian and Bulgarian: cf. Bulg. *като изтискан лимон*, Russ. *как выжатый лимон*. English has a number of structurally allomorphic idioms, such as *on my/its last legs*, *to feel as if death warmed up this morning*. The English idiom *on its last legs* is frequently used with reference to inanimate objects that are about to fall apart or to break down. The idiom *a squeezed lemon* has two meanings, and the second meaning is a conceptual equivalent of the Bulgarian idiom *като изтискан лимон*: cf. '1) a married man whose energy and spirit have been exhausted by the relentless demands of his wife. Typically, a squeezed lemon works long hours in a dead-end job to earn the money demanded by his wife to support her purchases; 2) used as part of a comparison *like a squeezed lemon* meaning 'a useless thing or object': *He will dump you like a squeezed lemon*' (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=squeezed%20lemon>).

2.4. Systemic relations

It has been shown that in closely related languages inclusive and part-whole relations between lexis predominate (Hristova, Tzukev 2018). However, specific keywords in idioms that account for such relations have not been systematically studied from a typological perspective. The concept of psychological affinity (though not physical) between relatives is conveyed by comparable co-hyponymic expressions in the three languages: Bulg. *Крушата не пада по-далеч от дървото*; Russ. *Яблоко от яблони (не далеко падает)*; E. *The apple does not fall far from the tree*. In English and Russian, the image of a more prototypical, Biblical fruit is used, while Bulgarian gives preference to the word *круша* ('pear'). All the three idioms have a negative connotation and mean that one's offspring tends to inherit the genetic make-up of the parent. Apart from that, in English there is a synonymous expression *a chip off the old block*.

Co-hyponymic relations are also observed in the comparative somatic idioms Russ. *как слон в посудной лавке*, Bulg. *като слон в стъкларски магазин*, E. *like*

a bull in a china shop. The words «посудной», «стъкларски» and ‘china shop’ belong to the same semantic group, as well as the words «лавка» and «магазин», although stylistically the word «лавка» is vernacular in modern Russian. Despite being structurally and semantically isomorphic, the expressions are slightly different conceptually, since they contain the names of three different paragons of a clumsy animal.

The concept of dejection is conveyed by meronymic somatic idioms: Bulg. *кљумвам нос*, Russ. *повесить голову*, E. *to be down in the mouth* (or *to walk with drooping shoulders*). A comparable Russian idiom *клевать носом* (lit. ‘to peck with one’s nose’) means ‘to feel sleepy’. Different body parts were chosen by different linguacultures to express the idea of dejection or depression. The common conceptual basis is that all body parts are downward and are reflective of the conceptual metaphor ‘good is up, bad is down’.

The concept of lack of experience is conveyed in all the three languages through the use of a colour term associated with early stages of ontogenesis or through the usage of nutritional milk fed to the young or neonates: cf. Bulg. *имам жълто около устата*, E. *to be green around the gills*, Rus. *Молоко на губах не обсохло*. The Bulgarian idiom has a synonym *имам много хляб да яде* (lit. ‘to have a lot of bread to eat’).

A lingering image is embedded in the somatic Bulgarian idiom *гладно сърце*, corresponding to the Russian expression *на пустой желудок* and the English *on an empty stomach*. From the point of view of semantic cohesion, the Bulgarian idiom reveals a higher degree of idiomaticity, belonging to the group of phraseological fusions, despite the fact that the adjective is used in its direct meaning. The combination ‘hungry heart’ (the literal translation of the Bulgarian idiom) is misleading and is more readily associated with longing and unrequited amorous feelings rather than physical hunger.

2.5. Idioms with numerals

Numerical concepts play a culture-forming role from the point of view of cultural semiotics (Torop 2015, Bylinina, Nouwen 2020, Waęiel, Сага 2020). There are numerical concepts expressed by both isomorphic and allomorphic idioms in English, Russian and Bulgarian, in which a certain number becomes a metaphorical symbol of a certain notion, thereby giving access to culturally salient concepts (Cherneva 2002): cf.

Russ. *Один в поле не воин. Дважды два четыре. Одна голова хорошо, а две лучше. Сидеть в четырех стенах. Конь о четырех ногах, а спотыкается.*

E. *to put two and two together, one-horse town, to have two left feet, two’s company, three’s a crowd, on all fours.*

Bulg. *четири възрасти* (‘for a very long time’); *две жени – цял пазар* (‘two women are already more than enough’); *две дини под една мишница не се носят* (‘you can’t perform equally well two different tasks’); *правя се на две и половина* (‘to brag about smth.’); *с един куришум – два заека* (‘to manage to accomplish two tasks simultaneously’); *лягам си, че две не виждам* (‘to feel sleepy’); *ще те*

направля на две стотинки (an expletive addressed to a person who is being humiliated or threatened by the speaker).

The structural allomorphy of the Bulgarian proverb *Три пъти мери, веднъж режи* and its Russian counterpart *Семь раз отмерь, один раз отрежь* is down to two factors: first, a fewer number of times in Bulgarian corresponds to a greater number of times in Russian; second, the Bulgarian proverb also uses rhyme and assonance as a mnemonic device as does its English equivalent *A stitch in time saves nine*, where the symbolism of 9 shines through.

In some idioms a specific number is contrasted with a large number in general, which is typically expressed by a pronominal adverb ‘many’ cf. Russ. *У семи нянек дитя без глазу*; Bulg. *Много баби – хилаво дете* (lit. ‘If there are many women, the child will not be well’); E. *Too many cooks spoil the broth*. Here only Russian and Bulgarian idioms are (partly) structurally and semantically isomorphic, while a different image is employed in English to verbalize the concept of ‘high though ultimately unproductive concentration of labour force, which does not facilitate the performance of a task’. Conceptually, however, all the three idioms are on a par with each other. Number 7 in Russian metonymically stands for a large number and is probably an allusion to seven angels, which renders the proverb humorous or even sarcastic.

The brief analysis of the state of the art revealed that despite structural congruence, the majority of Bulgarian, Russian and English idioms are only partially isomorphic due to a number of linguistic, cultural and historical factors and precedents. This results in specific cultural connotations and conceptual content that inheres in idioms from the three analyzed linguacultures.

3. Research methodology: data collection and procedure

The research was conducted in a two-stage, stepwise fashion. At the first stage, 4000 set expressions were selected through the method of random sampling from the following phraseological dictionaries of idioms.¹ In order to equalize the

¹ Ankova-Nicheva, Keti. 1993. *Nov Frazеologichen Rechnik na Bylgarskija Ezik (Phraseological dictionary of Bulgarian)*. Sophia: Sv. Kliment Ohridski.
 Banova, Marija & Dimova, Stamen. 2014. *Frazеologichen Rechnik na Bylgarskija Ezik (Phraseological dictionary of the Bulgarian language)*. Sofia: Ban Mar.
Bol'shoi Frazеologicheskii Slovar' Russkogo Yazika (Comprehensive phraseological dictionary of Russian). 2018. Moscow: ACT Press.
 Kunin, Alexandr. 1998. *Bol'shoi Anglo-Russkii Frazеologicheskii Slovar' (Comprehensive English-Russian phraseological dictionary)*. Moscow: Zhivoi yazik.
 Makartsev, Maxim & Zhernovenkova Tat'jana. 2012. *Bolgarskii Yazik. Tematicheskii Slovar' (Bulgarian Language. Thematic Dictionary)*. Moscow: Zhivoi yazik.
Cambridge International Dictionary of Idioms. 1998. Cambridge: Cambridge University Press.
Chambers English Idioms. 1995. Edinburgh: Chambers Harrap Publishers Ltd.
Collins Cobuild Dictionary of Idioms. 1995. London: Harper Collins.
Longman Dictionary of English Idioms. 1998. London: Addison Wesley Longman Dictionaries.
Oxford Dictionary of English. 2019. Oxford: Oxford University Press.
The Penguin Dictionary of English Idioms. 2001. London: Penguin.

number of idioms from each dictionary and each language, we used a random number generator: the number 1334 was picked by the random number generator, which is why we stuck with this number. At the second stage of the research, the selected idioms were divided into 5 thematic groups: (1) set expressions with a cultural connotation, (2) idioms that form productive phraseological frames, (3) crosslinguistic homonyms ('false friends'), (4) systemic relations, (5) idioms with numerals. The subdivision is to a certain extent intuitive and subjective (although maximal objectivity was arguably attained) and does not mean to suggest impermeable borderlines between the groups. Apparently, the so-called cultural connotation may be present to a greater or lesser extent in all the groups, as, for example, in the group of idioms with numerals. However, this subdivision contributes to a more methodologically rigorous procedure and facilitates the analysis of data. At the second stage of the research through the method of stratified and quota sampling 850 idioms were selected into each group with a view to a statistical count of frequency of keywords in each group. In order to quantify the frequency of keywords in idioms as well as to count the presence of some stylistic devices that contribute to the rhythm and rhyme of idioms, the SPSS software was used. To establish structural, semantic and conceptual affinity between set expressions the contrastive-typological method developed by V. D. Arakin (Arakin 2005) was applied.

The main research questions that were formulated prior to the actual research were as follows:

- (1) What languages out of the three reveal a higher degree of structural and semantic isomorphism?
- (2) What factors have a bearing on this?
- (3) What are some of the recurrent keywords in the 5 thematic groups of Russian, Bulgarian and English idioms?
- (4) What role do some phonetic devices play in Bulgarian, Russian and English idioms?

4. Results

Research findings demonstrated a higher degree of structural and semantic isomorphism among Russian and Bulgarian idioms: cf. Bulg. *морете ми е до колене*, Russ. *море по колено*; Bulg. *да си оближеш пръстите*, Russ. *пальчики оближешь*; Bulg. *мечешка услуга*, Russ. *медвежья услуга*; Bulg. *приличат си като две капки вода*, Russ. *похожи как две капли воды*, etc.

Consider comparable data for the three languages in 5 idiomatic groups (Table 1). Letters B., R. and E. are the shorthand for the names of the three languages – Bulgarian, Russian and English. In the column directly below these letters are some frequent keywords used in Bulgarian, Russian and English idioms. By keywords we mean those idiomatic components that carry the bulk of idiomatic meaning, creating imagery and having cultural connotations. However, it is not necessarily the main semantic component of an idiom. The percentage in brackets

indicates the relative frequency of these keywords. A caveat is needed with respect to the proper names. Unlike the rest of the keywords, proper names are unique for a particular culture (with the exception of typologically dispensable borrowed proper names), therefore in the table they are not replicated in all the three linguacultures. Other keywords may occur in all the three linguacultures, but again with the rider that some names or realia are expected to be restricted to one particular linguaculture (e.g. Russ. «царь» and «князь»). If a keyword is absent from a particular linguaculture, although it just might be expected there, number 0 is placed next to this word. For example, the word «Федура» is unlikely to be present in English even in its latinized form, unlike the word ‘knyaz’, which might be there as it was borrowed into English.

Table 1. The most frequent keywords in the 5 thematic groups of Russian, Bulgarian and English idioms

Five thematic groups of set expressions in Russian, Bulgarian and English	Subgroups	B (%)	R (%)	E (%)
Names of realia (with the exception of numerals) in Russian, Bulgarian and English set expressions (keywords)	Proper names, foodstuffs, names of authority (titles)	Михаль (23) Петка (14) Тричко (13) хляб (26) баница (12) пай (0) пирог (0) цар (1,5) княз (0,5)	Иван (28) Маша (17) Варвара (12) Федура (7) хлеб (28) пирожки (5) пирожные (0) царь (7) князь (1)	Jack (19) John (16) Jane (11) Jill (7) bread (17) cakes (8) pirozhki (0) tsar (0) knyaz (0)
Productive phraseosemantic frames (keywords)	Non-functional part of smth. (1)	(1): колело (13), куче(13), жирафа (0), лос (0)	(1): колесо (14), телега (11), колесница (2), собака (16), жираф (4), лось (0)	(1): wheel (12), cart (0), dog (12), giraffe (5), moose (3)
	Never (2)	(2): кон (12), свиня (0), рак (0), върба (10), грозде (11), калоши (7), четвъртък (12), петък (11), лято (9), неделя (0) никога (0)	(2): рак (5), конь (0), свинья (0), верба (0), виноград (0), калоши (3), пятница (1), воскресенье (0), четверг (0), лето (0), никогда (0,5)	(2): pig (4), cancer, crab (0), horse (0), willow (0), grapes (0), Sunday (4), Thursday (0), Friday (0), summer (0), never (3)
	Madness (3)	(3): муха (5), пчела (1), плъх (0), кенгуру (0), ларва (0)	(3): муха (0), пчела (0), крыса (0), кенгуру (0), личинка (0)	(3): kangaroo (4), bee (3), rat (3), larvae (1) fly (0),

Five thematic groups of set expressions in Russian, Bulgarian and English	Subgroups	B (%)	R (%)	E (%)
Cross-cultural homonymy (keywords)	Phytonyms, somaticisms	сърце (19) кожа (17) душа (13) врат (12) гръб (9) зъби (7) лястовица (11) лимон (13)	душа (18) сердце (16) кожа (14) шея (5) спина (7) лимон (13)	skin (16) heart (15) back (11) soul (11) neck (8) lemon (13)
Systemic relations among Russian, Bulgarian and English set expressions (keywords)	Hyperonymic and meronymic relations (phytonyms, zoonyms, somaticisms)	ябълка (14) круша (12) слон (8) бик (7) сърце (19) палци (7) юмрук (4) стомак (1) жълт (3) зелен (3)	яблоко (16) груша (2) слон (12) бык (11) кулак (10) пальцы (9) сердце (5) желудок (1) зелёный (9) желтый (7)	apple (14) pear (7) bull (8) elephant (7) fingers (12) fist (5) heart (4) stomach (1) green (6) yellow (4)
Numerals in Russian, Bulgarian and English set expressions (keywords)	Numerals from 1 to 10 and 100, 1000, 1000 000	1 (27) 2 (25) 4 (17) 3 (16) 7 (13) 9 (12) 10 (11) 100 (9) 1000 (7) 1000000 (4)	1 (29) 2 (24) 4 (17) 3 (16) 7 (13) 100 (11) 10 (7) 1000 (5) 1000000 (3)	1 (22) 2 (21) 4 (16) 3 (15) 9 (11) 100 (9) 1000 (7) 10 (4) 1000000 (2)

The following data were obtained for the frequency of usage of assonance and alliteration (consonance) in Russian, Bulgarian and English set expressions (Fig. 1).

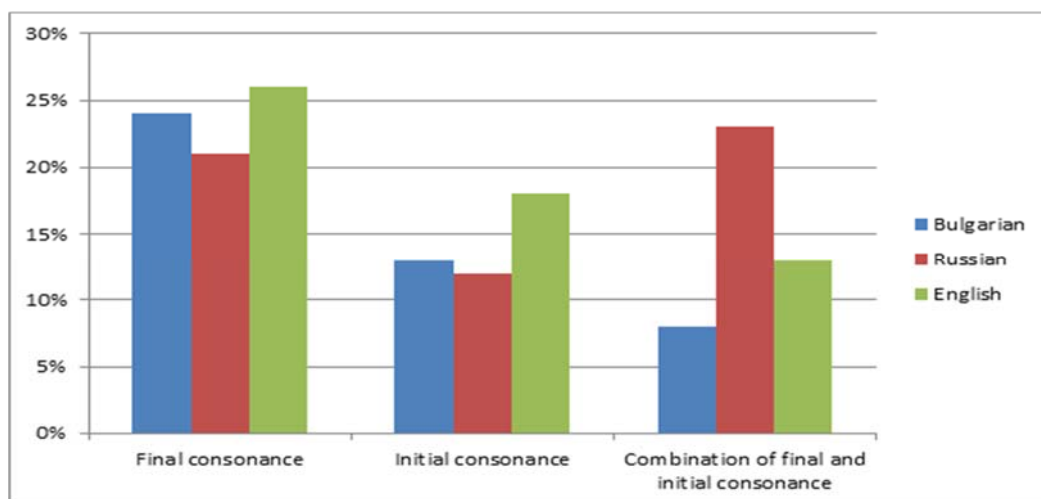

Fig. 1. Frequency of usage of assonance and alliteration in Russian, Bulgarian and English idioms

The main factors that have a bearing on the degree of structural and semantic isomorphism (congruence) in Russian, Bulgarian and English idioms turned out to be as follows (Table 2). The + sign marks the presence of a certain type of isomorphism, the – sign marks its absence; a combination of the signs + and – indicates an incomplete degree of isomorphism.

Table 2. Factors that have a bearing on structural and semantic isomorphism in Russian, Bulgarian and English idioms

Factors that determine structural and semantic isomorphism in Russian, Bulgarian and English idioms	Structural isomorphism	Sematic isomorphism	Structural-semantic isomorphism
Typological affinity between Bulgarian and English	+	–	–
Genetic affinity between Russian and Bulgarian	+	+	+
Borrowings of set expressions from English into Russian and Bulgarian	+	+–	+–
Borrowings from Russian into Bulgarian	+	+	+
Shared idiomatic word-stock (primarily fables and the Bible)	+	+–	+–
Objective extralinguistic reality (the number of functional parts of objects, including body parts)	+	+	+
Symbolic meanings of numerals	–	+	+–

The results that have been obtained during the research can be spelt out as follows.

1. The main factors that determine the degree of isomorphism and allomorphy among idioms in the three languages are (1) typological affinity between English and Bulgarian, (2) genetic affinity between Russian and Bulgarian, (3) borrowings of idioms from English into Russian and Bulgarian, (4) borrowings of idioms from Russian into Bulgarian, (5) the shared idiomatic stock, primarily fables and biblical expressions, (6) such extralinguistic factors as the number of functional parts of objects, including body parts, (7) the symbolic meaning of numerals.

2. Approximately the same number of culturally dense idioms inhere in the three linguacultures. However, Russian and Bulgarian idioms were found to have more names of shared realia. When idioms with cultural connotations are borrowed, for example, from English into both Russian and Bulgarian, a hyponymic paraphrase typically takes place, which results in a partial semantic and conceptual adjustment of the idiom (cf. *cakes* vs *пирожки* vs *хлеб*).

3. The most productive phraseosemantic frames turned out to be ‘never’, ‘non-functional part of something’ and ‘madness’.

4. Cross-linguistic homonymy was found to be more typical for Russian and Bulgarian. If a set expression is traced back to a common precedent, such as a fable or the Bible, despite structural isomorphism, such idioms tend to develop different cultural connotations, because different inferences have been drawn from them by different linguacultures.

5. Hierarchical and part-whole relations proved to be the most prevalent across all the groups of idioms. In order to express a similar or comparable concept,

different keywords are used in different languages, such as somaticisms, phytonyms or zoomorphic metaphors, depending on the cultural associations with a particular body part, flora or fauna.

6. Numerals 1, 2 and 4 are typologically and statistically significant in all the three linguacultures as a result of objective or universal properties of objects and phenomena. Numbers 3, 7 and 9 are more culturally loaded and play different roles in the analyzed linguacultures: numbers 3 and 7 are more relevant for Russian; number 9 may be used as a synonym of 7 in Bulgarian; in English, in order to express a comparable meaning, either number 9 is used or the general pronominal adverb ‘many’, which conveys an indiscriminately large number of entities. In all the three languages, numbers 100, 1000 and 1000 000 are used hyperbolically.

7. Final consonance plays a more significant role in the three languages. In other words, not only semantic and conceptual, but also structural factors play a role in the choice of idiomatic components and thus impact on the degree of idiomatic isomorphism across languages.

4. Discussion

History, contacts as well as typological affinity have a bearing on the degree of structural and semantic congruence of idioms in the three languages. Despite structural congruence, most idioms reveal culturally salient semantic and structural components that are absent from their dictionary treatment. Additional and divergent shades of idiomatic meanings develop, partly, due to different cultural contexts in which they function. This finding is thus in keeping with data obtained by Wolf (2015) and Torop (2015). The usage of somaticisms, phytonyms or zoomorphic metaphors is explained by different cultural associations with a particular body part, flora or fauna. This justifies the partial semantic and conceptual adjustment of keywords in borrowed idioms.

Crosslinguistic borrowings seem to be a factor that accounts for partial or complete structural and semantic congruence of idioms in the three languages. Since borrowings are not evenly distributed in the three languages due to a more prominent role played by English and Russian as compared to Bulgarian, the latter turned out to be more on the receiving end of loans.

The choice of a keyword in an idiom is determined not only by semantic or conceptual considerations, but is aligned with the rhyme and rhythm of a set expression. This serves as an aide-memoire and contributes to idioms’ more pronounced expressive function. This finding is in keeping with research by Benczes (2019). Predominance of final consonance in the three languages is justified by the mnemonic effect associated with words’ codas. However, because initial elements of words are more informative from the perceptual point of view, in English initial consonance also has some role to play, becoming a centrifugal force compared to the final consonance.

The pronounced negative connotation of the three most productive idiomatic frames is partly explained by the make-up of the human psyche, in which the negative tends to leave a more pronounced cognitive trace than the positive.

Numerical concepts embedded in idioms are comparable across the three languages. However, each linguaculture is characterized by the prevalence of specific numbers. In each case, the reason for numerical salience may be different. In some cases, historical precedents explain why a certain number symbolizes a certain cultural concept. In other cases, where more isomorphy is observed, the prevalence of certain numbers is constrained by extralinguistic reality, in which many objects are made up of the same number of functional parts. Finally, religious and mythological practices play a key role in the symbolic meaning of a numeral. The relative frequency of the numeral 2 in the three languages is explained by its pair-like quality, in which it is opposed to 1 and 3 simultaneously. When opposed to 1, its meaning is that two people are better than one in performing a task. Opposed to 3, it is meant to suggest that a pair of people may have amorous feelings towards each other: the third party is, therefore, unwelcome. The symbolic meaning of 4 and 5 is rooted in the topological properties of objects: because a room has 4 walls and because animals have four limbs, such expressions as the Russian «сидеть в 4-х стенах» (lit. 'to sit in four walls'), «как собаке пятая нога» (lit. 'to need smth. like a dog needs a fifth leg') appear. The symbolic meaning of the numerals 3, 7, 9, 12, 13, 40 is connected with the Bible. In Orthodox Christianity, a wake is held after a person has been dead for 9 and 40 days. The faithful believe that the soul of the deceased travels the Earth for 39 days, visiting the places a person saw or lived in during his/her life. Number 7 is also symbolic in many cultures around the world. In the Bible, this number is mentioned several times: there are 7 hierarchies of angels; seven demons were driven out of Mary Magdalene; there are seven deadly sins (lust, gluttony, greed, sloth, wrath, envy, and pride) counterbalanced by seven virtues (chastity, temperance, charity, diligence, kindness, patience and humility). There is also a tradition in Bulgaria and Russia to place 7 dishes on the table during a religious holiday (a fete). When the usage of a certain numeral is primarily justified by formal requirements, its meaning may be devoid of any specific cultural connotations and is chosen ad hoc to align it with the rhyme and rhythm of an idiom: cf. Bulg. *Петима Петка не чакат*; Russ. *Семеро одного не ждут*; E. *There's no spoiling a wedding for one that's missing*. However, the choice of a proper name is usually from within the available native anthroponyms, which gives the whole expression an additional conceptual tinge.

Some of the limitations of the research are connected with slightly outdated dictionaries of Bulgarian: unfortunately, new modern comprehensive dictionaries are virtually non-existent or are nominally updated editions of older ones. This may partly be explained by the rather conservative nature of idiomatic word-stock and Bulgarian as a whole, which retains a lot of the linguistic features traced back to proto-Bulgarian. Another limitation is that we did not control for such parameters of our sample as frequency and style, something which may form one of the areas for further research.

5. Conclusion

The research expands the theoretical tenets of ethnophraseology – the study of culturally salient phrases. For Bulgarian speakers, these are set expressions that contain culturally loaded elements, such as *има да дава на Михаля; гоня Михаля; тънка Тодора; без време гост – от турчин по-лош; яж, Пено, сирене, че овчар си искала; с ченгел думите му вадя*, etc. These are idioms that contain either Bulgarian proper names or realia that are relevant for the history of Bulgaria, or names of artifacts that are unique to Bulgaria. For example, the word *турчин* (‘Turk’) is used in the saying above because of the long-lasting Turkish rule on the territory of Bulgaria. The Russian equivalent of the Bulgarian saying *без време гост – от турчин по-лош* reflects different realia: cf. *незванный гость хуже татарина*. The English equivalent *The unbidden guest is a bore and a pest* seems to be devoid of any cultural connotations; however, rhyme and rhythm as well as the unpalatable image of a parasitic creature make for a memorable idiom, whose pragmatic effect could be further investigated.

This study could also further develop the functionalist paradigm of Cultural Linguistics, which views intercultural encounters as problem situations that require certain skills to manage communication successfully. In this case, skills are linguistic and conceptual clarification strategies, such as meta-linguistic and cultural commentary on the cultural practice embedded in idiomatic expressions. The findings of this research will also be of benefit to the highly prolific field of Contrastive Typology and could stimulate further interest in comparative-typological research.

We would like to conclude this paper by quoting one of the pioneers and active practitioners of Cultural Linguistics, the late F. Sharifian, who believed that ‘when faced with other cultures, we become conscious of our own cultural worlds... The proliferation of cross-cultural contacts calls for new forms of scholarly work in the humanities and social sciences...and demonstrates how cultural conceptualisations embedded in a language are relevant to all aspects of human life’ (Sharifian 2017: 166).

Authors’ contribution

Lavrova N.A. – the idea, design, data collection, structure and the writing of the text.
Kozmin A.O. – literature review, data analysis, avenues for further research, the writing of the text.

Acknowledgement

The authors would like to express their deepest gratitude to Editor-in-Chief, Professor Tatiana Larina for help, guidance and invaluable scientific insights. We appreciate Alexandr Ignatenko’s help and prompt correspondence. Our gratitude also extends to the language editor and to the anonymous Bulgarian reviewers, who devoted their time to reading our research and suggested areas for improvement.

REFERENCES

- Arakin, Vladimir. 2005. *A Comparative Typology of Russian and English*. Moscow: FIZMATLIT Publishing house. (In Russ.)
- Bagasheva, Alexandra. 2017. Cultural conceptualisations of MOUTH, LIPS, TONGUE and TEETH in Bulgarian and English. In Farzad Sharifian (ed.), *Advances in cultural linguistics*, 189–221. London: Routledge. https://doi.org/10.1007/978-981-10-4056-6_10
- Benczes, Réka. 2019. *Rhyme over Reason: Phonological Motivation in English*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108649131>
- Bilá, Magdaléna & Svetlana Ivanova. 2020. Language, culture and ideology in discursive practices. *Russian Journal of Linguistics* 24(2). 219–252. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-2-219-252>
- Bylinina, Lisa & Rick Nouwen. 2020. Numeral semantics. *Language and Linguistics Compass* 14(8). 1–18. <https://doi.org/10.1111/lnc3.12390>
- Cherneva, Nad'a. 2002. *Semantics and Symbolism of Numbers in the National Worldview (on the Basis of Russian and Bulgarian Phraseology)*. Avtoref. kand. filol. nauk. Moscow. (In Russ.)
- Diedrichsen, Elke. 2020. Linguistic expressions as cultural units. How a cultural approach to language can facilitate the description of modern means of communication and expression. *International Journal of Language and Culture* 7(1). 121–145. <https://doi.org/10.1075/ijolc.00030.die>
- Goshkheteliani, Irine. 2019. Culture as reflected in Somatic idioms. *Filolog* 20 (20). 17–33. <https://doi.org/10.21618/fil1920017g>
- Hristova, Margarita & Dragomir Tzukev. 2018. Multi-speed innovations in support of individual development. *Journal of Pedagogy and Education Management* 2. 112–124.
- Ivanova, Elena. 2019. Contrastive analysis of Bulgarian and Russian syntax peculiarities. *Slověne* 8(1). 554–563. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2019.8.1.22>
- Karpov, Vladimir. 2020. *The Bulgarian Language*. Moscow: Lenand Publishing house.
- Kozlova, Lyubov. 2020. Metaphor as the reflection of culture determined cognition. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 899–925. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925>
- Kononenko, Irina. 2020. Cross-cultural communication – lost in translation: A corpus study. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 926–944. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-926-944>
- Lakshmi, Bh V N & Abdullah Hamoud A. Al-Fauzanb. 2019. Idioms and culture: Exploring the inter-influence between English and other languages. *Humanities & Social Sciences Reviews* 7(6).131–138. <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7627>
- Lavrova, Nataliya & Elena Nikulina. 2020. Advanced Russian EFL Learners' Awareness of Idiomatic Synonymy, Antonymy, and Polysemy. *Journal of Language and Education* 6(4). 105–120. <https://doi.org/https://doi.org/10.17323/jle.2020.9689>
- Lavrova, Nataliya & Elena Nikulina. 2020. Predictors of correct interpretation of English and Bulgarian idioms by Russian speakers. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 831–857. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-831-857>
- Maslov, Jurij. 1981. *Bulgarian Grammar*. Moscow: Visshsaya Shkola Publishing house. (In Russ.)
- Mokienko, Valerij. 1980. *Slavonic Phraseology*. Moscow: Visshaya Shkola Publishing house. (In Russ.)
- Mokienko, Valerij. 1983. On the origin of phraseological Germanisms in Slavonic languages. *Slavonic and Balkan Linguistics. Lexicological Problems*. 101–110. (In Russ.)

- Nelyubova, Natalia, Syomina, Polina & Vitalija Kazlauskienė. 2020. Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics* 24 (4). 969–990. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>
- Peeters, Bert. 2016. Applied ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is its CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture* 3(2). 137–160.
- Piirainen, Elisabeth. 2005. Europeanism, internationalism or something else? Proposal for a cross-linguistic and cross-cultural research project on widespread idioms in Europe and beyond. *Hermes, Journal of Linguistics* 3. 45–75. <https://doi.org/10.7146/hjlc.v18i35.25816>
- Rafatbakhsh, Elaheh & Alireza Ahmadi. 2019. A thematic corpus-based study of idioms in the Corpus of Contemporary American English. *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education* 4 (11). 1–21. <https://doi.org/10.1186/s40862-019-0076-4>
- Senkbeil, Karsten. 2020. Idioms in intercultural communication. A cognitive and pragmatic perspective. *International Journal of Language and Culture* 7(1). 38–62. <https://doi.org/10.1075/ijlc.00026.sen>
- Sharifian, Farzad. 2017. *Cultural Linguistics: Cultural Conceptualisations and Language*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Teliya, Veronika. 1996. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguacultural Aspects*. Moscow: Languages of Russian Culture Publishing house. (In Russ.)
- Torop, Peeter. 2015. Cultural semiotics. In Farzad Sharifian (ed.), *Advances in cultural linguistics*, 170–180. London: Routledge.
- Vereshchagin, Jevgenij & Vitalij Kostomarov. 1982. National and cultural semantics of Russian phraseologisms. *Dictionaries and Linguacultural Studies*. 89–97. (In Russ.)
- Wang, Yan. 2017. On Cultural Connotations of English Idioms. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research* 121. 156–159. <https://doi.org/10.2991/ichssr-17.2017.31>
- Wągiel, Marcin & Pavel Caha. 2020. Universal semantic feature and the typology of numerals. *Catalan Journal of Linguistics* 19. 199–229. <https://doi.org/10.5565/rev/catjl.296>
- Wolf, Hans.-Georg. 2015. Language and culture in intercultural communication. In Farzad Sharifian (ed.), *Advances in cultural linguistics*, 445–459. London: Routledge.

Dictionaries and Empirical Material Resources

- Ankova-Nicheva, Keti. 1993. *Nov Frazеologichen Rechnik na Bylgarskija Ezik (Phraseological Dictionary of Bulgarian)*. Sophia: Sv. Kliment Ohridski.
- Banova, Marija & Stamen Dimova. 2014. *Frazеologichen Rechnik na Bylgarskija Ezik (Phraseological Dictionary of the Bulgarian Language)*. Sofia: Ban Mar.
- Bernstein, Samuil. 1975. *Bolgarsko-Russkij Slovar' (Bulgarian-Russian dictionary)*. Moscow: Sovetskaja Enziklopedija.
- Birih, Alexandr, Mokienco, Valerij & Ljudmila Stepanova. 1999. *Slovar' Russkoj Frazеologii. Istoriko-etimologičeskij Spravočnik (Dictionary of Russian Phraseology. A Historico-Etymological Reference Book)*. Moscow: Folio Press.
- Bol'shoj Frazеologičeskij Slovar' Russkogo Yazika (Comprehensive Phraseological Dictionary of Russian)*. 2018. Moscow: ACT Press.
- Kunin, Alexandr. 1998. *Bol'shoj Anglo-Russkij Frazеologičeskij Slovar' (Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary)*. Moscow: Zhivoj jazik.
- Makartsev, Maxim & Tat'jana Zhernovenkova. 2012. *Bolgarskij Yazik. Tematičeskij Slovar' (Bulgarian Language. Thematic Dictionary)*. Moscow: Zhivoj jazik.

- Populjarnije Bolgarskije Frazeologismi (*Popular Bulgarian Idioms*) (electronic source). <http://news.flarus.ru/?topic=6763> (accessed 28 February 2022).
- Sabeva, Radost & Zhana Zagorova. 2015. *Speak Bulgarian like a Native. Bulgarian Idioms in Context*: CreateSpace.
- Sakralnij Smisl Chisel v Verovanijah i Uchenijah (The Sacrosanct Meaning of Numbers in Religious Denominations and Teachings)*. URL: <https://ria.ru/20070707/68528028.html> (accessed 28 February 2022).
- Chambers Dictionary of Idioms and Catch Phrases*. 1995. Edinburgh: Chambers Harrap Publishers Ltd.
- Cambridge International Dictionary of Idioms*. 1998. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chambers English Idioms*. 1995. Edinburgh: Chambers Harrap Publishers Ltd.
- Collins Cobuild Dictionary of Idioms*. 1995. London: Harper Collins.
- Collins Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/one-swallow-doesnt-make-a-summer> (accessed 28 February 2022).
- Farlex Idioms and Slang Dictionary*. URL: <https://www.amazon.com/Farlex-Idioms-Slang-Dictionary/dp/1539588874> (accessed 28 February 2022).
- Idioms Online*. URL: <https://www idioms online/up-the-creek/> (accessed 28 February 2022).
- Longman Dictionary of English Idioms*. 1998. London: Addison Wesley Longman Dictionaries.
- McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs*. 2006. New York: McGraw Hill Professional.
- Oxford Dictionary of English*. 2019. Oxford: Oxford University Press.
- The American Heritage Dictionary of Idioms*. 2003. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
- The Macquarie Dictionary*. 1997. Sydney: Macquarie Library.
- The Oxford Dictionary of Idioms*. 2004. Oxford: Oxford University Press.
- The Penguin Dictionary of English Idioms*. 2001. London: Penguin.
- Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=squeezed%20lemon> (accessed 28 February 2022).

Article history:

Received: 01 May 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionotes:

Nataliya A. LAVROVA is Doctor Habil., Associate Professor at the English Phonetics and Lexicology Department of the Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Russia. Her research interests include English, Bulgarian and Russian phraseology, cognitive metaphor, linguistic contactology and areal typology.

Contact information:

Moscow Pedagogical State University (MPGU)

1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russia

e-mail: na.lavrova@mpgu.su

Alexandr O. KOZMIN, PhD, is Associate Professor at the Department of English No3, School of International Journalism of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia. His research interests embrace grammar semantics, comparative linguistics, English, German and Russian phraseology, sociology and ESP teaching methods.

Contact information:

MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo Moscow, 119454, Russia

e-mail: a.kozmin@inno.mgimo.ru

Сведения об авторах:

Наталья Александровна ЛАВРОВА – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фонетики и лексики английского языка, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия. Научные интересы: фразеология английского, болгарского и русского языков, когнитивная метафора, лингвистическая контактология, ареальная типология.

Контактная информация:

Университет ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Россия, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

e-mail: na.lavrova@mpgu.su

Александр Олегович КОЗЬМИН – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 3 факультета международной журналистики МГИМО МИД России. Научные интересы: грамматическая семантика, сопоставительное языкознание, фразеология английского, немецкого и русского языков, социология, методика преподавания английского языка.

Контактная информация:

Университет МГИМО МИД России

Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

e-mail: a.kozmin@inno.mgimo.ru

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-26828>

Research article

A very unpredictable ‘person’: A corpus-based approach to suppletion in West Polesian

Kristian RONCERO

Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, Germany
Friedrich Schiller Universität, Jena, Germany
 kristianroncero@gmail.com

Abstract

In Slavic languages, as in many other languages, the noun for ‘person’ has a suppletive paradigm. Yet, as this study shows, in West Polesian (East Slavic) the noun ‘person’ is a typological outlier not only within Slavic but also cross-linguistically because it combines three stems with a very complex distribution. This paper looks for any regularities in the distribution of these suppletive stems, their cognates among other Slavic languages and how speakers use them in free texts. This survey provides novel insights into suppletion. First, suppletion involving more than two stems is typologically uncommon but the West Polesian noun ‘person’ combines three. Second, against any expectation of regularity for the sake of learnability, free-text data show that speakers do not distribute the stems homogeneously. Third, notwithstanding the diglossic situation in Western Polesie, the inter- and intra-speaker variation in the choice of stem does not seem particularly conditioned by sociolinguistic variables such as gender, age or social class. In sum, this corpus survey of the suppletive stems of ‘person’ in West Polesian and Slavic illustrates a rare case in morphological typology where there is a three-stem suppletion combined with overabundance and a vast amount of variation across speakers.

Keywords: *corpus, field-data, overabundance, Slavic, suppletion, variation, West Polesian*

For citation:

Roncero, Kristian. 2022. A very unpredictable ‘person’: A corpus-based approach to suppletion in West Polesian. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 116–138
<https://doi.org/10.22363/2687-0088-26828>

Непредсказуемый «человек»: корпусное исследование супплетивности в западнополесских говорах

Кристиан РОНСЕРО

Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, Лейпциг, Германия
Университет Фридриха Шиллера, Йена, Германия
kristianroncero@gmail.com

Аннотация

В славянских языках, как и во многих других, существительное, обозначающее «человек», имеет супплетивную парадигму. Однако, как показывает данное исследование, в западнополесских (восточно-славянских) говорах существительное «человек» типологически аномально не только для славянских, но для других языков, так как представляет собой комбинацию трех основ с очень сложной дистрибуцией. В статье рассматривается дистрибуция этих супплетивных основ, родственные им слова в других славянских языках и их использование носителями в произвольных текстах. Это исследование предлагает новый взгляд на супплетивность. Во-первых, супплетивность, включающая более двух основ, нетипична, но в западнополесском существительном «человек», используются три основы. Во-вторых, вопреки ожиданиям, данные произвольных текстов показывают, что говорящие не распределяют основы равномерно. В-третьих, несмотря на ситуацию диглоссии в Западном Полесье, внутри- и межличностные вариации в выборе основ не особо зависят от социолингвистических переменных, таких как гендер, возраст или социальный класс. В целом, это корпусное исследование супплетивных основ существительного, обозначающего человека в западнополесском и славянских языках, иллюстрирует редкий случай морфологической типологии, где присутствует трехосновная супплетивность вкупе с избыточностью и высоким уровнем вариативности среди носителей языка.

Ключевые слова: корпус, данные полевых исследований, избыточность, славянские языки, супплетивность, вариация, западнополесские говоры

Для цитирования:

Roncero K. A very unpredictable ‘person’: A corpus-based approach to suppletion in West Polesian. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 1. P. 116–138
<https://doi.org/10.22363/2687-0088-26828>

1. Introduction

Bybee (1985: 91) defined suppletion or suppletive paradigms as “inflectional paradigms that have forms built on two or more stems that are etymologically from different sources.” I give more detail on suppletion later on, but as a more familiar example we can think of the English verb *to go* in the PAST SIMPLE > *went* (**go-ed*; as in *jump* > *jump-ed*). Both stems are phonologically very different, furthermore, there is evidence that etymologically they derive from two different roots (OED 2018). Hence, *go* and *went* hold a suppletive relation; that is to say, their correlation is semantic, rather than formal (phonological).

West Polesian is a little-known East Slavic variety spoken between southwestern Belarus, north-western Ukraine and a small fraction of eastern Poland. The

speech community lives in an area with a swampy topography that is frequently flooded in spring. As a result, speakers have been highly isolated from outside groups for centuries, as well as having heavily limited mobility within this region. The isolation has contributed to the preservation of some older Slavic cultural and linguistic features, whilst it has also set the ground for innovations with respect to the East Slavic family. Nowadays the community is increasingly exposed to the surrounding standardized and closely related Slavic varieties (i.e. Belarusian, Russian, Ukrainian and Polish). The language contact resulting from media and education is putting pressure on West Polesian grammar. Nevertheless, this is not the only source of contact and pressure. Since the 1980s the government has been draining the marshes, partly, in order to build roads. This has led to a massive emigration of the younger population to the cities, where, in the case of Belarus, Russian is spoken. As a result, West Polesian grammar can often feel like a crossroad of four main Slavic varieties.

Once I advanced on the transcription of the recordings of the West Polesian corpus, I realized that the noun ‘person’ displayed a peculiar behavior, which differed from what I knew from its Belarusian, Russian or Polish cognates. I was aware of the alternation between the stems *fjolo'vik-* and *lud-*, in West Polesian. Yet, further on, I noticed that a third stem, *duf-*, was another juggling ball of the suppletive paradigm of the noun ‘person’:

- (1) (B20.17 00:25)
 i jak **fjolo'vik** ide nofju obizatelno puzaj-e
 and when person.NOM.SG go-3SG at night necessarily scare-3SG
 ‘And when a person/man (= someone) walks [over] he always scares them.’
- (2) (B20.19 01:51)
 teper uze tak-ix **ludej** praktifjeski,
 now already these-GEN.PL person.GEN.PL virtually
 pofjt i ni-ma
 almost and NEG-HAVE
 ‘Nowadays there are hardly any people like this left [sorcerers].’
- (3) (T1.18 01:16)
 [...] bo **pjat, sjem duf...** na **sjem fjolo'vik...**
 as five seven person.GRADNM to seven person.GRADNM
 ‘[...] because [there were] five, seven people... for seven people.’

At first glance, it is tempting to assume that these forms are independent lexical entries (synonyms), as traditionally OVERABUNDANCE (Thornton 2019) has been despised. However, a further cross-Slavic corpus survey showed that *duf-* had cognates in other Slavic languages as a suppletive stem of ‘person’ (see the cross-Slavic survey in (§4.1.)). Having a three-stem inventory, (instead of two) like the vast majority of Slavic languages, would make this phenomenon exciting enough to be studied. But there is an even more interesting twist; despite the inventory of

suppletive stems being larger than normal their distribution is very heterogeneous across speakers (and even within their own idiolect) when comparing their use in free texts. That is to say, suppletion makes morphology more complex to learn and retrieve (Bybee 1985), so the more stems involved the more regularity we would expect to compensate it, but I will refute this hypothesis in this article.

Numeral Phrases (NumPs) and government are closely related to the stem alternations of the nouns ‘year’ and ‘person’ in Slavic. For this reason, I start with a short overview of their morphosyntax and outline the particularities of Slavic and specifically West Polesian (where there are dedicated ADNUMERATIVE forms) (§2) in order to frame this study. Second, I introduce the study, present the methodology (§3) and the results from a cross-Slavic survey of the noun ‘person’ in combination with NumPs (§4.1). This shows that the three stems discussed here have cognates in other Slavic varieties. Third, I present some ‘ideal paradigms’ of the three stems involved in West Polesian (§4.2), admitting that these paradigms are frequently combined and mixed by the speakers. Furthermore, the stems *folo’vik-* and *duf-* present complications for the analysis, as homophonous forms exist with full paradigms (§4.2.1). Fourth, based on Bortnik (1979) and Chumakina et al. (2004) I propose some putative conditions in order to prove whether the choice of one stem over another is restricted and/or motivated by these (§4.3). Moreover, I prove that sociological factors are not automatic predictors of the use of one form or the other, either (§4.3.3). Finally, I present a summary and conclusions extracted in the light of the inconsistencies between speakers and the peculiar sociolinguistic setting of Western Polesie (§5).

2. Some remarks on Numeral Phrases in Slavic and the peculiarities of WP

Most of the suppletion in the paradigm of ‘person’ in West Polesian and Slavic happens around the cells used with Numeral Phrases (NumPs) and quantification. The syntax of NumPs and quantification is very complex in Slavic. The topic has been widely discussed in the literature (and is still being debated). For more complete descriptions and hypotheses from colleagues belonging to different schools I shall refer to the following: Akiner 1983, Babby 1987, Corbett 1983, Franks 1995, Kim 2009, Madariaga & Igartua 2017, Mel’čuk 1985, Nessel 2019, Nessel & Nordrum 2019, Pereltsvaig 2013, Viellard 2011 and Žolobov 2003, among others. Hence, I do not intend to add anything to this topic, but rather I shall mention some of the peculiarities of West Polesian.

Common Slavic had a DUAL NUMBER that has been lost or heavily eroded in most contemporary Slavic languages with the exceptions of Slovene and Upper and Lower Sorbian. In Common Slavic the numeral ‘one’ governed SINGULAR; ‘two’, DUAL; ‘three’ and ‘four’ NOM PL; and higher numerals GEN PL (Akiner 1983, Žolobov 2003). Due to some phonological and morphosyntactic changes, the numerals ‘two’, ‘three’ and ‘four’ (henceforth,

LOWER NUMERALS) ended up merging in most Slavic languages (concerning morphosyntax). West Polesian has developed a dedicated form for nouns governed by LOWER NUMERALS called ADNUMERATIVE (ADNM) or NUMERATIVE (Mel'čuk 1985, Nurmio & Willis 2017, Roncero 2021, Žolobov 2003). In West Polesian, this ADNUMERATIVE (henceforth, ADNM) form is often in competition with what (at least phonologically) resembles NOM PL and GEN SG (4).

- (4) (B6, B9.elicited)
a. ^I	dv-a	'duba
	two-NOM.M	oak(M).GEN.SG
a. ^{II}	dv-a	du'bi
	two-NOM.M	oak(M).NOM.PL
a. ^{III}	dv-a	'dubi
	two-NOM.M	oak(M).ADNM
		'Two oak trees'

Moreover, at least some West Polesian nouns seem to also have a special noun form when governed by a HIGHER NUMERAL (i.e. different from the regular GEN PL), which I call GREATER ADNUMERATIVE (GRADNM) (5).¹

- (5) [elicited]
a. ^I	pjetj	lu'dej	
	five.NOM.PL	person.GEN.PL	
a. ^{II}	pjetj	tfolo'vik	
	five.NOM.PL	person.GRADNM	
		'Five people'	
b. ^I	saraj	fiet-ix	lu'dej
	barn.NOM.SG	DEM-GEN.PL	person.GEN.PL
b. ^{II}	*saraj	fiet-ix	tfolo'vik
	barn.NOM.SG	DEM-GEN.PL	person.GRADNM
		'These people's barn'	

Even if forms like *tfolo'vik* were only GEN.PL, the solution is to propose that another 'non-canonical phenomenon' known as HETEROCLISIS is behind this (Stump 2006). Heterocclisis consists of using two inflectional forms belonging to two different inflectional classes. In this case, the *tfolo'vik* (and similar forms for 'year' e.g. *pjet hod*, instead of the regular *fio'dru* 'five years', which is also attested) would have a GEN.PL proper of inflectional class I,² unlike the SINGULAR sub-paradigm, which belongs to class II. Note that in West Polesian (as in East Slavic) the nominal paradigms of classes I and II are only distinct from each on the ACC/GEN cell(s) of the PLURAL sub-paradigm.

¹ In Mel'čuk's (1985: 430–437) terminology this is an "adnumerative plural" but explaining the choice of my term would involve a long discussion deserving, at least, a paper on its own to provide enough context.

² Traditionally, in Slavic descriptions this is generally referred to, though inaccurately, as feminine (PACE Corbett).

3. Methodology and some representation remarks

In order to make sure that we are not dealing with overlapping synonyms, I have undertaken a cross-Slavic survey to see the behavior of the noun ‘person’ (Table 1; Table 2; Table 3). The materials for the cross-Slavic survey are based on *ParaSol, a Corpus of Slavic and Other Languages* (Waldenfels & Meyer 2011).

The corpus from which the West Polesian examples in this article have been extracted is the result of eight months of my own fieldwork in the region of Brest (Belarus).³ More than fifty speakers took part in the project, contributing different types of data. In order to protect the anonymity of the participants who did not want to disclose their identities each was assigned a code. The first two/three letters of the speaker code indicate the village where they come from. I will refer to this information further on for comparison. It should be noted that all the examples used in this paper have been exclusively taken from free texts, which have given 245 tokens for ‘person’. For the sake of transparency and data replicability, the full list of tokens can be found in the *Supplementary Materials*.⁴

The examples in this paper are transcribed according to IPA conventions (except for capitals in proper names), based on my ongoing (impressionistic) analysis of West Polesian phonology. I have tried to respect all the differences in the pronunciation, which means that sometimes stems appear as palatalized (*fʲelovjek-*, *ʋud-*, as in Contemporary Standard Russian – CSR); or most often unpalatalized (which is more in line with the general phonological rules of West Polesian) and the vocalism is not very consistent.

West Polesian stress is dynamic and has a lexical function. In West Polesian many nominal (and less so verbal) paradigms have mobile stress which helps to disambiguate otherwise segmentally syncretic forms (much more than in Belarusian and Russian); e.g. (B6) [GEN SG] *ka 'navi* vs. [NOM PL] *kana 'vi* ‘channel(s)”; (Z4) [GEN SG] *'pisni* vs. [NOM PL] *pis 'ni* ‘song(s)’. Thus, given that in West Polesian CASE/NUMBER marking is more clearly dependent in both stress and suffixation than in other Slavic languages, I do not provide morphological segmentation for nouns. Whenever there are differences regarding the position of the stress between speakers or even the same idiolect I have respected these. Unless specifically glossed, all numerals are cardinals.

4. The noun ‘person’

Under this heading, firstly, (§4.1) I present the noun ‘person’ and its behavior with numeral phrases across the Slavic family distinguishing synonyms from pure suppletive stems. Secondly, I present West Polesian paradigms for ‘person’ to which in an *ideal* instance speakers would adhere (§4.2); also mentioning some of the interferences derived from homophony

³ See §Appendix I for more details on the villages covered.

⁴ See list of tokens of ‘person’ on the West Polesian corpus at <https://doi.org/10.5281/zenodo.5879004>

(§4.2.1). Thirdly, I propose several putative conditions which could affect the choice of one stem or another, starting with morphosyntax (§4.3.1) and (§4.3.2), and moving to sociolinguistics (§4.3.3).

4.1. The noun ‘person’ across the Slavic family

I ran a cross-Slavic survey of the noun ‘person’ using the corpus by Waldenfels & Meyer (2011). Visualizing the suppletive stems and the available distributions for these across the Slavic family has been enlightening for this study. The cells most affected by suppletion are the ones that are most often employed for numerals (i.e. ADNUMERATIVE (ADNM), GENITIVE PLURAL/GREATER ADNUMERATIVE (GRADNM) or similar). That is why, in the following table, I pay special attention to the type of numeral each form appears with in DIRECT CASES.

Here is a list of the languages included in the survey, classified according to their subfamilies:

South Slavic⁵: Bulgarian (BG); Croatian (HR); Macedonian (MKD); Serbian (SRB); Slovene (SVO).

West Slavic: Czech (CZ); Polish (POL); Slovak (SK); Upper Sorbian (US).

East Slavic: (Standard) Belarusian (BLM); Contemporary Standard Russian (CSR); (Standard) Ukrainian (ULM).

Since the results of this survey are quite heterogeneous within each sub-family, I present them according to their genetic/areal affiliation rather than sorting them by the stems. Where there have been many forms, I have stressed in bold the most common or dominant form. The areas in grey indicate the absence of data or results.⁶

Table 1. South Slavic

	‘nom sg’	lower numerals		higher numerals	‘nom pl’
BG	čovek	čoveka		čoveka	čoveci
					xora
		duši		duši	duši(te) ⁷
HR	čovjek	čovjeka		ljudi	ljudi
SVO	človek	[2] človeka	[3] ljudje	ljudi	ljudje
MKD	čovek	čoveka ⁸		duši	duši(te) ⁹
		duši			
		luđe		luđe	luđe
SRB	čovek	čoveka		Ljudi	ljudi

⁵ In this survey, I distinguish Macedonian (MKD) from Bulgarian (BG) and Serbian (SRB) from Croatian (HR) as I obtained significantly different results for these pairs; however, I did not find any corpus also covering Bosnian and Montenegrin.

⁶ Although the vast majority of results come from observations from the *ParaSol* corpus (Waldenfels & Meyer 2011), I had to use *Hrvatski Jeyzčni Portal* (2006–2021) and *Rečnik na bālgarskija ezik* (2018) in order to confirm some of the results, which were otherwise inconclusive by mere observations on the corpus.

⁷ This form is very marginal and all the corpus results point out that, unless an article is used, the stem *duši* can only be used with quantifiers. Moreover the *Dictionary of the Bulgarian Academy (Rečnik na bālgarskia ezik, 2018* (online) also notes that *duši* must be used with quantifiers.

⁸ Only one hit in the entire corpus.

⁹ As in Bulgarian, this form is marginal and can only appear with an article.

Table 2. West Slavic

	‘nom sg’	lower numerals	higher numerals	‘nom pl’
CZ	člověk	lidé	lidí	lidé
POL	człowiek	ludzie / ludzi	ludzi	ludzie
SK	človek	ľudia	ľudí	ľudia
US	čłowjek	[2][n.d.]	[3-4] ludźo	ludźo

Table 3. East Slavic

	‘nom sg’	lower numerals	higher numerals	‘nom pl’
BLM	čalavek	čalaveki	čalavek	ljudzi
			ljudzej	
CSR	čelovek	čeloveka	čelovek	ljudi
			ljudej	
ULM	ljudyňa	ljudyňny	čolovik	ljudy
			ljudej	

Due to time limitations, I focus only on suppletion in contexts where there are numerals; i.e. where dedicated ADNUMERATIVE forms are used (cf. Roncero 2021),¹⁰ and NOM SG – NOM PL, in order to see the contrast.

Whilst the noun ‘person’ in West and East Slavic is fairly unexciting, there is a very rich variation in the South Slavic branch. Other synonyms have been interfering with corpus results. The forms *osoba* (and the like) and *lica* (and the like) are present in many Slavic languages alongside the more established forms (*človek*, *ljudi*, *duši* and the like). In most languages I have found enough evidence for stating that such forms are not additional stems, but just synonyms. For example, the following sentence would not be allowed in Slovak if the stems were suppletive (i.e. two suppletive stems in a disjunctive) “<...> obyčajní ľudia či osoby nevedomé” ‘<...> ordinary people or unknown persons’ (Waldenfels & Meyer 2011: 77–439)). After refining the results of the corpus, we can see that the suppletive stems under discussion (for West Polesian ‘person’) are present in other Slavic languages, particularly in the South Slavic branch. However, it is important to remark that the stem *duf-* does not appear elsewhere in (contemporary) East or West Slavic, so this is probably an archaic feature of West Polesian, rather than a contact-induced loan.

4.2. West Polesian suppletion patterns for ‘person’

Based on observations from the corpus, these are the underlying paradigms of the three stems for ‘person’. Note that for *lud-* many speakers produce it as [ljud-].¹¹ Nonetheless, for the sake of consistency (and to focus exclusively on suppletion), I have kept the non-palatalized form, in the paradigm below (Tables 4 a, b, c). Thus, I represent the cells containing those stems following a color code: *řolovik-*, red; *lud-*, blue; *duf-*, yellow. Given that the status of the GREATER ADNUMERATIVE is arguable, I have represented such forms as GEN.PL.

¹⁰ Regardless of the morphosyntactic strategy they follow, some nouns in ADNUMERATIVE may have a morphophonologically dedicated form, others may use the regular NOM PL form.

¹¹ And for most speakers there is free variation in the non-direct cases between the two realizations.

Tables 4 a, b, c Available stems for the noun ‘person’ in West Polesian

(a) the stem *tʃolovʲk-*

	SG	PL
NOM	tʃolo'vʲk	
VOC	tʃolo'vʲtʃe!	
ACC	tʃolo'vʲka	
GEN	tʃolo'vʲka	tʃolo'vʲk
DAT	tʃolo'vʲku	
INST	tʃolo'vʲkom	
LOC	[n.d.]	
ADNM	tʃolo'vʲki	

(b) the stem *'l(j)ud-*

	SG	PL
NOM		'ludɪ
VOC		'ludɪ!
ACC		lu'dej
GEN		lu'dej
DAT		'ludʲam
INST		ludʲmɪ
LOC		'ludʲax
ADNM		

(c) the stem *duf-*

	SG	PL
NOM		du'fɪ ¹²
VOC		
ACC		
GEN		duf
DAT		
INST		
LOC		
ADNM	'dufɪ	

The reader may have noticed that what I have included here (Tables 4 a, b, c) as the VOCATIVE (SINGULAR) form (*tʃolo'vʲtʃe!*) can be either a derived form (with an appreciative), or a non-productive type of stem alternation. In favor of the second position, it must be said that the alternation between *-k* and *-f* is almost certainly related to a phonological process from the Common Slavic era known as the “First Palatalization” (Shevelov 1964). This is certainly an old remnant of that, especially considering that the VOCATIVE is a marginal CASE value and perhaps more susceptible to retain older forms (see the discussion on CASES in: Corbett 2008, Daniel & Spencer 2009, Zaliznjak 2002). This also happens with some of the Belarusian and Russian remnants of the older VOCATIVE; e.g. (CSR) [NOM SG] *Bog* > [VOC SG] *'Bože!* ‘oh, God!’.

4.2.1. Homophony and ambiguity

One of the biggest challenges for the analysis of the corpus has been the ambiguity caused by the homophony of the stems *tʃolo'vʲk-* and *duf-*. The latter derives from *dufa* ‘soul’ (most likely motivated by metonymy). The form *duf(a)* can be also found unbound, but it denotes literally ‘soul (i.e. spirit)’.

Corbett (2007) and Vanhove (2017) describe a similar problem with a few CSR suppletive nouns such as *reběnok-deti* ‘child’. The noun *reběnok* is not available for the PLURAL; and so, for the rest of the forms, it uses the stem *det-*; i.e. [NOM PL] *deti*; but not **reběнки*. The noun *ditjo* ‘child’ exists on its own, but is rather archaic and restricted to the literature. As a result, the most ‘direct’ or semantically regular [NOM PL] of *reběnok* is *deti*.¹³

In short, the fact that *dufa* can stand on its own and has a meaning closely related to ‘person’, does not impair part of its paradigm from being used as a suppletive form of ‘person’ (rather than it being a mere synonym). Moreover, we

¹² I have only recorded one instance of *duf-* being used (unbound) in the NOM PL, where it seems to mean ‘people’ instead of ‘souls’ (17).

¹³ Some people may argue that this noun also has a NOMINATIVE PLURAL and VOCATIVE PLURAL form, based on truncation [NOM PL] *rebjata!*; [VOC PL] *rebjat!* Although these two forms may be originally related to the SINGULAR form *reběnok*, the correlation between the two is not semantically regular. The SINGULAR forms ought to be translated as ‘child’; whereas the PLURAL forms are an informal way of addressing teenagers or adults, and so they could be translated as ‘guys’ (see also, Daniel & Spencer 2009).

have the cross-Slavic survey (Table 1, Table 2 and Table 3) as evidence of this form being employed as a suppletive form of the ADNUMERATIVE forms, most remarkably in Bulgarian (Table 1). Consequently, from now on, whenever there is a possibility of confusion, I will refer to *dufa*¹ as one of the possible suppletive stems of ‘person’; and *dufa*², as a proper non-defective noun, meaning ‘soul’.

The forms of *fjolovik*- are far more complex. There is a continuous overlap of forms. Nevertheless, the noun *fjolovik*¹ ‘person’ is, at least, homophonous with *fjolovik*² ‘man, husband’, which I am also going to distinguish with supra-indexes for the sake of clarity.

(6) (B21.6 00:43)

fjolovik ²	u	jijɪ	umer	u	sorok	pjat
husband.NOM.SG	in	3SG.GEN.F	died.PRF.PST.M.SG	in	forty	five.NOM
fiod	u	babi	ot	tifu		
year.GRADNM	in	lady.GEN.SG	from	typhus.IIGEN.SG		

‘This lady’s husband (lit. man) died from typhus at the age of forty-five’.

The evidence for this distinction is that in some varieties these nouns inflect differently in the cell of the ADNUMERATIVE. When it means ‘man or husband’ it has a prototypical ADNUMERATIVE and GEN PL/GRADNM of inflectional class II, and syntactically it behaves as a PLURAL noun, as we can see in the examples (7) – (10) (note that (8) and (9) are part of the same text).

(7) (T11.6 00:25)

tut	dva	fjolo ’ viki ,	dva	’xloptsɪ
here	two.NOM.M	man.ADNM	two.NOM.M	boy.ADNM
zabi-l-o		mol’nija		
kill.PRF-PST-N.SG		lightning(N).NOM.SG		

‘The lightning killed two men, two boys here’.

(8) (T8.5 02:38)

muži k-iv	vs-ix,	fjolovi ’ k-iv ²	ostavi-l-ɪ	na	nɪʃ,
male.GEN.PL	all-GEN.PL	man-GEN.PL	leave-PST-PL	in	night.ACC.SG?
noʃova-l-ɪ	vonɪ	tam			
overnight-PST-PL	3PL.NOM	there			

‘All the males, the men were kept [there] for the night, they spent the night there’.

(9) (T8.5 05:03)

nas	nɪ	pobɪ-l-ɪ,	’lud-aj,	nɪk-ɔfio.	ɪ	fjolovi ’ k-iv ²
1PL.ACC	NEG	beat.PRF-PST-PL	person-ACC.PL	nobody-ACC.SG	and	man-ACC.PL
tɪx,		muži’k-iv	vipusti-l-ɪ	ʃferez	nɪʃ	
that-ACC.PL		male-ACC.PL	release.PRF-PST-PL	through	night.ACC.SG	

‘And they did not kill any of our people; and those men, those males were released after the night’.

(10) (TOR1.25 06:51)

tri	uzrozl-ix	fjolo ’ viki	xodɪ-l-ɪ
three.NOM	adult-GEN.PL	man.ADNM	go.IMPFPST-PL

‘Three adult men were walking’.

I reiterate that such a distinction is not clear-cut and that for many varieties both lexemes inflect the same way.

4.3. Conditions for suppletion for the noun ‘person’

Suppletion makes inflectional paradigms more complex; and thus, less predictable and demanding more memorization effort (Matthews 1991). Ideally, we would expect the speakers to adhere to one (or maximum two) of the aforementioned paradigms (Tables 4 a, b, c), but I show how this expectation is far from being met.

In the previous sub-sections, particularly in §4.1, I have demonstrated that the stems involved in this suppletion riddle, were true suppletive stems and not simply synonyms. Now, we could state that there is pure overabundance (Thornton 2011, 2013, 2019), i.e. that two (or more) inflectional forms share the same cell and that they can be used interchangeably in any context (e.g. English *burned/burnt*). However, this is traditionally seen as a result of an inaccurate or superficial analysis by many linguists. In order to argue for this, I have decided to test the stems in different syntactic contexts or conditions to see if they restrict the use of certain stems. The putative conditions are based on the ones set by Bortnik (1979),¹⁴ for the Russian cognates of the suppletive nouns ‘year’ and ‘person’. In addition to these, I propose additional putative conditions based on observations of the behavior of numeral phrases (including quantifiers and various types of numerals)¹⁵ in the entire corpus of West Polesian.

4.3.1. Unbound or non-governed ‘person’

Even if most of the instances of ‘person’ analyzed here are related to quantification, let us start by looking at contexts in which the noun does not appear governed by a quantifier or NumP. The West Polesian corpus survey shows that all the three stems under discussion are possible even though the suppletion patterns vary from one speaker to another. In any case, as far as data in the corpus can attest, the noun ‘person’ uses at least two different stems in every speaker’s variety.¹⁶

- (11) (Z1.6.1. 03:51)
 dofan¹a-je nas **ɟolo** 'vik²?
 get-3S.SG 1PL.ACC man.NOM.SG
 ‘The man gets us’.

- (12) (Z1.6.1. 05: 33)
 ɟto 'ɫud¹am bud-e, te jej nam!
 what.NOM people-DAT.PL BE.FUT-3SG same 1PL.DAT
 ‘Whatever is to happen to the rest of the people, shall it also happen to us!’

¹⁴ In Chumakina et al. 2004: 294)

¹⁵ I tried adding an extra condition: ‘the noun ‘person’ with collective numerals’; but, unfortunately, there are no instances of collective numerals + ‘person’ in the corpus.

¹⁶ I.e. it displays a suppletive paradigm in the speech of every participant for whom there is enough data, unlike the suppletive noun ‘year.’

As for the unbound forms, the stem *duf-* is certainly dispreferred, if not ungrammatical. This suggests that, most likely, it replicates the behavior of its cognate in Bulgarian and Macedonian. It is possible to find the form *dufa*² unbound, but as I have said, it literally denotes ‘soul; spirit’. Not surprisingly, it seems impossible to say something like ‘nasty people’ using *duf*⁻¹ (**biztolkovni dufi?*), but I have found examples of the other two in the corpus. See examples (13) – (15):

- (13) (TOR1.29 00:35)
 xoroʃ-tje t-tje **'ljudi**
 good-NOM.PL DEM-NOM.PL person.NOM.PL
 ‘Those good people.’
- (14) (TL6.3 01:59)
 pri-ʃ-ov star-enjk-ı **ʃolo'vık**
 arrive.PRF-PST-M.SG old- APPRECIATIVE -M.SG man/person.NOM.SG
 ‘An old man arrived.’
- (15) (Tor 1.12 02:11)
 tak-ıja **dobr-ıja** **'ljud-k-ı**
 DEM-NOM.PL good-NOM.PL person-APPRECIATIVE-NOM.PL
 ‘Such nice (little) people.’

In any case, I have only found two instances of unbound *dufa*¹ in the corpus (16), (17), and both of them doubtful.

- (16) (B1.1 19:20?)
 odno-jej **duʃı** ne pusti-v
 one-GEN.SG.F person/soul?GEN.SG NEG let-PST.SG
 ‘[He] wouldn’t let a single person in [lit. ‘not a soul’].’
- (17) (TL1.1 16:36)
 nıeskolko ʃio'dov sobıra-l-ı-sı, ı **du'ʃı** [nu]
 some year.GEN.PL gather.IPFV-PST-PL-REFL and people.NOM.PL well
 sosıedıe v asnobnom, vsıe prixodı-l-ı
 neighbor-NOM.PL in majority all-NOM.PL come.IPFV-PST-PL
 ‘[We] were gathering for several years, and people, that is to say, mostly neighbors, all used to come’.

In the first example (16), the stem *duf-* is not governed by a lower or higher numeral, the preceding constituent is a quasi-adjectival numeral (see Corbett 1978). The second example (17) comes from another elderly speaker, whom I have recorded using the stem *duf-* with numerals as a suppletive form of ‘person’. However, it may be that the speaker really had in mind its primary meaning ‘soul’ when she produced this sentence.

4.3.2. Bound forms

Most of the conditions which could have an effect on the distribution of the stems are those syntactic contexts in which ‘person’ is governed.

4.3.2.1. Bound to a cardinal numeral

When the noun ‘person’ is governed by a cardinal numeral all three stems can appear.

- (18) (TOR1.25 07:50)
 t-IX Xavansk-IX toze **admatsat** **duf**,
 that-ACC.PL Khavansk-ACC.PL also eleven person.GRADNM
tfilo'viek zavizli¹⁷
 person.GRADNM bring.PRF-PST-PL
 ‘They also brought eleven people from Khavansk’.
- (19) (TL6.2 00:48)
 [...] **dvatset** **tfolo'vik** v komnat-1
 twenty person.GRADNM in room-LOC.SG
 ‘[...] twenty people in the room’.
- (20) (TOR1.47 01:47)
 tam **miljon-i** **lu'dej** zakopan-ix
 there million-ACC.PL person.GEN.PL buried-GEN.PL
 ‘There are millions of people buried there’.

4.3.2.2. With question words (Q) and quantifiers

When a question word (Q) or a quantifier is governing the NP, I have documented the stems *folovik-* and *lud-*, and so far, I have not found the stem *duf-* used for this. Nevertheless, I do not see strong reasons why it could not be employed in these contexts as well.

- (21) (TOR1.47 04:20)
 z dirjevni vizva-l-1 **mnifo** **lu'dej**
 from village.GEN.SG call.PRF-PST.PL many person.GEN.PL
 ‘They called out many people from the village’.
- (22) (TL3.2 00:44)
nieskolko **tfolo'vik** povjerova-l-1
 some.NOM person.GRADNM believe.PRF-PST-PL
 ‘Some people came to faith’.
- (23) (B19.3.0 00:26)
 skaz-ete mn'i kofo vi baŋi-l-i, **krilka**
 tell.IMP-2PL 1SG.DAT Q.ACC 2PL.NOM see-PST-PL how_many
tfolo'vik vi baŋi-l-i, xto bud-e, xto **bilf**
 person.GRADNM 2PL.NOM see-PST-PL REL.NOM BE.FUT-3SG REL.NOM more
 ufl'ied-it **lu'd-ej** tomu ja spodnits-u kup-l'u
 see.PRF-3SG person-GEN-PL REL-DAT.SG 1SG.NOM skirt-ACC.SG buy.PRF-1SG
 ‘Tell me how many people (men) you saw. Whoever sees more people, I will buy her a skirt’.

¹⁷ Note that the speaker was aware of the suppletive stem *duf-*, but probably in an attempt to be understood by me, an outsider, she tried to simplify the paradigm for me.

4.3.2.3. With the adjective ‘all’

With the adjective *vsī* ‘all’ only the stem *lud-* has been attested, and it seems unlikely that *folovik-* or *duf-* would be allowed in such a context.

- (24) (HL2.16 02:21) [HL4 speaking]
 [...] vs-ix lu'd-ej v adn-u kup-u [sic]
 all-ACC.PL person-ACC.PL in one-ACC.SG pile-ACC.SG
 ‘[...] all the people in one pile.’

4.3.2.4. Before the numeral

In West Polesian when a cardinal numeral is used after the noun it determines, it indicates that the quantity is approximate (rather than exact). Such a pattern is not only commonly shared by other Slavonic languages, but according to Greenberg’s 44th Generalization (1978: 284), it is a frequent cross-linguistic phenomenon. In the examples **Ошибка! Источник ссылки не найден.** and (26), both produced by B18 within the same story, we can see that in **Ошибка! Источник ссылки не найден.**, the main character had collected exactly two kilos [of berries] (B18 referred to a specific amount), whilst in (26) the character is negotiating with someone who looks at his bucket of berries and calculates an approximate quantity.

- (25) (B18.4E 00:37)
 [...] dva 'kil
 two kilo.ADNM
 ‘Two kilos’.
- (26) (B18.4 00:33)
 nu, ſtʃo ſ, Xonj-e, kil dva bud-e
 so what PART Xonja-VOC kilo.GEN.PL/GRADNM two.NOM.N be.FUT-3SG
 ‘So, what, Xonja, there’ll be around two kilos’.

In these instances the NP stands in GEN PL (or GR. ADNUMERATIVE), although the numeral may be a LOWER one. Concerning suppletion, so far, I have only documented *folovik-* and *duf-*, but not *lud-*. This restriction is also shared by Russian, so there seems to be evidence to believe that the stem *lud-* is ungrammatical in this type of construction.

- (27) (B20.8 00:11)
 zbra-l-a-sa kompanja; folo'vik deset, dvanatsat
 gather-PST-F.SG-REFL company.NOM.SG person.GRADNM ten twenty
 pri... primjerno odn-otio hod-u.
 for_example one-GEN.SG.M year-IIGEN.SG
 ‘A group used to gather, about ten people or twelve people of more or less the same age (lit. year)’.

- (28) (T1.3 03:18)
ʃtʲirɪ *stola,* **ʃolo'vɪk** **ʃestdisʲat,** **vosimdisʲat**
 four.NOM table.GEN.SG person.GRADNM sixty eighty
i **ʃtʲirɪ** **dnʲ-a.**
 and four.NOM day-GEN.SG
 ‘Four tables, around seventy or eighty people and four days’.
- (29) (TL1.1 16:45)
duf **dʲesʲet** *navjerno, [...]* **ja** **tak** **pridpolofia-ju**
 person.GRADNM ten probably 1SG.NOM so guess-1SG
duf **dʲesʲet** *pokajɪ-l-o-sʲa*
 person.GRADNM ten repent-PST-N.SG-REFL
 ‘About ten people, most likely <...> I guess that around ten people repented’.

4.3.2.5. Approximate quantity

When an approximate quantity (rather than an accurate cardinal form) is used, the stem *lud-* is not permitted.

- (30) (Z4.1.1 09:04)
xo'dɪ-l-i **po** **tri,** **po** **pʲat** **ʃolovɪk**
 go.IPFV-PST-PL in three in five person.GRADNM
i **ʃ-l-i** **v** **lis**
 and go-PST-PL to wood.ACC.SG
 ‘[They] used to go to the forest [in groups of] three -five people’.
- (31) (T1.1 24:03)
tam **bu-v** **ʃolovɪk** **moʒe** **tsɪtʃa**
 there BE-PST.M.SG person.GRADNM maybe thousand
 ‘There were about three hundred people.’
- (32) (T1.18 01:16)
pʲat, **sʲem** **duf,** **na** **sʲem** **ʃolo'vɪk**
 five seven person.GRADNM for seven person.GRADNM
 ‘Five or seven people, [enough] for seven people’.

4.3.2.6. Perception of quantity

I have found instances of the stems *ʃolovɪk-* and *lud-*, with larger and smaller numbers, but not *duf-*, probably because there are not many instances of the stem *duf-* in the corpus. However, there is no evidence that the choice of the stems is related to any pragmatic/semantic factors; i.e. whether the speaker perceives the number of people as small (and thus, easily individuated) or large. In (33) -(35) I show some examples of all the stems being used with large amounts.

- (33) (T11.2 00:31)
bu-l-o **po** **sto pʲitdisʲat,** **po** **dvjesti**
 BE-PST-N.SG about hundred_and_fifty about two_hundred
ʃolo'vɪk **na** **svadv-e** **ʃulʲa-l-o** **kolʲsʲi...**
 person.GRADNM in wedding-LOC.SG party-PST-N.SG formerly
 ‘About 150 -200 people used to party in [each] wedding’.

- (34) (TOR1.6 00:50)
 vin **tɨsatʃi** **lu'dej** [...] pap-a spas
 3SG.NOM.M thousand person.GEN.PL father-NOM.SG save.PRF.PST.M.SG
 ‘[It can be said] that [my] father saved a thousand people’.
- (35) (TL1.1 17:43)
dʲevjenosto dvje **du'ʃi** **bu-l-o** v dom-i
 ninety-two.NOM.F person.ADNM BE-PST-N.SG in house-LOC.SG
 ‘Ninety-two people were at home’.

4.3.3. Sociolinguistic remarks

The West Polesian speech community lives in a marshy area which has been very difficult to access until recently, keeping it isolated for centuries. Seeing as West Polesian is a non-standardized and minoritized variety suddenly exposed to four standardized Slavic varieties (Polish, CSR, BLM and ULM), language change is accelerating and it is not uncommon to find loans (both lexical and grammatical) from its neighbors. One may be tempted to argue that language contact is responsible for all the irregularities in the paradigms. However, in this case, this is not an entirely plausible answer. As I have shown in §4.1, none of the four surrounding Slavic varieties have the stem *duf-* in their inventories (synchronically).¹⁸ The fact that the stem is present in other Slavic varieties (e.g. Bulgarian), with which the community has not had contact for centuries confirms that this is rather a Common-Slavic peculiarity that most contemporary West and East Slavic varieties have lost.

Having said this, I have only been able to document the stem *dufa* (when it is used as a suppletive form of the noun ‘person’) in the speech of the older generation (born before 1950): B1, T1, TL1, Z4 and Z10, who also happen to be all female, except for T1. Nevertheless, my intuition is that the fact that only women appear to use this form in my corpus is either accidental or motivated by an unbalanced gender sample,¹⁹ especially concerning the oldest speakers. Hence, the alternation between *duf-* and the other two stems seems more strongly conditioned by age. I should remark that age is often strongly related to bilingualism/exposure to other Slavic varieties, particularly Russian. On the one hand, children (particularly women) who were of school age during World War II often missed several grades

¹⁸ It was used in Russian and Polish up to the end of the 19th century or the beginning of the October Revolution to refer mainly to servants (see for example Gogol’s *Dead Souls*), i.e. the use was more nuanced and stylistically marked.

¹⁹ I admit there is a gender imbalance in the corpus. From the whole corpus, only fifteen men (27.77%) took part at least in some way, in contrast with thirty-nine women (72.22%). Besides, men’s interventions were considerably shorter than women’s (often participating as ‘people in the back’). This is related to two main factors. First, life expectancy for men is considerably shorter than for women in the area; in fact, a large number of the women I interviewed were widows. Second, in the rural areas where I carried out fieldwork most men under fifty-five work jobs outside of their village (primarily seasonal work in the building industry). Thus, finding men for interviews was more challenging.

(at the time, most received only four years of schooling, but many women only completed one or two). Moreover, people who attended school before World War II (under Polish rule) received their education in Polish (and thus often can be illiterate in Russian and Belarusian).²⁰ Younger people tend to have received more schooling, which since WWII has been conducted in CSR or BLM. Moreover, younger speakers have generally spent or still spend more time in the cities and towns where Russian is the primary language. Hence, the younger the speaker, the most likely they are to be bilingual in Russian, and hence more likely to code-switch.

I have not been able to find any instances of *lud-* in TL1's recordings. This could make us suspect that she does not use the stem at all, although it seems very unlikely. I used to have a similar situation with Z4, who used *dufa* (as a suppletive root) in one of the sessions, but I have eventually been able to document a token of *lud-*, in an OBLIQUE CASE (37). Compare (36) to (37) and both produced by Z4.

- (36) (Z4.1.2 00:49)
 z nas fest duf: bu-l-o drtej festero [...]
 from 1SG.GEN six person.GRADNM BE-PST-N.SG child.GEN.PL six(COLL)
 'Altogether, we were six people: there were six children [together] <...>'.
 (37) (Z4.1.1 03:41)
 [...] iti po 'ludl-ax, moze tam komu ffo pomofi-ti
 go-INF for person-LOC.PL maybe there Q.DAT Q.ACC help-INF
 '<...> going to different people, maybe someone could help'.

Thus, we can at least affirm that, although a minority, the three suppletive stems are present in some idiolects. And by looking at their behavior in other Slavic languages, we have more evidence to state that they are not overlapping synonyms, admitting that some stems are more frequent than others.

Finally, considering other sociological and/or sociolinguistic factors such as class/economic status, the use of one form or the other is not marked by that. The reason for this is that all speakers interviewed belonged to the same social class (rural, peasants or blue-collar workers) and that speaking West Polesian is already quite stigmatized in Belarusian Polesie. Thus, people who try to 'pass' as a person belonging to a higher social class would most likely try to speak Russian, and less often, Standard Belarusian. This sort of sociolinguistic setting is not uncommon in many speech communities in the world, although, perhaps, the first person to describe a similar situation thoroughly was Nancy Dorian (2010) and her work on Suffolk Gaelic.

5. Summary and conclusions

I have presented the problem of the suppletive noun 'person' in West Polesian. I have started by asking whether the alleged three stems belonged to the same

²⁰ One of the older speakers who was schooled during the Nazi occupation reported receiving her education in Standard Ukrainian. The remaining people interviewed were schooled in Polish, Russian or Belarusian, if they received any formal education.

paradigm or whether they are synonyms. Evidence from the cross-Slavic survey has shown that these stems also exist in other better documented Slavic varieties as part of their suppletive paradigms. Narrowing down the focus to the West Polesian corpus, I have then applied some putative conditions that would determine the use of one stem or the other. Once these conditions are applied, the resulting picture can be found in (Table 5), which is far from homogeneous. Having said this, there is a handful of patterns that can be extracted considering the putative conditions and the use of the stems by different speakers:

- The noun ‘person’ has a suppletive paradigm in every speaker’s idiolect, which is usually composed of two stems.
- The stem *ʃolovik-* appears in the NOM SG of every idiolect, but cannot appear in the NOM PL.
- The stem *lud-* is not allowed with approximate quantities nor in a prenumeral position.

Nevertheless, there is still a vast amount of variation regarding the distribution of the suppletive stems across speakers of the same village (cf. TL1 with TL3-TL4), and even within a single speaker’s idiolect and, hence, overabundance. For this reason, the speakers in (Table 5) are not arranged according to their origin or alphabetical order. Instead, I have decided to group them based on similarities in their suppletive patterns.

Table 5. Distribution of the suppletive stems based on utterances from the most recurrent speakers in the corpus

	NOM SG	LOWER NUMERALS	HIGHER NUMERALS	NOM PL	PRENUMERAL POSITION	+ QUANTIFIER OR Q WORD
Z10	ʃolovik ²		duʃ			
Z4			ʃolovik			
			duʃ			
TL1	ʃilovjek	'duʃɪ		du'ʃɪ	duʃ	
T1	ʃolovik	ʃolovɪkɪ	ʃolovik	ludɪ	ʃolovik	ludej
		ʃolovɪkɪ	duʃ			
B20	ʃolovik		ʃolovik	ʃudɪ		
TOR1	ʃolovik	ʃolo'vɪkɪ	ʃolovik	ludɪ	ʃolovik	ludej
			ludej			
T11		ʃolovɪkɪ	ʃolovik			ludej
TL3		ʃolovɪkɪ	ʃjelovjek	ʃudɪ		ʃolo'vɪk
			ʃolovik			
TL4	ʃolovik		ʃolovik	ludɪ		
				ʃudɪ		
HL2		ʃolovɪkɪ		ludɪ		

The results from the study, rather than being very conclusive, open the door to advance in several bigger questions in morphosyntactic typology and variation studies. First, they challenge some of the assumptions concerning suppletion and the need for some regularity supported by some morphosemantic patterns for the sake of learnability (cf. Bybee 1985, Matthews 1991). Second, morphological overabundance has been often related to purely morphological causes. For example,

Thornton (2019) argues that the origin of morphological overabundance is to be found in either suppletion or heteroclisis. This also applies to the West Polesian noun ‘person’. Yet, there are some sociolinguistic factors that may have also motivated the situation at hand and which would be overlooked by most traditional theoretical frameworks. Finally, the findings from this paper also add evidence to Dorian (2010) and Thornton’s (2013) claims that sociologically neutral inter- and intra-speaker variation and morphological overabundance are far more common than most traditional linguistic descriptions and theories want to admit. And for that matter, the role of usage-based corpora from understudied languages will increasingly become relevant in this new theoretical and descriptive wave.

Abbreviations

Glossing abbreviations in this paper are based on the Leipzig Glossing Rules (2015 revision), with some additions:

1, 2, 3: first, second, third person (respectively)

ACC: accusative

ADNM: adnumerative

BG: Bulgarian

BLM: Standard (Literary) Belarusian

COLL: collective numeral

CSR: Contemporary Standard Russian

CZ: Czech

DAT: dative

DEM: demonstrative

DET: determiner

F: feminine

FUT: future

GEN: genitive

IIGEN: second genitive

GRADNM: greater adnumerative

HR: Croatian

IMP: imperative

INS: instrumental

IPFV: imperfective

LOC: locative

M: masculine

MKD: Macedonian

N: neuter

NEG: negation

NOM: nominative

NP: noun phrase

NumP: numeral phrase

PART: particle

PL: plural

POL: Polish

POSS: possessive

PRF: perfective
PRS: present
PST: past
Q: question particle/marker
REFL: reflexive
REL: relative
SG: singular
SK: Slovak
SVO: Slovene
ULM: Standard (Literary) Ukrainian
US: Upper Sorbian
VOC: vocative
WP: West Polesian

Acknowledgements

First of all, I would like to thank a thousand times my dear *Poleshchuki*, who have contributed in different way to this project: either as language-consultants or chefs, drivers, sauna-masters, conversation partner. Thank you for your patience and incredible hospitality! Fieldwork research, where the data here presented were obtained was possible thanks to the generous support of the Belarusian Charity Trust Ltd, Gilchrist Education Trust and the Philological Society (UK). The ELDP grant IPF-0189 also granted the space and money to synthesise this work. I hereby declare no conflict of interest and I assume all responsibility for any mistakes. I am grateful for the support and suggestions of Greville Corbett, Matthew Baerman and Oliver Bond during the entire research, as well as the comments from other SMG members and visitors, particularly Anja Hasse, Hellen SimsWilliams and Anna Thornton. And last, but not least, many thanks to Rob Tegethoff for revising this article and to Diana Forker for encouraging me not to drop academia.

REFERENCES

- Akiner, Shirin. 1983. The Syntax of the numeral in Byelorussian, compared with Ukrainian, Russian and Polish. *The Slavonic and East European Review* 61 (1). 55–68.
- Babby, Leonard H. 1987. Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian. *Natural Language & Linguistic Theory* 5 (1). 91–138. <https://doi.org/10.1007/BF00161869>
- Bortnik, Ninel'. 1979. Nekotorye osobennosti osnov obrazuyushchikh dvoynye formy mnozhestvennogo chisla. *Russian Language Journal* 32. 43–58.
- Bybee, Joan L. 1985. *Morphology. A Study of the Relation Between Meaning and Form*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Chumakina, Marina, Hippisley Andrew & Corbett Greville G. 2004. Istoricheskie izmeneniya v russkom yazyke: Sluchai chereduyushchegosya suppletivizma. *Russian Linguistics* 28. 281–315.
- Corbett, Greville G. 1978. Numerous squishes and squishy numerals in Slavonic. In B. Comrie, (ed.), *Classification of grammatical categories*, 43–73. Edmonton, Canada: Linguistic research INC.
- Corbett, Greville G. 1983. *Hierarchies, Targets and Controllers: Agreement Patterns in Slavic*. London: Croom Helm.

- Corbett, Greville G. 2005. The canonical approach to typology. In Z. Frajzyngier, A. Hodges & D. S. Rood (eds.), *Linguistic diversity and language theories*, 25–49. Amsterdam: John Benjamins.
- Corbett, Greville G. 2007. Canonical typology, suppletion, and possible words, *Language* 83 (1). 8–42.
- Corbett, Greville G. 2008. Determining morphosyntactic feature values: The case of case. In G. Corbett & M. Noonan (eds.), *Case and grammatical relations: Papers in honour of Bernard Comrie*, 1–34. Amsterdam: John Benjamins.
- Daniel, M. & Spencer A. 2009. The vocative-an outlier case. In A. Malchukov, A. Spencer (eds.), *The Oxford handbook of case*, 626–634. Oxford: Oxford University Press.
- Dorian, Nancy C. 2010. *Investigating Variation. The Effects of Social Organization and Social Setting*. New York/Oxford: Oxford University Press.
- Franks, Steven. 1995. *Parameters of Slavic Morphosyntax*. Oxford University Press.
- Greenberg, Joseph H. 1978. Generalizations about numeral systems. In J. H. Greenberg et al. (eds.), *Universals of human language*, 249–295. Stanford (CA): Stanford UP.
- Kim, Hyoungsup. 2009. *The Sstructure and Use of Collective Numeral Phrases in Slavic: Russian, Bosnian/Croatian/Serbian, and Polish* [PhD Thesis]. The University of Texas at Austin.
- Madariaga, Nerea & Igartua Iván. 2017. Idiosyncratic (dis)agreement patterns: The Structure and diachrony of Russian paucal subjects. *Scando-Slavica* 63 (2). 99–132. <https://doi.org/10.1080/00806765.2017.1390922>
- Matthews, P. H. 1991. *Morphology*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mel'čuk, Igor A. 1994. Suppletion: Toward a logical analysis of the concept. *Studies in Language* 18 (2). 339–410.
- Neset, Tore. 2019. Big data in Russian linguistics? Another look at paucal constructions. *Zeitschrift für Slawistik* 64 (2). 157–174. <https://doi.org/10.1515/slav-2019-0012>
- Neset, Tore & Maria Nordrum. 2019. Do Russian paucal numerals govern the genitive? Evidence from stress placement. *Russian Linguistics* 43 (2). 87–105. <https://doi.org/10.1007/s11185-019-09209-7>
- Nurmio, Silva & Willis David. 2016. The rise and fall of a minor category: The case of the Welsh numerative. *Journal of Historical Linguistics* 6 (2). 297–339. <https://doi.org/10.1075/jhl.6.2.05nur>
- Pereltsvaig, Asya. 2013. On number and numberlessness in languages without articles. In C. Cathcart et al. (eds.), *Proceedings of the 37th annual meeting of the Berkeley linguistics society*, 300–314.
- Roncero, Kristian. 2021. Revisiting numeral phrases in East Slavic: Insights from West Polesian. *Slavonic and East European Review* 99 (4). 601–646.
- Shevelov, George Y. 1964. *A Prehistory of Slavic. Historical Phonology of Common Slavic*. Heidelberg: Winter Univ. Verl.
- Thornton, Anna M. 2011. Overabundance (multiple forms realising the same cell): A non-canonical phenomenon in Italian verb morphology. In M. Maiden et al. (eds.), *Morphological autonomy: Perspectives from Romance inflectional morphology*, 357–381. Oxford: Oxford University Press.
- Thornton, Anna M. 2013. La non canonicità del tipo It. braccio // braccia / bracci: Sovrabbondanza, difettività o iperdifferenziazione? *Studi Di Grammatica Italiana* 29–30. 419–477.
- Thornton, Anna M. 2019. Overabundance: A canonical typology. In F. Rainer et al. (eds.), *Competition in inflection and word-formation*, 189–224. Dordrecht: Springer.
- Vanhove, Claudia. 2017. *A Diachronic View on Suppletion. Diachronical Research Regarding The Lexical Competition between Rebënok and Ditja* [PhD Thesis]. University of Gent.

- Viellard, Stéphane. 2011. Problèmes de syntaxe des numéraux dans quelques langues slaves (vieux slave, vieux russe, BCMS, polonais, russe moderne), introduction. *Revue des Études Slaves* 82 (4). 597–603.
- Waldenfels, R. & Meyer R. 2011. *ParaSol, a Corpus of Slavic and Other Languages*. (Electronic resource): University of Bern/University of Regensburg. <http://parasol.unibe.ch>. (accessed 24 February 2022).
- Zaliznjak, Andrej A. 2002. *Russkoe Imennoe Slovoizmenenie: S Priloženiem Izbrannyx Rabot Po Sovremennomu Russkomu Yazyku I Obščemu Yazykoznaniju*. Moscow: Nauka.
- Žolobov, Oleg F. 2003. K istorii malogo kvantitativa: Adnumerativnye formy prilagatel'nyx i suščestvitel'nyx. *Russian Linguistics* 27. 117–197.

Other resources

- Hrvatski Jeyzčni Portal*. 2006–2021. Srce; Znanje. Available from: <http://hjp.znanje.hr> (accessed 3rd Apr 2021).
- Leipzig Glossing Rules*. 2015, May 31 update. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php> (accessed 24 February 2022).
- Oxford English Dictionary. 2018. *OED Online*. Oxford University Press. <http://www.oed.com> (accessed 24 February 2022).
- Rečnik na bālgarskija ezik*. 2011–2018. Institutāt za bālgarski ezik. <http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/> (accessed 24 February 2022).

Supplementary materials

The supplementary materials (a list with all the tokens of ‘person’ in the West Polesian corpus) are available from <https://doi.org/10.5281/zenodo.5879004>

Appendix. Geographic varieties covered in this research

All the texts were collected in the region of Brest (Belarus).

Table 6. Varieties covered in the research with GPS coordinates

Village (local name in brackets), district	GPS Coordinates
Aliaksiejevičy, Drahičyn	52°17'03.5"N 24°59'34.2"E
Bahdanaŭka (Bodanyŭka), Luniniec	52°21'59.5"N 26°27'04.9"E
Haloŭčyci, Drahičyn	52°08'50.1"N 24°51'58.5"E
Imianin (Torokan), Drahičyn	52°14'09.6"N 24°54'26.9"E
Pare, Pinsk	51°53'49.7"N 26°08'10.8"E
Semekhavičy, Pinsk	51°56'54.5"N 25°52'13.5"E
Tatar'ja, Drahičyn	52°18'01.4"N 24°56'49.8"E
Tolkava, Drahičyn	52°11'33.0"N 24°54'48.9"E
Vostraŭ, Pinsk	51°53'49.7"N 26°08'10.8"E
Žydča, Pinsk	51°57'26.3"N 25°56'39.3"E

Article history:

Received: 24 July 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionote:

Kristian RONCERO is a postdoctoral researcher at the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology and the Friedrich Schiller University in Jena (Germany). His research focus is on Chamalal (Nakh-Dagestanian); West Polesian (East Slavic); morphological typology; and language description. He is the author of an online corpus: *An audio-visual documentation of Chamalal, a language of Dagestan* (2019-2021, ELAR) and is due to join soon the *Feast and Famine* project (University of Sheffield, UK) on morphological overabundance and defectivity.

Contact information:

Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology
Deutscher Platz 6, 04103 Leipzig, Germany
e-mail: kristianroncero@gmail.com

Сведения об авторе:

Кристиан РОНСЕРО – постдокторант Института эволюционной антропологии им. Макса Планка и Университета Фридриха Шиллера в Йене (Германия). В центре его исследовательского интереса – чамалинский (нахско-дагестанский) и западнополесский языки, морфологическая типология и описание языков. Он автор онлайн-корпуса «Аудиовизуальная документация чамалинского языка, Дагестан (2019–2021, ELAR)».

Контактная информация:

Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology
Deutscher Platz 6, 04103 Leipzig, Germany
e-mail: kristianroncero@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-26538>

Research article

Typology of pragmatic implications from the point of view of interaction between pragmatics and semantics

Aleksander KIKLEWICZ

*University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland;
University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland*
 aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Abstract

The subject matter of the study is communicative implications as one of the forms of implementation of speech acts. The starting point is the well-known theory of H. P. Grice, in which pragmatic implications are based on the principle of cooperation. The author shows the limitations of Grice's theory, which presents the communicative conditions of implications, but does not present the communicative consequences. As an alternative, the author proposes the concept of pragmatic implications, taking into account the premises and consequences of indirect speech acts. Considering implication as a two-place relation between antecedent and consequent, the author identifies three types of implications that differ in the type of information in the antecedent and consequent parts: 1) semantic antecedent > pragmatic consequent; 2) pragmatic antecedent > pragmatic consequent; 3) pragmatic antecedent > semantic consequent. This approach makes it possible to present indirect communication to the fullest extent, and also to explain many communicative phenomena in terms of the interaction between semantics and pragmatics. Implications are interpreted as the result of mental processing of conditionally categorical syllogisms, in which the first premise is an element of the cultural worldview. Thus, the author shows the relative nature of the opposition of conventional and communicative implications. The article uses the material of the modern Russian language, borrowed from various sources: journalism, fiction, the Internet, urban folklore and colloquial speech. The leading research method was pragmatic, namely, illocutionary, analysis with elements of discourse content analysis.

Keywords: *pragmalinguistics, H. P. Grice's theory, communicative implicature, syncretic speech act, typology of pragmatic implications*

For citation:

Kiklewicz, Aleksander. 2022. Typology of pragmatic implications from the point of view of interaction between pragmatics and semantics. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 139–161. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26538>

© Aleksander Kiklewicz, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой

А.К. Киклевич

*Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша;
Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, Польша*

 aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Аннотация

Статья посвящена исследованию коммуникативных импликаций как одной из форм передачи информации в речевых актах. Исходным пунктом является широко известная теория Г. П. Грайса, в которой прагматические импликации опираются на принцип кооперации. Автор показывает ограничения теории Грайса, а именно – отсутствие интерпретации импликаций с точки зрения иллокутивной функции сообщения. В качестве альтернативы автор предлагает концепцию прагматических импликаций с учетом предпосылок и следствий косвенных речевых актов. Рассматривая импликацию как двухместное отношение антецедента и консеквента, автор выделяет три типа импликаций, которые различаются типом информации, представленной в антецедентной и консеквентной частях: 1) семантический антецедент > прагматический консеквент; 2) прагматический антецедент > прагматический консеквент; 3) прагматический антецедент > семантический консеквент. Такой подход дает возможность представить непрямую коммуникацию в наиболее полном объеме, а также объяснить многие коммуникативные явления с точки зрения взаимодействия между семантикой и прагматикой. Импликации интерпретируются как результат ментальной переработки условно-категорических силлогизмов, в которых первая посылка представляет собой элемент культурной картины мира. Тем самым автор показывает относительный характер противопоставления конвенциональных и коммуникативных импликаций. В статье используется материал современного русского языка из разных источников: журналистики, художественной литературы, интернета, городского фольклора, разговорной речи. В качестве ведущего метода выступал прагматический, а именно иллокутивный анализ с использованием элементов дискурсного контент-анализа.

Ключевые слова: прагмалингвистика, теория Г. П. Грайса, коммуникативная импликатура, синкретический речевой акт, типология прагматических импликаций

Для цитирования:

Киклевич А.К. Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 139–161. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26538>

1. Введение

Одна из форм репрезентации смысла имеет операциональный характер, т.е. состоит в том, что информация выводится из содержания знаков (а не передается с помощью специальных, закрепленных языковых форм). В лингвистике это явление хорошо изучено в области семантики. Так, В. М. Никитин (1988: 61 и др.) пишет об импликационале слова, т.е. тех семантических признаках, которые непосредственно не относятся к лексическому значению,

а актуализируются благодаря наличию в когнитивной системе носителей языка устойчивых связей между разными концептами¹. Импликационал слова более или менее соответствует таким понятиям, как коннотация или лексический фон слова (Верещагин, Костомаров 1980: 25 и др.). Наличие импликаций, с одной стороны, позволяет передавать информацию в более экономном режиме, с другой стороны, представляет собой характерный признак некоторых речевых стилей (например, аллюзивного стиля).

В статье 1975 г. (Grice 1975) Г. П. Грайс ввел понятие коммуникативной импликатуры², которая, по его определению, отличается от конвенциональной (т.е. семантической) тем, что в ее основе лежит нарушение тех или иных правил речевого поведения, связанных с принципом кооперации (Грайс 1985: 226)³. Концепция Грайса вызвала большой интерес среди лингвистов и дала импульс к многочисленным исследованиям (Davis 1998, Carston 2002, Levinson 2000, Verbuk & Schultz 2010, Benz, Jasinksjaya & Salfner 2013, Carretero & Zamorano-Mansilla 2015, Pederesen 2016, Vallejo 2017, Holgraves & Kraus 2018, George & Mamidi 2020 и др.). Прагматические импликации рассматриваются также в связи с явлением непрямой коммуникации и косвенными речевыми актами (Дементьев 2006: 48).

Теория Грайса считается частью общей теории языковой прагматики (Coste, North, Sheils et al. 2001: 110), а И. Курч (Kurcz 2000: 156) пишет, что для лингвопрагматических исследований эта концепция имеет фундаментальный характер. Теорию Грайса относят к аналитической (неопозитивистской) парадигме – в силу этого, как пишет Л. А. Демина (2009: 110), она стремится «установить такие структуры и правила их преобразования, которые позволили бы, исходя из интерпретации составных частей речевого общения, получить интерпретацию целого». В то же время в статье (Kiklewicz 2011) было показано, что соотносимые с принципом кооперации категории и постулаты не имеют прямого отношения ни к речевым действиям, ни к коммуникативным интеракциям. Количество, качество, релевантность и способ (как категории речевого поведения) представлены Грайсом в форме директив («Не говори того, что ты считаешь ложным»), «Будь организован», «Не отклоняйся от темы» и др.), однако в действительности они касаются (прежде всего) плана содержания и (в меньшей степени) плана выражения сообщений⁴. Так, постулат категории качества «Не говори того, что ты считаешь ложным»

¹ Обзор семантических исследований в области импликации см. в работе: Антошина 2019.

² В соответствии с терминологией Грайса *импликатура* – это предпосылка (ре)интерпретации, то, чем нечто имплицуется, тогда как *имплицат* – это его (ре)интерпретация, то, что имплицуется. Термин *импликация* я буду употреблять как более общий, соответствующий понятию умозаключения, т.е. отношению следования между импликатурой и имплицатом.

³ Здесь и далее я буду ссылаться на русский перевод статьи Грайса.

⁴ Д. Шумска (Sumska 2012: 363) пишет, что Грайс трактует коммуникативную импликатуру как «имплицативное суждение, которое причисляется к категории логических операций и подвергается [...] условиям истинности».

отражает эпистемический аспект высказывания – категория правды традиционно считается предметом логики и экстенциональной семантики (Debowski 2010: 35). Постулаты категории количества имеют отношение к семантической спецификации сообщения и неслучайно рассматриваются при изучении скалярных имплицатур как одна из проблем семантического описания языка (Horn 1972: 112, Levinson 1985: 133, Gazdar 1979: 58). Категория релевантности касается семантической связности в структуре диалога, а категория способа – формальной структуры сообщений. Неслучайно В. В. Дементьев (2006: 199) рассматривает теорию имплицатур Грайса в рамках направления, которое, по его определению, изучает общие проблемы «имплицитно передаваемых смыслов».

Прагматика, как она понимается в современной науке, реализуется в речевых действиях, при этом прагматическое описание речевых действий⁵ осуществляется не с точки зрения внутренней (языковой) структуры сообщений, а с точки зрения структуры трансактивной ситуации, прежде всего – намерений речевых субъектов, предпосылок и следствий речевых действий. Именно такое понимание прагматики и принципов/правил речевого поведения мы находим в публикациях: Lakoff 1973, Schwitalla 1979, Leech 1983. Для примера приведу несколько так понимаемых коммуникативных правил:

Коммуникативные партнеры уделяют внимание друг другу.
Только один из партнеров (в данный момент) является говорящим.
Роль говорящего переходит от одного партнера к другому.
Коммуникативные партнеры должны быть взаимно вежливыми.
Следует избегать действий, которые могут вызвать у коммуникативного партнера неприятия ощущения.
В разговоре следует соблюдать равенство, а также учитывать интересы другой стороны.

Как видим, в отличие от постулатов Грайса, приведенные коммуникативные правила непосредственно касаются структуры конверсации и характера взаимодействия партнеров.

Если согласиться, что коммуникативные постулаты Грайса «не совсем прагматичны», тем самым под сомнение ставится и статус описанных им коммуникативных имплицатур. Это означает необходимость пересмотра концепции непрямой коммуникации, особенно с учетом факта, что импликация представляет собой операцию логического вывода, элементы которой (то, что выводится – консеквент, и то, из чего выводится – антецедент) имеют семантический или прагматический характер. Данная теоретическая установка позволяет осуществить исчисление типов коммуникативной импликации, которые будут описаны в отдельных разделах.

⁵ Не каждое описание речевых действий является прагматическим.

2. Коммуникативные импликатуры в концепции Г. П. Грайса

Хотя импликация представляет собой отношение, в котором участвуют два члена: антецедент (импликатура) и консеквент (импликат), Грайс сосредоточил свое внимание на первом из них. Коммуникативная импликатура, как пишет Грайс (1985: 226), появляется в условиях, когда говорящий нарушает хотя бы один из постулатов речевого общения, при этом он способен следовать одному постулату без нарушения другого постулата и не дает никаких оснований, чтобы считать, что он уклоняется от соблюдения принципа кооперации. Грайс пишет, что коммуникативные импликатуры связаны не только с внутренними ресурсами речевой коммуникации – значениями употребляемых слов, но также с внешними факторами, среди которых упоминает коммуникативный контекст, фоновые знания речевых партнеров, межличностные отношения и др.

Вместе с тем факт, что те или иные реинтерпретации (говорящий произносит p , имея в виду q) осуществляются в определенном коммуникативном контексте (при соблюдении принципа кооперации), не означает, что объектом реинтерпретации является речевое действие, а именно – характер его иллокутивной функции. Проанализируем данную Грайсом дефиницию коммуникативной импликатуры:

Он сказал, что p ; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать p , если бы он не считал, что q ; (он знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q ; он хочет, чтобы я думал, [...] что q ; итак, он имплицировал, что q (Грайс 1985: 227–228).

Как видим, Грайс понимает импликацию как вид семантической реинтерпретации языковых выражений: говорящий сообщает p , имея в виду q ⁶. Семантическую сущность так понимаемой импликатуры можно показать следующим образом:

x говорит, что p ;
 p не соответствует действительности, тем самым x нарушает требование категории качества;
 x не дает оснований считать, что действует вопреки принципу кооперации; поэтому нет оснований считать, что x говорит нечто, что не соответствует действительности;
значит, x говорит правду, когда говорит, что p , но имеет в виду q ;
 x предполагает, что адресат способен понять, что x имеет в виду q .

Совершенно очевидно, что исходным пунктом импликации (антецедентом) является здесь некоторое семантическое содержание (p), а точнее – тот факт, что это содержание не соответствует действительности. Единственным

⁶ Подобное толкование коммуникативной импликации мы находим в работе: Гордон, Лакофф 1985: 277.

внешним (коммуникативным) фактором семантической интерпретации p в качестве q является ссылка на принцип кооперации.

Коммуникативные импликатуры, как их понимает Грайс, отличаются от конвенциональных (семантических) не характером антецедента (предметной областью импликации, которая в обоих случаях одна и та же: заключенная в сообщении семантическая информация), а ее фактором. Покажу это на примере:

- (1) *Мой ребенок сам ест ложкой в десять месяцев.*

Данное высказывание содержит семантический имплицат:

- (2) *> Мой ребенок способный, он очень быстро развивается.*

Такая интерпретация высказывания опирается на общие знания коммуникативных партнеров, в частности, в области детской психологии. Если же высказывание (1) произносится в диалоге с участием матери ребенка и специалиста, который ранее давал рекомендации по так называемому самоприкорму, оно (в соответствии с логикой диалога и принципом кооперации) может (дополнительно к основной информации) означать, например, адресованное врачу выражение благодарности.

Предложение

- (3) *Кран надо закручивать до тех пор, пока вода не перестанет течь⁷.*

в зависимости от контекста может содержать разные импликации: если известно, что кран работает плохо, это предложение означает просьбу закручивать кран посильней, а если кран работает исправно, реплика может дополнительно восприниматься как совет или рекомендацию: не следует закручивать кран слишком сильно, чтобы не повредить его.

Коммуникативные импликатуры у Грайса означают именно контекстно обусловленные семантические реинтерпретации, а не – как можно было бы ожидать – речевые действия с дополнительной прагматической функцией (см. подробнее раздел 4). Одно дело – когда, имплицат q выводится из p как семантической информации, ср. диалог:

- (4) *X (произносит): – Маша еще не приехала? (p)*
Y (думает): «X знает, что Маша должна приехать» (q)

Другое дело – когда имплицат q обусловлен фактом, что p представляет собой иллюкутивную категорию, ср.:

- (5) *X (произносит): – Маша еще не приехала? (p)*
Y (думает): «Если спрашивает, значит, еще не знает» (q) или
Y (думает): «Если спрашивает, значит, переживает» (q)

⁷ Пример из работы: Киклевич 1999: 157.

В обоих случаях, как видим, имеются те же коммуникативные условия и одна и та же коммуникативная единица (т.е. речевое сообщение), однако импликации относятся к разным предметным областям: в одном случае это семантическая информация (содержание вопроса), в другом случае – прагматическая информация (сам факт вопроса). Ссылка на принцип кооперации не позволяет разграничить эти явления. Покажу это на примере из статьи Грайса (1985: 219):

- (6) *А и Б разговаривают о своем общем приятеле В, работающем в банке. А спрашивает, как у В дела на работе, и Б отвечает:*
– Думаю, более или менее в порядке. Ему нравятся сослуживцы, и он еще не попал в тюрьму.

Грайс комментирует этот пример так: *Б* (в той части сообщения, где говорится о тюрьме) нарушил постулат релевантности, но, поскольку нет оснований считать, что он уклоняется от кооперации, следует предположить, что он имел в виду нечто иное (иной смысл): *В* является потенциально бесчестным человеком.

Данный имплицит, однако, не вытекает из коммуникативной формы поведения *Б* (репрезентативного речевого акта) – он основан на заключенной в сообщении семантической информации. Грайс сам приводит такого рода семантические основания для реинтерпретации: работа в банке создает искушения, сослуживцы могут быть вероломными людьми, *В* способен поддаваться искушениям. В принципе, здесь мы имеем дело с семантическим выводом, в основе которого лежит условно-категорический силлогизм:

Если работник банка бесчестен, он способен поддаваться искушениям и может попасть в тюрьму.

В работает в банке и еще не попал в тюрьму (но может попасть в тюрьму).

Следовательно, *В* – бесчестный человек.

Как видим, реплика *Б* представляет собой вторую посылку силлогизма, тогда как его заключение – это то, что говорящий намеренно имплицитно. Можно полагать, что говорящий уверен в том, что его намерение будет правильно понято собеседником, а эта уверенность опирается на структуру условно-категорического силлогизма, в частности, на первую посылку, которая представляет собой известную собеседникам информацию семантического (а не прагматического) характера. Тем самым можно констатировать, что, вопреки мнению Грайса, здесь мы имеем дело с типичной семантической (т.е. конвенциональной) импликацией.

Коммуникативные имплициты у Грайса соответствуют отдельным категориям кооперации. Так, в случае нарушения первого постулата категории количества («Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется») мы имеем дело с дефицитом информации. Грайс (1985: 229) приводит пример слишком лапидарного рекомендательного письма,

форма которого дает понять адресату нечто, что не выражено в тексте. Грайс пишет достаточно неопределенно: «Отсюда следует, что *A* (автор рекомендательного письма. – А. К.) хочет передать сведения, которые он не желает сообщать прямо» (там же). Скорее всего, эти сведения имеют прагматический характер: автор тем самым осуществляет оценочный речевой акт – дает понять, что его подопечный не является наилучшим кандидатом. Как видим, здесь мы имеем дело с синкретическим речевым актом: в одном и том же речевом сообщении воплощена рекомендация и общая оценка.

Нарушение второго постулата категории количества («Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется») Грайс иллюстрирует ситуацией чрезмерной говорливости. По его мнению, такая ситуация дает основание для двух выводов: либо говорящий не уверен в истинности сообщения, либо сообщает в неявной форме, что истинность сообщения проблематична. В первом случае мы имеем дело с симптоматическим речевым актом, т.е. таким, содержание которого дает возможность распознать ментальное состояние говорящего независимо от его воли (подробнее об этом см. раздел 5). Во втором случае дополнительно реализуется модально-оценочный акт как один из элементов синкретического речевого акта. Впрочем, если иметь в виду, что рассматриваемый Грайсом случай представляет собой ответ на вопрос, верно ли *p*, чрезмерную говорливость можно объяснить и иначе. Рассмотрим это на примере из интернет-форума⁸:

(7)– *Можно ли грунтовать краску?*

– *Отвечаю – можно и нужно! Я всегда грунтую краску, когда ее качество вызывает сомнения. В общем случае, если взять грунтовку и краску на одной основе, с одинаковым удельным содержанием этой самой основы, то адгезия у грунтовки будет лучше, чем у краски. Поэтому грунтовка на поверхности краски будет держаться прочнее, чем краска.*

Как видим, отвечающий не ограничивается прямым ответом на вопрос. Он проявляет определенную говорливость, у которой есть, однако, основание: тем самым говорящий приводит аргументы в пользу своего утверждения, а может быть, и дает совет (как нанести грунт на краску). Таким образом, в одном речевом сообщении реализованы три акта.

Другой характер имеют следствия, вызванные нарушением постулатов категории качества. Грайс относит к этой области несколько явлений: иронию, метафору, гиперболу и литоту. Все они относятся к области семантических операций, другими словами – семантической реинтерпретации сообщения. Рассмотрим это на примере метафоры.

Во-первых, как уже было сказано (см. Введение), постулаты «Не говори того, что ты считаешь ложным» и «Не говори того, для чего у тебя нет

⁸ <https://mastergrad.com/forums/t252207-gruntovka-uzhe-okrashennogo-vdoemulsionkoy-potolka/?order=desc>

достаточных оснований» имеют семантический, а не прагматический характер – они касаются эпистемического статуса сообщений. Тот факт, что метафорическое выражение, например:

(8) *Иванов летит на собрание.*

по своей природе является контрфактическим⁹, не относится к области прагматики. Метафорическое высказывание (8) в такой же степени реализует намерение говорящего осуществить репрезентативный речевой акт, как и неметафорическое высказывание:

(9) *Иванов спешит на собрание.*

Во-вторых, можно сомневаться в том, сообщает ли говорящий нечто, для чего у него нет оснований. В принципе, некоторое основание есть: Иванов так быстро бежит на собрание, что как бы летит – оба действия характеризуются высокой скоростью. Если представить себе полный вариант высказывания:

(10) *Иванов спешит на собрание; он бежит так быстро, что кажется, будто он летит.*

то его краткая форма отличается от полной только количеством информации. Тем самым метафора отчасти является следствием нарушения первого постулата категории количества, а в связи с этим можно вспомнить известное утверждение Квинтилиана, что метафора – это более краткое сравнение.

В-третьих, принцип кооперации не исчерпывает сути явлений, которые сопутствуют нарушению постулатов категории качества (если согласиться с Грайсом, что в основе метафоры, иронии, гиперболы и т.д. лежит именно эта причина). Главное же – принцип кооперации не объясняет целесообразности этого процесса. Если говорящий сотрудничает с адресатом, нельзя понять, почему или зачем он, имея в виду *q*, произносит *p*. Ссылка на метафору, иронию или гиперболу ничего не объясняет, так как семантическая (метафорическая, гиперболическая и т.д.) модификация не является конечной прагматической целью речевого акта – она служит для реализации дополнительных целей или вытекает из обстоятельств речевой деятельности. Принцип кооперации как раз и заключается в том, что коммуникативные партнеры понимают эти цели и эти обстоятельства, а тот, факт, что они имеют дело, например, с метафорическим выражением, часто вообще не осознается.

Обстоятельства употребления метафорических выражений могут быть разными, что можно показать на следующем примере:

(11) *Танцует ветер в волосах.*

Метафорическое употребление глагола может здесь иметь симптоматический характер, т.е. указывать на то, что говорящий не знает другого

⁹ По мнению Д. Дэвидсона (1990: 185), сравнение и метафора различаются тем, что сравнение истинно, а метафора ложна (см. также: Levin-Steinmann 2001: 226).

способа, чтобы описать состояние волос. Это явление определяется как инопия, т.е. вынужденная метафора (Лагута 2003: 34), ср. некоторые примеры:

- (12) *мягкие краски*
- (13) *кричащий цвет*
- (14) *безвкусная одежда*

Высказывание (11) можно понять и иначе – как преднамеренное использование метафоры с целью вызвать у адресата эстетическое удовольствие. Метафора относится к числу так называемых поэтизмов, которые употребляются в составе стимулирующих речевых актов (Киклевич 2020: 19). Тем самым высказывание (11) реализует синкретический речевой акт: служит для передачи семантической информации и одновременно для эстетического воздействия на адресата.

Существуют также другие типы стимуляции адресата, когда намеренно нарушаются постулаты категории качества. Вынужденные (или иллюстративные, см.: Ohlhoff 2002) метафоры употребляются, например, в дидактике, с целью облегчения доступа обучающихся к некоторым (ранее не названным) явлениям.

Следствием употребления метафорических выражений может быть фасциативное воздействие на адресата (Fix 2001, Osthus 2002), а также убеждение. Когда любящая мать поет своему ребенку колыбельную песню, у нее нет достаточных оснований для того, что сообщать о сереньком волчке или раки-товом кустике, на котором поют птички. Ее задача состоит в «безболезненном переводе ребенка из состояния бодрствования в сон» (Мельников 1987: 19)¹⁰. Подобную функцию выполняет и гипербола. Так, приведенное Грайсом высказывание:

- (15) *Все симпатичные девушки любят моряков.*

с одной стороны, передает сообщение, а с другой стороны – благодаря употреблению обобщающего местоимения – способствует более интенсивному убеждению адресата (относительно того, что симпатичным девушкам свойственно любить моряков).

Можно констатировать, что рассмотренные Грайсом явления с функциональной точки зрения разнородны. Импликатуры, состоящие в нарушении постулатов количества, качества, релевантности и способа, не имеют прямого отношения к прагматике и являются коммуникативными в силу своей контекстной обусловленности. Что же касается следствий (т.е. импликатов), то они, как мы убедились, бывают семантическими или прагматическими. Семантические следствия заключаются в переосмыслении сообщений, а прагматические – в том, что наряду с основной иллюстрацией реализуется дополнительная (например, оценивающая, констатирующая, стимулирующая и т.д.) –

¹⁰ Неслучайно у Харлана Кобена есть высказывание: «Ложь – необходимый элемент воспитания».

тем самым прагматические импликации способствуют функционированию синкретических речевых актов.

Если в соответствии с принципами функциональной лингвистики импликацию понимать как функцию (Киклевич 1999: 157), которая для информации I в условиях K определяет в качестве следствия информацию I' (при этом I относится к области определения функции, а I' – к области ее значения), то с учетом факта, что информация может иметь семантический или прагматический характер, можно осуществить исчисление типов импликации (I соответствует понятию антецедента, а I' – понятию консеквента):

- I семантический антецедент > семантический консеквент
- II семантический антецедент > прагматический консеквент
- III прагматический антецедент > прагматический консеквент
- IV прагматический антецедент > семантический консеквент

Поскольку первый тип не относится к области прагматики (и к теме данной статьи), он будет оставлен без внимания, тогда как трем остальным типам будут посвящены отдельные разделы.

3. Семантический антецедент > прагматический консеквент

Исходя из обоснованной в предыдущих разделах предпосылки, что постулаты Грайса имеют семантическую (а не прагматическую) природу, рассмотрим более подробно прагматические эффекты нарушения этих постулатов. В связи с этим прежде всего следует обратить внимание на то, что Грайс оставил без внимания проблему отношений между отдельными постулатами. В действительности, эта проблема чрезвычайно важна. Существуют ситуации, когда соблюдение одного принципа связано с нарушением другого. Например, категории качества и количества могут вступать в противоречие с категорией способа: правдивое сообщение о некотором явлении или положении дел может требовать слишком сложной и трудной для понимания формы. В этих случаях предпочтение отдается категории способа. В книге Б. С. Мучника (1985: 208 и др.) есть специальный раздел «Обоснование редактором необходимости отступлений от точности в выражении авторской мысли». Автор пишет:

Во всех случаях надо добиваться ясности. Ясностью ни при каких условиях нельзя жертвовать как основной ценностью. Если для достижения ясности необходимо в чем-то отступить от точности, то на это следует идти, не теряя времени на полемику с самим собой, на взвешивание всех «за» и «против» (Мучник 1985: 222).

Нарушение постулатов категории качества, а также первого постулата категории количества в данном случае объясняется намерением говорящего облегчить адресату понимание сообщения. С прагматической импликацией мы будем иметь дело только тогда, когда это намерение будет распознано получателем.

Другое явление, связанное с нарушением постулатов категории качества, имеет отношение к категории вежливости. Именно вежливость требует избегать достоверности, когда для коммуникативных партнеров важнее позитивный эмоциональный контакт. Присутствуя на похоронах своего противника, можно обратиться к вдове одним из двух способов:

- (16) *Я всегда считал его подлецом.*
- (17) *Приношу свои соболезнования. У нас с покойным были разногласия, но это был достойный оппонент.*

Из соображений вежливости более приемлемой является вторая форма обращения, несмотря на то, что она включает в себе полуправду. Подобным образом говорящий нередко избегает прямых негативных оценок (при этом часто наблюдается также нарушение второго постулата количества), ср.:

- (18) – *Плохо!* [прямая негативная оценка, соответствующая убеждению говорящего]
- *Неплохо, хотя можно было бы...* [уклончивая оценка]

С одной стороны, по утверждению А. Шютца (Schütz 1975), успешность социальной коммуникации обусловлена типизацией индивидуального опыта, с другой стороны, социологи пишут о распределении знания (Бергер, Лукман 1995: 79 и др.): познавательные тезаурусы членов культурно-языкового сообщества (иногда весьма существенно) различаются. В таких условиях говорящий иногда прибегает к нарушению постулатов категории качества с тем, чтобы достичь консенсуса с партнером (или третьим лицом), ориентируясь на чуждую себе картину мира. Это особенно характерно для акратических дискурсов, а также для языкового поведения людей, осознающих свою более низкую позицию в иерархии социальных отношений. В качестве примера такого рода коммуникативного конформизма приведу анекдот:

- (19) – *Товарищ сержант, а крокодилы летают?*
- *Кто тебе сказал такую глупость?*
- *Товарищ майор.*
- *Товарищ майор?.. Вообще-то они летают, но очень низко.*

Как видим, сержант соглашается с абсурдным утверждением, что крокодилы летают, уступая перед авторитетом майора.

Нарушение постулатов категории качества обосновано также в ситуациях, когда говорящий стремится редуцировать (в соответствии с психологической терминологией – контейнировать) чрезмерное возбуждение коммуникативного партнера. Импликация в данном случае выполняет психотерапевтическую, а именно – рекреативную функцию. Это характерно для профессиональной деятельности переговорщиков (негоциаторов), а также широко встречается в бытовых ситуациях:

- (20) *Не волнуйся, сынок, все будет хорошо, – успокаивала его мать.*
(Людмила Феррис)

Вряд ли мать имеет достаточные основания для того, чтобы утверждать, что *все будет хорошо*, однако именно такая, позитивная информация, сообщенная в лапидарной форме, необходима, чтобы успокоить сына.

Грайс (1985: 231) приводит пример имплицатуры, которая основана на нарушении постулата релевантности: намеренное отклонение от темы разговора, по его мнению, означает намек, что коммуникативный партнер «совершил социальную оплошность». Имеются, однако, и другие следствия, порождаемые данной имплицатурой. Одно из них – выражение негативного отношения к партнеру в целом¹¹, как это наблюдается в диалогах между Гаевым и Лопахиным в комедии А. П. Чехова «Вишневый сад», например:

- (21) *Лопахин. Да, время идет.*
Гаев. Кого?
Лопахин. Время, говорю, идет.

Существует богатый ассортимент прагматических эффектов, вызываемых нарушением постулатов категории способа. Один из наиболее часто встречаемых – автопрезентация говорящего, а именно – самовосхваление. Злоупотребление языковыми выражениями, заведомо непонятными коммуникативному партнеру, служит созданию позитивного имиджа говорящего, указывает на его принадлежность к элите¹². Такого рода манерный стиль (подробнее о коммуникативном маньеризме см.: Kiklewicz 2020: 227 и др.) широко представлен в коммуникации «новых русских». В качестве примера приведу фрагмент из повести Оксаны Робски «Про любовь/on»:

- (22) *Я пил кофе с радиоведущей. Она раздвигала под столом колени и говорила мне «вы».*
– Очень интересный эфир получился. Большая заинтересованность у слушателей.
Значит, будем умничать. Подошел официант. Я сделал заказ:
– Мне «Пламенеющий кракрян» с сабайоном «тинья колада» и шоколадным ганашем.
Она смотрела на меня во все глаза и стеснялась спросить, что это такое. Горячее? Алкоголь? Десерт?
Официант записал, понимающе кивая.
– Я очень люблю здесь десерты. А вы?
Она улыбнулась.
– Пожалуй.
– Могу я вам что-то рекомендовать?
– С удовольствием.
– Тогда для дамы: мильфей «Мусковадо» с муссом пралине и лесными ягодами. Вы не против?
– Нет нет. Спасибо.

¹¹ Подробнее о явлении социальной маргинализации см.: Wasilewski 2006: 334.

¹² Автопрезентации может также служить чрезмерное насыщение текста метафорами (см. Fleischer 1991: 299).

Как видим, главный герой намеренно щеголяет стилем «гламур», стремясь достичь двух эффектов: превознести свой собственный имидж (реализует акт самооценки) и вызвать у собеседницы удивление или восхищение (реализует стимулирующий речевой акт).

К непрямой коммуникации имеет отношение и категория количества. Нарушение постулатов этой категории связано с целым рядом прагматических импликаций. Укажу только на одну из них: чрезмерная информация может содержать намек на ограниченные интеллектуальные способности адресата, т.е. выступать формой оценочного речевого акта. З. Ненцкий (Nęcki 2000: 128) приводит соответствующий пример:

(23) *Выключи радио.*

(24) *Подойди к плоскому предмету на полке, нажми третью кнопку слева и поверни первую ручку вправо.*

Второе высказывание может функционировать как прямая просьба, например, обращенная к ребенку (который не знает, как выключить радио), однако в разговоре со взрослым оно содержит намек на то, что собеседник медленно думает и ему все надо объяснять на пальцах.

В качестве семантического antecedента могут выступать не только нарушения постулатов, касающихся семантической репрезентативности сообщения, но и другие содержательные характеристики. Так, семантическое профилирование сообщения, т.е. употребление лексических единиц с характерной тематической окраской, способствует реализации стимулирующих речевых актов, например, эстетических. Эстетическая информация закодирована в содержании некоторых концептов, которые устойчиво ассоциируются с представлением о красивости или некрасивости (Киклевич 2020: 18). Побуждению эстетического наслаждения служат, например, многие описания природы. Неслучайно когда Аркадий Кирсанов в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» произносит:

(25) *Посмотри, [...] сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с движением бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое – сходно с самым веселым и живым.*

его собеседник Базаров реагирует на реплику как на эстетический речевой акт:

(26) – *О друг мой, Аркадий Николаич! [...] Об одном прошу тебя: не говори красиво.*

4. Прагматический antecedent > прагматический консеквент

С прагматической точки зрения более интересны ситуации, в которых antecedentом импликации является речевой акт. Именно такого рода явления следует считать собственно коммуникативными (или прагматическими)

импликатурами. Прежде чем рассмотреть конкретный речевой материал, я сделаю два замечания.

Первое касается того, что разграничение семантического и прагматического фактора импликации встречает трудности. Это прежде всего касается ситуаций, интерпретация которых может иметь как семантический, так и прагматический характер. Рассмотрим в связи с этим фрагмент из романа Владимира Войновича:

- (27) *Он [Чонкин] постоял еще, помолчал и задал вопрос сразу по существу:*
– *Одна живете или с мужем?*
– *А вам зачем знать? – спросила Нюра.*
– *Из интересу, – ответил Чонкин.*
– *Одна или не одна, вас это не касается.*
Этот ответ удовлетворил Чонкина. Он означал, что Нюра живет одна.

Можно задаться вопросом, почему Чонкин сделал такой вывод. Возможно, основанием для этого было нарушение (Нюрой) первого постулата категории количества: Нюра не сообщает Чонкину необходимой информации, а именно – она скрывает информацию (о своем незамужестве), которая с социальной (идиокультурной) точки зрения является нежелательной. Можно, однако, интерпретировать поведение Нюры иначе: она уклоняется от прямого ответа. Ее отказ дать информацию о своем замужестве или незамужестве (т.е. речевой акт отказа) означает, что она избегает ответа, который содержал бы невыгодную для нее информацию.

Второе замечание касается различия косвенных и синкретических речевых актов. В первом случае мы имеем дело со своего рода прагматической полисемией, т.е. вторичным употреблением высказывания, когда значение иллокутивной функции не соответствует буквальному значению языковых форм¹³. В качестве косвенных речевых актов употребляются многие вопросительные высказывания. Например, вопросительная (по форме) реплика

- (28) *Видишь, до чего это может довести?*

с прагматической точки зрения означает оценочный речевой акт:

- (29) *Это приводит к негативным последствиям.*

Синкретические речевые акты состоят в том, что они реализуют две иллокуции: основную и дополнительную¹⁴. В отличие от косвенных речевых актов исходная иллокутивная функция остается в силе, однако к ней добавляется

¹³ В. В. Дементьев (2006: 198) пишет о таком понимании косвенных речевых актов как широком.

¹⁴ Импликация, по мнению Ф. С. фон Туна (von Thun 2010: 66), опирается на коррелятивное отношение между одним коммуникативным намерением и другим (или другими).

дополнительная иллюстрация (Pedersen 2016: 3). Если некто в определенных условиях произносит:

(30) *Здесь холодно!*

(31) *В комнате душно.*

каждая реплика может быть понята как репрезентативный речевой акт (констатация) и – дополнительно – как просьба (закрыть или открыть окно). Импликации этого рода опираются на условно-категорические силлогизмы, содержащие в первой посылке указание на речевое действие. Это можно показать на примере высказывания (30):

Если в комнате холодно, *x* может попросить, чтобы закрыли окно.

X говорит, что в комнате холодно.

X просит, чтобы закрыли окно.

Одни консеквенции (например, рассмотренные выше примеры) имеют окказиональный, тогда как другие – конвенциональный характер (см. Дементьев 2006: 198). Так, положительная оценка достаточно регулярно выступает в ситуациях, когда говорящий намерен осуществить такие речевые акты, как рекомендация, одобрение, поддержка, а негативная оценка, напротив, указывает на намерение отклонить предложение, предостереечь и т.д. При этом оценочный речевой акт функционирует как аргументатив (т.е. как вторая посылка условно-категорического силлогизма). Например, высказывание

(32) *Незрелые яблоки невкусные.*

может быть употреблено как предостережение:

(33) *Сообщаю, что незрелые яблоки невкусные.*

> *Предупреждаю, что не стоит есть (эти) незрелые яблоки.*

В основе данной импликации лежит условно-категорический силлогизм:

Если яблоки невкусные, их нельзя рекомендовать кому-либо в пищу.

X говорит, что незрелые яблоки невкусные.

X не рекомендует употреблять в пищу незрелые яблоки.

Позитивная оценка может имплицировать похвалу, а негативная оценка – обвинение. Ф. С. фон Тун (von Thun 2010: 66) приводит немецкие примеры такого рода интерпретации сообщений о негативных чувствах говорящего:

(34) *Ich habe mich über dich geärgert.* (Я был зол на тебя.)

> *Du hast mir das angetan.* (Ты в этом виноват.)

(35) *Ich war traurig, dass du nicht gekommen bist.* (Мне было грустно, что ты не пришел.)

> *Du schuldest mir, dass ich traurig war.* (Ты виноват в том, что мне было грустно.)

5. Прагматический антецедент > семантический консеквент

Не все коммуникативные импликации имеют намеренный характер, т.е. сознательно программируются говорящим. Можно наблюдать многочисленные ситуации, в которых выводимая из сообщения дополнительная информация опирается на иллокутивную функцию речевого акта с учетом контекста (т.е. мы имеем дело с прагматическим антецедентом), при этом то, что имплицитно, представляет собой семантическую информацию о состояниях отправителя. Эта информация генерируется получателем независимо от воли говорящего и часто вопреки его желанию¹⁵. Антецедент (речевой акт) имеет в таких ситуациях симптоматический характер:

- 1) x находится в состоянии R , что побуждает его к произнесению S
- 2) x произносит S в присутствии y -а или по адресу y -а
- 3) y узнает (от x -а), что S
- 4) y понимает (имплицитно), что R

Иными словами, речевой акт служит для получателя симптомом (например, эмоционального) состояния, в котором находится говорящий. Это явление можно проиллюстрировать на примере вопросительных высказываний. Вопросы (в частности, эпистемические, целью которых является получение семантической информации) в нормальном случае мотивированы какой-то потребностью субъекта: он хочет получить знания, которые необходимы для решения той или иной задачи. Во многих коммуникативных ситуациях получатель сообщения (тот, к кому обращаются с вопросом) отдает себе отчет в характере такого мотива. Этим объясняется отсутствие семантического согласования в структуре многих естественных диалогов типа:

- (36) *А: – Как пройти к музею?
Б: – Музей закрыт.*

Б, казалось бы, нарушает грайсовский постулат релевантности (он не дает прямого ответа на вопрос), но в действительности, это не так: собеседник имеет в виду не только формальный вопрос, но и его мотивацию, а именно – намерение А осмотреть экспозицию музея. Это явление по-своему обыгрывается в анекдоте:

- (37) *Собралась семья обои клеить. Жена мужу говорит:
– Сходи к соседям снизу – они ремонт недавно делали, квартира у них такая же. Спроси, сколько рулонов покупали.
Он пошел, ему сказали: «Шестнадцать». Купили обои, стали клеить.
Шесть рулонов осталось. Муж злой, снова идет к ним. Говорит:*

¹⁵ В связи с этим Д. Шумска пишет: «Каждый акт речи является – независимо от воли адресанта адресат может интерпретировать сообщение неадекватно – потенциальным источником импликатуры, иными словами, каждый текст способен к порождению подтекста [...]» (Szumska 2012: 364).

– Вам что, сказать правду сложно было? У нас шесть рулонов осталось!

Ответ:

– И у нас столько же осталось...

В описанной ситуации соседи ведут себя нетипично: они воспринимают вопрос слишком буквально, оставляя без внимания его мотивировку.

Симптоматическую функцию выполняют не только отдельные речевые акты, но и более общие характеристики речевого поведения. Некоторые наиболее типичные импликации представлены в табл. 1.

Таблица 1. Семантические импликации некоторых типов речевого поведения /
Table 1. *Semantic implications of some types of verbal behavior*

Речевое поведение (симптом)	Импликация
говорящий слишком многословен	1) говорящий находится в состоянии эмоционального возбуждения, волнения 2) говорящий обманывает и хочет скрыть обман лавиной слов 3) говорящий говорлив по своей натуре, любит разговаривать 4) говорящий долгое время не разговаривал, соскучился по разговору
говорящий задает слишком много вопросов	1) у говорящего пылкий ум, он стремится всё понять, узнать 2) говорящий слишком самоуверен, у него нет комплексов 3) говорящий, наоборот, не уверен в себе, в новой для ситуации он не знает, как себя вести ¹⁶
говорящий говорит слишком мало, больше молчит	1) говорящий чувствует себя неуверенно 2) говорящий мало знает 3) говорящий что-то скрывает 4) говорящий занят чем-то другим, невнимателен ¹⁷
говорящий злоупотребляет восклицательными речевыми актами	1) говорящий возбужден 2) у говорящего эмоциональный характер 3) у говорящего нет аргументов по существу

Импликации этого рода могут быть более или менее конвенциональными. Следует констатировать, что многие коммуникативные симптомы контекстно обусловлены, окказиональны. В этом можно убедиться, если в качестве поискового выражения в интернете написать *Если жалуется, значит...* В табл. 2 приводятся некоторые из отмеченных импликаций.

¹⁶ Ср. характерный пример – поведение Зайца в сказке Сергея Козлова: попросившись в гости к Ежику, чтобы посумерничать, Заяц (который не знает, что это такое – сумерничать), задает много вопросов: «А как мы будем сумерничать?», «А можно, сумерничая, петь?», «А можно веселое?» и т.д.

¹⁷ Мать: «Билли, мы уходим через пять минут». Билли не отвечает и продолжает читать комиксы.

Таблица 2. Семантические импликации речевого акта «жалоба» /
 Table 2. *Semantic implications of the speech act "complaint"*

Импликация	Иллюстрация
говорящий – слабохарактерный, инфантильный человек	Так и знай – который человек много жалуется на всё, да охает, да стонет, – грош ему цена (М. Горький, «Фома Гордеев»).
говорящий рассчитывает на сочувствие других людей	Если жалуется, значит доверяет. ¹⁸
говорящий уклоняется от решения проблем, считает, что его проблемы должны решать другие	Если жалуется, значит он избалован. ¹⁹
говорящий находится в хорошей физической кондиции, контролирует свое состояние	Моё мнение: если жалуется, значит, выздоравливает! ²⁰ Если жалуется – значит лекарство лечит! ²¹
говорящий привык жаловаться	Если жалуется, значит ему просто это нужно, он именно этого и хочет. Пусть даже не отдавая себе в этом отчета ²² .
говорящий адекватно оценивает происходящее	Человек, если жалуется, значит он прав ²³ .

В качестве симптомов могут выступать также нарушения (упомянутых во Введении) коммуникативных принципов, например, принципа вежливости или такта. Некоторые из них имеют конвенциальный, а некоторые – окказиональный характер. Когда в повести Андрея Битова «Уроки Армении» мы читаем:

(38) *Если уж очень многого ждать от встречи, то можно забыть сказать «здравствуйте».*

невежливое поведение героя можно объяснить его задумчивостью, хотя такая семантическая импликация, скорее всего, не является типичной.

6. Заключение

В данной статье были рассмотрены разные модели генерирования производной информации. Было показано, что в их основе лежат существующие в сознании носителей языка ассоциативные связи между разными видами знаний – семантического (идеационного) и прагматического (интерперсонального) характера. Анализ засвидетельствованных языковых выражений показал, что семантика и прагматика в явлениях коммуникативной импликации взаимодействуют и способны к взаимодейстерионации. Идея такого диалектического взаимодействия семантики и прагматики заключена уже в статье

¹⁸ <https://otvet.mail.ru/question/84259018>

¹⁹ <https://sprashivalka.com/a/320035115>

²⁰ <https://ngs55.ru/text/health/2020/02/17/66496504/?shareRecordImage=b04ebc3200647bc8746161ec51bd9776>

²¹ <https://charter97.org/ru/news/2008/7/2/7897/comments/>

²² <https://socionik.com/thread/13938-825.html>

²³ <https://democrator.ru/petition/nezakonnoe-osuzhdenie-nesovershennoletnego/>

Грайса, а также в его более поздних публикациях (Grice 1989), однако в представленной статье она разработана более подробно с учетом всех возможных конфигураций.

Будучи, по выражению Л. А. Деминой (2009: 109), представителем «лого-коммуникативной парадигмы смысла» (т.е. аналитической философии), Грайс подчеркивал: «Коммуникативная импликатура должна быть выводимой». Эта выводимость, как было показано в статье, опирается на условно-категорический силлогизм как форму ментальной переработки информации:

Если A , то B .

A .

Следовательно, B .

Информация A является антецедентом, а информация B – консеквентом, тогда как первая посылка представляет собой фрагмент ментального (культурно или ситуативно обусловленного) тезауруса, общего для коммуникативных партнеров. В таком духе импликационные процессы интерпретируются в статье Д. Шумской:

Явление так называемого «имплицирования» вызвано законом речевой экономии и сводится к устранению формальных/поверхностных показателей тех компонентов [...] структуры высказывания, которые могут быть однозначно восстановлены адресатом при использовании компенсирующего фактора, то есть с учетом коммуникативной ситуации, контекста, общих знаний о мире (Szumska 2012: 363).

Без конвенционального (разделяемого как говорящим, так и слушающим) представления о том, что, например, основанием для рекомендации (этот речевой акт обсуждался в разделе 4) служит убеждение субъекта о положительных качествах некоторого предмета, нельзя понять, почему речевой акт оценки дополнительно интерпретируется как рекомендация. Таким образом, коммуникативные импликации, вопреки утверждению Грайса, имеют конвенциональный характер, а их отличие от семантических импликаций состоит в том, что условием реинтерпретации знака является не его понятийное содержание, а характер его употребления в речи.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Antoshina, Diana V. 2018. Using the concept of implication to denote logical-semantic relations in semantics and pragmatics. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* 1. 83–90. (In Russ.)
- Benz, Anton, Katja Jasinskaja & Fabienne Salfner. 2013. Implicature and discourse structure: An introduction. *Lingua* 132. 1–12.
- Berger, Peter & Thomas Luckmann. 1995. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Carretero, Marta & Juan Rafael Zamorano-Mansilla. 2015. Evidentiality as conversational implicature: Implications for corpus annotation. *Procedia – Social and Behavioural Sciences* 212 (2). 146–150.

- Carston, Robyn. 2002. *Thoughts and Utterance. The Pragmatics of Explicit Communication*. Malden, MA: Blackwell.
- Coste, Daniel et al. 2003. *Europejski System Opisu Kształcenia Językowego: Uczenie Się, Nauczanie, Ocenianie*. Warszawa: CODN.
- Davidson, Donald. 1990. What metaphors mean. In Nina D. Arutyunova & Marina A. Zhurinskaya (eds.), *Teoriya metafory*, 173–193. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Davis, Wayne A. 1998. *Implicature: Intention, Convention, and Principle in the Failure of Gricean Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dębowski, Józef. 2010. *Prawda i Warunki Jej Możliwości*. Olsztyn: Instytut Filozofii.
- Dement'yev, Vadim V. 2006. *Indirect Communication*. Moskva: Gnozis. (In Russ.)
- Demina, Larisa A. 2009. Modeling communicative dialogue and revising the paradigm of meaning in the theory of speech acts. *RATSIO.ru* 1. 103–116. (In Russ.)
- Fix, Ulla. 2001. Die Ästhetisierung des Alltags – am Beispiel seiner Texte. *Zeitschrift für Germanistik. Neue Folge* XI. 36–53.
- Fleischer, Michael. 1991. *Die Semiotik des Spruches. Kulturelle Dimensionen Moderner Sprüche (An Deutschem und Polnischem Material)*. Bochum: Brockmeyer
- Gazdar, Gerald. 1979. *Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form*. New York: Academic Press.
- George, Elizabeth Jasmi & Radhika Mamidi. 2020. Conversational implicatures in English dialogue: Annotated dataset. *Procedia Computer Science* 171. 2316–2323.
- Godon, David & George Lakoff. 1985. Conversational Postulates. In Elena V. Paducheva (ed.), *New in Foreign Linguistics, XVI: Linguistic Pragmatics*, 276–302. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Grice, Herbert Paul. 1975. Logic and conversation. In Peter Cole & John L. Morgan (eds.), *Syntax and semantics* III, 41–58. New York: Academic Press.
- Grice, Herbert Paul. 1985. Logic and conversation. In Elena V. Paducheva (ed.), *New in foreign linguistics. XVI: linguistic pragmatics*, 217–237. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Grice, Herbert Paul. 1993. *Studies in the Ways of Words*. Cambridge etc.: Harvard University Press.
- Holgraves, Thomas & Brian Kraus. 2018. Processing scalar implicatures in conversational contexts: An ERP study. *Journal of Neurolinguistics* 46. 93–108.
- Horn, Laurence R. 1972. *On the Semantic Properties of Logical Operators in English*. Ann Arbor, Michigan: University Microfilms International.
- Kiklewicz, Aleksander. 1999. *Lectures in Functional Linguistics*. Minsk: Izdatel'stvo BGU. (In Russ.)
- Kiklewicz, Aleksander. 2020. *Fenomeny Komunikacii (Normy i Dewiacje w Zachowaniach Językowych)*. Olsztyn: CBEW.
- Kiklewicz, Aleksander. 2020. The aesthetic aspect of the influence of the media (on the example of journalism and the Internet). *Filologicheskie Nauki* 6. 16–24. (In Russ.)
- Kiklewicz, Aleksander. 2011. Reguły konwersacji Grice'a: Semantyka czy pragmatyka? *Linguistica Copernicana* 2. 25–38.
- Kurcz, Ida. 2000. *Psychologia Języka i Komunikacji*. Warszawa: PWN.
- Laguta, Olga N. 2003. *Metaphorology: Theoretical Aspects. Part 1*. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. universitet. (In Russ.)
- Lakoff, Ronny. 1973. The logic of politeness: Or, minding your p's and q's. In Claudia Corum & T. Cedric Smith-Stark (eds.), *Papers from the 9th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 292–305. Chicago: Chicago Linguistic Society.
- Leech, Geoffrey. 1983. *Principles of Pragmatics*. London: Longman.
- Levinson, Stephen C. 1985. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press
- Levinson, Stephen C. 2000. *Presumptive Meanings*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Levin-Steinmann, Anke. 2001. Razmyshleniya o vybrannykh kognitivnykh aspektakh frazeologimov. *Die Welt der Slaven* XLVI. 225–232.
- Mel'nikov, Mikhail N. 1987. *Russian Children's Folklore*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
- Muchnik, Benjamin S. 1985. *Man and Text. Fundamentals of the Culture of Writing*. Moscow: Kniga. (In Russ.)
- Nikitin, Mikhail V. 1988. *Foundations of the Linguistic Theory of Semantics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
- Ohlhoff, Dörthe. 2002. *Das Freundliche Selbst und der Angreifende Feind. Politische Metaphern und Körperkonzepte in der Wissensvermittlung der Biologie*. www.metaphorik.de (accessed 25 November 2020).
- Osthus, Dietmar. 2002. *Metaphernspiele in Pressentexten: Ludischer Metapherneinsatz in Französischen und Deutschen Tageszeitungen*. www.metaphorik.de (accessed 25 November 2020).
- Pedersen, Janni. 2016. Apes in conversation: The role of the human interlocutor. *Language & Communication* 50. 1–11.
- Schütz, Alfred. 1975. *Collected Papers. III: Studies in Phenomenological Philosophy*. Berlin: Springer Netherland.
- Schwitalla, Johannes. 1979. *Dialogsteuerung in Interviews: Ansätze zu Einer Theorie der Dialogsteuerung Mit Empirischen Untersuchungen von Politiker-, Experten- und Starinterviews in Rundfunk und Fernsehen*. München: Hueber.
- Szumaska, Dorota. 2012. Implikatura: Poslednee iskusheie lingvista. In Dorota Szumaska (ed.), *Yazyk i Metod: Russkiy Yazyk v Lingvisticheskikh Issledovaniyakh XX veka I*, 361–366. Kraków: Wydawnictwo UJ.
- von Thun, Friedemann Schultz. 2010. *Miteinander Reden. 1: Störungen und Klärungen. Allgemeine Psychologie der Kommunikation*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt.
- Vallejo, David Rubio. 2017. Actuality effects as conversational implicatures. *Journal of Pragmatics* 112. 44–67.
- Verbuk, Anna & Thomas Shultz. 2010. Acquisition of Relevance implicatures: A case against a Rationality-based account of conversational implicatures. *Journal of Pragmatics* 42 (8). 2297–2313.
- Vereshchagin, Yevgeny M. & Vitaly Kostomarov G. 1980. *Linguistic and Cultural Theory of the Word*. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.)
- Wasilewski, Jacek. 2006. *Retoryka Dominacji*. Warszawa: Trio.

Article history:

Received: 24 May 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionote:

Aleksander KIKLEWICZ – Professor, Doctor Habil., works at the University of Warmia and Mazury in Olsztyn and at the Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Poland. He is the author of over 400 scholarly publications in the field of theory and philosophy of language, semantics, functional syntax, pragmalinguistics, psycholinguistics, communicative and comparative linguistics. Prof. Kiklewicz is Director of the Center for Eastern European Studies, editor-in-chief of the journal “Przegląd Wschodnioeuropejski”, member of the Polish Linguistic Society, the Committee of Humanities of the Polish Academy of Sciences; the Olsztyn Science Forum, Societas Humboldtiana Polonorum.

Contact information:

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
ul. Kurta Obitza 1, 10-725 Olsztyn, Poland
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

Сведения об авторе:

Александр КИКЛЕВИЧ – профессор, доктор филологических наук. Работает в Варминско-Мазурском университете в Ольштыне и Естественно-гуманитарном университете в Седльцах, Польша. Является автором более 400 научных публикаций в области теории и философии языка, семантики, функционального синтаксиса, прагмалингвистики, психолингвистики, коммуникативной и сопоставительной лингвистики. Директор Центра исследований Восточной Европы. Главный редактор журнала “Przegląd Wschodnioeuropejski”. Член Польского лингвистического общества; член Комиссии гуманитарных наук Польской академии наук; член Ольштынского форума науки; член научного фонда Societas Humboldtiana Polonorum.

Контактная информация:

Варминско-Мазурский университет в Ольштыне
ul. Kurta Obitza 1, 10-725 Olsztyn, Poland
e-mail: aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl
ORCID: 0000-0002-6140-6368

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-27107>

Research article

Pragmatic and stylistic perspectives on British and American COVID-19 cartoons

Svetlana Y. PAVLINA

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

 pavlina.svetlana@mail.ru

Abstract

The research aims to compare and contrast British and American visual communication texts which are based on the combination on semiotically diverse modes. Using Multimodal Critical Discourse Analysis the paper explores the way a specific segment of reality – the COVID-19 pandemic – is covered in political cartoons that employ the same language but are grounded in different cultural settings. To this end, a contrastive analysis of editorial cartoons used in British and American mass media was carried out. The sample encompasses 130 British and 130 American graphical texts published in 2020–2021 on the web sites of *The Guardian* and *U.S. News & World Report*. The article focuses on the way the new meaning is produced due to the interaction of visual and verbal modes using the information shared by members of a specific linguacultural community. At first the pragmatic and functional properties of the sample texts are examined, then the stylistic features of the texts' verbal components are studied. Taking a functional perspective, the research reveals the marked differences in two respective samples: the British COVID-19 cartoons criticize the government's policies, whereas the American ones do not only satirize but also acclaim, creating a positive image of those responsible for vaccination production and rolling out. They tend to use slogans to mobilize the public, performing the function typical of political posters. Drawing on the stylistic analysis of linguistic resources, the paper analyzes the differences in registers and rhetorical means used by British and American cartoonists to shape their messages. Both pragmatic aspects of the cartoons and the choice of stylistic devices used in their linguistic elements proved to be culture-specific, despite the similarity of issues the texts address. The research elucidates the way the cultural landscape affects the meaning-building processes in multimodal texts that employ different variants of the same language.

Key words: *cartoon, political communication, multimodal text, pragmatic properties, cartoon stylistics, COVID-19*

For citation:

Pavlina, Svetlana Y. 2022. Pragmatic and stylistic perspectives on British and American COVID-19 cartoons. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 162–193. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27107>

© Svetlana Y. Pavlina, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Прагматические и стилистические особенности британских и американских политических карикатур на тему COVID-19

С.Ю. ПАВЛИНА

*Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия*

 pavlina.svetlana@mail.ru

Аннотация

Исследование направлено на сопоставление британских и американских текстов визуальной политической коммуникации как конструкторов, совмещающих разнородные семиотические коды. В статье рассматривается, как определенный фрагмент действительности – борьба с вирусом COVID-19 – находит отражение в политических карикатурах, выполненных с использованием одного языка, но погруженных в разные культурные контексты. Цель статьи – выявить механизмы взаимодействия вербального и изобразительного кодов при создании авторского посыла в англоязычных текстах визуальной политической коммуникации, имеющих разные социальные и культурные основы. С применением мультимодального критического дискурса-анализа и стилистического анализа проводится сопоставление политических карикатур, опубликованных в британских и американских СМИ. Материалом послужили 130 британских и 130 американских графических текстов, созданных в 2020–2021 и размещенных на сайтах изданий *The Guardian* и *U.S. News & World Report*. На первом этапе были проанализированы функционально-прагматические свойства двух групп политических карикатур, затем были определены стилистические особенности лингвистических компонентов текстов выборки. Исследование функционально-прагматических характеристик двух групп графических текстов обнаруживает явные различия: британские политические карикатуры критикуют действия правительства по борьбе с пандемией, в то время как американские карикатуры носят не только сатирический характер, но и создают положительный образ тех, кто отвечает за вакцинацию населения. В этом отношении они имеют явное сходство с политическими плакатами, поскольку содержат лозунги и выполняют мобилизационную функцию. Различия выявляются и в плане стилистики вербальных элементов текстов, в частности в использовании единиц сниженного регистра и применении тропических средств. Проведенный анализ демонстрирует, как две группы текстов освещают схожие темы, но обнаруживают различия как в плане функциональных характеристик, так и в выборе стилистических средств, применяемых в лингвистическом компоненте, что объясняется несходством социального и культурного контекстов. Исследование открывает новые перспективы для определения роли культурного ландшафта при формировании смысла поликодовых текстов, выполненных на основе вариантов одного языка.

Ключевые слова: *карикатура, политическая коммуникация, поликодовый текст, прагматические характеристики, стилистический аспект карикатур, COVID-19*

Для цитирования:

Павлина С.Ю. Прагматические и стилистические особенности британских и американских политических карикатур на тему COVID-19. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 162–193. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-27107>

1. Введение

Последние десятилетия характеризуются все возрастающим интересом к визуализации процессов коммуникации. В ряду средств, при помощи которых осуществляется визуальная коммуникация, выделяются плакаты, мемы и

карикатуры (см. Benoit 2019, Genova 2018, Ponton 2021, Way 2021, Mateus 2016, Morris 1993). Исследования, посвященные карикатурам, вскрывают особую природу данных текстов, поскольку они лежат на пересечении визуальной и вербальной коммуникации, следовательно, их значение формируется в результате взаимодействия изобразительного и лингвистического компонентов (Tsakona 2009). Типология карикатур включает два основных жанра: политические карикатуры, которые также именуется редакционными (*editorial cartoons*), и комические карикатуры (*comic cartoons*), которые трактуются как шутки, представленные в графическом формате. Как правило, формальные признаки двух видов карикатур совпадают: обязательным и доминирующим элементом является изображение, которое часто, но не всегда, сопровождается текстом, содержащим знаки естественного языка. В отличие от комических карикатур, важным качеством которых является способность вызывать смех, политические карикатуры имеют более серьезный социальный посыл, что предопределяет их сатирический характер. С этим связана их двойственная природа: с одной стороны, данные карикатуры являются частью политической коммуникации, с другой стороны, они лежат в плоскости юмористического дискурса (Tsakona & Pora 2013). Схожим свойством обладают мемы, которые рассматриваются как тексты политической сатиры, функционирующие в виртуальном пространстве интернет-сообществ (Ponton 2021).

Политические карикатуры интегрированы в медиатекст, они служат визуальным воплощением либо индивидуального видения карикатуриста, либо редакционной позиции в отношении актуальных общественно значимых проблем. Однако в отличие от газетной статьи они подают информацию в концентрированном виде, преображая реальность и подавая ее в остром, оригинальном и/или юмористическом ключе (Денисова 2018: 51, El Rafaie 2009a: 175). Таким образом редакционные карикатуры выполняют важную роль в медийном дискурсе, способствуя его эмоционализации (Zappettini et al. 2021).

Сюжет политической карикатуры основан на том, что отражается в новостях, таким образом, данные графические репрезентации действительности ограничены определенными временными рамками и могут рассматриваться как зеркало своего времени (Mateus 2016). Успех коммуникации, по наблюдению Уолтера Вернера, зависит как от осведомленности получателя информации о текущих событиях, так и от его фоновых знаний в области истории, политики и культуры, поскольку в основе карикатур лежат образы, встроенные в широкий социально-культурный контекст (Werner 2004). Таким образом, интерпретация смысла, заложенного автором, возможна лишь с опорой на культурную память (Werner 2004).

Кроме того, карикатура выступает как средство художественной коммуникации. Воплощая свои идеи в визуальной форме, автор принимает множество художественных решений в отношении символов, композиционного построения, а также средств выразительности (Kneiper 2002). Подобного рода выбор основывается на базовых кодах культуры, понятных большинству

реципиентов, он также зависит от ряда социальных факторов, что позволяет предположить, что при определенных общих законах жанра, карикатуры, выполненные в разных странах, будут иметь национальную специфику. Например, исследование политических карикатур советского сатирического журнала *Крокодил* высвечивает их карнавальность, а также устанавливает связь с разработанной М. Бахтиным теорией мениппеи (Etty 2019). Сопоставление карикатур, выполненных в Австралии и Японии, обнаруживает разные ожидания общества относительно того, как далеко может заходить критика политиков в визуальной коммуникации: японские политические карикатуры выглядят менее жесткими и обличающими, чем произведения австралийских карикатуристов (Chen & Phiddian 2017). Контрастивный анализ немецких и британских карикатур, проведенный Дитером Гелфертом, выявляет существенные различия, вызванные социально-политическими факторами, в частности, разным восприятием общественных ценностей и отношением к власти (Gelfert 1998). Сопоставительные исследования политических карикатур, выполненных в один период времени, но включенных в разные социальные и культурные ландшафты, носят фрагментарный характер. Данная область является абсолютно не изученной в отношении британской и американской лингвокультур, что предопределяет актуальность настоящего исследования. В рамках одной работы не представляется возможным рассмотреть все аспекты, поэтому анализ охватывает две сферы: функциональную прагматику британских и американских политических карикатур и стилистические характеристики их лингвистических компонентов.

Материалом послужили политические карикатуры, опубликованные на сайтах британских и американских периодических изданий в 2020–2021 гг. и посвященные теме борьбы с вирусом COVID-19.

Гипотеза исследования заключается в том, что при определенном сходстве языка и традиций создания политических карикатур синхронно выполненные работы британских и американских карикатуристов, отражающие схожий фрагмент действительности – борьбу с пандемией – будут отличаться как функционально, так и стилистически в силу различий как культурного, так и социального контекстов.

Для проверки гипотезы решались следующие исследовательские задачи:

- Сопоставление прагматических характеристик карикатур, принадлежащих к британской и американской лингвокультурам.
- Определение разноуровневых языковых средств создания экспрессивности в лингвистическом элементе текстов выборки.
- Проведение сопоставительного анализа использования тропов в вербальном компоненте исследуемых групп карикатур.

2. Обзор литературы

Политическая карикатура является многогранным явлением и привлекает внимание исследователей в области юмора, социолингвистики,

политической коммуникации и медиалогии. Ученые отмечают, что карикатура всегда была тесно связана с политической сатирой, занимая определенную нишу в политической коммуникации. Ее прагматические свойства предопределяются тем, что зрительный образ оказывает более сильное и длительное воздействие на получателя информации, чем текст, состоящий исключительно из вербальных знаков (Milner Davis & Foyle 2017:4). Отличительной чертой карикатуры считается ее образность, облеченная в лаконичную форму, данное свойство позволяет карикатуристам моментально транслировать аудитории свое видение актуальной ситуации, оформляя его необычно и экспрессивно. По наблюдению Милнер Дейвис и Фойл, сжатая форма выражения, гротеск и амбивалентность значения предопределяют двойственность функционального плана карикатуры: ее способность развлекать и одновременно информировать (Milner Davis & Foyle 2017:4). Схожее мнение выражает С. Матеус, называя политическую карикатуру мощным орудием коммуникации, поскольку она позволяет очень быстро донести авторское видение ситуации до адресата (Mateus 2016:189). При этом критика, по наблюдению автора, не выражается прямолинейно, а опирается на использование различных визуальных и вербальных средств выразительности, что позволяет рассматривать карикатуры как коммуникативные артефакты, которые способствуют пониманию текущей политической ситуации и модификации взглядов получателей информации на отображаемые в карикатурах события (Mateus 2016). Особая роль политической карикатуры в формировании общественного мнения подчеркивается в целом ряде исследований (Walker 2003, Mateus 2016). Важной коммуникативной особенностью карикатуры является не столько то, *что* именно она транслирует, а то, *как* создается этот посыл (Duus 2001:966). Как подчеркивает Дж. Гринберг, карикатуры обладают высоким воздействующим потенциалом, поскольку они придают оригинальное звучание тем аспектам, на которые в повседневной жизни адресат не обращает особого внимания. Создавая мини-нарративы и апеллируя к универсальным ценностям, карикатурист вызывает эмоциональный отклик у адресата (Greenberg 2002). В текстах визуальной политической коммуникации смысл создается не на основе тщательно выстроенной логической аргументации, а при помощи мультимодальных средств эмоциональности (Way 2021). Позиция автора карикатуры, его комментарии по поводу текущей ситуации не могут быть нейтральными, напротив, они обнаруживают определенную идеологическую окраску (Steuter & Wills 2008:11). Поскольку политические карикатуры призваны информировать и оказывать воздействие на систему ценностей коллективного адресата путем сатирического изображения действий правительства и отдельных политиков, они обнаруживают определенное сходство с журналистскими расследованиями (Lamb 2004). Имея в своем арсенале такие средства, как ирония, сарказм и гротеск, карикатуристы освещают темы в ракурсе, который является слишком жестким для редакционных статей, следовательно, их роль не сводится к тому, чтобы быть

чисто иллюстративной частью газетной статьи. Напротив, карикатуры визуализируют то, что журналисты не могут оформить вербально. Так, например, изучение графических образов кандидатов в предвыборных карикатурах позволяет утверждать, что с помощью изобразительных средств карикатуристы выражают мнение, которое было бы не вполне политкорректным в контексте газетной статьи (Mazid 2008). Сила воздействия карикатуры заключается в том, что знакомая тема преподносится в новом ракурсе, это дает возможность автору убедить аудиторию принять нужную точку зрения (Sani 2012). Юмор, как отмечает В. Раскин, используется в карикатурах в качестве маскировки истинных чувств и убеждений, поскольку если карикатура повторяет открыто сказанное, она теряет свою силу и становится неэффективной. Таким образом, юмор позволяет свободно выражать мнение и не нести за это ответственность (Raskin 2008). В данном случае освобождающая сила политической карикатуры созвучна идеям карнавальности М. Бахтина (Bakhtin 1984).

Исследование карикатур в рамках теории коммуникативной прагматики позволяет утверждать, что необходимым компонентом успешного осуществления коммуникации между автором карикатуры и ее реципиентом является пресуппозиция, которая включает в себя базовые знания, положенные в основу визуальных и вербальных образов карикатуры (Padilla 2019). Целый ряд работ посвящен тому, как формируется значение текста карикатур на основе отсылок к ключевым элементам культуры, что позволяет вскрыть механизм того, как новое знание формируется на основе известного, разделяемого большинством членов лингвокультурного сообщества (De Sousa & Medhurst 1982, Moris 1993, Seymour-Ure 2001).

Важным направлением в определении роли карикатуры в политической коммуникации является изучение определенного социального или политического явления с позиции того, какое отражение оно нашло в политических карикатурах. Визуальная репрезентация кампании по выборам президента США 2004 г. рассматривается в работе Коннерса (Conners 2005). Изучение графической репрезентаций Джорджа Буша-младшего в политических карикатурах, проведенное Р. Калогеро и Б. Муленом, позволило авторам выявить восприятие обществом действий президента США во время войны в Ираке (Calogero & Mullen 2008). Функции, выполняемые политическими карикатурами, рассматриваются также на примере графических текстов, посвященных теме борьбы с последствиями урагана Катрина (Kelley-Romano & Westgate 2007).

Функционально-прагматический ракурс исследования карикатур включает изучение того, как они воспринимаются аудиторией. Любой вербальный или иконический знак обретает смысл лишь в том случае, если адресат и адресант погружены в общий коммуникативный контекст (Zappettini et al. 2021). Во многих работах подчеркивается зависимость правильной интерпретации текстов визуальной коммуникации от владения информацией, касающейся текущих событий, которым посвящены карикатуры. Д. Генова

указывает на важность одинаковой степени информированности как карикатуриста, так и реципиента для успешного декодирования авторского посыла карикатуры. Автор отмечает, что подобная осведомленность включает не только ситуационные факты, но и знание широкого социального и культурного контекста (Genova 2018). Это приобретает особую значимость в тех случаях, когда создание смысла карикатуры строится на интертекстуальных связях с созданными ранее текстами. Если получатель информации не распознает подобные связи, это может сделать смысл карикатуры недоступным для понимания, следовательно, цель коммуникации не будет достигнута (Hitchon & Hura 1997). Таким образом, рецепция карикатуры в значительной степени зависит от образовательного уровня и культурной компетентности адресата. Показательна в этом отношении работа Ч. Фосвилла, посвященная предполагаемому общему знанию, заключенному в компактном формате карикатуры. Карикатурист, по наблюдению ученого, выбирает образы, исходя из осведомленности адресата. Автор описывает два типа коммуникации: сильную, предполагающую единственно возможную интерпретацию, и слабую, выраженную в виде намека, и допускающую множество вариантов интерпретации (Forceville 2005). В работе Э. Эль Рафаие исследуется то, как юмор, положенный в основу политических карикатур, воспринимается молодежной аудиторией. Эмпирическое исследование показывает, что перцепция карикатур зависит от индивидуального культурного багажа каждого из участников, равно как и от того, что предполагается воспринимать как смешное в данном социальном, историческом и культурном контексте. (El Refaie 2011). Такой вывод демонстрирует всю сложность изучения восприятия карикатур: с одной стороны, требуется принимать во внимание воздействие контекста, с другой стороны, необходимо учитывать субъективную природу индивидуального восприятия.

В рамках социопрагматического подхода к исследованию политических карикатур рассматривается проблема выявления текстов, которые поощряют социальное неравенство и дискриминацию, в частности по религиозному или этническому признаку. Этому посвящена одна из работ известного исследователя юмора Вилли Цакони, в которой подчеркивается необходимость критического осмысления заложенного в карикатуре авторского посыла, направленного на выявление возможного идеологического подтекста, несовместимого с современными идеями толерантности и равенства (Tsakona 2020).

Традиционно карикатуры рассматриваются как семиотически неоднородные тексты, в основе которых лежит слияние вербального и визуального кодов. Исследования взаимодействия лингвистического и визуального в рамках карикатуры основываются на трудах Ролана Барта, который отмечал, что вербальный компонент карикатуры служит своего рода якорем для изобразительного кода, то есть выполняет второстепенную, поясняющую функцию. Вторым возможным видом связи вербального и визуального является

их взаимное дополнение, таким образом, лингвистический элемент не просто поясняет графический образ, а несет новую информацию, и их комбинация создает смысл поликодового текста (Barthes 1977: 39–40). Десуса и Медхерст предлагают использовать классификацию лингвистических стилистических средств применительно к визуальному компоненту карикатур (De Sousa & Medhurst 1982). Типология, разработанная авторами, позволяет исследовать экспрессивные свойства каждого элемента карикатуры в отдельности, а также установить, как их комбинация порождает новый смысл. В дальнейшем теория поликодности политических карикатур получила развитие в работах Элизабет Эль Рефайе. В поле зрения ученого находится визуальная метафора, которая трактуется с позиций теории концептуальной метафоры, разработанной применительно к знакам естественного языка (El Refaie 2003). Автор отмечает, что карикатуры функционируют на двух фундаментальных уровнях, связанных между собой метафорой: они создают воображаемый мир и делают отсылку к миру реальному (El Refaie 2009b).

Современные исследования поликодовых текстов выделяют четыре основных семиотических компонента, вовлеченных в создание смысла: вербальный, изобразительный (иконический), цветовой и графический, под которым подразумевается шрифт и расположение изображения в рамках поликодового текста (Kress & van Leeuwen 2001). При изучении карикатур внимание ученых сосредоточено на взаимодействии изобразительного и вербального кодов, в то время как цветовая символика и графическое оформление лингвистического и изобразительного элементов карикатуры, как правило, остаются вне поля зрения исследователей. Более углубленного изучения заслуживают и лингвистические средства, включенные в канву политической карикатуры. Анализ текстов визуальной коммуникации позволяет утверждать, что их лингвистический компонент имеет свою специфику, поскольку в поликодовых текстах граница между словами и изображением часто бывает размытой, слова приобретают изобразительные качества, а визуальный компонент характеризуется высоким уровнем абстракции (Veronä 2001). Данное наблюдение, сделанное в отношении комиксов, применимо и к текстам политических карикатур. Очевидно, что создание значения при помощи вербального кода карикатуры зависит от применения стилистических приемов, которые свойственны именно данным текстам визуальной коммуникации. Этот аспект до сих пор не получил достаточного освещения в научной литературе и требует детального рассмотрения.

3. Материал и методология исследования

Материал исследования включает 130 британских и 130 американских карикатур, освещающих борьбу с вирусом COVID-19. Британские карикатуры выборки были выделены из корпуса графических работ Стива Белла, Мартина Роусона, Бена Дженнингса и Николы Дженнингс, размещенных в разделе *Guardian Opinion Cartoons* электронной версии авторитетной

британской газеты “*The Guardian*” в 2020–2021 гг. Американские карикатуры выборки включают работы, размещенные в разделе Political cartoons on coronavirus на сайте новостного журнала “*U.S. News & World Report*”. Выборка содержит графические произведения ведущих американских карикатуристов Билла Брамхолла, Стива Бриана, Даны Саммерса, Уолта Хандельсмана, Дейвида Хорси, Маршалла Рамси и др., охватывающие период с марта 2020 по июль 2021 г.

Кроме тематического аспекта, критерием отбора текстов явилось наличие лингвистического компонента, представленного как минимум несколькими лексемами.

Методологической базой изучения карикатур выборки послужил мультимодальный критический дискурс-анализ, применение которого позволяет выявить то, как смысл текста создается за счет взаимодействия различных семиотических средств, основными из которых являются вербальный и изобразительный (иконический) коды (Kress & van Leeuwen 2001, 2006). На первом этапе был проведен сопоставительный анализ функционально-прагматических характеристик двух групп политических карикатур. В основу легла теория пресуппозиции, согласно которой выделяются тема (новое) и рема (известное) в тексте карикатуры (Padillia 2019). Для сопоставления были отобраны тексты с общими темами и выявлены соотносимые с ними ремы. Это позволило установить, на основе каких известных знаний, разделяемых членами лингвокультурного сообщества, строится новое сообщение в рамках каждой общей темы. Дальнейшим шагом было установление функций, выполняемых карикатурами в рамках политической коммуникации. Теоретической базой служит функциональная теория политического дискурса, разработанная У. Бенуа, согласно которой тексты визуальной политической коммуникации используются либо для создания положительного образа политика или партии, либо способствуют их негативному восприятию, представляя политиков в критическом ракурсе (Benoit 2019). Для целей настоящего исследования применялись термины *функция глорификации* и *функция критики*.

Следующим этапом являлось изучение лингвистических компонентов карикатур с точки зрения их стилистических характеристик. В основу была положена классификация экспрессивных средств английского языка, предложенная Ю. М. Скребневым (Skrebnev 2000). Рассматривались единицы, выражающие просодические характеристики речи персонажей карикатур, выявлялись экспрессивные номинации на лексическом уровне, был проведен сопоставительный анализ тропов, используемых как в британских, так и в американских политических карикатурах. Эмпирический материал изучался с применением качественных и количественных методов исследования.

4. Результаты исследования

Работы, включенные в выборку, выполнены в интервале с марта 2020 по июнь 2021 г., когда большинство стран столкнулись с распространением

нового вируса и стали разрабатывать меры по его сдерживанию. Данная тема являлась доминирующей в новостных и аналитических статьях как британских, так и американских средств массовой информации, что получило свое отражение в текстах визуальной политической коммуникации, прежде всего в карикатурах. Логично предположить, что при всей схожести проблем, с которыми пришлось столкнуться правительствам и рядовым гражданам двух ведущих англоязычных стран, острые вопросы, вызвавшие общественный резонанс и послужившие поводом для создания карикатур, носят национально-специфический характер. Причиной тому служат различия как в системах здравоохранения, так и в социальном и государственном устройстве Великобритании и США.

4.1. Сопоставление прагматических характеристик британских и американских карикатур

На первом этапе исследования был проведен сопоставительный анализ с точки зрения реализации тема-рематических отношений в текстах карикатур, относящихся к двум исследуемым лингвокультурам. Основываясь на идее пресуппозиции, которая включает в себя новое знание или тему, а также известное, разделяемое участниками коммуникативной ситуации знание или рему, были выявлены общие элементы, раскрываемые как британскими, так и американскими карикатуристами. В поликодовых текстах выборки были выделены следующие общие темы: использование индивидуальных средств защиты (масок), создание коллективного иммунитета, жизнь в условиях локдауна, снятие ограничений, финансовая помощь населению.

В британских карикатурах тема ношения масок и соблюдения социальной дистанции реализуется в лингвистическом компоненте с помощью лексемы *PPE (Personal Protection Equipment)* (Индивидуальные средства защиты) а также лозунга *Hands, Face, Space* (Руки, Лицо, Дистанция). В изобразительном компоненте тема обозначается рисунком маски. Рематическая часть пресуппозиции главным образом представлена изображениями Бориса Джонсона и членов его кабинета, которые не принимают адекватных мер по защите населения. Так, в карикатуре Бена Дженнингса, посвященной введению ограничительных мер, содержатся иллюстрации к лозунгу *Hands, Face, Space* (Руки, Лицо, Дистанция) (*The Guardian* 1.11.2020). В первой части текста *Hands* (Руки) Борис Джонсон, изображенный в гротескной манере, сидит на стуле, положив под себя руки. Данное изображение является визуальной метафорой, иллюстрирующей идиому *to sit on your hands* (букв.: сидеть на руках, бездельничать). Вторая часть *Face* (Лицо) изображает Джонсона, который закрывает лицо, не желая обращать внимание на печальную статистику. Третья часть *Space* (Дистанция) выражает мнение карикатуриста о роли Джонсона в управлении страной. Премьер-министр стоит на удалении от трибуны, т. е. соблюдает социальную дистанцию, не влияя на политическую жизнь (рис. 1).

Рис. 1. Карикатура Бена Дженнингса на тему объявления нового локдауна /
 Fig. 1. Ben Jennings on Boris Johnson imposing a new lockdown cartoon

Образ маски используется в целом ряде британских карикатур не как символ защиты от вируса, а как средство скрыть свои истинные намерения или в значении «маска приличия». Ношение маски, таким образом, приобретает метафорическое измерение. В конце июня 2021 года скандал, связанный, в том числе, с несоблюдением противоковидных мер, привел к отставке министра здравоохранения Мэтта Хэнкока и назначению на этот пост Саджида Джавида. В карикатуре Мартина Роусона этот момент представлен как смена маски на лице Бориса Джонсона: старая маска с лицом Хэнкока, отправленного в отставку, изображена лежащей в мусорной корзине (The Guardian 28.06.21).

Тема соблюдения мер безопасности, таких как ношение масок и установление социальной дистанции, раскрывается в американских карикатурах на основе ремы, связанной с движением антимаасочников. Отказ от ношения масок принимается как отдельными индивидами на основе их убеждений, так и законодателями отдельных штатов, принадлежащими к Республиканской партии. В нескольких карикатурах выборки социальная критика направлена на решение губернатора штата Аризона Дага Дьюси отказаться от ношения масок. Карикатура под названием *Arizona Bull* (Аризонский бык) Стива Бенсона (4/2021) содержит изображение родео. Бык, которого безуспешно пытаются укротить, имеет надпись COVID-19. Рядом с одним из зрителей – губернатором Дьюси – стоит корзина с надписью *Dump masks here* (Бросайте маски сюда). Идея несвоевременности отказа от ношения масок передана с помощью включенного в текст изображения щита с надписью *17,221 latest death count* (17,221 скончавшихся), сообщающего о количестве погибших от коронавируса жителей Аризоны. Таким образом, рема данной карикатуры содержит информацию о том, что в отличие от Великобритании, где ответственность за сферу здравоохранения лежит на премьер-министре и членах кабинета, в США каждый штат имеет свое законодательство. Правила, принимаемые в штатах, контролируемых республиканцами, существенно отличаются от законодательных актов в области здравоохранения в либеральных штатах (рис. 2).

Рис. 2. Карикатура Стива Бенсона *Аризонский бык* /
Fig. 2. Steve Benson's *Arizona Bull* cartoon

Другой важной темой является достижение коллективного иммунитета. Вскрывая причины, мешающие достичь данной цели, американский карикатурист Стив Брин рисует картину узкой дороги, по которой движутся машины согласно указателю *Herd Immunity* (Коллективный иммунитет). Но поступательное движение к коллективному иммунитету приостановлено, об этом сигнализирует визуальная метафора: автомобиль с надписью *Antivax* (Антиваксер) блокирует дорогу. Движение противников вакцинации выступает в качестве ремы в целом ряде карикатур, посвященных коллективному иммунитету.

В британских карикатурах критике подвергаются действия правительства, в частности идея Бориса Джонсона о достижении коллективного иммунитета естественным путем, без вакцинации. Насколько опасен такой подход, свидетельствует карикатура Стива Белла с надписью:

- (1) *Herd Immunity – it will get us all in the end* (The Guardian 13.10.2020).
[Коллективный иммунитет – в конце концов он нас всех достанет].

Центральным элементом карикатуры является гротескное изображение животного, совмещающего черты Бориса Джонсона и Дональда Трампа, поскольку их взгляды на достижение коллективного иммунитета в какой-то момент совпадали. Опасность такого подхода выражена в надписи на боку животного: *Do not attempt resuscitation* (Не пытайтесь реанимировать).

Еще одной темой, общей для британских и американских карикатур, является жизнь в условиях локдауна. В апреле 2020 г. The Guardian опубликовала изображение пустынной улицы, освещаемой солнцем в форме коронавируса, по которой ветер гонит листы бумаги с надписями:

- (2) *Remote Sport, Remote Schooling, Remote recovery, Remote Prime Minister.*
[Удаленный спорт, Удаленная школа, Удаленный премьер-министр].

В вербальном компоненте содержится отсылка к болезни Бориса Джонсона, из-за которой он именуется *удаленным премьер-министром*.

Американские карикатуристы описывают ситуацию, основываясь на информации, являющейся частью социального контекста. Например, введение Трампом ограничения на путешествия обыгрывается в карикатуре Дрю Шенемана, на которой изображены белые граждане, обсуждающие новые правила:

- (3) *I never thought it would come to this. Trump just put a travel ban on white people.*
[Я никогда не думала, что дойдет до такого. Трамп ввел запрет на путешествия для белых].

В данном тексте содержится аллюзия на ранее изданный Трампом указ о запрете въезда в страну граждан из ряда мусульманских стран. Вербальный компонент карикатуры делает отсылку к ситуации, когда действия Трампа выглядели как проявление расизма.

Финансовая помощь населению является болезненной социальной проблемой, которая находит отражение в поликодовых текстах выборки. Сатира британских карикатуристов сфокусирована на том, что консерваторы, находящиеся у власти, отдают своим знакомым выгодные контракты на производство средств индивидуальной защиты и других товаров, спрос на которые вырос из-за пандемии. Это привело к обогащению компаний, связанных с партией власти. На этом фоне социальная сфера, особенно национальная система здравоохранения, остаются без достаточного финансирования. Для описания связи власти и бизнеса в контексте пандемии используется лексема *Chumocracy*, которая образована от разговорного существительного *chum* (приятель), соединительной гласной и суффикса *-cracy*, относящегося к формальному регистру (The Guardian 15.11.2020). Коррупционность чиновников описывается при помощи номинации *sleaze* (коррупция), а наживающиеся таким образом на пандемии лица предстают в карикатурах в свиноподобном виде, в густой зеленой массе, служащей визуальным воплощением *sleaze* (коррупция).

Американские карикатуры, освещающие тему государственной помощи населению, используют в качестве ремы рост числа граждан, потерявших работу и жилье. Визуализацией этого служат изображения людей, ночующих на тротуаре, а также семей с детьми, живущих в автомобилях. Вербальным маркером этого служит лексема *Eviction* (Выселение).

Поэтапное снятие ограничений по-разному представлено в карикатурах выборки. Британский сатирический посыл направлен против антиковидной

дорожной карты правительства, реализация которой находится под большим вопросом из-за возникновения новых вспышек, вызванных мутациями вируса. Американские карикатуристы в позитивном ключе отражают развертывание вакцинации и возвращение к нормальной жизни. Анализируя тексты выборки, можно составить представление о тех вещах, которые имеют ценность для социума, обретение которых после года ограничений доставляет особую радость. Например, текст под заголовком *Summer 2021* (Лето 2021) основан на изображении семьи, собравшейся у костра во время похода. Реплика одного из персонажей гласит:

- (4) *Get more marshmallows and throw another mask on the fire.*
[Угощайтесь зефиром и бросайте маски в огонь].

Карикатура Уолта Хандельсмана, ключевым элементом которой является джазовый духовой инструмент, сообщает о позитивном эффекте вакцинации, обращаясь к реме открытия клубов и других общественных мест. Заголовок заряжен радостью и оптимизмом: *Live Music Returns...* (Живая музыка возвращается...). Стаканы клапанов джазового инструмента – корнета – изображены в виде шприцев с вакциной. Надпись на корнете привязывает текст к конкретному географическому объекту – New Orleans (Новый Орлеан).

Суммируя наблюдения над тематическим и рематическим содержанием британских и американских текстов выборки, отметим, что при совпадении темы рематический элемент обнаруживает существенные различия. В американских карикатурах новое создается на основе известной информации, которая является национально специфической. Такими признаками обладают движение антимасочников, а также противников вакцинации (*anti-maskers and anti-vaxxers*), проявление расовой дискриминации, различия в отношении мер по сдерживанию пандемии в разных штатах, а также разногласия по этому вопросу между демократами и республиканцами. В британских карикатурах ремой выступают неэффективные действия правительства по противодействию пандемии, недостаточная социальная помощь.

Тексты, направленные на мобилизацию населения, на создание положительного образа вакцинации, являются характерными для американских карикатур выборки и не встречаются в британской выборке. В этом проявляется различие прагматических характеристик текстов, относящихся к различным культурам. Британские карикатуристы стремятся обозначить болевые точки и сформировать общественное мнение, что в итоге призвано помочь решить общественно значимые проблемы, то есть критика остается приоритетом. Американские тексты помимо критики демонстрируют применение стратегии глорификации, создания положительного образа как отдельных лиц (медицинский персонал, волонтеры), так и федеральных программ. В целом британские карикатуры рисуют достаточно пессимистичную картину, в то время как американские тексты создают более позитивный настрой.

Функция воздействия выступает как приоритетная во всех текстах выборки, однако в американских карикатурах воздействие в ряде случаев носит прямолинейный, агитационный характер. Так, например, в карикатуре Стива Бенсона, содержащем изображение Дядюшки Сэма с закатанным рукавом и пластырем на плече, вербальный компонент принимает форму призыва последовать примеру и сделать прививку: *DO IT* (СДЕЛАЙ ЭТО).

В данном случае стирается грань между политической карикатурой и плакатом. Другим примером является карикатура, основанная на сюжете плаката времен Второй мировой войны *We Can Do It* (Мы можем это сделать). Карикатура Даны Саммерса воспроизводит графическое изображение клепальщицы Роузи (*Rosie the Riveter*), мотивирующего образа с более чем семидесятилетней историей, помещая его в современный контекст. Отсылкой к сегодняшнему дню служит медицинская маска на лице Роузи, а также текст:

- (5) *Rosie the respirator maker. We Can Do It!*
[Роузи производит маски. Мы можем это сделать].

Тем самым автор подчеркивает важность производства индивидуальных средств защиты для борьбы с COVID-19, проводя параллель с производством вооружений в годы Второй мировой войны (рис. 3).

Рис. 3. Карикатура Даны Саммерса Роузи производит маски /
Fig. 3. Dana Summers on Rosie the respirator maker cartoon

4.2. Сопоставление лингвистического компонента британских и американских карикатур в стилистическом аспекте

На следующем этапе исследования рассмотрению подлежали стилистические характеристики лингвистического компонента карикатур. Вербальный код реализуется на основе естественного языка в виде надписей внутри карикатуры, которые имеют форму заголовка или реплики персонажа. Ключом к пониманию смысла поликодового текста служат два вида элементов, в

основе которых лежит естественный язык. Во-первых, это реплики и комментарии (*captions*), интегрированные в структуру карикатуры, имеющие тесные связи с изобразительным, графическим и цветовым кодами. Во-вторых, это заголовок, который более автономен. Он дополняет весь поликодовый текст, привязывая его к конкретной ситуации, получающей творческое воплощение в карикатуре (Чаплыгина 2006). Взаимосвязь вербального, иконического, графического и цветового кодов достаточно четко прослеживается в британской карикатуре Стива Белла, опубликованной 3 марта 2020.

Ключевым вербальным элементом карикатуры Стива Белла, посвященной плану Джонсона по борьбе с коронавирусом на самом начальном этапе его распространения в Великобритании, является призыв *Wash hands. Go home. Die* (Мой руки. Иди домой. Умри). Выбор в пользу синего – традиционного цвета Консервативной партии – при колористическом оформлении данного текста позволяет предположить, что автор пародирует предвыборные лозунги консерваторов.

Подтверждением тому служит и ироничная надпись внизу карикатуры *The COVID-19 Party Manifesto* (Партийная программа COVID-19). Партийная программа обычно публикуется накануне выборов и содержит пункты, в которых выделяются фразы, которые будут знаковыми во время предвыборной кампании, своего рода партийные лозунги. Иронично представленный план консерваторов состоит из трех пунктов и открывается призывом мыть руки. Автор показывает, что кроме этой рекомендации, правительство не предлагает никаких средств индивидуальной защиты врачам, медсестрам и другим работникам социальной сферы, которые находятся на переднем крае, контактируя с вирусом с риском для здоровья. Данная карикатура служит иллюстрацией к статье, содержащей информацию о том, что Борис Джонсон выступил с планом «боевых действий» (*battle plan*), призвав медработников-пенсионеров заменить врачей в больницах, если те заболеют и не смогут помогать пациентам. Премьер-министр предположил, что доля заболевших медиков может достичь 50 %. Данная инициатива получила комментарий в тексте карикатуры в виде надписи на униформе гротескной фигуры Джонсона:

(6) *Public health stripped to essentials England.*

[Общественное здравоохранение Англии обобрано до нитки]

(рис. 4).

В ряде карикатур вербальный компонент имеет форму текста газет или писем, вывесок, рекламных щитов и других объектов, составляющих изобразительный компонент, именно лингвистический код предлагает ключ к пониманию авторского замысла. Значительная часть карикатур содержит реплики персонажей, текст которых относится к разговорному стилю. Основываясь на положениях теории лингвистического описания разговорной речи, разработанной Ю.М. Скребневым, рассмотрим характеристики лингвистических элементов текста карикатур выборки.

Рис.4. Карикатура Стива Белла на тему плана Бориса Джонсона по борьбе с коронавирусом / Fig. 4. Steve Bell on Boris Johnson's coronavirus "battle plan" cartoon

Отличительной чертой карикатур выборки является то, что как в британских, так и в американских текстах обнаруживаются лексемы, образованные посредством ономотопеи: *Slap! Honk! Beep! Whack! Thump, Woof Woof*. Кроме того, в карикатурах выявлены окказиональные звукоподражательные лексемы. К примеру, карикатура Мартина Роусона содержит критику мер правительства по контролю над пересечением границы в условиях пандемии. В центре поликодового текста представлено гротескное изображение Бориса Джонсона, закрывающего границу на щеколду, что сопровождается щелчком, обозначенным в тексте как *Thdok!* (The Guardian 01.03.2021)

Просодические характеристики речи персонажей анализируемых текстов выражаются при помощи следующих графических средств:

- Использование полужирного шрифта. Это позволяет выделить компоненты лингвистической составляющей карикатуры, которые персонаж выделяет интонационно, придавая им эмфатическое звучание. Данный прием характерен главным образом для британских карикатур. Сатирическая интерпретация позиции британского премьер-министра по поводу распространения новой разновидности коронавируса содержит следующий текст:

(7) *Don't fret about "Alpha" and "Delta". Studied the Greek classics.*
[Не беспокойтесь об «Альфе» и «Дельте». Изучал древнегреческий].

- Удвоение или утроение гласных или согласных (умножение букв). Данный прием используется для передачи индивидуальных особенностей произношения, он также получает распространение главным образом в британских карикатурах. Пародия на рождественское поздравление Бориса Джонсона изображает премьер-министра сидящим в глубокой яме с ковидным деревом вместо рождественской ели. Послание со дна ямы отдается эхом: *G-G-G-GOD B-B-BLESS US E-E-E-E-E-EVERYONE!* (Благослави вас Бог)!

• Написание отдельных слов или их компонентов с прописной буквы. Подобным образом карикатуристам удастся передать громкость высказывания. То, что произносится едва слышно, оформляется графически с помощью строчных букв при выборе меньшего размера шрифта. И наоборот, произнесенные громко элементы представлены визуально более крупным шрифтом и/или прописными буквами. Британская карикатура, посвященная инициативе правительства по предоставлению помощи ресторанному бизнесу в августе 2020, получившей название *Eat Out to Help Out* (Ешьте на улице чтобы помочь ресторанному бизнесу), пародирует членов кабинета Джонсона. Один из них изображен в виде уверенного в себе шеф-повара, громко объявляющего;

(8) *DOG'S DINNER TABLE 13!*
[Собачья еда столик 13]!

Официант, принимающий тарелки с едой сомнительного качества из рук шеф-повара, выглядит смущенным и неловким, его робкий ответ оформлен графически в более мелком масштабе и без выделения полужирным шрифтом: *Yes chef!* (Да, шеф)! (The Guardian 3.08.2020).

• Применение графона. Данный знак является графической репрезентацией стяженных форм, характеризующих разговорную речь, либо указывает на отсутствие конечного звука. В карикатуре Мартина Роусона *Amateur Hour* автор изображает премьер-министра в роли певца-любителя, исполняющего песню с таким текстом:

(9) *Well, we're so useless, baby/So late'n'useless you could die*
(The Guardian 5.02.2021).
[Мы настолько бесполезны, детка, настолько опоздали и настолько бесполезны, что ты можешь умереть].

В данном случае графон сигнализирует о фонетически усеченном варианте союза *and*. Другим примером служит ободряющее высказывание разговорного регистра *That's m'girl* (Хорошая девочка).

Анализ лингвистического компонента карикатур на лексическом уровне выявило наличие в британских поликодовых текстах лексем, относящихся к формальному регистру. Связано это с тем, что карикатуристы пародируют речь Бориса Джонсона, представляя в комическом свете его склонность к использованию заимствований из латыни и греческого, которые относятся к книжной лексике. Ироничный посыл карикатуры, посвященной отсутствию активных действий со стороны премьер-министра в условиях пандемии, создается как обилием книжных лексических единиц, так и наличием синтаксических конструкций, свойственных формальному регистру:

(10) *Alas! After much consideration, it has fallen to me to announce, with a heavy heart that it is the time without hesitation... to act.* (The Guardian 15.03.2021).
[Увы! После длительного размышления я решил объявить, мне это нелегко далось, что пришло время без всякого промедления ... действовать].

Комический эффект достигается при объединении в одном тексте единиц разговорного и книжного регистров. Подобный прием использует Стив Бэлл в следующем тексте:

- (11) “...*at no time did I ever slope off to write a biography of Shakespeare. I was far too busy leading from the front, squashing the sombrero*”.
(*The Guardian* 25.05.2021).

[Тем временем мне представился случай улизнуть, чтобы заняться написанием биографии Шекспира. Я был слишком занят, осуществляя руководство на передовой, сминая сомбреро].

В данном случае грамматическая модель, свойственная формальному стилю общения, соединяется с разговорной лексикой. Англицизм *to slope off* (улизнуть) является коллоквиальной языковой единицей, имеющей значение *to go somewhere quietly, especially to avoid something/somebody* (незаметно уйти, особенно чтобы избежать встречи с кем-либо).

Лексика, используемая британскими карикатуристами, охватывает все стилистические регистры: от супернейтральных книжных лексических единиц до лексем, относящихся к вульгаризмам. Примером последних являются номинации *effocracy* (дерьмократия), *bumocracy* (задократия), *farting* (трындёж), выделенные в карикатурах Стива Белла.

В американских карикатурах выборки использование книжной лексики носит единичный характер. Главным образом, авторы оформляют реплики и комментарии при помощи нейтральных и разговорных лексем. Выбор в пользу разговорной лексики продиктован двумя причинами: стилистически сниженные лексеммы служат либо маркерами социального слоя, к которому принадлежит персонаж карикатуры, либо индикаторами неформальной ситуации общения, к примеру, разговора в домашнем кругу. Иллюстрацией выбора первого типа служит американская карикатура на тему коллективного иммунитета. Данный сюжет передается главным образом с помощью изобразительного компонента. В карикатуре Дэйвида Хорси под названием *The challenges of lassoing bullheaded vaccine resisters* (Как сложно обуздать упрямых противников вакцины) группа врачей прибывает на ранчо и предлагает ковбою пройти вакцинацию (рис. 5). Символом этого выступает шприц с вакциной, который протягивают врачи из окна своего автомобиля. Ковбой, изображенный на фоне своего стада, вежливо отказывается, предлагая следующую мотивировку:

- (12) *No thanks, Doc, I reckon I've got herd immunity.*

[Нет уж, спасибо, док. Думаю, у меня коллективный иммунитет].

Комментарий, включенный в текст данной карикатуры, выполнен в стиле телерепортажа:

- (13) *And now for the hard part of getting America vaccinated.*

[А сейчас о сложностях вакцинации в Америке].

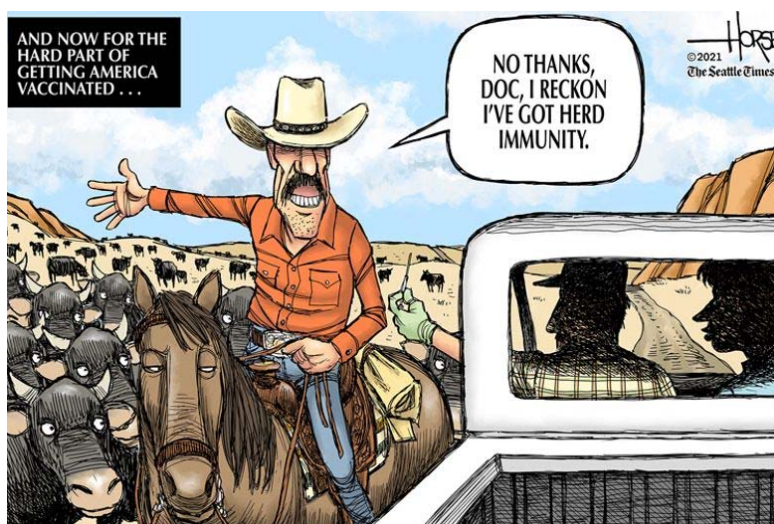

Рис.5. Карикатура Дэйвида Хорси *Как сложно обуздать тупоголовых противников вакцины* /
 Fig. 5. David Horsey on the challenges of lassoing bullheaded vaccine resisters cartoon

Примером использования стилистически сниженной лексики в неформальной ситуации может служить реплика персонажа карикатуры *The new Normal* (Новые нормы) Скотта Стантиса по поводу соблюдения социальной дистанции даже в семейном кругу. Карикатура содержит изображение супружеской пары, которая расположилась в гостиной на дистанции друг от друга, их разделяет гигантский шар, символизирующий коронавирус. Реплика мужа звучит следующим образом:

- (14) *Nope. Still not used to it.*
 [Нет. Так и не могу к этому привыкнуть].

Экспрессивность лингвистического компонента достигается также при помощи сленговых номинаций, таких, к примеру, как *snowflake* [слабак], *jerk* [придурок], *heck* [чёрт]:

- (15) *What the heck! You are a jerk! I am not wearing a mask because I am not a frightened snowflake.*
 [Что за чёрт! Ты придурок! Я маску не ношу, потому что я не какой-то там запуганный слабак].

Еще одним лексическим средством, направленным на придание выразительности текстам выборки, является создание телескопических слов. Неологизм *chumbo* образован по модели *chum* + *Jumbo*. Первый компонент является сленгизмом «приятель, дружок». *Jumbo* в данном случае относится к персонажу мультфильма про слоненка, который выступал в цирке, научившись летать и использовать уши вместо крыльев. Автор карикатуры выражает свое отношение к коррупции, когда партия власти заботится о том, чтобы выгодные государственные контракты попадали к сторонникам консерваторов. Смысл образа *Jumbo* становится понятен при декодировании значения

фразеологизма *the elephant in the room* (букв.: слон в комнате, то есть очевидный факт, который стараются не замечать), который включен в комментарий к карикатуре. Карикатурист Стив Бэлл использует неологизмы *chumbo* и *chumbocracy* (кумовство), которые позволяют ему выразить свое критическое отношение к работе Дианы Хардинг, давней знакомой Бориса Джонсона, которая, как предполагается, получила пост главы одного из ведомств системы здравоохранения не столько благодаря профессиональным качествам, сколько личным связям (The Guardian 19.08.2020). Рассматриваемые неологизмы содержат негативную оценочность, а благодаря необычной форме они обладают способностью привлекать внимание и воздействовать на коллективного адресата.

Любопытный пример обнаруживается и в другой карикатуре Стива Бэлла: *Vocialism in one country*. Сложносокращенное слово *Vocialism* получено за счет слияния *Bo(ris) + (so)cialism*. И вновь острие критики направлено на проводимую Борисом Джонсоном социальную политику. Поскольку идея построения социализма в отдельно взятой стране выглядит утопической, телескопическое слово *Vocialism* имеет определенную негативную коннотацию. Отсылка к плановой экономике СССР содержится в надписи на знамени, под которым изображен Борис Джонсон в фуражке с пятиконечной звездой: *Five Day Plan* (Пятидневный план) (рис. 6). Подобным образом карикатурист демонстрирует несостоятельность планов правительства быстро справиться с распространением вируса (The Guardian 17.03.2020).

Высоким воздействующим потенциалом обладают тропеические средства. В исследуемых текстах лингвистический компонент содержит метафорические номинации, аллюзию, игру слов (пан). Поскольку изобразительный компонент занимает доминирующее положение в номенклатуре семиотических кодов карикатуры, визуальная метафора служит основой построения смысла, в то время как лингвистическая метафора не получает широкого распространения. Однако в карикатурах, содержащих метафорические языковые номинации, именно они становятся смысловым центром. В американской карикатуре под названием *Covid Roller Coaster* (Ковидные горки) нестабильная ситуация, когда уровень заболеваемости то стремительно растет, то идет на спад, сравнивается с аттракционом *американские горки*, о чем свидетельствует комментарий к изобразительному элементу: *Endless Covid coaster* (Бесконечные ковидные горки). В основе метафорического переноса лежит признак *резкий перепад, нестабильность*, объединяющий сферу-источник *артефакты* со сферой-мишенью *болезнь*. В британской карикатуре на тему того, как менялось отношение премьер-министра к проблеме пандемии, метафорически описывается план быстрой победы над вирусом:

(16) *We'll turn the tide in 12 weeks.*

[Мы изменим положение за 12 недель].

Выражение *to turn the tide* означает *поменять что-либо коренным образом*. Оно включено в метафорическую модель со сферой-источником

ПРИРОДА. Комментарием к этому служит другой элемент вербального кода #*Blitzspirit* (Блицнастрой), который подчеркивает ироничность, заключенную в метафорически оформленном лозунге правительства (The Guardian 22.03.2020).

Рис. 6. Карикатура Стива Белла Борис Джонсон и коронавирусный кризис /
Fig. 6. Steve Bell on Boris Johnson and the coronavirus crisis cartoon

Языковая игра в большей степени применяется в американских карикатурах выборки, чем в британских графических текстах. Примерами тому могут служить карикатуры, в которых обыгрываются значения лексемы *shot*. В контексте борьбы с пандемией актуализируется значение *a medical injection* (прививка), которое используется в одном контексте с другим значением полисемантической лексемы: *a small measure or serving (such as one ounce) of undiluted liquor or other beverage* (доза спиртного). Примером совмещения двух значений в рамках одного поликодового текста служит карикатура, персонажи которой находятся в баре, соблюдая социальную дистанцию и используя маски. Реплика одного из посетителей звучит следующим образом:

- (17) *It's a pandemic and this is the only place that hasn't run out of shots.*
[Во время пандемии это единственное место, где можно принять дозу].

В данной фразе совмещаются два плана: доза спиртного и доза вакцины. Используя языковую игру, автор текста привлекает внимание к нехватке доз для массовой вакцинации населения. Примером использования языковой игры в британских текстах выборки служит карикатура Стива Белла, критикующая решение президента Трампа прекратить финансирование Всемирной Организации Здравоохранения (*W.H.O.*). Реплика Трампа строится на графическом сходстве местоимения *WHO* (кто) и аббревиатуры *W.H.O.* (ВОЗ):

- (18) *WHO NEEDS W.H.O.*
when you've got me? (The Guardian 8.04.2020)
[Зачем вам ВОЗ, если есть я?]

Аллюзивные языковые элементы отличаются разнообразием и могут быть сгруппированы, исходя из источника, который включен в социальный, политический или культурный контекст. Как британские, так и американские карикатуры содержат аллюзии, соотносимые с компонентами поп-культуры, а именно песнями, телевизионными шоу, художественными и мультипликационными фильмами. Так, например, иронично обыгрывается песня Фрэнк Синатры в британской карикатуре на тему Рождества. Центром ее является гротескное изображение Бориса Джонсона с веточкой омелы, белые плоды которой имеют форму коронавируса. Отсылка к популярной рождественской песне вызывает целый ряд ассоциаций, в том числе и музыкальных:

- (19) *Have yourself a Merry Little Christmas* (The Guardian 15.12.2020).
[Устрой себе маленькое веселое Рождество].

Американская карикатура, сатирически изображающая недостаточную социальную помощь населению в разгар пандемии, включает в себя текст песни: *Too late. Too little* (Слишком поздно. Слишком мало). Другой вербальный компонент *Covid relief deal* (Меры помощи пострадавшим от пандемии) дает пояснение относительно объекта критики.

Фильм *Маска* служит источником пародии в британской карикатуре, изображающей президента Трампа в качестве центральной фигуры в стилизованной афише, содержащей следующий текст:

- (20) *Somebody stop me. Trump The Mask.* (The Guardian 27.07.2020).
[Остановите меня. Трамп Маска].

В американской карикатуре на тему ограничений во время Рождества делается отсылка к фильму о Гринче: *The Grinch who stole Christmas* (Гринч, укравший Рождество). Гринч в карикатуре выглядит безобидным неудачником, над которым подтрунивает вирус, называя его *Amateur* (Дилетант). Вирус уносит с собой подарочные коробки с надписями: *Eateries* (Закусочные), *Sports* (Спорт), *Family gatherings* (Семейные торжества), *Travel* (Путешествия).

Наибольшую группу источников аллюзии, как в британских, так и в американских текстах выборки составляют компоненты политической и коммерческой рекламы, в том числе лозунги, используемые в рамках кампании по борьбе с коронавирусом. Предвыборный лозунг Трампа *Make America Great Again* (Вернем Америке былое величие) применяется в карикатуре, критикующей тех, кто не носит маски: *Make America 1918 Again* (Вернем Америке 1918). Год, включенный в канву поликодового текста, символизирует пандемию испанского гриппа.

Британский лозунг *Keep calm and carry on* (Сохраняйте спокойствие и продолжайте действовать), впервые использованный в агитационном плакате 1939 г. в связи с началом Второй мировой войны, приобретает новое звучание в контексте панических настроений, приведших к дефициту предметов первой необходимости в начале пандемии (рис. 7). Изображение людей, стремительно покидающих магазин с рулонами туалетной бумаги, делает карикатуру ироничной (The Guardian 5.03.2020).

Рис. 7. Карикатура Бена Дженнигса на тему британской сдержанности в эпоху коронавируса / Fig. 7. Benn Jennings on Britain's coronavirus composure cartoon

Аллюзии к литературным произведениям значительно чаще встречаются в британских карикатурах, чем в американских. Источниками служат классические произведения – *Oliver Twist* (Оливер Твист), детские стихи – *Nursery Rhymes* (Детские песенки), сказки – *The Pied Piper of Hamelin* (Волшебная дудочка), *The Emperor's New Clothes* (Новое платье короля). Среди американских карикатур выявлена одна аллюзия на литературное произведение – книгу Дэвида Брока *Blinded by the Right* (Слепо следующий за правыми).

Британские карикатуристы выбирают в качестве аллюзивных вербальных компонентов текста высказывания политиков, как современных, так и популярных в прошлом. Высказывание Трампа в отношении коллективного иммунитета, в котором слово *immunity* в результате оговорки было заменено на *mentality*, легло в основу ироничной британской карикатуры с новым лозунгом: *Herd Mentality Will Defeat Covid!* (Коллективная ментальность победит ковид)! (The Guardian 16.09.2020). Лозунг Бориса Джонсона *Pro-vax, low tax, we've got your backs* (За вакцину, против повышения налогов, мы за вас) использовался в марте 2021 г. в отношении расходов на оборону. В карикатуре Стива Белла он был применен в контексте использования бюджетных средств в интересах частного бизнеса, имеющего связи с партией консерваторов (The Guardian 29.03.2021).

Американская карикатура Дейва Роуи, изображающая президента Байдена в роли спасителя нации, вооруженного вакциной, содержит следующий текст:

(21) *SPEAK SOFTLY AND CARRY A BIG SYRINGE.*

(Financial Review 12.03.21)

[Говори тихо и носи большой шприц].

Данная фраза содержит аллюзию к известному высказыванию президента Теодора Рузвельта *Speak softly and carry a big stick* (Говори тихо и носи большую дубинку), с которым связана так называемая политика большой дубинки. Шприц с вакциной, изображенный карикатуристом в виде меча, выступает как визуальная метафора мощного оружия, с помощью которого может быть побеждена пандемия (рис. 8).

Рис. 8. Карикатура Дэйва Роуи *Говори тихо и носи большой шприц* /
Fig. 8. David Rowe on speak softly and carry a big syringe cartoon

Как британские, так и американские карикатуристы в канун Рождества обращались к библейским сюжетам, в частности к приношению даров младенцу Иисусу. Американская рождественская карикатура наполнена оптимизмом, ее центром является изображение ампулы с вакциной против COVID-19. Визуализацией Рождества выступает веточка падуба остролистного – растения с красными ягодами. Поскольку в это время в США появилась уже вторая по счету вакцина, комментарий к рисунку делает на этом акцент, используя аллюзию к дарам волхвов: *The Second Greatest Gift of All this Holiday Season* (Второй долгожданный дар в канун Рождества).

Дары волхвов обыгрываются и в британской рождественской карикатуре. Премьер-министр изображен в виде младенца, яслями выступает коробка, наполненная соломой, содержащая надпись *UNFIT FOR USE. PPE* (Не пригодны к использованию. Персональные средства защиты). В дверях стоят волхвы с дарами, однако не все дары будут приняты. Реплика Майкла

Гоува, одного из членов кабинета министров, изображенного в виде ангела, гласит:

(22) *According to the new regulations only the one offering the gold can come in* (The Guardian 23.11.2020).

[Согласно новым правилам, впускаем только того, кто принес золото].

Согласно библейскому сюжету младенцу Иисусу принесли три дара: золото, ладан и смирну, каждый из которых имел определенный духовный смысл. Он утрачивается в британской карикатуре, обличающей цинизм британского правительства. Сопоставление двух рождественских карикатур, в основу которых положен один и тот же сюжет, демонстрирует жесткий, сатирический ракурс британских текстов выборки и стремление к созданию позитивного настроения, характеризующее американские карикатуры.

Суммируя наблюдения над использованием тропов в текстах выборки, приведем результаты их количественного сопоставления в отношении британских и американских карикатур.

Таблица 1. Использование тропов в вербальном компоненте британских и американских карикатур /

Table 1. The tropes employment in British and American cartoons verbal component

Тропы	Британские карикатуры	Американские карикатуры
Метафора	6	7
Игра слов	3	7
Аллюзия:	30	18
Источники		
• Песни	4	3
• Кино и телевидение	3	3
• Лозунги	7	4
• Литература	5	1
• Высказывания политиков	6	3
• Прочие	5	4

Табл. 1 показывает, что аллюзия является наиболее распространенным тропом как в британских, так и в американских карикатурах. Британские карикатуристы чаще всего делают отсылки к лозунгам, высказываниям политиков, а также к литературным произведениям разных жанров, в то время как в американских карикатурах помимо лозунгов приоритетными источниками являются элементы поп-культуры: песни, фильмы, мультфильмы.

В отношении игры слов в вербальном компоненте карикатур было выявлено более активное применение данного тропа американскими карикатуристами, в то время как метафора почти с одинаковой частотностью используется в британских и американских текстах выборки.

Следует отметить, что сравнительно небольшое количество случаев включения метафор и игры слов в вербальный компонент текстов выборки объясняется тем, что исследование было сфокусировано на лингвистическом

аспекте и не принимало во внимание те моменты, когда метафора была заключена в иконическом коде или игра слов основывалась как на вербальном, так и на визуальном компонентах. Подобные случаи являются весьма многочисленными и, несомненно, заслуживают отдельного изучения.

5. Обсуждение

Политические карикатуры, регулярно публикуемые в печатных СМИ в качестве иллюстраций к редакционным статьям, служат своего рода визуальной хроникой того, как социальные и политические институты пытаются противостоять негативным явлениям, вызванным пандемией. Проведенный в рамках настоящего исследования сопоставительный анализ прагматических характеристик британских и американских карикатур, освещающих борьбу с вирусом COVID-19, позволил выявить сходство тематического содержания карикатур выборки, которое заключается в отражении таких аспектов, как использование индивидуальных средств защиты (*PPE*), создание коллективного иммунитета (*herd immunity*), жизнь в условиях локдауна, снятие ограничений, финансовая помощь населению. Рассмотрение рематической составляющей пресуппозиции обнаруживает существенное расхождение британских и американских текстов выборки. Известным знанием, разделяемым представителями британского лингвокультурного сообщества, выступают главным образом действия правительства Бориса Джонсона в области финансирования национальной системы здравоохранения (NHS), меры по достижению коллективного иммунитета, выделение бюджетных средств компаниям, имеющим связи с партией власти (См. например, рис. 1, 4, 5). В американских карикатурах ремой является движение антимаасочников и противников вакцинации, расхождения в позиции демократов и республиканцев в отношении мер по борьбе с пандемией, различия в законодательствах различных штатов, обострение расовых вопросов в связи с пандемией (см. например, рис. 2). Таким образом, находит свое подтверждение тезис о том, что при внешнем сходстве проблем, с которыми сталкиваются страны в эпоху пандемии, и которые получают отражение в британских и американских карикатурах, их преодоление носит ярко выраженный национально-специфический характер в силу социальных и культурных различий двух стран.

Исследование прагматического аспекта поликодовых текстов выборки позволило также выявить то, что британские карикатуры носят сатирический характер и направлены на информирование общества о существующих проблемах в области борьбы с пандемией. Данная критика в итоге направлена на то, чтобы призвать к ответственности неэффективных политиков.

Американские карикатуры также выполняют функцию критики, однако ее объектами являются не только политики, но и отдельные группы граждан. Кроме того, часть американских карикатур выборки создает положительный образ врачей, волонтеров, а также лиц, ответственных за создание вакцин и развертывание вакцинации. Таким образом, можно заключить, что в текстах

американских карикатур реализуется функция глорификации. Воздействие в текстах подобного рода носит прямой, агитационный характер, что сближает американские политические карикатуры с политическими плакатами. Данное сходство обнаруживается как в оформлении визуальной части карикатуры, так и в вербальном компоненте, выполненном в форме призыва.

Реализация выявленных функций основывается на использовании средств выразительности, относящихся как к изобразительному, так и к языковому плану карикатуры. В фокусе настоящего исследования находятся экспрессивные языковые средства, содержащиеся в вербальном компоненте карикатур. Просодические характеристики речи персонажей выражаются графически с помощью варьирования величины шрифта, выделения полужирным шрифтом интонационно маркированных элементов, удвоения или утроения букв, а также использования графона. На лексическом уровне отмечено активное использование звукоподражательных и сложносокращенных слов. Британские карикатуристы применяют лексику, относящуюся как к книжному стилю, так и к стилистически сниженным регистрам, включая сленговые номинации и слова-вульгаризмы. В американских карикатурах употребляются преимущественно нейтральные и коллоквиальные номинации. Объяснением этому может служить то, что американские карикатуристы в значительной степени зависимы от редакционной политики изданий в области политкорректности. В современной американской журналистике обнаруживается устойчивая тенденция к сокращению количества карикатуристов. В настоящее время в 1300 периодических изданиях работает 30 штатных графических художников (Leon 2017, Shafer 2019). Большинство карикатуристов входят в синдикат и выполняют работы для широкого круга изданий, что предполагает использование достаточно усредненного стиля (Leon 2017:165). Таким образом, социальные факторы определяют степень свободы художественного творчества, а значит, и уровень экспрессивности карикатур.

Наряду с такими тропеическими средствами, как метафора и игра слов, особое место в выборке занимает аллюзия, которая значительно чаще применяется в британских поликодовых текстах, чем в американских карикатурах. Различия обнаруживаются и в частотности обращения к определенным источникам аллюзивных номинаций. Британские карикатуристы главным образом используют вербально выраженную аллюзию к высказываниям политиков, литературным источникам и лозунгам, в то время как в лингвистических компонентах американских карикатур большее распространение получает аллюзия к лозунгам и элементам поп-культуры.

6. Выводы

Цель исследования заключалась в сопоставлении того, как в британских и американских карикатурах отражаются острые социальные проблемы, вызванные распространением вируса COVID-19. Вначале был проведен анализ прагматических свойств двух групп графических текстов. Сравнение тема-

рематических характеристик карикатур позволяет утверждать, что тематическое содержание как британских, так и американских текстов выборки обнаруживает несомненное сходство. Однако их рематические составляющие существенно отличаются, в чем находит свое проявление несоответствие социального и политического ландшафтов. Другое различие связано с функциями карикатур. Основное предназначение редакционных карикатур заключается в сатирической репрезентации актуальных общественно значимых проблемы. Британские карикатуры выполняют данную функцию, критикуя действия властей и привлекая внимание к жизненно важным аспектам борьбы с пандемией. Американские редакционные карикатуры также имеют сатирическую направленность, однако наряду с текстами критического характера выявлены карикатуры, создающие положительный образ тех, кто отвечает за вакцинацию населения. Таким образом американским графическим текстам выборки также свойственна функция глорификации. Кроме того, некоторые американские редакционные карикатуры демонстрируют явное сходство с политическими плакатами, поскольку в них содержатся агитационные элементы, направленные на мобилизацию общественного мнения.

Анализ стилистических параметров вербального компонента исследуемых карикатур позволил определить стилистические маркированные элементы, характерные для данного вида текстов визуальной политической коммуникации. Различия между стилистическими средствами, к которым обращаются британские и американские карикатуристы, обнаруживаются на графическом и лексическом уровне. Несовпадения выявлены и в плане использования тропов: игра слов чаще применяется в американских карикатурах, аллюзия в большей степени свойственна британским графическим текстам.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что британские и американские политические карикатуры освещают схожие темы, но имеют явные отличия как в плане функциональных характеристик, так и в выборе стилистических средств, применяемых в лингвистическом компоненте, что объясняется несопадением социального и культурного контекстов. Дальнейшим направлением исследования национально-специфических особенностей текстов визуальной политической коммуникации может служить изучение тропических средств – метафоры, пана и аллюзии – выраженных в изобразительном компоненте или же в комбинации вербального и визуального. Кроме того, сопоставительный анализ может быть расширен за счет включения текстов, выполненных с использованием других вариантов английского языка, имеющих разное социально-культурное основание.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Denisova, Galina L. 2018. The category of time in political cartoons. *Mir Lingvistiki i Kommunikatsii: Electronniy Zhurnal* 3. 51–69. (In Russ.)
- Chapligina Yuliya S. 2006. *Comic Creolized Texts: Semiotic Systems Interaction*. Samara: Samarkiy gosudarstvenniy ekonomicheskiy universitet. (In Russ.)

- Bakhtin, Mikhail. 1984. *Problems of Dostoevsky's Poetics*. University of Minnesota Press.
- Barthes, Roland. 1977. Rhetoric of the image. In Roland Barthes (ed.), *Image, Music, Text*, 32–51. New York: Hill and Wang.
- Benoit, William. 2019. A functional analysis of visual and verbal symbols in presidential campaign posters, 1828–2012. *Presidential Studies Quarterly* 49 (1). 4–22.
- Beronä, David A. 2001. Pictures speak in comics without words: Pictorial principles in the work of Milt Gross, Hendrik Dorgathen, Eric Drooker, and Peter Kuper. In R. Varnum & C. T. Gibbons (eds.), *The language of comics: Word and image*, 19–39. Jackson MS: University Press of Mississippi.
- Calogero, Rachel M. & Brian Mullen. 2008. About face: Facial prominence of George W. Bush in political cartoons as a function of war. *The Leadership Quarterly* 19. 107–116.
- Chen, Khim Wee, Robert Phiddian & Roland Stewart. 2017. Towards a discipline of political cartoon studies: Mapping the field. *Satire and Politics: The Interplay of Heritage and Practice. Palgrave Studies in Comedy*. London: Palgrave Macmillan. 125–162.
- Connors, Joan L. 2005. Visual representations of the 2004 presidential campaign: Political cartoons and popular culture references. *American Behavioral Scientist* 49 (3). 479–487.
- DeSousa, Michael A. & Martin J. Medhurst. 1982. The editorial cartoon as visual rhetoric: Rethinking boss tweed. *Journal of Visual/Verbal Language* 2 (2). 43–52.
- Duus, Peter. 2001. Presidential address: Weapons of the weak, weapons of the strong—The development of the Japanese political cartoon. *The Journal of Asian Studies* 60 (4). 965–997. <https://doi.org/10.2307/2700017>
- El Refaie, Elisabeth. 2003. Understanding visual metaphor: The example of newspaper cartoons. *Visual Communication* 2 (1). 75–95.
- El Refaie, Elisabeth. 2009a. Metaphor in political cartoons: Exploring audience responses. In C. Forceville & E. Urios-Aparisi (eds.), *Multimodal metaphor*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- El Refaie, Elisabeth. 2009b. Multiliteracies: How readers interpret political cartoons. *Visual Communication* 8 (2). 181–205.
- El Refaie, Elisabeth. 2011. The Pragmatics of humor reception: Young people's responses to a newspaper cartoon. *HUMOR: International Journal of Humor Research* 24 (1). 87–108.
- Ety, John. 2019. *Graphic Satire in the Soviet Union: Krokodil's Political Cartoons*. Jackson: University Press of Mississippi.
- Forceville, Charles. 2005. Addressing an audience: Time, place, and genre in Peter van Straaten's calendar cartoons. *HUMOR: International Journal of Humor Research* 18 (3). 247–278.
- Gelfert, Dieter. 1998. *Max und Monty: Kleine Geschichte des Deutschen und Englischen Humors*. Munich: Beck. 68–71.
- Genova, Dafina. 2018. Grasping political cartoons? Not an easy matter. *European Journal of Humour Research* 6 (1). 85–99. <https://doi.org/10.7592/EJHR2018.6.1>
- Greenberg, Josh. 2002. Framing and temporality in political cartoons: A critical analysis of visual news discourse. *Canadian Review of Sociology/Revue canadienne de sociologie* 39 (2). 181–198. <https://doi.org/10.1111/j.1755-618x.2002.tb00616.x>
- Hitchon, Jacqueline C. & Jura Jerzy O. 1997. Allegorically speaking: Intertextuality of the postmodern culture and its impact on print and television advertising. *Communication Studies* 48 (2). 142–158.
- Kelley-Romano, Stephanie & Victoria Westgate. 2007. Blaming Bush: An analysis of political cartoons following Hurricane Katrina. *Journalism Studies* 8(5). 755–773.
- Kress, Gunther & Theo van Leeuwen. 2001. *Multimodal Discourse. The Modes and Media of Contemporary Communication*. London: Arnold.

- Kress, Gunther & Theo van Leeuwen. 2006. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London: Routledge.
- Lamb, Christopher. 2004. *Drawn to Extremes: The Use and Abuse of Editorial Cartoons*. New York: Columbia University Press.
- Leon, Lucien. 2017. The evolution of political cartooning in the New Media Age: Cases from Australia, the USA and the UK. In J. Milner Davis (ed.), *Satire and politics: The interplay of heritage and practice*. *Palgrave studies in comedy*, 163–191. London: Palgrave Macmillan.
- Mateus, Samuel. 2016. Political Cartoons as communicative weapons – the hypothesis of the “Double Standard Thesis” in three Portuguese cartoons. *Estudos em Comunicação* 23. 195–221.
- Mazid, Bahaa-Eddin M. 2008. Cowboy and misanthrope: A critical (Discourse) analysis of Bush and Bin Laden Cartoons. *Discourse & Communication* 2 (4). 433–457.
- Milner Davis, Jessica & Lindsay Foyle. 2017. The satirist, the larrikin and the politician: An Australian perspective on satire and politics. In Jessica Milner Davis (ed.), *Satire and politics: The interplay of heritage and practice*. *Palgrave studies in comedy*, 1–35. London: Palgrave Macmillan.
- Morris, Raymond N. 1993. Visual rhetoric in political cartoons: A structuralist approach. *Metaphor and Symbol* 8 (3). 195–210.
- Padilla, Xose. 2019. Political cartoons on Greek debt crisis: A cognitive and pragmatic approach. *Revista Lingüística en la red* 16. 1–19.
- Ponton, Douglas M. 2021. “Never in my life have I heard such a load of absolute nonsense. Wtf.” Political satire on the handling of the COVID-19 crisis. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 767–788. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-767-788>
- Raskin, Viktor. 2008. *The Primer of Humor Research*. De Gruyter Mouton.
- Sani, Iro et. al. 2012. Political cartoons as a vehicle of setting social agenda: The newspaper example. *Asian Social Science* 8 (6). 156–64.
- Seymour-Ure, Colin. 2001. What future for the British political cartoon? *Journalism Studies* 2 (3). 333–355.
- Shafer, Jack. 2019. The end time of political cartoon. *Politico* July 01, 2019. <https://www.politico.com/magazine/story/2019/07/01/the-end-times-of-the-political-cartoon-227259/> (accessed 15 July 2021).
- Skrebnev, Yury M. 2000. *Fundamentals of English Stylistics*. Moscow: Act.
- Steuter, Erin & Deborah Wills. 2008. Infestation and eradication: Political cartoons and exterminationist rhetoric in the War on Terror. *Global Media Journal: Mediterranean Edition* 3 (1). 11–23.
- Tsakona, Villi & Diana Popa. 2013. *Editorial: Confronting Power with Laughter*, *European Journal of Humor Research* 1 (2). 1–9.
- Tsakona, Villi. 2020. *Recontextualizing Humor*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2020. <https://doi.org/10.1515/9781501511929>
- Walker, Rhonda. 2003. Political Cartoons: Now You See Them! *Canadian Parliamentary Review* 26 (1). 16–20.
- Way, Lyndon C. S. 2021. Trump, memes and the Alt-right: Emotive and affective criticism and praise. *Russian Journal of Linguistics* 25 (3). 789–809. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-789-809>
- Werner, Walter. 2004. On political cartoons and social studies textbook: Visual analogies, intertextuality, and cultural memory. *Canadian Social Studies* 38(2). 1–10.
- Zappettini, Franco, Douglas Mark Ponton & Tatiana Larina. 2021. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*. 25 (3). 586–610. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>

Источники практического материала/Sources of Practical Material

US News & World Report. Political Cartoons on the Coronavirus. <https://www.usnews.com/news/cartoons/2020/02/28/political-cartoons-on-the-coronavirus> (accessed: 12.07.2021).

The Guardian. Opinion Cartoon <https://www.theguardian.com/commentisfree/series/guardian-comment-cartoon> (accessed 18.07.2021).

Article history:

Received: 26 July 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionote:

Svetlana Y. PAVLINA, PhD, is Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod. Her research interests encompass sociolinguistics, discourse analysis, cross-cultural communication, political linguistics, language, culture, and communication studies.

Contact information:

Linguistics university of Nizhny Novgorod

31a Minin str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

e-mail: pavlina.svetlana@mail.ru

Сведения об авторе:

Светлана Юрьевна ПАВЛИНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Ее научные интересы включают социолингвистику, дискурсивный анализ, межкультурную коммуникацию, политическую лингвистику, взаимодействие языка, культуры и коммуникации.

Контактная информация:

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина 31а

e-mail: pavlina.svetlana@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-25686>

Research article

***Prices are rising, wages are falling:* Argument structure of verbs denoting ‘increase’ and ‘decrease’ in the Russian language**

Valentina APRESJAN

*Higher School of Economics (HSE University),
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*
 vapresyan@hse.ru

Abstract

Syntactic properties of verbs in their metaphorical meanings are often explained as inherited from direct meanings. Using Russian verbs denoting ‘increase’ and ‘decrease’ (‘grow’, ‘fall’, ‘lower’, etc.) as an example, we demonstrate that cognitive factors also influence syntactic properties of metaphorical meanings. The study is based on the data from the Russian National Corpus and RuSkell. We use collocation analysis to compare the semantic and syntactic properties of these verbs in their direct and figurative meanings. We show that in direct meanings their syntactic properties differ, while in figurative meanings they are considerably closer, which excludes inheritance as the primary defining factor. All the verbs have four semantic arguments with the same morphosyntactic realization: parameter (A1), initial value of parameter (A2), final value of parameter (A3) and difference (A4): *Oil prices (A1) fell by fifty percent (A4), from one hundred dollars a barrel (A2) to fifty (A3)*. Frequency analysis reveals a disproportion in the implementation of syntactic arguments, namely, the expression of difference (*increase by fifty percent, decrease by ten times*) prevails over the expression of the initial and final values of the parameter (*increase from forty to one hundred points*). This predominance of the ‘difference’ argument is due to its cognitive advantages. Expressing difference is lexically more economical, while also more illustrative of the scale of the change: *The Federal Tax Service has reported that tax collections have doubled*. Theoretically, our research shows that semantic proximity alone does not guarantee syntactic homogeneity (for example, Russian synonyms *slozhit’* and *pribavit’* ‘to add’ inherit different syntactic properties from their respective direct meanings): similarity of syntactic properties may have a cognitive foundation. Our practical outcome is a lexicographic template for ‘increase’ and ‘decrease’ verbs.

Key words: *syntactic argument, semantic argument, frequency, corpus, goal bias*

For citation:

Apresjan, Valentina. 2022. *Prices are rising, wages are falling: Argument structure of verbs denoting ‘increase’ and ‘decrease’ in the Russian language*. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 194–223. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-25686>

© Valentina Apresjan, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Цены растут, зарплата падает: актантная структура глаголов увеличения и уменьшения в русском языке

В.Ю. АПРЕСЯН

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия*
 vapresyan@hse.ru

Аннотация

Синтаксические свойства глаголов в метафорических значениях часто объясняются наследованием от прямого значения. В работе на примере русских глаголов увеличения и уменьшения (*вырасти, упасть, опуститься* и др.) показывается, что в формировании синтаксических свойств метафорических значений важную роль играют когнитивные факторы. Исследование опирается на данные корпусов НКРЯ и RuSkell. Путем анализа коллокаций сравниваются семантические и синтаксические свойства рассматриваемых глаголов в прямом и переносном значениях. Показывается, что в прямых значениях их синтаксические свойства различаются, однако в переносном совпадают, что исключает наследование в качестве единственного определяющего фактора. Все глаголы имеют четыре семантических актанта с одинаковой морфосинтаксической реализацией: параметр (A1), исходное значение параметра (A2), конечное значение параметра (A3) и разница (A4): *Цены на нефть (A1) упали <опустились> на пятьдесят процентов (A4), со ста долларов за баррель (A2) до пятидесяти (A3)*. Частотный анализ демонстрирует, что в реализации актанта разницы преобладает над выражением начального и конечного значений параметра (*увеличиться с сорока до ста единиц*). Частотное доминирование актанта разницы обусловлено когнитивными преимуществами его выражения. Сообщение о разнице лексически более экономно, но при этом наглядно демонстрирует масштаб изменения: *ФНС сообщила, что налоговые сборы выросли в два раза*. Теоретическим результатом работы является демонстрация того, что семантическая близость слов в переносных значениях не гарантирует однородности их синтаксических свойств (например, синонимы *сложить два числа* и *прибавить одно число к другому* наследуют разные модели управления от прямых значений). Сходство синтаксических свойств может быть результатом воздействия когнитивных факторов. Практическим результатом исследования является основа для составления шаблона лексикографического описания глаголов двух рассмотренных классов.

Ключевые слова: *семантический актант, синтаксический актант, частотность, корпус, принцип преобладания конечной точки над начальной*

Для цитирования:

Апресян В.Ю. *Цены растут, зарплата падает: актантная структура глаголов увеличения и уменьшения в русском языке*. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 194–223. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-25686>

1. Введение

Статья посвящена глаголам ‘увеличения’ и ‘уменьшения’ (*увеличиться, уменьшиться, упасть, опуститься, подняться, рухнуть, обвалиться, вырасти* и др.), на материале которых исследуется вопрос мотивации

синтаксических свойств предикатов при переходе от прямого значения к переносному.

Синтаксические свойства переносных значений во многом определяются характером переноса. Например, при актантной метонимии отглагольных существительных актанты утрачиваются (Апресян 1974, 1995: 193—199). Так, существительное *защита* в значении юридического действия обладает наиболее полным набором актантов: *защита подсудимого* (кого?) *в суде первой инстанции*; *Гарантируется защита подсудимого лучшими судебными юристами* (кем?) *нашей фирмы*. Однако в значении стороны юридического процесса *защита* теряет семантические актанты и, соответственно, способность управлять предложно-именными группами: ср. *свидетели защиты*, при невозможности **свидетели защиты подсудимого*, **Слово предоставляется защите лучшими судебными юристами*.

Напротив, при метафорических переходах синтаксические свойства сохраняются в силу параллелизма между доменами. Например, у глагола *бить* при переходе от одного метафорического значения к другому полностью наследуется набор актантов и их морфосинтаксическое выражение, хотя меняется позиция глагола в предложении в силу утраты экзистенциального компонента в его значении: *Из земли ключом бил родник* vs. *Энергия била из него ключом*. Однако полное сохранение синтаксических свойств у метафор — достаточно редкое явление: при переходе от конкретных значений к абстрактным количество актантов у предикатов, как правило, редуцируется, хотя синтаксические свойства оставшихся актантов часто сохраняются; ср. *Он идет по проселочной дороге из дома в школу* vs. *Дело идет к катастрофе*, где в переносном значении исчезают актанты исходной точки (*из дома*) и поверхности перемещения (*по проселочной дороге*), однако сохраняется актант конечной точки с характерным морфосинтаксическим выражением. Похожее явление наблюдается у глагола *бить*: *Вася бил Петю кулаком по спине* vs. *Яркий свет бил по глазам*, где в метафорическом значении исчезают актанты инструмента (*кулаком*) и пациенса (*Петю*), однако сохраняется актант части пациенса и его морфосинтаксическое выражение (*по глазам*). Такого рода изменения мотивированы семантически: действия (*идти в школу*, *бить кулаком по спине*) имеют большее количество участников ситуации, чем процессы (*идти к катастрофе*) или состояния (*бить по глазам*) (Апресян 2010).

При некоторых переходах синтаксические свойства предикатов полностью меняются. Например, глагол *заточить* в значении, представленном во фразах типа *Эта фирма заточена на работу с юридическими лицами* имеет модель управления, характерную для глаголов со значением цели (*быть ориентированным на что-л.*, *быть нацеленным на что-л.*, *быть направленным на что-л.*), а не для глаголов со значением физического действия, каким он является в первом значении (*заточить карандаш острым ножом*). При подобном переходе синтаксические свойства предиката не наследуются от прямого значения, а определяются семантическим классом результирующего значения.

Рассматриваемые в работе глаголы увеличения и уменьшения демонстрируют синтаксические свойства, которые трудно мотивировать в рамках лишь одной из перечисленных тенденций, и целью работы является поиск альтернативных мотиваций.

2. Теоретические подходы к мотивации синтаксических свойств слов

В лингвистике существуют разные подходы к объяснению языковых, в частности синтаксических, свойств языковых единиц. В работах (Wierzbicka 1979, 2002, Goddard 2002) предлагается этнолингвистический подход, связывающий синтаксические особенности языков с особенностями представленной в них картины мира. В когнитивной лингвистике (Lakoff & Johnson 1980, Talmi 2000, Langacker 1982, 2008, Kövecses 2000) синтаксические свойства языковых единиц исследуются в их связи с особенностями человеческого мышления. В работах Московской семантической школы делается упор на обусловленность синтаксиса и других свойств языковых единиц их семантикой (Апресян 1967, 1974, 1995, 2010). При этом свойственные переносным значениям языковые свойства могут мотивироваться основным значением, наследоваться от него в силу метафорического параллелизма или принципа «лексической экономии» (Klein & Kutscher 2002). С другой стороны, языковые свойства слов в том или ином значении могут мотивироваться особенностями этого значения (Апресян 1967, 1998, Goldberg 1995, Apresjan 2019).

С различными направлениями мотивации в известной мере коррелируют различные типы семантических сдвигов. С одной стороны, это метафора *per se*, т. е. сдвиг, при котором сохраняется явная семантическая связь (mapping) между *source domain* и *target domain* (Lakoff & Johnson 1980), или между исходным и переносным значением. При метафорическом переносе синтаксические свойства слов в переносном значении часто наследуются от исходного, в силу значительного параллелизма; ср. *Она бросила ему платок* (прямое значение) – *Она бросила ему вызов* (метафора); *Она движется к выходу* (прямое значение) – *Страна движется к катастрофе* (метафора). С другой стороны, это грамматикализация, или *bleaching*, при которых связь с исходным значением ослабляется или теряется: «Общее понятие в теории грамматикализации описывается рядом терминов, включая «выцветание», «десемантизация», «семантическая потеря» и «ослабление». Общее утверждение, стоящее за такими терминами, состоит в том, что при определенных семантических изменениях что-то «теряется». Однако в типичных случаях грамматикализации часто происходит перераспределение или сдвиг, а не потеря, значения (Hopper & Traugott 1993: 84)¹.

При грамматикализации, в отличие от стандартных метафорических переходов, синтаксические свойства лексических единиц, как правило,

¹ Наш перевод цитаты “A common concept in grammaticalization theory is described by a number of terms including ‘bleaching,’ ‘desemanticisation,’ ‘semantic loss,’ and ‘weakening’. ...The general claim behind such terms is that in certain semantic changes something is ‘lost.’ However, in typical cases of grammaticalization, there is often ‘a redistribution or shift, not a loss, of meaning’”.

меняются. Так, глагол *давать* в своем прямом значении (*Вася дал Пете яблоко*) имеет стандартную для глаголов передачи модель управления с именными группами в винительном и родительном, однако в грамматикализованных значениях побуждения управляет глаголами в различных формах: *Давай разговаривать о науке; Давай пойдём в кино; Давай иди отсюда*.

Бывает, что полная перестройка синтаксической структуры происходит не в результате семантического выцветания, а на фоне резкой и семантически мало мотивированной смены семантики. В таких случаях принято говорить об обусловленности семантики синтаксисом (Апресян 1967), или о coercion (семантическом принуждении) – вынужденной смене значения языковой единицы при помещении ее в конструкцию, характерную для языковых единиц другого семантического класса (Goldberg 1995). Такого рода переходы весьма характерны для переносных предикатов движения; ср. известные примеры типа *Жарь <шпарь> отсюда* (Апресян 1967) или *He sneezed the napkin off the table* ‘Он счихнул салфетку со стола’ (Goldberg 1995). Другая область проявления данного направления мотивации – сленговые переносные глаголы со значением эмоций, у которых актантная структура предикатов и их морфо-синтаксическое выражение зачастую полностью меняются по сравнению с исходным значением. Ср. пример из работы (Резникова 2014): *Куда он прет* (актантная структура глаголов движения) vs. *Меня прет от этой музыки* (актантная структура пациентных экспериенциальных глаголов).

Нам представляется, что на разных участках языка могут быть задействованы разные механизмы, и что в языке может сосуществовать экстралингвистическая (когнитивная, культурная) и внутриязыковая (семантическая, синтаксическая) мотивация языковых свойств лексических единиц. Кроме того, мы предполагаем, что и в отношении семантических сдвигов язык представляет собой континуум, и наряду со случаями «чистой» метафоры, «чистой» грамматикализации и «чистой» coercion встречаются промежуточные случаи. Наконец, при развитии переносных значений часть свойств может наследоваться от исходного значения, а часть – “приобретаться” при переходе в новый семантический класс. В рассматриваемых в работе переносных глаголах со значением увеличения и уменьшения сочетаются, как будет показано ниже, разные типы семантических сдвигов и разные источники мотивации синтаксических свойств.

Данная работа в некотором отношении представляет собой продолжение работы (Культепина 2020), где рассматриваются глаголы *упасть* и *падать*. На основе корпусного исследования коллокатов, заполняющих семантические актанты этих глаголов в прямом и переносном значении (уменьшения), автор демонстрирует различия в их сочетаемостных свойствах и управлении. Однако в цитируемой работе сдвиг в значении *падать* и *упасть* анализируется исключительно в рамках ориентационной метафоры LESS IS DOWN, что представляется нам недостаточным², и не ставится вопроса о причинах

² Согласно принятой в когнитивной семантике трактовке MORE IS UP, LESS IS DOWN – это ориентационные метафоры (Lakoff & Johnson 1980). Естественно, мы не оспариваем

изменения актантной структуры и синтаксических свойств при переходе от прямого к переносному значению. Кроме того, рассматривается лишь два глагола (аспектуальная пара *падать–упасть*), что неизбежно сужает картину исследования.

Данная работа ставит перед собой значительно более общие задачи и базируется на значительно более широком материале. Мы предполагаем показать, что семантические и синтаксические свойства глаголов в значении количественного изменения гомогенны, вне зависимости от того, какова семантика исходного значения глагола и его синтаксические свойства в этом значении. Кроме того, языковые свойства глаголов практически идентичны в антонимичных классах увеличения и уменьшения. Все это делает анализ в рамках ориентационной метафоры LESS IS DOWN недостаточным, поскольку не позволяет мотивировать развитие одинаковых семантических и синтаксических свойств у изначально очень разных глаголов. Таким образом, помимо описания языковых свойств у глаголов со значением количественного изменения мы хотели бы предложить объяснение мотивации этих свойств, которое лежит отчасти в языковой и отчасти в экстралингвистической области.

3. Материал и методы

В статье подробно рассматриваются антонимы *увеличиться* и *уменьшиться* (доминанты соответствующих семантических полей), а также глаголы *подняться*, *упасть* и *опуститься*. С несколько меньшей степенью детальности рассматриваются другие глаголы со значением увеличения и уменьшения, а именно *прыгнуть*, *скакнуть*, *рвануть*, *взлететь*, *упасть*, *рухнуть*, *сократиться*, *вырасти*. Используются данные Основного и Газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка в старой версии, а также данные 1-миллиардного Интернет-корпуса современного русского языка RuSkell. Помимо языковых примеров, мы опираемся на данные n-грамм НКРЯ и скетчей (коллокационных профилей) RuSkell, а также на частотные данные обоих корпусов. Языковые примеры, которые используются в качестве иллюстраций в данной работе, взяты или адаптированы из корпуса RuSkell.

На основе анализа примеров и коллокационных профилей составлялось описание семантической и синтаксической актантной структуры глаголов. Частотность реализации синтаксических актантов устанавливалась путем

существование этого важнейшего когнитивного параллелизма, лежащего в основе многих языковых метафор. Мы лишь обращаем внимание на то, что метафора может сочетаться с другими семантическими сдвигами, и что данное явление необходимо рассматривать не только с семантической и сочетаемостной точки зрения, но и в контексте всех прочих языковых свойств рассматриваемых выражений, в первую очередь синтаксических.

анализа индивидуальных запросов на разные предложно-именные конструкции с глаголами. В зависимости от представленности разных глаголов в корпусе использовались данные НКРЯ или RuSkell. Кроме того, для проверки некоторых гипотез мы обращались к данным открытых новостных ресурсов *lenta.ru* и *newsru.com*, снабженных поисковой системой по сайту.

4. Гипотезы

В работе выдвигаются следующие гипотезы. Во-первых, мы предполагаем, что синтаксические, сочетаемостные и аспектуальные свойства антонимичных глаголов *увеличиться* и *уменьшиться* очень близки (секция 5.1). Во-вторых, мы ожидаем, что синтаксические, сочетаемостные и аспектуальные свойства других глаголов со значением увеличения и уменьшения различаются в исходных значениях, однако сближаются в переносном значении количественного изменения и мало отличаются от соответствующих свойств глаголов *увеличиться* и *уменьшиться* (секции 5.2, 5.3). Мы предполагаем, что синтаксические свойства глаголов увеличения и уменьшения отчасти наследуются от исходных значений, но в значительной степени мотивируются также когнитивными факторами. Более того, частотное распределение синтаксических актантов у этих глаголов также имеет независимую когнитивную мотивацию (секции 5 и 6).

5. Результаты и дискуссия

5.1. Глаголы *увеличиться* и *уменьшиться*

5.1.1. Семантические и прочие языковые свойства глаголов *увеличиться* и *уменьшиться*

На основе анализа коллокаций RuSkell и примеров с глаголами *увеличиться* и *уменьшиться* в упомянутом корпусе и в НКРЯ предлагается следующее описание семантических и синтаксических актантов данных глаголов (табл. 1). У обоих глаголов постулируется четырехактантная семантическая структура, с актантами изменяющегося параметра (A1), начального значения параметра (A2), конечного значения параметра (A3) и разницы между начальным и конечным значением параметров (A4).

Соответственно, для глаголов *увеличиться* и *уменьшиться* мы предлагаем следующие варианты толкования:

- (1) *A1 увеличился с A2 на A4 до A3* ‘Количественный параметр A1 или количественный параметр объекта или явления A1, который был равен A2, стал больше на величину A4 или в количество A4 раз и стал равен A3’.
- (2) *A1 уменьшился с A2 на A4 до A3* ‘Количественный параметр A1 или количественный параметр объекта или явления A1, который был равен A2, стал меньше на величину A4 или в количество A4 и стал равен A3’.

Таблица 1. Семантические и синтаксические актанты глаголов *увеличиться* и *уменьшиться* /
 Table 1. *Semantic and syntactic arguments of the verbs 'to increase' and 'to decrease'*

	A1 – параметр	A2 – начальное значение параметра (реализуется только одновременно с A3)	A3 – конечное значение параметра	A4 – разница между начальным и конечным значением параметра
увеличиться	1. ИМ: <i>Количество увеличилось</i>	1. с РОД: <i>увеличиться с 10 до 20 %</i>	1. до ВИН: <i>увеличиться до 1000 рублей</i>	1. на ВИН: <i>увеличиться на 30 %</i>
		2. от РОД: <i>увеличиться от долей секунды до нескольких минут</i>	2. редк. к ДАТ: <i>С новым пакетом стимула федеральный дефицит увеличился к 7 %.</i> (RuSkell)	2. в ВИН: <i>увеличиться в десять раз</i> 3. КАК: <i>вдвое, наполовину увеличиться</i>
уменьшиться	1. ИМ: <i>Количество уменьшилось</i>	1. с РОД: <i>уменьшиться с 20 до 10 %</i>	1. до ВИН: <i>уменьшиться до 1000 рублей</i>	1. на ВИН: <i>уменьшиться на 30 %</i>
		2. от РОД: <i>уменьшиться от нескольких минут до долей секунды</i>	2. редк. к ДАТ: <i>В 2001 производство автомобилей Zastava уменьшилось к 7.5 тысячам единиц против 12.0 тысяч в предыдущем году</i> (RuSkell)	2. в ВИН: <i>уменьшиться в десять раз</i> 3. КАК: <i>вдвое, наполовину уменьшиться</i>

С точки зрения синтаксического выражения актантов возможны следующие варианты. Во-первых, допустимо одиночное выражение актанта A1: *Население увеличилось <уменьшилось>*. Во-вторых, возможно выражение A1 в комбинации с A4: *Население увеличилось <уменьшилось> на 50 процентов*. В-третьих, встречается выражение A1 в комбинации с A3: *Население увеличилось <уменьшилось> до 5000 человек*. Однако выражение A1 в комбинации с A2 невозможно: нельзя сказать **Население увеличилось <уменьшилось> с 5000 человек*. Выражение актанта начального значения параметра возможно только в комбинации с выражением актанта конечного значения параметра.

На основании индивидуальных запросов в RuSkell на сочетание глаголов с предложно-именными группами устанавливается частотное распределение реализаций синтаксических актантов у глаголов *увеличиться* и *уменьшиться*, представленное в табл. 2 и 3. Глагол *уменьшиться* менее частотен, чем *увеличиться* (14.84 ipm к 44.3 ipm), однако демонстрирует похожее частотное распределение актантов. Как видно из таблиц, частотно доминирует актант разницы, актант начального значения является наименее выражаемым, а актант конечного значения занимает промежуточное положение.

Таблица 2. Частотное распределение реализаций актантов глагола *увеличиться* в ipm (items per million, количество вхождений на миллион) /

Table 2. Frequencies of different argument realizations in the verb 'to increase' in ipm (items per million, or hits per million)

Актант «начального значения»		Актант «конечного значения»		Актант «разницы»	
<i>увеличиться с</i>	2.08 ipm	<i>увеличиться до</i>	2.87 ipm	<i>увеличиться на</i>	10.62 ipm
<i>увеличиться от</i>	0.8 ipm			<i>увеличиться в</i>	4.92 ipm
				<i>увеличиться + Adv (вдвое)</i>	0.42 ipm

Таблица 3. Частотное распределение реализаций актантов предиката *уменьшиться* /

Table 3. Frequencies of different argument realizations in the verb 'to decrease'

Актант «начального значения»		Актант «конечного значения»		Актант «разницы»	
<i>уменьшиться с</i>	0.55 ipm	<i>уменьшиться до</i>	0.73 ipm	<i>уменьшиться на</i>	2.72 ipm
<i>уменьшиться от</i>	0.03 ipm			<i>уменьшиться в</i>	1.15 ipm
				<i>уменьшиться + Adv (вдвое)</i>	0.13 ipm

Сочетаемые свойства глаголов *увеличиться* и *уменьшиться*, установленные на основе анализа коллокационных профилей глаголов в RuSkill, представлены в табл. 4.

Таблица 4. Сочетаемость глаголов *увеличиться* и *уменьшиться* /

Table 4. Collocations with the verbs 'to increase' and 'to decrease'

Что может <i>увеличиться</i> ?	Что может <i>уменьшиться</i> ?
число	количество
количество	число
объем	численность
доля	объем
доход	доля
площадь	расход
производство	вес
численность	население
расход	прибыль
стоимость	размер
показатель	смертность
скорость	площадь
прибыль	доход
размер	поголовье
выручка	скорость

5.1.2. Мотивация языковых свойств глаголов *увеличиться* и *уменьшиться*

В основе значения глаголов *увеличиться* и *уменьшиться* лежат смыслы 'стать больше' и 'стать меньше'. Актантная структура компаративов 'больше' и 'меньше' неоднократно обсуждалась в лингвистической литературе. В частности, (Апресян 1974: 123) описывает их как семантически трехместные,

а (Богуславский 2018: 43–48) – как семантически двухместные. Различие относится к смыслу ‘на сколько’, который трактуется в первой работе как актанта, а во второй как сирконстант, что аргументируется различными семантическими и синтаксическими соображениями, в том числе асимметрией интерпретации «увеличивающих» и «уменьшающих» выражений. Аналогично в работе (Богуславский 2018: 47) анализируются и предикаты, содержащие смыслы ‘больше’ и ‘меньше’, типа *вырасти* или *упасть*, в которых не усматривается актанта разницы начального и конечного значений (А4 в нашем описании); ср. приводимые автором толкования:

а. *Цена выросла* = ‘в момент t_1 цена равнялась v_1 ; в более поздний момент t_2 цена равняется v_2 ; v_2 больше, чем v_1 ’.

б. *Цена упала* = ‘в момент t_1 цена равнялась v_1 ; в более поздний момент t_2 цена равняется v_2 ; v_2 меньше, чем v_1 ’.

Мы считаем, однако, что для предикатов со значением изменения количественного параметра, в первую очередь для глаголов *увеличиться* и *уменьшиться*, имеет смысл вводить в толкование актанта разницы. Очевидно, что его постулирование не является обязательным с точки зрения ситуации действительности: разница легко вычисляется, если известны начальное и конечное значения, как отмечает (Богуславский 2018)³.

Однако представляется, что в данном случае математика и язык различаются. Во-первых, как показано в предыдущем разделе, каждый из этих актантов обладает своим уникальным способом выражения, что косвенно указывает на их независимость. Кроме того, вполне возможно выражение всех четырех актантов в одном высказывании, что также указывает на их независимый характер: *За эти годы население городка (А1) выросло вдвое (А4), с четырех тысяч человек (А2) в 2005 году до восьми тысяч человек (А3) в 2020*. При этом морфосинтаксически самым богато выражаемым актантам является именно разница: у нее есть специальное морфологическое средство для выражения «сложения» и «вычитания» – группой *на* ВИН, средство для выражения «умножения» и «деления» – группой *в* ВИН, и адвербиальный способ выражения, который включает парциалы обеих групп (*вдвое, многократно* – умножение и деление, *наполовину* – сложение и вычитание). Актант А4 также выражается неточными показателями изменения типа *значительно, существенно, многократно* и пр.

С когнитивной точки зрения, разница, с одной стороны, и начальное и конечное значение параметра, с другой, также весьма различны. С математической точки зрения ни одна из этих величин не является предпочтительнее

³ Эта математическая связь отражена и в толковании, предложенном для глагола *вырасти* (который в одном из значений синонимичен глаголу *увеличиться*) в работе (Галактионова 2014), где, впрочем, «разница» и «конечное значение параметра» трактуются как единый актанта: *А1 вырос на А2* ‘Количественный параметр А1 или количественный параметр объекта или явления А1, который был равен А3, стал больше на величину А2 или стал равен А2’. С этой трактовкой трудно согласиться, поскольку даже и математически, разница и конечное значение – разные вещи.

другой. Однако с когнитивной точки зрения выражение разницы имеет преимущество. Во-первых, оно более экономично и непосредственно: чтобы дать представление о масштабе изменения, достаточно сообщить разницу между начальным и конечным значением параметра. Во-вторых, сообщение о разнице часто является более информативным и прозрачным для не обладающего специальными знаниями носителя языка. Ср. например, фразу *Индекс Dow Jones упал до 23 553 пунктов*; для адресата, не знакомого с финансовой проблематикой, непонятно, велико ли это падение, низка ли результирующая величина данного фондового индекса. Если же сказать *Индекс Dow Jones упал на двадцать процентов*, фраза становится намного более понятной: даже для человека, не знакомого с биржевыми индексами и их значениями, понятно, что падение весьма существенно. Наконец, указание на разницу, а не на начальное и конечное значения, часто производит большее впечатление на адресата. Фразы вида *Население деревни увеличилось в два раза* и лаконичнее, и «драматичнее», чем фразы вида *Население деревни увеличилось с двухсот до четырехсот жителей*.

Когнитивная важность разницы отражается в языковом узусе, что подтверждается вышеприведенными частотными данными о преобладании выражения актанта разницы над выражением актантов начальной и конечной точки. Гипотеза о когнитивном преимуществе разницы подтверждается также данными новостных ресурсов, чья цель помимо прочего состоит в привлечении внимания читателей, а также в ясной и экономичной передаче информации. Новостные СМИ демонстрируют частотное предпочтение выражения актанта разницы. Например, анализ выбранных наугад пятидесяти употреблений глагола *увеличиться* на новостном портале *lenta.ru* на 15 марта января 2021 года показывает доминирование актанта разницы: *увеличиться в* и *увеличиться на* встречаются в 31 контексте, *увеличиться до* – в 10 контекстах, *увеличиться с ... до* – в девяти. Аналогично, анализ выбранных наугад пятидесяти употреблений глагола *уменьшиться* на новостном портале *newsru.com* на 15 марта 2021 года показывает доминирование актанта разницы: в 30 контекстах встречаются конструкции вида *уменьшиться на*, *уменьшиться в* или *уменьшиться с* наречием (*вдвое*, *втрое*); в 13 контекстах глагол употреблен абсолютивно (*Показатели уменьшились*), в 5 контекстах используется конструкция *уменьшиться до*, в двух контекстах – конструкция *уменьшиться с ... до*.

Таким образом, оба ресурса предпочитают выражать идею количественного изменения при помощи указания на разницу:

- (1) *Число выписанных пациентов увеличилось за сутки на 8447 (ENA, December 12, 2021)⁴.*
- (2) *В феврале Илон Маск пообещал увеличить скорость спутникового интернета Starlink вдвое в 2021 году (ENA, December 12, 2021)⁵.*

⁴ https://lenta.ru/news/2021/03/15/new_covid_cases/

⁵ <https://lenta.ru/news/2021/03/14/starlink/>

- (3) *Себестоимость возведения жилья может уменьшиться более чем на 8%* (ENA, December 12, 2021)⁶.
- (4) *Территории ООПТ могут уменьшиться в несколько раз* (ENA, December 12, 2021)⁷.

При этом актанты начального и конечного значений реализуются в новостных ресурсах в ограниченном круге контекстов – либо когда речь идет о малых величинах, либо в контекстах, где абсолютное значение важнее или может произвести большее впечатление. Это часто происходит в сообщениях о количестве жертв катастроф или нападений, о природных явлениях, а также в статьях о денежных суммах, релевантных непосредственно для читателей:

- (5) *Число жертв обстрела увеличилось до 10 человек* (ENA, December 12, 2021)⁸.
- (6) *Средний чек увеличился с 571 до 608 рублей* (ENA, December 12, 2021)⁹.
- (7) *Скорость ветра уменьшилась со 130 до 120 км/ч, информирует Национальный центр США по слежению за ураганами* (ENA, December 12, 2021)¹⁰.

Именно язык СМИ является основной сферой бытования глаголов рассматриваемых семантических классов. Данные корпуса НКРЯ показывают большую частотность глаголов рассматриваемых классов в Газетном корпусе по сравнению с Основным. *Увеличиться* имеет частотность 97.57 ipm в Газетном корпусе НКРЯ (старая версия, 02.02.2021) и 20.39 ipm в Основном; *уменьшиться* – 22.83 ipm в Газетном и 10.04 в Основном, *сократиться* – 51.85 ipm в Газетном и 9.34 в Основном. *Подняться до* и *упасть до* (модели управления, характерные для переносного количественного значения, но не для прямого значения перемещения) представлены в Газетном корпусе частотностью 4.4 ipm и 6.32 ipm, соответственно, и 2.8 ipm и 1.51 ipm в Основном. Ориентация на язык СМИ объясняет описанные частотные тенденции в выражении синтаксических актантов: для газетного языка характерно стремление к словесной экономии одновременно со стремлением привлечь внимание и произвести впечатление на читателя, часто не обладающего профессиональными знаниями в релевантной области.

Таким образом, корпусные данные и данные новостных ресурсов подтверждают предположение о том, что на актантную структуру глаголов и частотную реализацию актантов влияют когнитивные факторы. Доминирование той или иной реализации актантов зависит в том числе от когнитивных преимуществ, которые она дает. В целом выражение актанта разницы имеет преимущество над выражением начального и конечного значений параметра как

⁶ <https://www.newsru.com/realty/15Oct2020/yakushev.html>

⁷ <https://www.newsru.com/realty/12Nov2018/reforma.html>

⁸ https://lenta.ru/news/2020/12/30/yemen_explosion/

⁹ <https://lenta.ru/articles/2020/12/30/mir1/>

¹⁰ <https://www.newsru.com/world/31Jul2020/isaias.html>

более экономичное и наглядное, однако в некоторых ситуациях, в первую очередь актуальных лично для адресата, более информативным оказывается выражение актанта конечного значения. Ср. например, контексты из ruskell.skethengine.co.uk типа *с 1 января 2021 года МРОТ увеличится до 12 792 рублей; Как только интервал между схватками уменьшится до пяти минут, нужно ехать в роддом*, где носителям языка в силу экстралингвистических причин важнее знать конечное значение параметра, чем разницу начального и конечного значений. Соответственно, в подобных случаях доминирует выражение актанта конечного значения.

Общее доминирование выражения актанта конечного значения над выражением актанта начального значения, также отмеченное в предыдущем разделе, является отражением хорошо известной языковой тенденции к goal bias, или эксплицитному выражению конечной точки. Согласно этой тенденции, у предикатов со значением перемещения конечная точка (Goal) когнитивно важнее и лучше выражена, чем начальная точка (Source). Эта асимметрия изначально описана для предикатов перемещения (Ikegami 1987, Ungerer & Schmidt 1996, Verspoor, Dirven and Radden (1999), однако, как мы видим, goal bias обнаруживается и у абстрактных предикатов со смыслом количественного изменения, причем даже в большей степени, чем у глаголов перемещения. А именно, обнаруживается не только частотное доминирование актанта конечного значения параметра над актантом начального значения параметра, но глаголы со значением количественного изменения вообще не позволяют одиночного выражения последнего. Как отмечалось, нельзя сказать **Население увеличилось с двадцати тысяч*, **Население уменьшилось с двадцати тысяч*. Невозможность одиночного выражения актанта начального значения параметра свойственна всем рассматриваемым глаголам: в корпусе не встречаются фразы вида **Население выросло с 200 тысяч*, **Индексы рухнули со 100*, **Температура упала с сорока градусов*, **Давление подскочило <поднялось> со ста двадцати*. Это свойство отмечается в работе (Галактионова 2014) для глагола *вырасти* и в работе (Культепина 2020) для *пары падать и упасть*. Интересно, что эту особенность предикаты приобретают именно в переносном значении; в исходном значении глаголы перемещения типа *упасть* и *подняться* позволяют одиночное выражение актанта начальной точки: так, можно сказать *Я упал с дерева*, *Я подскочил со стула*, *Я поднялся с пола*. По-видимому, эта особенность также имеет когнитивную мотивацию: для перемещения начальная точка важнее, чем начальное значение параметра – для изменения.

Как было показано, синтаксические свойства антонимов *увеличиться* и *уменьшиться* практически полностью симметричны. Как известно, так бывает далеко не всегда: иногда антонимия существенно меняет управляющие свойства: например, антонимия типа ‘создание’ – ‘ликвидация’; ср. *привязать осла к дереву веревкой*, но *отвязать осла от дерева*, при невозможности **отвязать веревкой* (Апресян 1974, Апресян 1995). Можно сделать вывод о

том, что антонимия ‘больше–меньше’ устроена иначе: она предполагает меньший когнитивный контраст между антонимами, что выражается в сохранении синтаксических свойств. Сочетаемость свойства антонимов *увеличиться* и *уменьшиться*, как показано выше, тоже очень близки: оба глагола сочетаются, в первую очередь, с прямыми (*число, количество, объем, скорость*) и метонимическими (*производство, выручка, прибыль*) обозначениями параметров.

Наконец, с аспектуальной точки зрения глаголы также практически идентичны. По фундаментальной классификации предикатов Ю.Д. Апресяна, они относятся к процессам (Апресян 2010: 293); согласно классификации аспектуальных типов М.Я. Гловинской, – ко второму аспектуальному типу (Гловинская 2001: 100), т.е. типу неопределенных предикатов вида ‘становиться–стать’. Как отмечается в (Апресян 2010), «процессы – почти единственный класс предикатов, в форме НЕСОВ всегда допускающих употребление в актуально-длительном значении или других дуративных». Добавим, что в форме НЕСОВ у глаголов *увеличиваться* и *уменьшаться* дуративные употребления, естественно, сильно преобладают над результативными. Фразы типа *Население страны увеличивается <уменьшается>*; *В прошлом веке население страны увеличивалось <уменьшалось>* составляют основу употреблений НЕСОВ, в том время как результативные употребления вида *В 1990 году правительство вводит налог на детей, и за десять лет население уменьшается на 30 процентов* или *В 1990 году правительство вводит материальную поддержку для многодетных матерей, и за десять лет население увеличивается на 30 процентов* редки.

Интересным и, как кажется, не отмеченным в литературе, является свойство рассматриваемых глаголов (а также всех других глаголов данных семантических классов) иметь разную актантную реализацию в формах СОВ и НЕСОВ. В форме СОВ реализуются, как правило, два или три актанта: изменившийся параметр (A1), а также либо разница в его значениях (A4), либо начальное и конечное значения (A2 и A3), либо только конечное (A3).

В форме НЕСОВ реализуется, как правило, один актант, а именно сам параметр A1. Это естественно, поскольку количественный аспект изменения – это некоторый результат, который становится известен только тогда, когда изменение закончилось, или когда оно было зафиксировано, что описывается глаголами в форме СОВ: *Население увеличилось <уменьшилось> на 10 процентов*; *Давление увеличилось <уменьшилось> до ста десяти*. В формах НЕСОВ, как было сказано, практически полностью доминируют дуративные значения вида, которые несовместимы с выражением количественного результата – поскольку, пока изменение не закончено, неизвестно, каким оно будет.

Таким образом, пара антонимов *увеличиться* – *уменьшиться* характеризуется набором очень близких языковых свойств – семантических, синтаксических, аспектуальных, причем некоторые из этих свойств имеют энциклопедическую или когнитивную мотивацию.

5.2. Глаголы *упасть*, *опуститься* и *подняться*

5.2.1. Семантические и прочие языковые свойства глаголов *упасть*, *опуститься* и *подняться* в основном значении

Мы подробно рассматриваем тройку *упасть*, *опуститься* и *подняться* по следующей причине. Для ответа на интересующий нас вопрос о мотивации синтаксических и прочих языковых свойств в переносном значении количественного изменения необходимо рассмотреть слова, которые относятся к разным семантическим классам в исходном значении. *Упасть* и *опуститься* семантически противопоставлены, с одной стороны, глаголу *подняться*, а с другой стороны – друг другу. На основе анализа корпусных примеров и коллокаций для трех глаголов можно сформулировать следующие актантные структуры в их основном значении перемещения.

В своем основном значении пара *падать*–*упасть* описывает неконтролируемое изменение положения в пространстве¹¹ и относится к классу предельных процессов или моментальных событий: *Листок, кружась, медленно падал на землю* (процесс); *Ребенок внезапно упал с кровати* (событие). Оба глагола имеют три актанта: пациенс А1, начальная точка А2 и конечная точка А3. Начальная и конечная точки могут выражаться и независимо, и одновременно: *Ваза (А1) упала с полки (А2)*, *Ребенок (А1) часто падает с кровати (А2)*; *Ваза (А1) упала на пол (А3)*; *Листок (А1) падает на землю (А3)*; *Ваза (А1) упала с полки (А2) на пол (А3)*; *С яблонь (А2) на землю (А3) время от времени падали созревшие яблоки (А1)*.

Это связано с тем, что у *падать*–*упасть* в фокусе внимания находится и утраченное местоположение (являвшееся нормальным), и новоприобретенное местоположение (ненормальное для данного объекта)¹². В целом, А1 выражается формой ИМ, А2 – предложно-именной конструкцией *с* + РОД или (реже) *из* + РОД, а А3 – практически любыми обозначениями направления (*на пол, в колодезь, за шкаф, под стол, вниз*). Это связано с тем, что выбор начального положения прототипически контролируется и фиксируется, а конечного – нет. Интересно, что как только возникает идея контролируемости падения, исчезает актант начальной точки и резко сокращается разнообразие средств выражения конечной точки: *Он упал на колени*, но не **Он упал с дивана на колени*.

Пара *опускаться*–*опуститься* обычно указывает на контролируемое действие, направленное на изменение положения тела. В фокусе внимания конечная точка – желаемое местоположение, которое агенс занимает в результате своего перемещения. В прототипических контролируемых употреблениях применительно к человеку актант начальной точки инкорпорирован:

¹¹ См. (Резникова, Рахилина, Рыжова 2020: 39) об идее неконтролируемости у предикатов типа *падать*, *упасть* и их коррелятов в других языках.

¹² Об асимметрии начальной и конечной точек при падении см. (Резникова, Рахилина, Рыжова 2020).

опуститься значит примерно то же, что и *сесть*, т.е. человек меняет стоячее положение на сидячее: *Он (A1) опустился на стул (A3)*, при странности *Он опустился^{??} с ног (A2) на стул (A3)*. В целом, A1 выражается формой ИМ, A2 – не выражается, а A3 выражается группой с *на* + ВИН. Как только возникает идея неконтролируемости, возникает возможность выражения начальной точки: *Он опустился с дивана на пол* (по-видимому, человек не полностью контролирует свое перемещение и не планировал оказаться на полу, он меняет одно сидячее положение на другое, или сидячее на лежащее).

Пара *подниматься–подняться* также обычно указывает на контролируемое действие, которое может быть направлено либо на изменение местоположения (*Он поднялся на гору*), либо на изменение положения тела (*Он поднялся со стула*). В употреблении со значением изменения положения тела может выражаться либо актанта начальной точки, либо актанта конечной точки, но не оба одновременно: *Он поднялся со стула <с колен>*, *Он поднялся на ноги*, но не *??Он поднялся со стула на ноги*. Если *подниматься–подняться* указывает на контролируемое перемещение, возможно одновременное выражение начальной и конечной точки, а также одиночное выражение конечной точки, но не одиночное выражение начальной точки: *Он (A1) поднялся от подножия (A2) до вершины (A3)*, *Он (A1) поднялся на гору (A3)*, при странности *??Он поднялся от подножия*. Кроме того, в употреблении со значением перемещения добавляется актанта траектории A4 – *Он (A1) поднялся на вершину (A3) по узкой тропинке (A4)*. При этом при описании неконтролируемого перемещения (события), также возникает возможность одиночного выражения начальной точки, а актанта A4 отсутствует: *Листок (A1) поднялся с земли (A2)*.

Итак, в исходном значении все рассматриваемые глаголы относятся к разным семантическим классам. А именно, в основном значении пара *падать–упасть* описывает неконтролируемое перемещение вниз (*упасть со стола на пол*), *опускаться–опуститься* описывает контролируемое изменение положения тела вниз (*устало опуститься на стул*), а *подниматься–подняться* указывает как на контролируемое перемещение (*подняться на гору*), так и на контролируемое изменение положения тела вверх (*подняться со стула*). Эти семантические различия, в первую очередь противопоставление по контролируемости–неконтролируемости, имеют непосредственное сочетаемостное выражение. Так, в значении перемещения глаголы *подняться* и *опуститься* значительно чаще сочетаются с обозначениями одушевленных субъектов, нежели глагол *упасть*. Согласно данным НКРЯ, сочетания с обозначением лица составляют 33 процента всех употреблений *подняться* (263 вхождения к 780) в конструкции вида S, пом, сопсг на расстоянии 1 от глагола, за которым идет предлог *на* (т.е. в основной конструкции в значении перемещения), 38 процентов всех употреблений *опуститься* (186 к 487) и только 22 процента всех употреблений *упасть* (283 к 1246).

Таким образом, между глаголами *опуститься*, *подняться* и *упасть* в их прямом значении имеются семантические, синтаксические и сочетаемостные

различия. Кроме того, в прямом значении эти глаголы различаются также частотной дистрибуцией синтаксических актантов и аспектуальными свойствами.

Модель управления и частотное распределение синтаксических актантов глаголов *упасть*, *опуститься* и *подняться* в прямом значении по данным Основного корпуса НКРЯ (старая версия от 20.01.2021, запрос S, ном r:concr на расстоянии 1 от глагола на расстоянии 1 от релевантного предлога)¹³ представлены в табл. 5. В таблице также даны общие частотности глаголов в значении перемещения с конкретными субъектами (запрос S, ном r:concr на расстоянии 1 от глагола на расстоянии 1).

Таблица 5. Частотное распределение синтаксических актантов начальной и конечной точки у предикатов *упасть*, *опуститься* и *подняться* в прямом значении / Table 5. Frequencies of syntactic Source and Goal arguments in the verbs 'to fall', 'to go down', and 'to go up' in their literary sense

Предикат	Начальная точка		Конечная точка	
<i>упасть</i> 18.04 ipm	<i>упасть с (табуретки)</i>	1.18 ipm	<i>упасть на (пол)</i>	4.63 ipm
	<i>упасть из (дулла)</i>	0.14 ipm	<i>упасть в (яму)</i>	2.08 ipm
			<i>упасть к (ее ногам)</i>	0.25 ipm
			<i>упасть за (шкаф)</i>	0.12 ipm
			<i>упасть под (стол)</i>	0.09 ipm
<i>опуститься</i> 4.9 ipm	<i>опуститься с (со стула)</i>	0 ipm (2 вхождения)	<i>опуститься на</i>	1.85 ipm
	<i>опуститься из (воздуха)</i>	0 ipm (1 вхождение)	<i>опуститься в (воду)</i>	0.47 ipm
			<i>опуститься к (подножию)</i>	0.05 ipm
			<i>опуститься за (гору)</i>	0.02 ipm
			<i>опуститься под (дерево)</i>	0 ipm (3 вхождения)
<i>подняться</i> 18.61 ipm	<i>подняться с (земли)</i>	1.28 ipm	<i>подняться на (гору)</i>	3.02 ipm
	<i>подняться из (глубины)</i>	0.27 ipm	<i>подняться в (небо)</i>	1.42 ipm
	<i>подняться от</i>	0 ipm (6 вхождений)	<i>подняться до (верха)</i>	0.49 ipm
			<i>подняться к (вершине)</i>	0.33 ipm
<i>подняться под (крышу)</i>			0 ipm (4 вхождения)	
			<i>подняться за (облака)</i>	0 ipm (1 вхождение)

Как можно заметить, при формальной близости управляющих свойств у глаголов *подняться*, *упасть* и *опуститься* частотная дистрибуция синтаксических актантов у них значительно различается. Так, у *опуститься*, в отличие

¹³ Запрос с конкретными vs. абстрактными существительными в роли субъекта позволяет разделить прямые и переносные значения данных глаголов. Вручную удалены нерелевантные примеры в небольших по объему выдачах.

от *упасть* и *подняться*, практически не выражается актант начальной точки. Это объясняется тем, что начальное положение у *опуститься*, как правило, задано – оно стоячее. Что же касается актанта конечной точки, у *опуститься* он выражается существенно более часто, чем у *упасть* и особенно *подняться* (более чем в трети употреблений). По-видимому, глагол *опуститься* гораздо менее специфичен в смысле конечной точки, чем *упасть* и *подняться*, и поэтому реже употребляется абсолютивно. Что касается пары *подняться* – *упасть*, нужно отметить, что хотя частотность их неметафорических употреблений практически одинакова, частотное распределение их синтаксических актантов в целом различно.

Значительная асимметрия наблюдается в выражении конечной точки. При том, что для всех глаголов реализация с предлогом *на* наиболее частотна, у глагола *упасть* актант конечной точки выражается существенно чаще, чем у *подняться*. Относительный параллелизм между *упасть* и *опуститься* наблюдается только в выражении начальной точки. Это связано с тем, что у глаголов *упасть* и *подняться* начальная точка не задана, поэтому этот актант свободно, хотя и не слишком часто, выражается. Интересно при этом, что реализация актанта А2 с предлогом *с* практически одинакова по частотности у *упасть* и *подняться*, а с предлогом *из* более частотна для *подняться*, чем для *упасть*: в сфере падения для передачи идеи перемещения из замкнутого пространства имеется специальный глагол *выпасть*: *Птенец выпал из гнезда*.

Таким образом, несмотря на формальное сходство в выражении актантов, можно говорить о синтаксически разном поведении глаголов *упасть*, *опуститься* и *подняться*, поскольку частотная реализация актантов значительно различается.

Аспектуально глаголы также противопоставлены. В рамках классификации (Vendler 1957), форма СОВ *упасть* относится к achievements (достижениям), а СОВ *опуститься* – к accomplishments (совершениям). Так, падение тяжелых объектов обычно описывается формой СОВ и обладает признаками моментальности; странно *?Я медленно упал со стула* (если речь идет о действительно неконтролируемом действии), при нормальности *Я медленно опустился на стул*. Соответственно, форма НЕСОВ НАСТ у глагола *падать* в таких контекстах часто имеет профетическое значение: *Смотри, чашка падает* [сейчас упадет], в то время как у *опускаться* – актуально-длительное (*Смотри, он опускается перед ней на колени*). Глагол *подняться* по своим аспектуальным свойствам сближается с *опуститься*: он также относится к классу accomplishments и имеет актуально-длительную интерпретацию в форме НЕСОВ НАСТ: *Смотри, он поднимается на гору*. Однако для него также возможны процессные значения в НЕСОВ ПРОШ: *Мы долго поднимались на гору*, нехарактерные для *опускаться*; странно *?Он долго опускался на стул*.

Итак, в прямом значении глаголы *упасть*, *опуститься* и *подняться* противопоставлены семантически, синтаксически и аспектуально.

5.2.2. Семантические и прочие языковые свойства глаголов *упасть*, *опуститься* и *подняться* в переносном значении количественного изменения

В значениях количественного изменения семантика, а также все прочие свойства рассматриваемых глаголов сближаются. Все они, подобно глаголам *увеличиться* и *уменьшиться*, обозначают неопредельные процессы. *Упасть* описывает более резкие изменения, что является метафорическим рефлексом его основного значения: *Температура резко упала*, но не **Температура медленно упала*.

От глаголов *уменьшиться* и *увеличиться* глаголы *упасть*, *опуститься* и *подняться* отличаются характером параметров, которые они описывают. *Упасть*, *подняться* и *опуститься* чаще указывают на такие параметры, количественные изменения которых можно наблюдать глазами в реальном времени, т.е. достаточно быстро меняющиеся, и при этом измеряемые при помощи инструментов (градусник, барометр) или, по крайней мере, такие, чье изменение принято визуализировать в виде графиков или иных схем. Это видно из анализа их сочетаемостных свойств в табл. 6, где жирным выделены коллокации (т.е. частотные сочетания), а возможные, но не частотные сочетания поданы без выделения (по RuSkell). Это связано с тем, что глаголы *упасть*, *опуститься* и *подняться* в данном значении, хотя и меняют значение с конкретного на абстрактное, все же сохраняют следы исходной семантики изменения высоты. Поэтому, если глаголы *уменьшиться* и *увеличиться* можно использовать в контекстах типа *Объем ее талии с годами увеличился <уменьшился>*, то для *упасть*, *опуститься* и *подняться* такое употребление нехарактерно: изменение в этом последнем случае, с одной стороны, происходит медленно, с другой стороны – оно однократно, а не повторяемо, и явно не представляется в виде графика с более высоко и низко расположенными точками.

Таблица 6. Сочетаемостные свойства предикатов *упасть*, *опуститься* и *подняться* /
Table 6. Collocational properties of the verbs 'to fall', 'to go down', and 'to go up'

Что может подняться?	Что может упасть?	Что может опуститься?
цены	цены	индекс
давление	индекс	температура
уровень	доллар	доллар
температура	температура	цена
индекс	продажи	давление
доллар	давление	котировки
продажи	объемы	
спрос	уровень	
рождаемость	рейтинг	
скорость	рынок	
котировки	спрос	
объемы	рождаемость	
	котировки	
	скорость	

Как видно из табл. 6, сочетаемостные свойства трех глаголов весьма близки. Для *опуститься* менее характерна (хотя и не исключена) сочетаемость с метонимическими обозначениями количеств типа *рождаемость, спрос, рейтинг, продажи* (вместо *цифры рождаемости, объемы продаж* и т.п.).

Аспектуальные свойства этих трех глаголов в их переносном значении также практически идентичны и совпадают со свойствами глаголов *увеличиться* и *уменьшиться*. Они также являются обозначениями неопредельных процессов и согласно (Гловинская 2001:100), относятся ко второму аспектуальному типу, т.е. типу неопредельных предикатов вида ‘становиться–стать’. В форме НЕСОВ у них преобладают дуративные употребления *Вчера температура поднималась <падала, опускалась>*. Глаголы *подняться, упасть* и *опуститься* также имеют разную актантную реализацию в формах СОВ и НЕСОВ. В форме НЕСОВ реализуется, как правило, только параметр А1: *Котировки поднимаются <падают, опускаются>*. В форме СОВ реализуются, как правило, две или три актанта: изменившийся параметр (А1), а также либо разница в его значениях (А4), либо начальное и конечное значения (А2 и А3), либо только конечное (А3)¹⁴. Распределение частотности синтаксических актантов этих глаголов в форме СОВ в значении количественного изменения показано в таблице 7.

Из табл. 7 видно, что модель управления у всех глаголов в значении количественного изменения практически идентична и совпадает с моделью управления глаголов *увеличиться* и *уменьшиться*. Частотное распределение синтаксических актантов, хотя и варьируется у разных глаголов, тем не менее также отражает тенденции, сформулированные для *увеличиться* и *уменьшиться*. А именно, налицо значительное частотное преобладание актанта разницы над актантом конечного значения, в то время как актант начального значения почти не выражается. Как и у *увеличиться* и *уменьшиться*, одиночное выражение актанта начального значения параметра у этих глаголов в значении количественного изменения невозможно, хотя в прямом значении глаголы *упасть* и *подняться* ее допускают (см. секцию 5.2.1.); ср. нормальность *Он упал со стула, Она поднялась с земли*, при невозможности **Температура упала с сорока градусов, *Температура поднялась с нуля*.

¹⁴ Интересное наблюдение относительно аспектуальных различий между *упасть* и *падать* делается в (Культепина 2020: 357–358): путем корпусного анализа существительных, заполняющих актант субъекта, показывается, что в форме НЕСОВ чаще реализуется метафорическое значение, а в форме СОВ – прямое. Представляется, что для этого наблюдения имеется естественное объяснение: падение физических объектов трудно наблюдать в реальном времени, так как оно занимает небольшое время и часто бывает практически моментальным (*Чашка упала на пол*), поэтому употребление дуративных форм НЕСОВ в этом значении ограничено энциклопедическими факторами. Обычно можно лишь констатировать, что падение уже произошло, что делается при помощи формы СОВ. С другой стороны, падение (т.е. постепенное уменьшение) количественных параметров может занимать длительное время; ср. *Цены на нефть падают вторую неделю*, поэтому форма НЕСОВ частотна.

Таблица 7. Распределение частотности синтаксических актантов глаголов *упасть*, *опуститься*, *подняться* в значении количественного изменения /
 Table 7. Frequency distribution of syntactic arguments in the verbs 'to fall', 'to go down', and 'to go up' in their quantitative sense

Предикат	А2 – начальное значение параметра		А3 – конечное значение параметра		А4 – разница	
<i>упасть</i>	<i>упасть с</i> (<i>восемьдесят процентов</i>)	0.38 ipm	<i>упасть до</i> (<i>минимума</i>)	0.94 ipm	<i>упасть на</i> (<i>десять пунктов</i>)	3.53 ipm
	<i>упасть от</i> (<i>ста рублей</i>)	0 ipm (1 вхождение)			<i>упасть в</i> (<i>пять раз</i>)	0.16 ipm
					<i>упасть + Adv</i> (<i>вдвое, втрое</i>) <i>упасть за</i> <i>упасть под</i>	0.06 ipm
<i>опуститься</i>	<i>опуститься с</i>	0 ipm (5 вхождений)	<i>опуститься до</i> (<i>пяти процентов</i>)	0.16 ipm	<i>опуститься на</i>	0.98 ipm
	<i>опуститься из</i>	0 ipm (3 вхождения)			<i>опуститься в</i> (<i>два раза</i>)	0 ipm (1 вхождение)
<i>подняться</i>	<i>подняться с</i> (<i>десяти пунктов</i>)	0.11 ipm	<i>подняться до</i> (<i>сорока градусов</i>)	0.83 ipm	<i>подняться на</i> (<i>5 процентов</i>)	1.35 ipm
	<i>подняться от</i> (<i>нуля</i>)	0 ipm (1 вхождение)	<i>подняться к</i> (<i>тридцати девяти</i>)	0 ipm (1 вхождение)	<i>подняться в</i>	0.04 ipm
					<i>подняться + Adv</i> (<i>вдвое, втрое</i>)	0.04 ipm

При этом у глаголов *упасть*, *опуститься* и *подняться* степень преобладания актанта разницы не совпадает. Это связано с параметрами, изменения которых они описывают. Для предиката *подняться* наиболее характерна сочетаемость с именами параметров *температура* и *давление* (согласно данным Sketch Engine, это вообще самые частотные сочетания существительных с глаголом *подняться*). В силу внеязыковых причин для носителей языка важнее говорить о результирующих температуре и давлении, нежели о разнице между начальным и конечным значением. Например, если речь идет о температуре или давлении человека, то для того, чтобы составить представление о чем-либо состоянии здоровья, необходимо знать их реальное значение. В то же время, если речь идет о поведении цен, рынка, спроса и т.п., то для адресата, который не занимается этими вопросами профессионально, вполне достаточно бывает информации об общей тенденции, которая может быть более наглядным и одновременно более экономным образом передана выражением актанта разницы.

Таким образом, в целом можно констатировать, что существенные семантические, аспектуальные, синтаксические и сочетаемостные различия, которые имеются между *упасть*, *опуститься* и *подняться* в прямом значении,

практически стираются в переносном значении изменения количественного параметра. Их общее языковое поведение в значении количественного изменения определяется особенностями именно этого, общего для них, семантического класса, а не их исходными значениями. В этом смысле они ведут себя скорее не как метафоры, а как грамматикализованные выражения. Некоторые частотные предпочтения также объясняются энциклопедическими факторами, а именно, ролью того или иного параметра, об изменении которого идет речь, в повседневной жизни носителей языка.

5.3. Другие глаголы семантических классов увеличения и уменьшения

В рамках данной статьи невозможно подробно рассмотреть все прочие глаголы данных классов. Наша задача здесь состоит в том, чтобы показать, что и у них, при всех различиях в их прямых значениях, в переносном значении изменения количественного параметра их свойства, в том числе синтаксические, существенно сближаются. Это показывает направление мотивации: свойства метафорических предикатов количественного изменения не наследуются из их прямого значения, а определяются особенностями переносного значения, как это бывает при грамматикализации и соерсiон. Главные наблюдаемые нами тенденции – гомогенность модели управления у глаголов данного класса в значении количественного изменения, при значительных различиях между глаголами в прямом значении, а также сходная частотная дистрибуция реализации их синтаксических актантов – невозможность одиночного выражения актанта начального значения параметра и доминирование выражения разницы над выражением конечной точки.

Упомянем в этом контексте глаголы *вырасти* и *рухнуть*. Первый глагол в своем основном значении (по Галактионова 2014) – обозначение естественного и самопроизвольного изменения вертикального размера физического объекта ‘становиться выше ростом’. Соответственно, он сочетается с названиями живых существ и растений, а также их частей: *Ребенок вырос (на три сантиметра)*, *Сосна выросла (до пяти метров)*, *Помидоры сильно выросли*. Семантические актанты *вырасти* не меняются при переходе к более абстрактному значению количественного изменения (*Цены выросли*, *Котировки выросли*), однако модель управления и частотная дистрибуция синтаксических актантов существенным образом меняется. В значении количественного изменения актант разницы имеет намного больше способов выражения, чем в прямом значении, актанты конечного значения параметра и разницы, которые редко выражаются в прямом значении, часто (в трети употреблений) выражаются в значении количественного изменения, а актант начального значения параметра, практически никогда не выражающийся в прямом значении, приобретает способность к выражению в значении количественного изменения (в трех процентах употреблений).

Как показывают запросы с конкретными субъектами (люди или растения) vs. запросы с абстрактными субъектами, в исходном (конкретном)

значении глагол *вырасти* значительно чаще употребляется абсолютивно, нежели в переносном: *Ребенок вырос, Трава выросла* (прямое значение), но *Индекс вырос на два пункта, Зарплаты выросли в три раза* (переносное значение). Это связано с энциклопедическими факторами: точность намного важнее при оценке количества, чем при оценке размеров живых существ и растений. Кроме того, оценка изменений количества может производиться разными способами (*на сколько процентов вырасти, во сколько раз вырасти, многократно вырасти*), а оценка изменений роста ограничена: в силу естественных когнитивных причин мы обычно не говорим [?]*Ребенок вырос на 15 процентов*; [?]*Сосна многократно выросла за двадцать лет*.

Как и у других рассмотренных глаголов со значением количественного изменения, у *вырасти* выражение актанта разницы (*вырасти на, вырасти в*) частотно доминирует над выражением актанта конечного значения (*вырасти до*), которое, в свою очередь доминирует над выражением актанта начального значения (*вырасти с*). Так, в Основном корпусе НКРЯ (старая версия от 28.01.2021) представлены следующие частотности сочетаний *вырасти* с различными предлогами и группой числительного: *вырасти на* + NUM – 5.52 ipm (актант разницы), *вырасти в* + NUM – 3.89 ipm (актант разницы), *вырасти до* + NUM – 1.63 ipm (актант конечного значения), *вырасти с* – 0.83 ipm (актант начального значения). Это распределение отражает уже обсуждавшуюся когнитивную тенденцию к goal bias и когнитивное преимущество актанта разницы в оценке масштаба изменения.

Глагол *рухнуть* в исходном значении указывает на моментальное, внезапное и неконтролируемое перемещение сверху вниз. От глагола *падать* он отличается еще большей неконтролируемостью и внезапностью, в силу чего у *рухнуть* даже отсутствует форма несовершенного вида (нет глагола **рухать*). По синтаксическим свойствам *рухнуть* напоминает *падать* в исходном значении: имеются актанты пациента (*Вася рухнул*), начальной точки (*рухнуть с дуба*) и конечной точки (*рухнуть на землю*). И актант начальной точки, и актант конечной точки могут выражаться независимо друг от друга, хотя явно наличествует goal bias: актант конечной точки выражается в десять раз чаще, чем начальной (более 900 вхождений *рухнуть на* vs. 90 вхождений *рухнуть с* в НКРЯ).

Таким образом, *рухнуть* в прямом значении по своим морфосинтаксическим свойствам разительно отличается от *вырасти* в исходном значении. Однако в значении количественного изменения *рухнуть* по синтаксическим свойствам практически не отличается от *вырасти* в этом же значении, с поправкой на разницу в частотности (*вырасти* более чем в три раза превышает *рухнуть* по частотности). Актант начального значения параметра выражается редко, при этом только в сочетании с выражением конечной точки (2 вхождения в НКРЯ вида *Показатель рухнул с 60 до 20 процентов*). Актант конечного значения параметра также выражается редко (2 вхождения в НКРЯ вида *Индекс РТС рухнул до 971 пункта*). Выражается преимущественно

актант разницы (30 вхождений в НКРЯ вида *Акции китайских компаний рухнули на 30%*). В отличие от *вырасти рухнуть* чаще употребляется абсолютнo, потому что актант разницы – когнитивно наиболее важный для глаголов изменения – у него в большой степени инкорпорирован, т.е. встроен в лексическое значение и не является переменной: *рухнуть* указывает не только на внезапное, но и на значительное изменение.

Похожим образом устроены глаголы *взлететь*, *взметнуться* и *обрушиться*, *обвалиться*, *просесть* в количественном значении. В целом для них также характерно абсолютное употребление, поскольку у всех, кроме *просесть*, отчасти инкорпорирован актант разницы: все они указывают только на значительное изменение количественного значения параметра, т.е. содержат информацию о масштабе различия – невозможно ^{??}*немного взметнуться* <*взлететь*>, ^{??}*слегка обрушиться* <*обвалиться*>. Однако в тех немногих случаях, когда актанты, кроме А1, выражаются, общие частотные тенденции сохраняются. В НКРЯ имеются лишь считанные примеры употребления глаголов *взлететь*, *взметнуться*, *обрушиться*, *обвалиться* и *просесть* с реализованными актантами А2, А3 и А4, поэтому для быстрой справки мы приводим частотные данные по корпусу RuSkell.

У *взлететь* синтаксический актант А2 начального значения (*взлететь с*) имеет частотность 0.17 ipm для обоих значений, прямого и переносного, причем анализ примеров показывает, что реализация А2 в переносном значении крайне редка и возможна только вместе с А3 (*взлететь до*): *Забыли, как в 2008 году доллар взлетел с 24 до 30 рублей?*, но не ^{??}*Доллар взлетел с 24 рублей*. В основном же *взлететь с* относится к прямому значению, где может выражаться независимо: *Птицы взлетели с деревьев*. Синтаксический актант А3 конечного значения (*взлететь до*) имеет частотность 0.23 ipm. Анализ примеров показывает, что это сочетание относится в основном к переносному значению (*Последние годы ставки взлетели до ста тысяч долларов*) и конечное значение параметра часто выражается метафорически, а не точным числом: *Цены на импортное сырье взлетели до небес*, *Стоимость заимствований Ирландии взлетела до рекордных высот на этой неделе*. Синтаксический актант А4 разницы (*взлететь на*) имеет частотность 0.8 ipm, большая часть примеров относится к переносному значению: *За несколько часов цены на бензин взлетели на 20%*.

Обвалиться демонстрирует картину, похожую на *взлететь*: А2 практически не выражается, имеются лишь единичные примеры совместной реализации с А3: *В итоге за короткий период цены на зерно в Риме обвалились с 5–6 до 3 сестерциев за модий*. Актант А3, *обвалиться до*, имеет частотность 0.03 ipm (*Курс евро обвалился до годовых минимумов*). Актант А4, *обвалиться на*, имеет частотность 0.12 ipm, при этом практически все примеры на переносное значение: *Сектор финансовых компаний обвалился на 3,5 %*.

У *взметнуться* реализация А2 и А4 в переносном значении практически не встречается, а А3, *взметнуться до*, встречается в RuSkell несколько раз: *Цены взметнутся до 35–40 долларов за баррель*. У *обрушиться* аналогичная

картина: реализация А2 и А4 в переносном значении практически не встречается, а А3, *обрушиться до*, встречается несколько раз: *Цены на нефть начали 2008 год с отметки \$92 за баррель, затем достигли рекордных \$141 в начале июля, и в конце 2008 года обрушились до \$33*.

В рассматриваемый класс также входят глаголы *прыгнуть*, *скакнуть* и *рвануть*. Они интересны тем, что по своей внутренней форме должны были бы использоваться и для указания на увеличение, и для указания на уменьшение, поскольку направление движения в их прямом значении не задано. Так, в прямом значении можно *прыгнуть* или *скакнуть и вверх, и вниз*, а *рвануть* в значении перемещения вообще преимущественно описывает движение по горизонтальной поверхности – *рвануть вперед <назад>*. Однако в своем переносном значении изменения количественного параметра они описывают, как правило, увеличение, причем резкое и значительное. Это подтверждается сочетаемостными данными корпуса RuSkell. Так, сочетания вида *рвануть вниз* описывают только реальное движение (*Поднявшись на первый перевал, рванули вниз*), а сочетания вида *рвануть вверх* часто относятся к переносному значению (*Котировки почти всех российских акций резко рванули вверх, Австралийский доллар на американской сессии первый рванул вверх*).

То же верно относительно двух других глаголов. *Прыгнуть вниз* и *скакнуть вниз* описывают только реальное перемещение (*Он перелез через парапет и прыгнул вниз, Он скакнул вниз на дорогу*), в то время как сочетания *прыгнуть вверх* и *скакнуть вверх* часто передают смысл ‘увеличение’: *Вспомним 2004 год – тарифы буквально прыгнули вверх; Продажи резко скакнули вверх*. Актант разницы у этих глаголов выражается достаточно редко, поскольку он инкорпорирован в лексическое значение (разница, с точки зрения говорящего, значительная), хотя это ни в коей мере не является невозможным: *Цены всего за неделю рванули на пятьдесят процентов, Доллар скакнул <прыгнул> на двадцать процентов*.

Актант конечного значения выражается более свободно и также указывает на то, что эти глаголы в переносном значении указывают только на движение “вверх” – в сторону увеличения: *Акции РусГидро подорожали до 1,09, а на следующий день они рванули до 1,136 рубля; За три дня с отметки 1299 рублей акции прыгнули до 1464,99 рубля; Как-то раз измеряла в 3 и 4 часа ночи, сахар был в районе 6, а утром скакнул до 10*.

Таким образом, у всех глаголов, рассмотренных в данном разделе, кроме *вырасти*, актант разницы инкорпорирован: все они указывают на значительный масштаб изменений. Сам факт лексикализации актанта разницы доказывает его когнитивную важность. Не случайно большая часть рассмотренных глаголов в исходном значении указывает на быстрое перемещение (*взлететь, взметнуться, рвануть, скакнуть, прыгнуть*) или значительное разрушение (*обрушиться, обвалиться*): в значении увеличения и уменьшения эти семантические компоненты переосмысляются как указание на масштаб количественного изменения – т.е., на параметр, обладающий наибольшей когнитивной значимостью для носителей языка.

6. Заключение

Проведенное исследование свойств переносных глаголов семантических классов увеличения и уменьшения показало, что они исключительно однородны в семантическом, синтаксическом и сочетаемостном отношении, что отличает их от многих других глагольных классов, которые не формируют компактных лексикографических типов (Апресян 2009), например, от глаголов эмоций, или от глаголов речи, чьи семантические, синтаксические и сочетаемостные свойства чрезвычайно разнородны. Кроме того, было продемонстрировано, что данные глаголы обнаруживают нехарактерную для других антонимических классов степень гомогенности всех языковых свойств: этим они отличаются от таких антонимических глагольных классов как ‘создать’ vs. ‘разрушить’.

Исследование позволяет сделать вывод, что независимо от семантического класса этих глаголов в прямом значении (контролируемое или неконтролируемое перемещение, вертикальное или горизонтальное перемещение, изменение размера), в значении количественного параметра они все имеют очень близкое значение, которое описывается четырехактантной семантической структурой: параметр, начальное значение параметра, конечное значение параметра, разница. Различаются они лишь типом параметра, скоростью и масштабом изменения. Различия в скорости и масштабе изменения мотивируются метафорически – быстрое или резкое перемещение или значительное разрушение в прямом значении дает при метафорическом переносе семантику быстрого и значительного изменения (*взлететь, взметнуться, упасть, рухнуть, обвалиться, обрушиться, рвануть, прыгнуть, скакнуть*). При этом наблюдаемое значительное обеднение переносного количественного значения по сравнению с исходным можно считать типичным для семантического выцветания, т.е. грамматикализации.

При помощи корпусного исследования было продемонстрировано, что независимо от того, каковы синтаксические свойства глаголов в прямом значении, в значении количественного изменения все глаголы имеют одинаковые модели управления и имеют схожее частотное распределение в реализации синтаксических актантов. Наиболее часто выражается актант разницы, за исключением тех глаголов, у которых он инкорпорирован, т.е. встроен в лексическое значение и выражен по умолчанию. Вторым по выражаемости является актант конечного значения параметра, а актант начального значения параметра выражается значительно реже и не может быть реализован самостоятельно. Частотная дистрибуция синтаксических актантов имеет когнитивную мотивацию, а именно: частотное преобладание актанта разницы или его обязательное выражение при инкорпорировании связаны с его когнитивными преимуществами при подаче и восприятии информации говорящими, в том числе в языке СМИ – основной сфере бытования данных глаголов. Выражение разницы лексически более экономично, чем выражение начального и конечного значений параметра, и одновременно более наглядно демонстрирует потенциальному адресату масштаб изменения. При этом

частотное преобладание в реализации актанта конечного значения параметра над актантом начального значения объясняется известной когнитивной тенденцией к goal bias, т.е. эксплицитному выражению валентности цели (конечной точки).

Подобная синтаксическая однородность свойственна далеко не всем глаголам со значением количественного изменения. Так, синонимичные глаголы со значением суммирования, *сложить* и *прибавить*, имеют разные модели управления, которые они частично наследуют от своих прямых значений. *Сложить* – симметричный предикат, подразумевающий равноправие семантических актантов, что отражает его модель управления: *сложить два числа; сложить десять и пять; сложить дробь с целым числом*. В прямом значении *сложить* также имеет реализацию с винительным падежом множественного числа (но не другие две): *сложить дрова*. Предикат *прибавить* не является симметричным, что видно по его модели управления: *прибавить пять к десяти*, но не **прибавить два числа, *прибавить пять и пять*. Его синтаксические свойства наследуются от прямого значения, предполагающего, что один компонент берется в качестве основного, а другой – в качестве добавки: *Прибавил к кафтану кое-что из платья и положил на кучу, собранную Арсением* (Евгений Водолазкин. Лавр 2012). Антонимичные им глаголы со значением противоположной математической операции, т.е. вычитания, имеют другие (и также различающиеся) синтаксические свойства: *вычесть пять из десяти, отнять от десяти пять*. Их модели управления, по-видимому, мотивированы идеей метафорической начальной точки, или источника (Source) при перемещении: ср. *выйти из города, отойти от дома*.

Основным теоретическим результатом работы является демонстрация того, что семантическая близость слов в переносных значениях не гарантирует однородности их синтаксических свойств. Формирование одинаковых синтаксических свойств зависит также от общей когнитивной базы. В рассматриваемом случае, а именно для глаголов увеличения и уменьшения такой общей когнитивной базой является установка на экономную и одновременно наглядную подачу информации.

В силу своей однородности рассмотренные глаголы представляют собой достаточно редкий случай подлинных лексикографических типов (Апресян 2009), т.е. семантически близких слов, которые также обладают набором схожих синтаксических, сочетаемостных и прочих языковых свойств, и поэтому нуждаются в единообразном словарном описании. Соответственно, результаты данного исследования могут иметь практическое применение в качестве основы для составления шаблона лексикографического описания глаголов двух рассмотренных классов.

Финансирование

Работа выполнена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793 «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования».

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Apresjan, Juri D. 1967. *An Experimental Study of Semantics of the Russian Verb*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Apresjan, Juri D. 1974. *Lexical Semantics (Synonymic means of language)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Apresjan, Juri D. 1995. *Selected Works: In Integrated Description of Language and Systematic Lexicography. Vol. II*. Moscow: Shkola “Yazyki Russkoi Kul'tury”. (In Russ.)
- Apresjan, Juri D. 1998. Some difficulties in describing polysemous words (illustrated by the verb ‘choose.IPF’ – ‘choose.PF’). *Russian Language in its Functioning. Abstracts of Reports of the International Conference*. Moscow. 1–7.
- Apresjan, Juri D. 2001. *Systematic Lexicography*. Translated by Kevin Windle. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Apresjan, Juri D. 2006. Basic principles and concepts of systematic lexicography. In Apresyan V. Yu. et al. (eds.), *Linguistic picture of the world and systematic lexicography*, 33–162. Moscow: Languages of Slavic Cultures.
- Apresjan, Juri D. 2009. *Studies in semantics and lexicography in 2 volumes. Vol. 1 Paradigmatics*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur. (In Russ.)
- Apresjan, Juri D. 2010. Three-level theory of government: A lexicographic aspect. In Apresjan Ju. D. et al. (eds.), *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovary*, 281–379. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur. (In Russ.)
- Apresyan, Valentina. 2019. Metaphor in grammar: Mapping across syntactic domains. In Navarro i Ferrando et al. (eds), *Current approaches to metaphor analysis in discourse, Vol.39*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.
- Atkins, Sue & Michael Rundell. 2008. *The Oxford Guide to Practical Lexicography*. Oxford: Oxford University Press.
- Boguslavsky, I. M. 2018. Partial expressions in Russian. *Voprosy yazykoznanija* 2. 29–52.
- Galaktionova, Irina V. 2014. Dictionary entry VYRASTI. In Yu. D. Apresyan (ed.), *Active Dictionary of Contemporary Russian Language. First Issue*, 482–486. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2. (In Russ.)
- Glovinskaya, Marina Ya. 2001. *Polysemy and Synonymy in the Temporal System of the Russian Verb*. M.: Azbukovnik. (In Russ.)
- Goddard, Cliff. 2002. Ethnosyntax, ethnopragmatics, sign–function, and culture. In Nick Enfield (ed.), *Ethnosyntax: Explorations in grammar and culture*, 52–73. Oxford: Oxford University Press.
- Goldberg, Adele. 1995. *Constructions. A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hopper, Paul J. & Elizabeth Closs Traugott. 1993. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ikegami, Yoshihiko. 1987. ‘Source’ vs. ‘goal’: A case of linguistic dissymmetry. In R. Dirven & G. Radden (eds), *Concepts of Case*, 122–145. Tübingen: Narr.
- Klein, Katarina & Silvia Kutscher. 2002. Psych-verbs and Lexical Economy. *Theorie des Lexikons*, 122. http://linguistics.ruhr-uni-bochum.de/~klein/papers/sfb282_122.pdf (accessed 29 March 2012).
- Kövecses, Zoltan. 2000. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kultepina, Olga A. 2020. LESS IS DOWN: Corpus analysis of the structure of the metaphorical meaning of the verbs fall and fall. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research*, 344–367.
- Lakoff, George & Mark Johnson. 1980. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.

- Langacker, Ronald W. 1982. Space Grammar, analysability, and the English passive. *Language* 58 (1). 22–80.
- Langacker, Ronald W. 2008. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. New York: Oxford University Press.
- Rakhilina, Ekaterina V. 2010. Construction with Russian genitive and its formal interpretation. In Rakhilina E.V. (ed.), *Linguistics of constructions*, 247–287. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
- Reznikova, Tatiana I. et al. 2020. Falling verbs in the languages of the world: Frames, parameters and types of systems. *Acta Linguistica Petropolitana* 16.1. 9–63. (In Russ.)
- Reznikova, Tatiana I. 2014. The author's style is not bad, it really delivers: About non-standard semantic transitions in the verb vocabulary (according to the Internet). In Akhapkina Ya. E. & Rakhilina E.V. (eds.), *Modern Russian on the Internet*, 169–180. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.)
- Schmid, Hans-Jörg & Friedrich Ungerer. 1996. *An Introduction to Cognitive Linguistics*. London: Longman.
- Talmy, Leonard. 2000. *Toward a Cognitive Semantics*. Two volumes. Cambridge: MIT Press.
- Vendler, Zeno. 1957. Verbs and times. *The Philosophical Review*, Vol. 66, 2. 143–160.
- Verspoor, Marjolijn H, René Dirven & Günter Radden (eds). 1999. Putting concepts together: Syntax. In R. Dirven & M. Verspoor (eds), *Cognitive Exploration of language and linguistics*, 87–115. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.
- Wierzbicka, Anna. 1979. Ethnosyntax and the philosophy of grammar. *Studies in Language*. 3(3). 313–383.
- Wierzbicka, Anna. 2002. English causative constructions in an ethnosyntactic perspective: Focusing on LET. In Nick Enfield (ed.), *Ethnosyntax: Explorations in grammar and culture*, 162–203. Oxford: Oxford University Press.

Электронные ресурсы / Links

- National Russian Corpus (old version). <https://ruscorpora.ru/old/> (accessed 12.02.2021).
- RuSkell: Sketch Engine for Language Learning. <https://skell.sketchengine.eu/#home> (accessed 12.02.2021).

Article history:

Received: 15 February 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionote:

Valentina APRESYAN holds a PhD in Linguistics from the University of Southern California. She is currently an Associate Professor at the School of Linguistics, Higher School of Economics (HSE University). She is also a leading researcher at the Sector for Theoretical Semantics, Vinogradov Russian Language Institute at the Russian Academy of Sciences. Her research interests fall within semantics and pragmatics. She has also done extensive work in lexicography. Her works have been published, among others, in *Intercultural Pragmatics*, *Russian Linguistics*, *Voprosy yazykoznaniya*.

Contact information:

HSE University

Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia

e-mail: vapresyan@hse.ru

Сведения об авторе:

Валентина Юрьевна АПРЕСЯН имеет докторскую степень по лингвистике Университета Южной Калифорнии. В настоящее время является профессором Школы лингвистики НИУ ВШЭ и ведущим научным сотрудником сектора теоретической семантики Института русского языка им. Виноградова РАН. Ее исследовательские интересы относятся к семантике и прагматике. Она также ведет обширную работу в области лексикографии. Имеет многочисленные публикации, в том числе в журналах “Intercultural Pragmatics”, “Russian Linguistics”, «Вопросы языкознания».

Контактная информация:

НИУ ВШЭ

ул. Мясницкая, Москва, 101000, РФ

e-mail: vapresyan@hse.ru

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

Research article

“Language thinking” from the perspective of systemic linguistics

Uldanai M. BAKHTIKIREEVA   and Olga I. VALENTINOVA

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
 bakhtikireeva-um@rudn.ru

Abstract

Systemic Linguistics by Gennadii P. Melnikov, representing the interaction of linguistics and philosophy, is a system of established scholarly knowledge. An evidence-based system of knowledge that rationally certifies Melnikov's results is reflected, in particular, in the systemic typology of languages as a subfield of systemic linguistics. Like systemic linguistics in general, systemic typology of languages has not yet been sufficiently subjected to scholarly reflection. The goal of the article is to expand the scholarly discourse on the systemic approach to language. The authors focus their attention on the explanatory potential of systemic linguistics in the study of the features of thought expression in the agglutinative Kazakh language and the problem of its conveyance by means of the inflectional Russian language. The data were obtained from everyday communication, the Kazakh-Russian dictionary (2008), samples from the Kazakh-language works by Auezov, Shakhnov, Korgasbek, Suleimenov among others, and their translations into Russian. The article aims to reveal the features of dividing sense into meanings in typologically different languages. The findings substantiated and verified the provision that in typologically different languages the division of sense into meanings differs and, depending on a meaning, may be expressed by a one-word nomination or cognomination. The study has revealed the ability of an inflectional language to convey the static character of an agglutinative language and to transform this staticity into eventfulness, depending on the purpose of communication. Thus, the research has proved that the same mental content is conveyed by different means developed in languages of different morphological types.

Keywords: *systemic linguistics, extralinguistic thinking, linguistic thinking, sense, meaning, similarity association*

For citation:

Bakhtikireeva, Uldanai M. & Olga I. Valentinova. 2022. “Language thinking” from the perspective of systemic linguistics. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 224–244. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

© Uldanai M. Bakhtikireeva and Olga I. Valentinova, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики

У.М. БАХТИКИРЕЕВА , О.И. ВАЛЕНТИНОВА

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
 bakhtikireeva-um@rudn.ru

Аннотация

Системная лингвистика Г.П. Мельникова, представляющая собой взаимодействие языкознания и философии, – это система сложившегося научного знания. Доказательная система знаний, рационально удостоверяющая полученные Г.П. Мельниковым результаты, отражается, в частности, в разделе системной лингвистики – системной типологии языков. Как и системная лингвистика в целом, системная типология языков недостаточно подвергается научной рефлексии. Сверхзадача статьи – расширить научный дискурс о системном подходе к языку. Авторы фокусируют свое внимание на объяснительном потенциале системной лингвистики в исследовании особенностей выражения мысли в агглютинативном казахском языке и проблеме ее передачи средствами флективного русского языка. Исследование проводилось на материале высказываний повседневного общения, выборки из Казахско-русского словаря (2008), из сочинений казахских писателей (М. Ауэзова, М. Шаханова, Ж. Коргасбека, О. Сулейменова и др.) и их переводов на русский. Цель статьи – выявить особенности членения смыслов на значения при передаче единого ситуативного содержания средствами типологически разных языков. Результатом исследования явилось обоснование и верификация положения о том, что в типологически разных языках особенности членения смысла на значения проявляются в том, какие смыслы выражены однословной номинацией, а какие – когноминативной. В ходе сопоставления речевых реализаций типовой схемы агглютинативного высказывания и предложенных вариантов их перевода на флективный язык была раскрыта способность флективного языка передавать статичность агглютинативного языка и преобразовывать эту статичность в событийность в зависимости от цели общения. Таким образом, было доказано, что единое мыслительное содержание передается разными средствами, выработанными в языках разных морфологических типов.

Ключевые слова: *системная лингвистика, внеязыковое мышление, языковое мышление, смысл, значение, ассоциация по сходству*

Для цитирования:

Бахтикиреева У.М., Валентинова О.И. Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

1. Введение

Своеобразие теории отражения основоположника современной системной лингвистики Г.П. Мельникова, на которую мы опираемся в этой работе, не только по-прежнему остается за пределами общего апперцептивного фона современных лингвистов, но и инерционно искажается даже наиболее восприимчивыми к его идеям учеными (см. об этом Преображенский 2016: 306–308). Как отмечал С.Ю. Преображенский, «вольные трактовки» системологии Г.П. Мельникова, «кажется стали нормой еще при жизни Геннадия

Прокопьевича» (Preobrazhenskii 2016: 308). Между тем «именно специфическая интерпретация того, что было принято называть в диалектическом материализме “отражением” и позволяла Г.П. Мельникову делать фундаментальное заявление о том, что связь между знаком и значением материализована в намеке, что намек – это не рефлекторная ассоциация, он базируется на мотиве, мотивировке» (Preobrazhenskii 2016: 307). Ученый доказывал, что в основе любого отражения, как следствия взаимодействия сущности объекта с заданными условиями, лежит деформация – примитивный вид материального контакта. «Любое отражение включает в себя по крайней мере две фазы развития, и следовательно, два вида результата: первичную деформацию, навязанную отражаемым объектом, и вторичную, развивающуюся под влиянием возникновения первичной, но протекающую уже без вмешательства отражаемого объекта» (Melnikov 1978б: 124). Эта деформация переходит в зрительное восприятие, потом формируется образ (Melnikov 1978а).

Говоря о системной лингвистике, С.Ю. Преображенский писал о том, что «много усилий требуется для того, чтобы войти в герметичную систему» (Preobrazhenskii 2016: 309). Попытки осознать теорию отражения Г.П. Мельникова ограничены очень небольшим кругом ученых (например, Rudenko 1993, Zubkova 1999, Lipatova 2016). Немного ученых исследуют и системную типологию языков – раздел системной лингвистики, который выявляет особенности внутренней формы каждого из морфологических типов (например, Dremov 2019, Rybakov 2016, Fedosyuk 2019, Lutin 2006, Danylenko 2015).

Данная статья вызвана стремлением раскрыть основные положения теории отражения, разработанной Г.П. Мельниковым. Опираясь на нее, мы рассматриваем особенности «намекания» значения на смысл в тюркских языках и возможность воспроизведения этих особенностей средствами русского языка. Иными словами, пытаемся уйти от простой констатации факта отражения и сосредоточиться на особенностях «языкового думания» с позиций системной лингвистики. Цель статьи – выявить особенности членения смыслов на значения при передаче единого ситуативного содержания средствами типологически разных языков. В центре нашего внимания – объяснительный потенциал системной лингвистики в исследовании особенностей выражения мысли в агглютинативных языках и проблема ее передачи средствами флективного. Исследование проводилось на материале высказываний повседневного общения, выборки из словаря и из сочинений казахских и писателей (М.О. Ауэзова, М. Шаханова и др.) и их переводов на русский.

2. Теоретическая часть

2.1. Понимание внеязыкового и языкового мышления в системной лингвистике: различение смысла и значения

Отсутствие противопоставления между образным мышлением и отвлеченным, характеризующее мировоззренческое отличие системной

лингвистики от традиционной логики и психологии, обосновывается основным положением теории *отражения*. Согласно этой теории, психические единицы, обеспечивающие мышление, имеют образную природу, то есть обладают многими характеристиками, аналогичными, подобными и сходными с объектами внешнего мира. Такая позиция системной лингвистики основывается на понимании *мышления* как протекающих *во внеязыковом сознании* процессов отражения, то есть накопления, хранения и выведения знаний о внешней действительности. Образы сохраняют в себе отраженно какие-либо свойства объектов действительности, говоря иначе, между праобразом¹ и его психическим образом есть подобие. Значит, сопоставление между собой образов может в некоторой степени заменить сопоставление праобразов этих образов. Другими словами: может заменить сопоставление тех объектов, текущие образы которых запечатлеваются в психике субъекта и служат основанием для выработки их обобщенных образов, опираясь на ассоциации по большему сходству. «А наличие знаковых отношений между праобразами может быть причиной или средством “подталкивания” хода наших мыслительных операций в том направлении, которое задается не только непосредственно некоторыми внешними объектами, но и знаками этих объектов» (Melnikov 1979–1980: 48)².

Процесс ассоциации по большему сходству между праобразом и его обобщенным образом основатель системной лингвистики Г.П. Мельников записывал формулой (Melnikov 1978б: 222). Например, !! М – !! М’ – ! М⁰, где знак !! значит ‘появился’, знак ! значит ‘возбудился’, а буква М обозначает, допустим, маму олененка: ‘появилась мама олененка – в психике олененка появился текущий образ мамы – благодаря ассоциации возбудился обобщенный образ мамы’.

Именно образная природа уровней отражения, включая такие предельно абстрактные, как математические, обеспечивает их способность вступать в ассоциации по сходству. Образы же возникают в психике благодаря тому, что органы чувств субъекта обнаруживают ряд свойств, присущих объектам, и в этом отношении образ в большей или меньшей степени подобен *праобразу*, объекту (Melnikov 1980: 65–65б). Обобщенный образ может вступать в ассоциации по сходству с огромным числом других образов – единиц мысли. Именно этим достигается универсальность языка, то есть его

¹ **Праобраз** текущих образов и их обобщенного образа – «объект, текущие образы которого запечатлеваются в психике субъекта и служат основанием для выработки обобщенного образа» (Melnikov 1979–1980: 33).

² Мельников Г.П. Конспект лекций по курсу «Введение в языкознание» (1979–1980). Москва: машинопись, 1980. [Mel'nikov, Gennadii P. 1980. Konspekt lektzii po kursu “Vvedenie v yazykoznanie” (Abstract of lectures on the course “Introduction to Linguistics”). Moscow: mashinopis'. (In Russ.)]. Эти «Конспекты» были сделаны самим Г.П. Мельниковым. Название рукописи сохранено в редакции ее автора – Г.П. Мельникова.

способность использовать ограниченное число знаков для выражения бесконечного числа мыслей в общении.

Принятое в системной лингвистике понимание внеязыкового мышления начинается с И.А. Бодуэна де Куртенэ. *Внеязыковое мышление* представляет собой процесс получения человеком нового, выводного знания в результате сопоставления мыслей, существующих в его психике в виде конкретных и абстрактных образов наблюдаемых и воображаемых явлений внешнего мира. Этот процесс протекает без его непосредственного проявления во внешней действительности в виде речевого потока и без косвенного проявления через те или иные действия человека. Единицей внеязыкового мышления является *смысл*, под которым понимается абсолютный обобщенный образ, отражающий существенные, абсолютные свойства явлений мира, такие, например, как отличие зверя от птиц, растения от мертвого предмета. У всех людей, независимо от особенностей их языка, культуры и т.д., эти образы очень подобны (Melnikov 1980: 70).

Но эти абсолютные образы как единицы смысла у различных народов выражаются в языке, то есть через значения и знаки, по-разному. Это обусловлено тем, что разные языки формируются в разных условиях и намекать на абсолютные обобщенные образы (на смыслы) с помощью относительных обобщенных образов (значений) в одних условиях будет удобнее одним способом, а в других – другим. Значения должны быть удобными только для *намекания* на смыслы (Melnikov 1980: 70). Процесс же выражения мысли (смыслов) в речи через ассоциации смыслов со значениями языковых знаков представляет собой *языковое мышление*.

Говорящий, желая сообщить определенный *смысл*, подбирает, по большому сходству, такое *значение*, которое с достаточной очевидностью для воспринимающего намекало бы в данной ситуации на этот *смысл*. Вообразив значение, говорящий уже тем самым устанавливает, каким знаком это значение можно передать. Восприняв знак, слушающий сразу узнает значение. Но поняв, независимо от ситуации, значение, он уже должен учесть ситуацию и догадаться, на какой из многих возможных смыслов намекает это значение в данной ситуации, в данном коммуникативном акте.

Чтобы знаки были средством *намекания* на смыслы с помощью своих значений, необходимо, чтобы у субъектов, которые общаются с помощью этих знаков, и *обобщенные образы знаков*, и *обобщенные образы значений* были в высокой степени подобными. Чтобы они стали подобными, нужно, чтобы субъекты достаточно долго использовали эти знаки при *взаимном общении*. Только при этом условии любые расхождения в образах знаков и образах значений будут обнаружены и подсознательно исправлены, взаимоподоблены, а значит, знаки вместе с их значениями станут социальными (Melnikov 1980: 53).

2.2. Соотношение схем языковой коммуникации Ф. де Соссюра и системной лингвистики:

ассоциация по сходству как дифференциальный признак этих схем

Схема языковой коммуникации И.А. Бодуэна де Куртенэ (Boduehn de Kurteneh 1963) признает образность и значения, и смысла, независимо от того, конкретный он или абстрактный, то есть является *текущим* или *обобщенным*. Скажем, идет ли речь об образе автомобиля, который в данный момент стоит передо нами, об образе этого автомобиля вообще, образе автомобиля вообще, образе транспорта вообще, образная основа, независимо от уровня обобщения, сохраняется.

Если в психике субъектов есть социальные обобщенные соответственные образы знаков (морфем) и их значений, это означает наличие у них общего языка. Субъекты этого языкового коллектива смогут, благодаря намеканию значениями на смысл, выразить любой смысл, и поэтому языковое общение оказывается универсальным. Намеком значения на смысл в теории И.А. Бодуэна де Куртенэ и его учеников, а также в работах А.А. Потевни (Potebnua 1913), К.С. Аксакова (Aksakov 1875) и других исследователей называется процесс ассоциации непосредственного содержания знака – значения с образом замысла говорящего, то есть со *смыслом*. Именно эта схема языковой коммуникации признается системной лингвистикой. Г.П. Мельников отразил эту схему в рисунке:

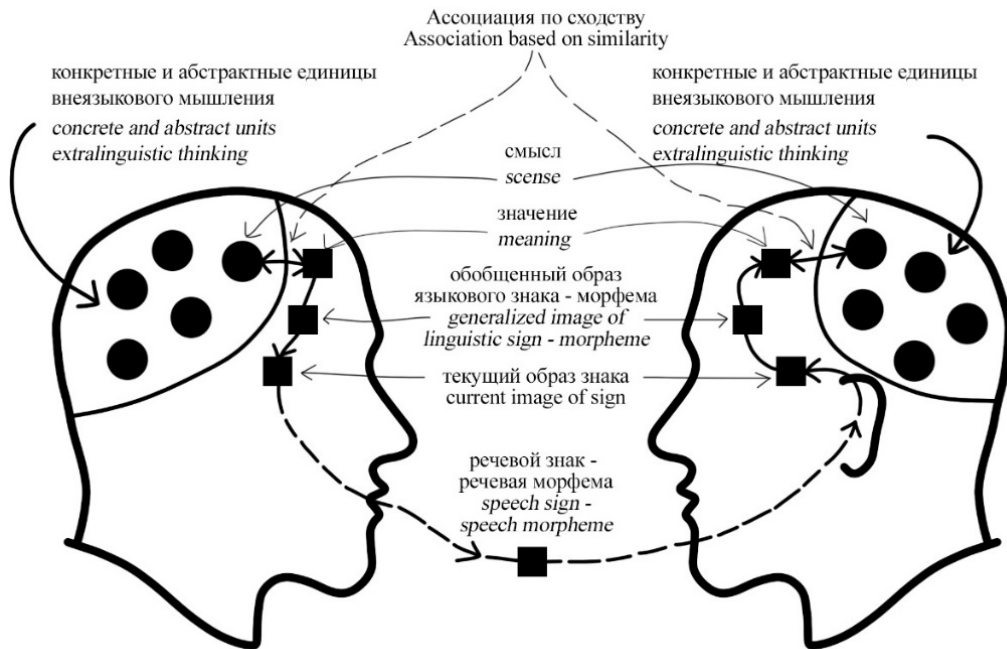

Рис. 1. Схема языковой коммуникации И.А. Бодуэна де Куртенэ (Melnikov 1980: 61) / Fig. 1. Language communication scheme by I.A. Baudouin de Courtenay (Melnikov 1980: 61)

На своих лекциях Г.П. Мельников объяснял соотношение между значением знака и смыслом знака на примере жеста, которому обучали обезьяну. Это жест раствора предварительно сложенных вместе ладоней, который может обозначать ‘открывание дверей’ и с помощью которого обезьяна стала со временем просить открыть ей кран, крышку кастрюли, и потому значение этого жеста обобщилось до значения свободного пути. Жест, в отличие от условного языкового знака, – знак иконический, то есть мотивированный знаком денотата, поскольку причиной возникновения ассоциации между обобщенными образами знака и денотата является сходство самих праобразов.

Этому жесту была обучена молодая шимпанзе, которую учили говорить с помощью жестов. То, что обезьяна могла *опознавать* и *воспроизводить* этот знак, говорит о том, что в психике обезьяны был *обобщенный образ знака*, который ассоциировался в ее психике с обобщенным образом процесса открывания дверей, то есть с *обобщенным образом денотата*. *Процесс ассоциации* может осуществляться в психике обезьяны в направлениях от знака (к обобщенному образу денотата) и от денотата (к обобщенному образу знака).

Когда обезьяна сидит около двери, не может сама открыть дверь и делает жест раскрывающихся ладоней, мы видим знак. Мы опознаем этот знак, и в нашей психике возбуждается обобщенный образ этого знака:

!!З ----- !!З’’----- !З⁰

Но обобщенный образ, независимо от ситуации, ассоциирован со значением О⁰ – ‘освободить путь’. О⁰ – это *значение* данного знака. А так как в данной ситуации мы видим обезьяну около двери, то отбрасываем возможные ассоциации О⁰ с обобщенным образом открытого крана, открытой кастрюли, включенного электричества, и догадываемся, что в данном случае в замысле обезьяны – просьба открыть именно дверь. Следовательно, мы догадываемся, что *смыслом* значения О⁰ является в этой ситуации Д⁰ – обобщенный образ открытой двери (Melnikov 1980: 57):

!!З----- !!З’’-----!З⁰ -----! О⁰ ----- ! Д⁰

Творческая деятельность воспринимающего субъекта состоит в том, чтобы воспринять **актуальный смысл**, то есть тот смысл, ради намек на который говорящий субъект использовал данный знак в данном речевом акте. Этот смысл может не входить в парадигму часто возбуждаемых смыслов смыслового поля, которые связаны со значением данного знака социальной ассоциацией, и не возбуждаться в качестве элемента внутренней формы.

Схемы языковой коммуникации, которые были представлены в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра (Saussure 1933), не объясняют, как значение связывается с мыслью (*со смыслом* – в системной лингвистике). Простейшая схема языковой коммуникации никак не раскрывает те процессы, благодаря которым знаки в речевом потоке воспроизводятся одним человеком и понимаются другими. Только утверждается, что без психики знаки не

появились бы и не были бы восприняты, и что содержание, передаваемое с помощью знаков, тоже хранится где-то в психике.

Более подробная схема языковой коммуникации говорит о существовании обобщенного образа знака и о другом обобщенном образе, непосредственно ассоциированном с образом знака, то есть о *значении*. Говорится и о том, что есть мысль, которую нужно передать, и что она как-то связывается со значением, но как именно Ф. де Соссюр не может объяснить, потому что он считает, что образом является только значение и *обратимый образ знака*, то есть обобщенный образ знака, который субъект может опознавать и воспроизводить, а мысль (в системной лингвистике – *смысл*) – *бесформенна*. Из признания мысли бесформенной следует, что значение не может ассоциироваться с мыслью на основе ассоциации по сходству. Поэтому ассоциацию значения с мыслью Соссюр называл «таинственной».

В системной же лингвистике, начиная с И.А. Бодуэна де Куртенэ, связь между значением и смыслом объясняется ассоциацией по сходству, то есть такой ассоциацией между образами, которая возникает благодаря тому, что один из образов полностью или частично включается в другой. Если знак своим обобщенным психическим образом связывается с образом мышления через смежный образ благодаря *ассоциации по сходству* смежного образа с образом мышления, то это уже *творческий акт*, который свидетельствует о существовании в психике человека универсального способа общения, который И.П. Павлов (Pavlov 1951) называл второй сигнальной системой. Именно общение членов языкового коллектива на основе намекания на смыслы через возбуждение значений с помощью воспроизводимых сигналов обеспечивает универсальный способ общения.

В свете такого понимания процессов внеязыкового и языкового мышления и процесса языкового общения язык предстает как система воспроизведения и опознания *социальных знаков* для универсального общения между членами языкового коллектива. Иными словами: язык понимается как система средств общения, основанная на возбуждении в психике собеседника соответствующих замыслу говорящего *смыслов* через намекание на смысл с помощью *значений* знаков, которые составляют речевой поток (Melnikov 1980: 59, 61).

3. Анализ

3.1. Оптимальная форма языкового содержания агглютинативного языка и возможность ее экспликации средствами флективного языка

Г.П. Мельников подчеркивал, что различия языкового строя не следует рассматривать как условие разного видения мира. Ученый руководствовался коммуникативной обусловленностью внутренней детерминанты языка при определении языка прежде всего как коммуникативного устройства, а не инструмента мышления. Под внутренней детерминантой языка Г.П. Мельников понимал приобретенное в результате становления языковой системы ее

наиболее устойчивое свойство. Оно проявляется на высшем ярусе и поддерживается своеобразием всех более глубоких ярусов. Мышление же – «не вербально и универсально», поскольку независимо от строя языка у всех народов «процедуры и механизмы мыслительных процессов и актов, осуществляясь в зоне внеязыкового сознания и прогнозирования состояний внешней действительности, остаются общими, универсальными» (Melnikov 2003: 12–13). Любому языку свойственны *общечеловеческие* характеристики сознания и осуществляемое им мышление, так как компонент социального сознания специализирует каждый язык для универсальной коммуникации. Мышление не имеет прямого влияния на типологическое своеобразие языков. На картину мира носителей языка своеобразие языкового типа оказывает *вторичное* – некоторое косвенное влияние. «Обычно же, когда настаивают на том, что человек смотрит на мир через очки языкового мировидения, то, не разграничивая уровней внутренней формы сообщений, являющейся смыслом высказывания и служащей лишь намеком на этапы преобразования повода в сюжет, отождествляют картину мира с коммуникативным ракурсом, а смысл высказывания с сюжетом, формируемым из повода под влиянием этого смысла. Результатом такого неразграничения оказываются неимоверно преувеличенные представления о степени параллелизма между языком и сознанием, говорением и мышлением, и далее в зависимости уже от ряда дополнительных обстоятельств, эти представления на одном полюсе приводят к появлению известной гипотезы Сепира – Уорфа, а на другом – к теории непосредственного воздействия экономического базиса общества на мышление, а мышления – на тип (“стадию развития”) языка» (Melnikov 2003: 135–136).

«Языковое думание», подчеркивал ученый, начинается в тот момент, «когда, в связи с поставленной целью, говорящий выявил границы передаваемого смысла и начал перекодировать его в значения, а слушающий, наоборот, включился в процесс перехода от воспринятых значений к восстановлению смысла, подразумевавшегося говорящим. После того, как смысл передан и воспринят, он может быть включен в мыслительные операции, не связанные с коммуникативной деятельностью и поэтому не содержащие в себе никаких признаков специфики “языкового видения мира”» (Melnikov 2000; см. также Melnikov 2003: 135–136).

Типичные условия общения, учитывающие *типичные* интервалы в коммуникации, выступают как причина приспособления смысла *типичного* высказывания для преобразования *типичного* повода коммуникации в *типичные* сюжеты. Поэтому язык, являющийся самонастраивающейся адаптивной коммуникативной системой, вырабатывает оптимальную в заданных условиях типовую схему типового высказывания (коммуникативный ракурс), в которой проявляется внутренняя форма языка как форма языкового содержания. Так, складывание агглютинативной языковой техники обуславливалось наличием временных и пространственных ограничений на межкоммуникационные интервалы между членами кочевого социума. Кочевники, собирающиеся вместе раз в году, обычно осенью после сезонного

выпаса скота на пастбищах, хотят узнать, как изменились свойства известных всем субъектов и объектов за то время, пока они не виделись. Таким образом формируется *признаковый* коммуникативный ракурс (ракурс изображения). Исследование показывает, что типовая схема типового агглютинативного высказывания регулярно воспроизводится во вторичной моделирующей системе – художественных текстах:

- (1) *Бастары көгеріп, бүрленіп қалған қалың қараған жел лебімен сыбдыр-сыбдыр қағып теңселіп, ыргалып қояды* (Әуезов 2006: 4).
Густой караган с набухшими почками, верхушки которых уже зеленели, от порывов ветра постукивая (ветками), шуршал и раскачивался из стороны в сторону³.
[Букв.: Головы/ верхушки зеленеющиеся, започкововавшийся густой караган⁴ ветра порывами постукивая колыхаясь, раскачиваясь].

Высказывание представляет собой сложный знак целостного смысла. Функционирующая как самостоятельное слово корневая морфема *қараған*, имеющая вещественное значение ‘кустарник’, заключается с обеих сторон, до и после нее, в атрибуты. Расположенные в препозиции атрибуты и слово *қараған* (вид кустарника) составляют тему высказывания. Перевод тематической части высказывания на русский включает в себя включает в себя придаточное определительное, тогда как в агглютинативном казахском языке не только определительные отношения, но и обстоятельственные, и объектные сводятся к разновидностям атрибутивных отношений и выражаются позиционно – постановкой атрибута рядом с уточняемым словом. Поморфемный перевод этого фрагмента раскрывает атрибутивные отношения:

Бастары ‘(их) верхушки’ → *бас* ‘край, оконечность ч.-л., головка’, зд. ‘верхушка’ → *тар* – показатель мн.ч. → *ы* – аффикс притяжат. Род. п.; *көгеріп* от *көгеру* ‘зеленеть’; ‘прорасти, давать ростки (о растении)’ → *көг* от *көк* зд. ‘зелёный’ → *ер* – глаголообраз. суф. → *іп* – суф. дееприч.; *бүрленіп* от *бүрлену* ‘дать почки (о растениях), ‘бутонизация’ → *бур* ‘почка’ → *лен* – гл. возвратного залога → *іп* – суф. дееприч.; *қалған* от *қалу* ‘оставаться’; в роли вспом. гл-ла с предшеств. деепричастиями употребляется в разн. значениях → *ған* – аффикс причастия прош. вр.; *қалың* ‘густой’.

Средствами флективного русского языка мы могли бы эксплицировать эти атрибутивные отношения, отказавшись от использования дополнений и придаточного определительного предложения: *верхушкочкозеленеющийся густой кустарник*.

Рематическая часть этого высказывания состоит только из атрибутов – *жел лебімен сыбдыр-сыбдыр қағып теңселіп, ыргалып қояды*, содержание которых наиболее точно передается поморфемным переводом:

³ Здесь и далее перевод наш. – У.Б., О.В.

⁴ Караган – вид кустарника.

жел ‘ветер’

лебiмен от *леби* ‘порыв, дуновение’ → *i* – притяж.аффикс 3 л. → *мен* – показатель Тв. п. – ‘порывом, порывами (ветра)’;

сыбдыр-сыбдыр от *сыбдыр* ‘шорох, шелест, журчание’;

кагып от *кагу* ‘стучать, стучаться, выстукивать, ударять, махать, взмахивать, задевать (коснуться кого-чего-л. при движении)’ → *ып* – суф. деепричастия – ‘стуча (ветками)’;

теңселiп от *теңселу* ‘качаться; колыхаться; колебаться, шататься’ → *iп* – суф. деепричастия – ‘качаясь’;

ыргалып от *ырга* *зд.* раскачиваться, колыхаться, качаться’ → *л* – суф. страдат. залога → *ып* – суф. деепричастия – ‘раскачиваясь’;

қояды от *қою* *зд.* в роли вспомог. гл. (*қоя* → *ды* – оконч. 3 л.), указывающий в каком состоянии находится караган.

Перевод – *от порывов ветра постукивая (ветками), шуршал и раскачивался из стороны в сторону* нарушает атрибутивность оригинального высказывания: *стучащий шуршащий качающийся*.

Кустарник (караган) и в тематической, и в рематической части высказывания сопровождается качественными-признаковыми словами («атрибутивными именами»). Номинативный смысл такого высказывания, а такими высказываниями в агглютинативных языках возможно передать любое содержание, содержит «сведения об интегрированном результирующем состоянии, сложившемся за относительно длительный период времени, в течение которого воспользоваться какими-либо каналами коммуникации вообще не было возможности»⁵: *Верхушкопочкозеленящийся густой кустарник / стучащий шуршащий качающийся из стороны в сторону от порывов ветра*.

Проанализируем высказывание, не связанное содержательно с описанием природы, и его перевод средствами русского языка:

(2) *Осындай сәттегі ұйыған тыныштықты, кенет гүжілдеген мотор дауысы бұзды* (Қорғасбек 2006: 46).

Таковую, устоявшуюся к этому времени тишину нарушил внезапный шум мотора.

[Букв.: Такой этот момент устоявшийся тишину внезапный грохочущий шум мотора прервал].

Тематическая часть высказывания – *Осындай сәттегі ұйыған тыныштықты* [Букв.: Такой этот момент устоявшийся тишину]:

⁵ Мельников Г.П. Отчет о НИР «Разработка подсистемы лингвистического обеспечения АИС документально-фактографического типа в области материаловедения». Гос. рег. № 01 86.0103243. Инв. № 02878.0069550. Москва: машинопись, 1986. [Mel'nikov, Gennadii P. 1986. Otchet o NIR «Razrabotka podsistemy lingvisticheskogo obespecheniya AIS dokumental'no-faktograficheskogo tipa v oblasti materialovedeniYA» (Research report “Development of a subsystem of linguistic support for AIS of a documentary-factual type in the field of materials science”). Gos. reg. № 01 86.0103243. Inv. № 02878.0069550. Moscow: mashinopis'. (In Russ.)].

осындай ‘такой, подобный’

сәттегі от *сәт* ‘время; момент; мгновение’ → *те* – аффикс местного падежа → *гі* – словообразоват. суффикс прилаг.;

ұйыған от *ұйыту* ‘квасить, заквашивать, заквасить’; ‘свернуться, свертываться (обычно о молоке), настояться’ → *ұй* → *ы* гласная вставка, востребован. стечением согл. → *ған* – аффикс причастия прош. вр. – ‘устоявшийся, настоявшийся’;

тыныштықты от *тыныш* ‘покой; спокойствие’ → *тық* – словообразов. аффикс абстрактных сущ. → *ты* – показатель В. пад. – ‘покой, спокойствие, тишину’;

Рематическая часть – *кенет гүжілдеген мотор дауысы бұзды* [букв.: внезапный грохочущий мотора шум прервал]:

кенет ‘внезапный’

гүжілдеген от *гүжіл* ‘грохот, гул, шум-гам’ → *де* – глаголообраз. аффикс → *ген* – аффикс причастия прош. вр. – ‘грохочущий’;

мотор ‘мотор’

дауысы от *дауыс* ‘звук, голос’ → *ы* – аффикс принадлежности, притяжат. 3 л. – ‘звук’;

бұзды от *бұзу* ‘портить, ломать, разрушать’; ‘нарушать (порядок, обычай, договор и пр.)’ → *ды* – суф. глагола прош. вр. – ‘нарушил’.

Типичное строение агглютинативного высказывания, когда слово с вещественным значением обрастает атрибутами, наблюдается и в этом примере:

(3) *Бұл жазушының ақындық пішінін түгел көрсететін шығарма.*

Поэтический дар этого писателя полностью отражает данное произведение.

[Букв.: Этого писателя поэтический дар сполна отражающее произведение.]

Бұл указ. местоим. ‘этот; эта; это’

Жазушының ‘писателя (этого)’ → *жазу* (писать) – гл. в неопред. ф. → *шы* – суф., обозначающий лицо по сфере деятельности, → *ның* – окончание со значением притяжательности – ‘этого писателя’;

ақындық ‘искусство поэта, поэтический дар’ → *ақын* ‘акын, поэт’ → *дық* – словообраз. аффикс абстрактных сущ.;

пішінін от *пішін* ‘форма, внешность, облик, дар’ → *і* аффикс принадлежности 3 л. → *н* – показатель В. п.;

түгел ‘весь, целиком, полностью’

көрсететін ‘показывающий, демонстрирующий, доказывающий, свидетельствующий’ → *көру* ‘видеть, зреть’ → *сет* – непроизв. гл. → *етін* – аффикс причастия;

шығарма ‘произведение’.

Г.П. Мельников в разных работах отмечал своеобразие строя тюркских языков, большую строгость и упорядоченность их организации (Melnikov

1971: 136). Относительно простой характер структурирования агглютинативных языков, не сложная синтаксически однотипно передаваемая информация компенсируются лексическим разнообразием. Перечисляемые атрибуты в виде цепочки словоформ, названные в теме-подлежащем, предстают новыми, важными, дополнительными свойствами и признаками по отношению к известным ранее. Атрибутивная функция цепочек словоформ «вполне может быть маркирована только позиционно» (Melnikov 2003: 349–351).

В качестве примера реконструируем ситуацию, когда внуки приехали к бабушке помогать ворошить сено. Одному из них не хватило вил. Бабушка, ища старые вилы, задается вопросом, желая помочь недовольному внуку:

(4) *Былыр жазда пішен үйген кезде бір ұшы сынған ұзын сапты айырды кім алды?*

Кто взял вилы с длинным черенком, у которого в прошлом году во время кучкования сена сломался зубец?.

[Букв.: Прошлом году летом сено собиравшие время один зубчик сломанный длинный черенок вилы кто взял?]

былыр ‘прошлый год’

жазда ‘летом’ от *жаз* – ‘лето’ → *да* – аффикс местн. пад.;

пішен ‘сено, травостой’

үйген ‘собиравший в кучу’; *үй* – непроизв. гл. → *ген* – суф. причастия прош. вр.;

кезде ‘в ту пору’ *кез* ‘пора’ → *де* – аффикс местн. пад.;

бір ‘один’

ұшы ‘зубец его’, корень – *ұш* ‘зубец, острие’ → *ы* – притяжат. аффикс 3-го л.;

сынған ‘сломанный; сломавшийся’, корень *сын* → *ган* суффикс причастия прош. вр.;

ұзын ‘длинный’

сапты ‘насаженный на рукоятку, черенок; снабженный черенком’ → *сап* ‘рукоятка, черенок, ручка’ → *ты* – словобраз. суф. прилаг.;

айырды ‘вилы’ в вин. пад., *айыр* ‘вилы’ → *ды* – показатель В. пад.;

кім ‘кто’

алды ‘взял’; корень *ал* → *ды* – суф. глагола прош. вр.

Каждый фрагмент словоформы вносится как дополнительное изменение, поправка в определенный фрагмент картины мира слушающего – внука. Именно в силу внесенных в его внеязыковое сознание «дополнительных поправок и намеков» слушающий может адекватно актуализировать фрагмент действительности, заключенный в том или ином образе (в данном случае искомым вил). На «оперативном экране» слушающего возникает образ именно тех вил, которые пытается найти бабушка. Это те вилы с длинным черенком, у которых в прошлом году во время кучкования сена сломался один зубец.

На примере следующего вопросительного предложения из стихотворения М. Шаханова (2000: 89) покажем как актуальная для этого сообщения информация может быть передана на русский.

(5) *Кім айтты саған қара ешкі мужіген ағаш
Қайтадан гүлдемейді деп?*

Кто сказал тебе, что дерево, обглоданное черной козой / Снова не зазеленеет?

[Букв.: Кто сказал тебе черной козой глоданное дерево / Снова не зацветет, сказав?]

кім ‘кто’

айтты от *айту* ‘говорить, сказать, поведать’; корень *айт* → *ты* – суф. прош. вр. – ‘сказал’;

саған ‘тебе’

қара ‘черный’

ешкі ‘коза’

мужіген ‘глоданный’; корень *мужі* → *ген* – суффикс причастия прош. вр.;

ағаш ‘дерево’

қайтадан ‘снова, заново, повторно’

гүлдемейді ‘не зацветет’ – *гүл* ‘цветок’ → *де* – глаголообраз. аффикс → *ме(й)*, суф., образующий отрицательную форму → *ді* – суф. глагола прош. вр.;

деп ‘сказав’, корень *де* → *п* – суффикс деепричастия.

На флективном русском возможно два варианта передачи содержания: 1) Кто сказал тебе, что дерево, обглоданное черной козой, вновь не зазеленеет / не зацветет? 2) Кто сказал тебе, что обглоданное черной козой дерево вновь не зазеленеет / не зацветет? На казахском языке актуальную для этого сообщения информацию можно передать только вторым вариантом: *обглоданное черной козой дерево*.

3.2. Выражение конечного смысла средствами типологически разных языков

С позиций системной лингвистики, независимо от количества морфем и, соответственно – значений, обуславливающих различия числа ближайших смыслов, даже если в различных языках это количество примерно одинаковое, содержания ближайших смыслов будут в большей или меньшей мере отличаться. Напомним: ближайшими смыслами, вслед за А.А. Потебней, называются смыслы, на которые непосредственно намекают значения морфем. Различия в выражении ближайших смыслов средствами разных языков отчетливо проявляются в способе номинации: «в одном языке узуальное или эвентуальное наименование выражаемого актуального конечного смысла может быть осуществлено средствами *однословной номинации*, тогда как и в другом языке для этого потребуется *когноминация*, т.е. использование узуальных смыслов двух или даже большего числа слов в качестве *предконечных* для намёка на определённые компоненты *конечного* смысла» (Melnikov 2000).

Многие однословные номинации, характеризующие кочевой быт тюркских народов и их особое отношение к природе, в русском языке передаются

только когноминацией: **АЛАГЕУІМ** (*zi*) предрассветные сумерки (Kazakh-Russian dictionary 2008: 51).

ЖЕРІК (*zi*) прихоть, вкусовые капризы, привередливость у беременной женщины; (толкование: потребность беременной женщины в утолении некоего желания). **ЖЕРІК+ТІК** → **ЖЕРІКТІК** (*zi*) состояние привередливости, вкусовые капризы у беременной женщины (Там же: 325).

ЖОЛДАСУ – *этн.* определять или устанавливать что-л. по традиции (по обычаю) (Там же: 333).

КЕПЕ ягненок (название ягненка в определенном периоде; развитие ягненка идет от кошакана к козы, от козы к марка, от марка к баглану, от баглана к кепе, от кепе к токты (Там же: 399). Кошакан (*каз.:* қошақан) 1) *уменьш.-ласк.* ягненок, 2) *перен.* ласковое обращение к младенцу; Козы (*каз.:* қозы) ягненок домашний и дикий; Марка (*каз.:* марқа) – ягненок раннего окота; Баглан (*каз.:* бағлан) 1) подросший упитанный ягненок (*т.е.* ягненок раннего окота, который уже перестал сосать матку); *перен.* избранный или уважаемый в обществе человек (во мн.ч.: «сливки» общества, элита); Токты (*каз.:* тоқты) ярка – овечка от шести месяцев до года.

БАРЫМТА *ист., этн.* баранта (одна из форм решения родовых споров: самовольный захват, угон скота – табунов лошадей – у обидчика в возмещение причиненного ущерба – когда тот не исполнял решения биев (би – *зд.* судья, разрешающий споры), позже превратились в грабеж, практикуемый враждующими родами) (Там же: 129).

ТАҚЫР (*каз.:* тақыр) 1) пустое место, лысое место (потрескавшаяся солончаковая голая земля); 2) ровное место, где нет травы (Там же: 763).

Существенным, хотя и косвенным показателем являются и транслитерированные тюркизмы в русскоязычных текстах тюркских писателей. Так, например, слово

МАНКУРТ (*каз.:* маңқұрт) стало широко известным после выхода первого романа Ч.Т. Айтматова «Буранный полустанок (И дольше века длится день)». В тексте романа этот тюркизм толкуется так: Манкурт не знал, кто он, откуда он родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил своего детства, отца и матери – одним словом, *манкурт* не осознавал себя человеческим существом» (Aitmatov 1998: 129);

АЙНАЛАЙН (*каз.:* айналайын) в авторской ремарке О.О. Сулейменов поясняет слово так: «Обращение к дорогому человеку – айналайн. ‘Кружусь вокруг тебя’ – подстрочный перевод. ‘Принимаю твои болезни’ и ‘Любовь моя’ – смысловые переводы» (Suleimenov 1989: 144, 307).

Эти примеры показывают различия выражения конечного смысла средствами разных языков. Смыслы лексем: *жерік, жеріктік, кепе, баглан, марка, манкурт, айналайн* и др. оказываются ближайшими и потому выражаются однословной номинацией, а на русском – многословной, то есть *когноминацией* (термин Г.П. Мельникова). При когноминации, сложном именуемом знаке, отношения между смыслами лежат в «плоскости», а не в «цепи», как при

деривационной номинации. Таким образом, в русском языке пришлось использовать узуальные смыслы большего числа слов в качестве предконечных, необходимых для намека на определенные компоненты конечного смысла.

Выражение конечного смысла средствами типологически разных языков будет разным. Покажем это на казахских словах класса действий: **отыр** (букв.: сидит), **жатыр** (букв.: лежит), **тұр** (букв.: стоит), **жүр** (букв.: ходит). Все эти слова являются вспомогательными глаголами и принадлежат к одной лексико-семантической группе. Указывая на физическое (рас)положение тела человека в пространстве (находится ли он в горизонтальном или вертикальном положении, статичен или динамичен), они раскрывают особенность производимого человеком действия. Так, русское высказывание

- (6) *Дина читает книгу* на казахском языке может иметь следующие переводные варианты:

Дина китап оқып **отыр**. [Букв.: Дина книга читающая **сидит**.]

Дина китап оқып **жатыр**. [Букв.: Дина книга читающая **лежит**.]

Дина китап оқып **тұр**. [Букв.: Дина книга читающая **стоит**.]

Дина китап оқып **жүр**. [Букв.: Дина книга читающая **ходит**.]

Присущие этим четырем словам значения образа действия, длительности и видового характера этого действия (постоянный характер действия или его повторяемость, процессуальность или динамичность, кратковременность или длительность) получает свое уточнение только контекстуально.

Особенности выражения конечного смысла средствами типологически разных языков проясняются при сопоставлении литературного перевода с глоссированием переводимых словоформ. Покажем это на примерах:

- (7) *Мать дома готовит еду.*

[Букв.: Шешем уйде тамақ пісіріп **жатыр**.]

шеше ‘мать’; *шеше* → *м* – притяж. аффикс 1 л. ‘мать моя’

уй ‘дом’; *уй* → *де* – показатель П. п. ‘дома’

тамақ ‘еда’

пісіріп ‘готовящая’ → *піс* – непроизв. гл. → *ір* – аффикс страд залога → *ін* – аффикс деепричастия.

- (8) *Мой младший брат матери помогает.*

[Букв.: Інім шешеме көмектесіп **жүр**.]

інім ‘младший брат мой’; *іні* ‘младший брат’ → *м* – аффикс притяж. 1 л.;

шешеме ‘матери моей’; *шеше* ‘мать’ → *ме* – аффикс притяж. 1 л. Дат. п.;

көмектесіп ‘помогающий’; *көмек* ‘помощь’ → *тес* – повелит. накл. гл. ‘помоги’ → *ін* – аффикс деепричастия;

жүр – вспомогат. гл.

- (9) *Два человека разговаривают.*

[Букв.: Екі адам сөйлесіп **тұр**.]

Екі ‘два’

адам ‘человек’

сөйлесіп ‘разговаривая’; *сөйле* – гл. повелит. накл. ‘говори’ → *с* – аффикс совместного залога → *ін* – аффикс деепричастия;
тұр – вспомогат. гл., *зд. букв.*: ‘стоят’;

(10) *Моя бабушка перед телевизором вяжет носок.*

[*Букв.*: Эжем теледидардың алдында шұлық тоқып отыр.]

Әжем ‘бабушка моя’; *әже* ‘бабушка’ → *м* – аффикс притяж. 1 л.;
теледидардың ‘*букв.*: телевизорный’; *теледидар* ‘телевизор’ → *дың* – аффикс притяжат. 3 л
алдында от *алды* ‘перед, передняя, фасадная часть, сторона’ → *н* (соед. протеза) → *да* – аффикс местн. пад., указывающий на (рас)положение;
шұлық ‘носок’
тоқып *зд.* ‘вяжущая’ → *тоқы* – повелит. форма гл. ‘вяжи’ → *п* – аффикс дееприч.;
отыр – вспомогат. гл. *зд. букв.* ‘сидит’.

В книге «Плач охотника над пропастью» («Исповедь на исходе века») М. Шаханов, говоря об обычаях и традициях казахов, приводит интересный пример, демонстрирующий одно из предписаний для казахской снохи. Молодой невестке было не положено называть по имени родителей мужа, а его братьям и сестрам она должна была дать новые имена.

(11) *На противоположном берегу реки, в камышах, напал на овечку волк. Тут за водой пришла невестка и спугнула волка. Увидев умирающую овцу, вынула невестка нож, наточила его об оселок да и перерезала горло овце, чтобы та избавилась от мук. Вернувшись домой, захотела было рассказать о происшедшем, да вспомнила, что братьев мужа звали Озенбай (‘озен’ – река), Камысбай (‘камыс’ – камыш), Койшыбай (‘кой’ – овца), Каскырбай (‘каскыр’ – волк), Кездикбай (‘кездик’ – нож), Кайракбай (‘кайрак’ – оселок, точило). Как же назвать их имена? Подумала, подумала невестка, да и придумала: «На том берегу журчащей, с одной стороны от шелестящих, воющий наплеющую. Вынула я свой режущий, провела им по точащему, да и перерезала ей горло (Aitmatov & Shakhanov 1996: 11).*

В казахской версии этой книги рассказ невестки представлен так:

(12) *Сарқыраманың арғы жағында, сылдырламаның бергі жағында, маңыраманы ұлыма жеп жатыр екен, жанымамды ала салып, білемеге жанып-жанып жібердім де, бауыздап тастадым (Shy`nғу's Aitmatov, Mұkhtar Shakhanov 1997: 12).*
[*Букв.*: **Журчащей** тот берег, **шелестящих** этот берег, **плеющую воющий** поедает оказывается, **режущий** взяв, об **точащий** поточила, поточила, да зарезала.]

В рассказе находчивой невестки проясняются переданные русским языком наиболее оптимальные «технологические» модификации формы предикативного акта в агглютинативном языке. Эти особенности отражают

своеобразие коммуникативного ракурса агглютинативных языков – качественно-признакового. Но в условиях коммуникации других языковых коллективов, например, флективных, эти технологические модификации будут неоптимальными. На это повлияет свойственная им необходимость передачи информации по длинной цепи ретрансляций и возможность опоры только на общность родо-видовых смыслов при общении между собой малознакомых или совсем незнакомых людей, характерном для сверхбольших культурно однородных коллективов, ведущих оседлый образ жизни.

4. Заключение

Идеи В. фон Гумбольдта о внутренней форме, которые развивали Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф, А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, были конкретизированы в теории Г.П. Мельникова через понятие *коммуникативного ракурса* языкового типа, который выражается в типовой схеме высказывания. Типовая схема высказывания на агглютинативном языке может быть записана формулой Т (тема) Р (рема), где рема представляет собой Т' (повторенную тему) и перечень атрибутов А¹, А², А³ и т.д.:

$$T P = T + T' + A1, A2, A3...$$

Именно типовая схема высказывания определяет то, какие типы смыслов при номинации чаще всего выступают в качестве ближайших. Многочисленные однословные номинации, как показало исследование, характеризующие кочевой быт тюркских народов и их особое отношение в природе, в русском языке передаются только когноминацией. Так не сложная синтаксически однотипно передаваемая информация, компенсируются в агглютинативном языке чрезвычайным лексическим разнообразием.

Предпринятое в статье сопоставление схемы языковой коммуникации Ф. де Соссюра (Saussure 1933) и схемы языковой коммуникации И.А. Бодуэна де Куртенэ, позволило уточнить их принципиальное различие. Если Ф. де Соссюр считал образом только значение и потому не мог объяснить связь значения со смыслом (мыслью), то в системной лингвистике признается образная природа и значения, и смысла. Это позволяет объяснить связь между значением и смыслом ассоциацией по сходству и провести разграничение между внеязыковым мышлением, носящим универсальный характер, и «языковым мышлением».

Проведенное сопоставление реализаций типовой схемы агглютинативного высказывания и возможностей их перевода раскрыло способность передавать средствами событийного русского языка статичность агглютинативного языка и преобразовывать эту статичность в событийность в зависимости от цели общения. Таким образом была доказана способность передавать единое мыслительное содержание разными средствами, выработанными в разных типах языков под влиянием условий общения. Это позволило верифицировать разрабатываемое Г.П. Мельниковым одно из базовых

положений системной лингвистики об универсальности мышления как такового. Строгое разграничение языкового и внеязыкового мыслительного содержания, конечного смысла и его внутренней формы дает возможность осознать, что различия в выражении конечных смыслов не означают различия в восприятии внешнего мира, вызываемого грамматическим строем языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Aksakov, Konstantin S. 1975. Philological writings. *Polnoe Sobranie. Sochinenii*. V. 2. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K). (In Russ.)
- Boduehn de Kurteneh, Ivan A. 1963. *Selected Works on Linguistics*. V. 2. Moscow: AN SSSR Publ. (In Russ.)
- Dremov, Aleksei F. 2019. Zones and taxis: Locative semantics of Russian cases in terms of modern systems linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 10(4). 789–809. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-4-789-809>
- Zubkova, Lyudmila G. 2003. On the main linguistic work of G. P. Melnikov. In Gennadii P. Melnikov (ed.), *System typology of languages: Principles. Methods. Models*. 6–17. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Zubkova, Lyudmila G. 1999. *Language as a Form. Theory and History of Linguistics*. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Lipatova, Tat'yana V. 2016. The formation of meaning and functional motivation of language units' semantics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics* 1. 25–31. (In Russ.)
- Lutin, Sergei A. The origins and essence of the determinant approach to language as a system (in memory of G.P. Melnikov). *RUDN Journal of Linguistics* 2(8). 13–21. (In Russ.)
- Mel'nikov, Gennadii P. 1971. Principles of systemic linguistics in application to the problems of Turkic studies. *Structure and History of Turkic Languages*. 121–137. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Melnikov, Gennadii P. 1978a. Baudouin's understanding of the systemic nature of language. *Language Practice and Theory of Language*. 32–51. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Mel'nikov, Gennadii P. 1978b. *Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics*. Moscow: Sovetskoe radio. (In Russ.)
- Mel'nikov, Gennadii P. 2000. *Systemic Typology of Languages: Synthesis of Morphological Classification of Languages with Stadiol*. Moscow: RUDN. (In Russ.) https://www.philol.msu.ru/~lex/melnikov/meln_syst/g12.htm#p5 (accessed 08.09.2021).
- Mel'nikov, Gennadii P. 2003. *Systemic Typology of Languages: Principles. Methods. Models*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Pavlov, Ivan P. 1951. *Full Composition of Writings: V 6. 2-nd edn*. Moscow – Leningrad: AN SSSR Publ. Vol. 3. kn. 2. (In Russ.)
- Potebnaya, Aleksandr A. *Thought and language*. Kharkov: M.V. Potebnaya. (In Russ.)
- Preobrazhenskii, Sergey Yu. 2016. System analysis of verse. In Olga I. Valentinova et al. (eds.), *The Systemic view as a basis for philological thought*, 303–376. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russ.)
- Rudenko, Dmitrii I. 1993. Linguo-philosophical paradigms: The boundaries of language and the boundaries of culture. *Philosophy of Language within the Boundaries and beyond the Boundaries*. 101–173. Kharkiv: Oko. (In Russ.)
- Rybakov, Mikhail A. 2016. Development of ideas about the typological similarity of languages. In Olga I. Valentinova et al. (eds.), *The Systemic view as a basis for philological thought* 17–136. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russ.)

- Saussure, Ferdinand de. 1933. *Course of General Linguistics*. Moscow: Sotsekgiz (In Russ.)
- Fedosyuk, Mikhail Yu. 2019. «Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den' ... Borodino», or why toponyms ending on -ino, -ovo stop to be declined. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology* 5. 333–341. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-333-341>
- Danylenko, Andrii. 2015. On the mechanisms of grammaticalization of comitative and instrumental categories in Slavic. *Journal of Historical Linguistics* 2(2). 267–296. <https://doi.org/10.1075/jhl.5.2.03dan>

Источники / Sources

- Aitmatov Chingiz T. 1998. *Sobranie sochinenii: V 7-mi t. T. 3. Roman*. – M.: Turkestan.
- Aitmatov, Chingiz T. & Mukhtar Sh. Shakhanov. 1996. *Confession at the End of the Century*. Almaty: Rauan. (In Russ.)
- Syzdykova, Rabiga G. & Kobey Sh. Husain. (eds.). *Kazakh-Russian Dictionary: About 50,000 Words*. Almaty: Dike-Press.
- Ky'zy'l beltirik (Zhinak) Povester / Əuezov M., Қорғасбек Zh., Altaj A., Shařataj Zh., Akhmetzhan T. Almaty': «Arda», 2006. (In Kazakh)
- Suleimenov, Olzhas O. 1989. *Essay, Journalism. Poems, Poems. Az and I*. Alma-Ata: Zhalyun. (In Russ.)
- Shy'nfу's Aјtmatov, Mųkhtar Shakhanov. Kųz basy'ndařу` aңshу`ny`ң zary` (Fasy`r ajry`-řу`ndařу` sy`rlasu): – Almaty': Rauan, 1997. (In Kazakh)

Article history:

Received: 02 December 2021

Accepted: 14 December 2021

Сведения об авторах:

Улданай МаксUTOвна БАХТИКИРЕЕВА – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Область научных интересов: системная лингвистика, русско-инонациональный художественный би- и транслингвизм, теория и практика перевода, языковая политика. Главный редактор журнала «Полилингвильность и транскультурные практики», научный редактор журнала «Филологические науки (Научные доклады высшей школы)».

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
e-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Ольга Ивановна ВАЛЕНТИНОВА – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Область научных интересов: системная лингвистика, филологическая герменевтика, историческая стилистика, теория и история поэтического языка.

Контактная информация:

Российский университет дружбы народов
Россия, 11719, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
e-mail: valentinova-oi@rudn.ru

Bionotes:

Uldanai M. BAKHTIKIREEVA is Dr. Habil. in Philology, Professor of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Her research interests include systemic typology of languages, bilingualism and translingualism, theory and practice of translation, and language policy. She is the chief editor of the journal "Polilinguagism and Transcultural Practices" and a scientific editor of the journal "Philological Sciences (Scientific Essays of Higher Education)".

Contact information:

RUDN University
6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia
e-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Olga I. VALENTINOVA is Dr. Habil. in Philology, Professor in the Department of General and Russian Linguistics at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Her research interests embrace systemic linguistics, philological hermeneutics, historical stylistics, theory and history of poetic language.

Contact information:

RUDN University
6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia
e-mail: valentinova-oi@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-30087>

Book review

**Review of Koshelev, Alexey. 2020.
On the Genesis of Thought and Language.
Translated by Alexander Kravchenko with Jillian Smith.
Moscow and Boston: Academic Studies Press**

Anna GLADKOVA

Australian National University, Canberra, Australia
Monash University, Clayton, Australia
Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia
 angladkova@gmail.com

For citation:

Gladkova, Anna. 2022. Review of Koshelev, Alexey. 2020. *On the Genesis of Thought and Language*. Translated by Alexander Kravchenko with Jillian Smith. Moscow and Boston: Academic Studies Press. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 245–249. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30087>

Рецензия

**Рецензия на книгу
Koshelev, Alexey. 2020. *On the Genesis of Thought
and Language.* Translated by Alexander Kravchenko
with Jillian Smith. Moscow and Boston: Academic Studies Press**

Анна ГЛАДКОВА

Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия
Университет Монаш, Клейтон, Австралия
Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия
 angladkova@gmail.com

Для цитирования:

Gladkova A. Review of Koshelev, Alexey. 2020. *On the Genesis of Thought and Language*. Translated by Alexander Kravchenko with Jillian Smith. Moscow and Boston: Academic Studies Press. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 1. P. 245–249. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30087>

The recently published book by Alexey Koshelev addresses the fundamental questions of contemporary linguistic theory on the emergence of concepts and

© Anna Gladkova, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

propositions, the nature and structure of human categories and the impact of culture on thought and language. In seeking answers to these questions, the author engages in a stimulating and prolific debate with the leading views. Koshelev proposes a novel Evolutionary-synthetic approach to the study of human mental representations. The book is divided into three chapters and the following description summarizes the key ideas of the chapters.

Chapter 1 is devoted to the description of the evolutionary-synthetic approach and its framework. The notion of a concept is central to Koshelev's interpretation of language and thought interface. He argues about the importance of identifying elementary cognitive units in understanding knowledge representation and considers Paivio's theory of dual coding (Paivio 1971, 1973). According to this theory, units of two types constitute human knowledge – verbal units which store linguistic information and non-verbal visual units which store information about non-linguistic objects and events. Koshelev modifies this theory by suggesting two elements in human conceptual structure – visual and functional. For example, the concept of a banana has two types of coding – visual and functional units. Here the visual prototype corresponds to “an object of an elongated and slightly curved form, a little longer than a human hand, with a yellow skin and slightly mealy sweet flesh with a peculiar smell” and the functional one ‘grows and ripens on a herbaceous plant; when ripe, used by humans as food that gives enjoyment by the taste of its flesh’ (p. 11). These units are claimed to be elementary atom-like cognitive units which, of themselves, do not have any meaning, but being united by the relationship of common locus they become ‘molecular’ units which express meaningful parts of the reality. Engaging in various binary relations (predicative, adjectival, etc.), these meaningful parts create an architecture of a universal human representation of the observed world.

In developing his approach, Koshelev sides with the general development theory, according to which development involves a two-stage transformation of a whole homogeneous object into a system of its components. At the initial stage, the object is divided into parts, and then they are combined into a system. A child developing a mental representation of an object follows this process.

In Koshelev's model, the basic concept has dual structure “Prototype ← Function” and is simultaneously defined by two characteristics of essentially different nature: internal (functional feature) and external (visual mental image). Therefore, human categories are dual: they include two partially coinciding and closely interconnected object categories. This approach explains the author's view on the issue of proposing definitions of categories: they should contain a description of the prototype of the object, as well as its functional component.

Chapter 2 “The genesis of human concepts and propositions. The initial stage of language. Aristotle and Chomsky on thought and language” describes the way humans form concepts and their relations, as well as propositions that connect them. Koshelev argues that concepts are not innate, and their actualization depends only on the child's accumulated experience. Here in his views he parts with scholars like Anna Wierzbicka (1996, 2015) and Stephen Pinker (1997), although their

understandings are not uniform either. He distinguishes an initial stage of the child's pre-conceptual mental representation development at which, for example, the object concepts 'a person', 'is running', 'road' become part of the whole locomotive situation and language is practically not involved at this stage. The emerging concepts have a complex structure (as discussed in Chapter 1) – an observable (perceptual) and non-observable (functional) components, but at the initial stages of child's development they are merged. These concepts are decomposed into more fragmentary components, that is properties and parts belonging to the successive levels in the development of basic concepts. Contrary to Anna Wierzbicka's (e.g., 1996) and Igor Melčuk's (2016) views, Koshelev stresses that these concepts are not decomposable into universal semantic primes which he regards as more elementary concepts of the same level of the concept development tree. In this logic, whole situations do not reduce to simpler situations, protoconcepts to simpler concepts, or concepts to simpler concepts. He claims that it is not concepts, but their approximations that are decomposed into semantic primes and that they are rough correlates given in definitions.

Koshelev distinguishes decomposition from interpretation. In his view, interpretations are not definitions as they play a different role. Interpretation is used as an informative point of entry, from which one can quickly find in the memory the exact concept – a cell with the corresponding concept in the conceptual matrix – and thereby understand it.

Between Aristotle's and Chomsky's view on language and thought interface, Koshelev sides with Chomsky. According to Aristotle, language is an instrument of thought in the way that language is a sound form that preserves the structure of the thought and does not have any content of its own. Chomsky's view is that language is an instrument of thought, a mental system, while its sound form, on which externalization of mental objects depends, is practically devoid of any content (Berwick and Chomsky 2016). Chomsky's and Koshelev's approaches share the following:

- 1) word-like atoms and the operation Merge (Berwick, Chomsky 2016: 111–112, 120–121) were the main innovations in human evolution,
- 2) objects external to language do not exist outside human consciousness because they contain components of the human mind,
- 3) propositions, like expressions, have a hierarchical structure and are indifferent to linear order.

The models, however, diverge in that Chomsky's Internal language is a generative computational system which forms expressions based on its internal principles without any external input. Koshelev's model of thought and language is not a generative one. Here the thought procedure forms propositions that meet the demand from the functional representation of the world. In accordance with its functions, this model is closely associated with the wide scope of human activities.

In Chapter 3 "The effect of culture on language: The case of the Amazonian tribe Pirahã" Koshelev discusses the question of the influence of culture on language using the data on the language of the Amazonian tribe Pirahã reported by

Everett (2008). He argues that culture of a society substantially affects its language. However, the effect of language on culture is quite selective and bears mainly on the level of civilization of the society and the content of its language. He claims that the emergence of professional activities in an ethnogroup is crucial to qualitative changes in the ethnogroup's mental representation of the world.

Koshelev's view is that the development of civilization within a society contributes to the development of the content component of its language – the expansion of its lexical and grammatical meanings. The main criterion of societal progress is the constant expansion of the kinds of activities the society engages in. Thereby the number of professional sublanguages related to new kinds of activities also keeps growing.

Koshelev puts forward a hypothesis about a possible further development of humans. He believes that the process of differentiation of professional knowledge will, at a certain point, be replaced by a reverse process: integration of professional knowledge, when each member of a certain group will be able to comprehend all the given types of professional knowledge.

He predicts an evolutionary leap of *Homo sapiens sapiens* that would ensure an explosive growth of human emotional, intellectual, and agentive abilities, commensurate with the explosive growth of these abilities that marked the transition from anthropoids to humans. Such a leap would transform *Homo sapiens sapiens* into *Homo syntheticus* or *Homo perfectus*. Because of such a leap, every member of this new people would be able to learn and develop not a single specific kind of professional activity but the totality of separate professional activities, along with professional knowledge and languages associated with these activities.

Homo perfectus will possess cognitive units much more abstract than human concepts – superconcepts which will be used to build representation of the world quantitatively more global and holistic than the current representation of the world. The emergent community of perfect people would become homogeneous, and its members would gain complete mutual understanding.

I read the book with considerable interest, and the materials reviewed in the book are of high quality. Koshelev's book is timely, intriguing and deep. It offers a novel view which attempts to explain the fundamental question in linguistic theory about the intersection of language and thought. It relates to the main existing views and offers a deep synthesis of the approaches. The book contributes significantly to the ongoing debate in the area of the origin of language and the language and thought interface.

Koshelev offers a thorough analysis of several linguistic examples. I think that Koshelev's model would benefit from the use and trial of the theory on various types of concepts and their definitions, including abstract concepts, emotions and speech acts, as well as time and space.

I strongly recommend the book as a valuable text for courses on introductory linguistics, semantics, philosophy of language, language evolution and language acquisition. It is a must read for academics and students interested in language and cognition.

REFERENCES

- Berwick, Robert C. & Noam Chomsky. 2016. *Why Only Us: Language and Evolution*. Cambridge: MIT Press.
- Everett, Daniel. 2008. *Don't Sleep, There are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle*. N.Y.: Pantheon Books.
- Melčuk, Igor. 2016. *Language: From Meaning to Text*. Moscow: LRC & Boston: ASP.
- Pavio, Allan. 1971. *Imagery and Verbal Processes*. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston.
- Pavio, Allan. 1973. *Mental Representations*. Oxford: Oxford University Press.
- Pinker, Stephen. 1997. *How the Mind Works*. N.Y.: W. W. Norton & Company.
- Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2015. Innate conceptual primitives manifested in the languages of the world and in infant cognition. In Eric Margolis and Stephen Laurence (eds.), *The Conceptual Mind: New Directions in the Study of Concepts*, 379–412. Cambridge: MIT Press.

Book review history:

Received: 20 September 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionote:

Anna GLADKOVA received her PhD in Linguistics from the Australian National University. Her research interests include semantics, pragmatics, language and culture interface, cognitive linguistics and Natural Semantic Metalanguage. She has taught linguistics and applied linguistics at the Australian National University, Monash University and University of New England (Australia) as well as University of Sussex and University of Brighton (United Kingdom). She is member of the Editorial Board of *Corpus Pragmatics* and *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics* (Springer).

Contact information:

HSE, 25/12 Bolshaya Pecherskaya St., Nizhny Novgorod 603155 Russia

e-mail: angladkova@gmail.com

Сведения об авторе:

Анна ГЛАДКОВА получила степень PhD по лингвистике в Австралийском национальном университете. Ее научные интересы включают семантику, прагматику, взаимодействие языка и культуры, когнитивную лингвистику и Естественный Семантический Метаязык. Она преподавала лингвистику и прикладную лингвистику в Австралийском национальном университете, Университете Монаш и Университете Новой Англии (Австралия), а также в Сассекском университете и Университете Брайтона (Великобритания). Она является членом редколлегии журнала *Corpus Pragmatics* и серии *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics* (издательство Springer).

Контактная информация:

HSE, 25/12 Bolshaya Pecherskaya St., Nizhny Novgorod 603155 Russia

e-mail: angladkova@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-26986>

Book review

**Review of Capone, Alessandro. 2019.
Pragmatics and Philosophy: Connections and Ramifications.
Cham: Springer.**

Mostafa MORADY MOGHADDAM

Shahrood University of Technology, Shahrood, Iran

 mmoghaddam@shahroodut.ac.ir

For citation:

Morady Moghaddam, Mostafa. 2022. Review of Capone, Alessandro. 2019. *Pragmatics and Philosophy: Connections and Ramifications*. Cham: Springer. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 250–255. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26986>

Рецензия

**Рецензия на книгу
Capone, Alessandro. 2019. *Pragmatics and Philosophy:
Connections and Ramifications.* Cham: Springer.**

Мостафа МОРАДИ МОГХАДДАМ

Шахрудский технологический университет, Шахруд, Иран

 mmoghaddam@shahroodut.ac.ir

Для цитирования:

Morady Moghaddam M. Review of Capone, Alessandro. 2019. *Pragmatics and Philosophy: Connections and Ramifications*. Cham: Springer. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. № 1. P. 250–255. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-26986>

Language is art, or to be more exact, a philosophy of existence (Wettstein 2016). This book (including 13 chapters and 311 pages) concentrates on a range of interesting topics relevant to issues that are at the heart of the philosophy of language, namely the semantics-pragmatics interface and reported speech. The book consists of two parts, *The Semantics/Pragmatics Debate* and *Indirect Reports and Presuppositions as Pragmatic Phenomena*.

© Mostafa Morady Moghaddam, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The first part aims to show that “not only is it the case that pragmatics takes input from semantics, but that semantics takes input from pragmatics” (pp. 1–2). In the first part, Capone deals with important and challenging issues, namely explicatures, the semantics-pragmatics interface, cancellability in pragmatic inference, and modularity of mind and pragmatics, among other topics. The introductory chapters concern the dilemma known as ‘Grice’s circle’, as well as the discussion of the non-cancellability of explicatures, while arguing that the semantic resources of a language do not suffice to take intentionality into account. Capone argues that cancellability (a technical term in pragmatics that means making an implicature invalid in certain instances) may not apply, depending on the functions of the inference/s in question. The author also offers his reflections on the (challenging) relationship between semantics and pragmatics. Capone mentions that there are situations where one or the other (pragmatics or semantics) takes the lead in sentence interpretation. In other words, with regards to explicatures, “pragmatic inferences can become semanticised” (p. 100).

Under the rubrics of modularity, Capone refers to cognitive aspects of sentence interpretation, arguing that the mind can use simplification processes to reduce the complexity of reality. To be precise, however, we need to distinguish between internal and external inquiry. Internal inquiry denotes the logic of cognitive processes that relate to the ego. The main feature of this internal inquiry concerns *psychoanalysis*, ‘any of a number of the theories of the human personality that aim at examining a person's unconscious mind to discover the hidden causes of their mental problems’. Besides this internal inquiry, there is also external inquiry, which comes into play when the forces of internal inquiry are unable to provide a reasonable conceptualization of reality. In this case, the hearer resorts to the appliance of knowledge of situation and context (see for example Sperber & Wilson 1986, and Wilson & Sperber 2002).

So far, the book suggests that pragmatics can support the mind to reach a better venue from which to analyze input. Trial and error reveal that perceptual beliefs are unreliable (Hookway 2012), but the pragmatists argue that where there is sound justification for doing so, one should doubt propositions, while in other cases (when there is no evidence) doubt is not warranted. Hence, assumptions should be taken for granted unless there is a convincing reason that they should be challenged. Of course, inquiries should be made within a context. According to Hookway (2016):

We tend to treat our established beliefs as innocent until ‘proved guilty’. We need reasons for our beliefs when we propose to change them, or when they have been challenged. It is doubt that needs a reason, and we trust our everyday beliefs until given a positive reason for doubting them. The mere lack of a conclusive reason for belief does not itself provide us with a reason for doubt. The Cartesian strategy adopts an unorthodox, revisionary understanding of *reason for belief* and *reason for doubt* (see ENA, January 21, 2022)¹.

¹ <https://plato.stanford.edu/entries/pragmatism>

The second part of the book investigates indirect reports and presuppositions. In this part, the author critically discusses theories of quotation and elaborates on the cancellability of explicatures. Capone also talks about Recanati's theory of quotation, a purely pragmatic view of the subject. Referring to the *dialogic* nature of indirect reports, the author says that "there are pragmatic ways of interpreting direct reports as indirect reports and there are pragmatic ways to interpret indirect reports as direct reports, or as having mixed-quoted segments" (p. 202). The author also elaborates on direct and indirect reports, while confirming that there are no boundaries between direct and indirect reports. Capone (correctly, in my view) argues that there are pragmatic increments to utterance interpretation that are embedded in explicatures: where what the speaker can rationally mean should be taken into consideration, it is possible to reconstruct what the speaker *says*. Through these interpretative processes, the lexicon or the syntax is enriched. Capone also points to implicit indirect reports, where these can be considered as implicitly logophoric. In other words, the ramification is that, all things being equal in the argument, the explicated part of the explicature, or the implicit underpinnings of the indirect report, are structurally active at the level of anaphoric connections (anaphoric reference means that a word in a text refers back to other ideas in the text for its meaning).

Capone also states that presuppositions are normally defeasible inferences, in that not only do they need to be viewed in context with regard to conversational implicatures, but the dialogical dimension of presuppositions should be taken into consideration. He argues that belief reports should be considered as a kind of indirect report (their rationale is clear, since they are definitely closer to indirect than direct reports). In addition, the author argues that we should accept the proposition that presuppositions should be dealt with according to the context of the utterance (the context of the reporter), rather than the context of the original speaker. This means that the reporter may have added something to the original speaker based on the contextual / conversational necessities, which may be missing from the original text.

The last chapter of the book, Chapter 13, employs data from Italian to talk about propositional attitudes and pronominal clitics. According to Capone, "pronominal clitics have much to say on the theory of conversational implicatures and can illuminate the issue of explicature" (p. 308). The author also mentions that propositional attitudes should be regarded in line with free enrichments (which are not actually present in the syntax) built on appositional relationships (which combine semantic and pragmatic inferences to preserve the meaning underlying the structures and sentences).

The book is well-informed, with up-to-date literature and extensive reviews of diverse works relating to reported speech and the pragmatics of quotation. The author's inclusion of personal communications with other well-known authors in the field provides the reader with a first-hand view of mainstream discussions

relating to different aspects of reported speech and explicatures. As we have noted, the author has critically looked at some important issues relevant to both semantics and pragmatics, such as cancellability and explicatures, implicit indirect reports, the semantics-pragmatics interface, and other related issues.

The book, however, is open to challenge on some specific issues. There are many technical words that are introduced with insufficient preparation. The novice reader may find the book difficult to follow, since very difficult concepts are introduced in each chapter, without providing sufficient, easily understood background knowledge. For example, the author argues about the cancellability of explicatures, while the concept of cancellability itself has not been dealt with sufficiently to allow the reader to follow the discussion properly. Moreover, the philosophical underpinnings of reported speech are not comprehensively reviewed. For example, indirect reporting as *a theory of knowledge* is only mentioned in passing. In addition, logical points relating to indirect reports are touched on here and there in the book, without providing information concerning how that logic can shape the praxis of indirect reports. Specifically, the issues relating to transformations in indirect reporting concerning modal logic could usefully have been extended.

Another challenging issue concerns the organization of the chapters. Each chapter is like an island, which does not integrate properly with other chapters. There is no clear line to follow, and it rather seems that the scholarly ideas of the author are scattered here and there throughout the book. For example, one can see that the first and second parts of the book are not aligned in a linear sense. The inclusive breadth is a strength that, unfortunately, brings a weakness with it that needs to be overcome – the inclusion in the central text of many asides and brief forays into areas that may distract rather than enrich. In addition, the balance between the presentation and discussion of social/pragmatic issues versus structural aspects is ignored. In the book's present form, the structural markers of indirect reporting (e.g. tense, adverbials, mood, complementizers, word-order, etc.) are not acknowledged in any detail.

The book is well-researched and covers the ground of indirect reports at a very high level. As mentioned, however, it is probably a mistake to assume that the reader – even the expert reader – will be familiar with the arguments and theories he is referencing. Capone often refers to a theory without filling in much of its actual content, and this makes the book a rather frustrating read. Even a reader aware of the core philosophical and linguistic underpinnings central to the topic of indirect reports would find it easy to lose track of the plot of the book. It would have been much better if the author had kept each chapter's topic clearly in focus, placing some of the asides and various less central citations in footnotes. This also goes for the turns of phrase and occasional passages of flowery language, which could also be placed in footnotes so as not to distract the reader from the main arguments.

Overall, however, my general impression of this book is quite positive. It presents a highly informed discussion of the main issues that center on indirect reporting, presenting a rich and stimulating array of scholarly references. The amount of literature that the author has covered is astonishing and triggers admiration. In the various chapters, all the main issues revolving around the pragmatics of indirect reporting, as well as the pragmatic and philosophical dimensions of indirect reporting, are carefully and vividly analyzed, always with reference to the relevant literature. The issues of footing, explicatures, the situational dynamics involving the reported speaker, the reporter and the hearer, as well as the issues around implicit indirect reports, face and slurring are all conveniently addressed and linked to each other.

My view on this book is that it makes a strong contribution that is relevant to different audiences in the fields of pragmatics, philosophy, linguistics and intercultural communication. The topic is valuable, the research is admirable, and the author's knowledge is impressive.

REFERENCES

- Capone, Alessandro. 2016. *The Pragmatics of Indirect Reports: Socio-philosophical Considerations*. Cham: Springer.
- Hookway, Christopher. 2012. *The Pragmatic Maxim: Essays on Peirce and Pragmatism*. Oxford: Oxford University Press.
- Hookway, Christopher. 2016. Pragmatism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/pragmatism/> (accessed 20 January 2022)
- Sperber, Dan & Deirdre Wilson. 1986. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell.
- Wettstein, Howard. 2016. Speaking for another. In A. Capone, F. Kiefer & F. Lo Piparo (eds.), *Indirect Reports and Pragmatics: Interdisciplinary Studies*, 405–434. Cham: Springer.
- Wilson, Deirdre & Dan Sperber. 2002. Truthfulness and relevance. *Mind* 111. 583–632.

Book review history:

Received: 08 July 2021

Accepted: 14 December 2021

Bionote:

Mostafa MORADY MOGHADDAM (PhD) is an Assistant Professor at Shahrood University of Technology, Shahrood, Iran. His main research fields are discourse analysis, pragmatics and language variation and change in different settings and contexts, including language classrooms. He has recently contributed to *Lingua*, *Pragmatics*, *Pragmatics and Cognition*, *Porta Linguarum*, and *Language and Dialogue*.

Contact information:

Shahrood University of Technology

Shahrood, Iran

PoBox: 3619995161

e-mail: mmoghaddam@shahroodut.ac.ir

Сведения об авторе:

Мостафа МОРАДИ МОГХАДДАМ (PhD) – старший преподаватель Шахрудского технологического университета, Шахруд, Иран. Сфера его научных интересов включает дискурс-анализ, прагматику, вариативность и изменения языка в различных условиях и контекстах, в том числе в преподавании языка. Его статьи были опубликованы в журналах *Lingua*, *Pragmatics*, *Pragmatics and Cognition*, *Porta Linguarum*, and *Language and Dialogue*.

Контактная информация:

Shahrood University of Technology

Shahrood, Iran

РoBox: 3619995161

e-mail: mmoghaddam@shahroodut.ac.ir

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-30347>

Book review

**Review of Gladrov, Volfgan and Elizaveta G. Kotorova. 2021.
*Models of Speech Behavior in German and Russian
Communicative Cultures*. Moscow: YaSK Publ.
ISBN 978-5-907290-48-8**

Elena S. KUZMINA

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia
 kuzmina-es@rudn.ru

For citation:

Kuzmina, Elena S. 2022. Review of Gladrov, Volfgan and Elizaveta G. Kotorova. 2021. *Models of Speech Behavior in German and Russian Communicative Cultures*. Moscow: YaSK Publ. *Russian Journal of Linguistics* 26 (1). 256–262. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30347>

Рецензия

**Рецензия на книгу: Гладров В., Которова Е.Г.
*Модели речевого поведения в немецкой и русской
коммуникативной культуре*. М.: Издательский дом ЯСК,
2021. (Studia philologica). ISBN 978-5-907290-48-8**

Е.С. КУЗЬМИНА

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
 kuzmina-es@rudn.ru

Для цитирования:

Кузьмина Е.С. Рецензия на книгу: Гладров В., Которова Е.Г. Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. (Studia philologica). *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Т. 26. № 1. С. 256–262. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30347>

Монография В. Гладрова и Е. Г. Которовой «Модели речевого поведения в немецкой и русской коммуникативной культуре» (2021) представляет собой наиболее полный анализ моделей речевого поведения в немецком и русском языках на настоящий момент. Авторы не впервые проводят подобные исследования (см., напр., Gladrow 2013, 2015, Kotorova 2013, 2020, Которова 2015,

© Elena S. Kuzmina, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

2017), а их совместная статья «Контрастивное изучение моделей речевого поведения», опубликованная в журнале «Жанры речи» (Гладров, Которова 2015), послужила фундаментом для первой главы настоящей монографии «Речевое поведение в межкультурном аспекте: основные понятия и методы анализа» и содержит описание теоретической базы для проведения данного анализа (см. также Gladrow & Kotorova 2017).

Опираясь на исследования речевых актов (Дж. Серль, Дж. Остин, А. Вежбицкая), речевых жанров (М.М. Бахтин), моделей речевой деятельности (К. Элих и Й. Ребайн), авторы выделяют и описывают базовую единицу коммуникации, на основе которой может быть проведен анализ речевых действий, и определяют ее как *модель речевого поведения* (МРП). МРП представляет собой «некий набор вербальных (и/или невербальных) действий и распространяется на повседневные ситуации межперсонального общения, ограниченные относительно небольшим временным отрезком» (с. 30). Для комплексного анализа МРП авторы монографии выработали алгоритм, который служит для описания унифицированной единицы речевого общения и путей ее реализации. Учитывая тот факт, что в контрастивных исследованиях в настоящее время не существует единого подхода к анализу речевых действий, авторами также ставилась задача создать универсальную модель, которая может применяться для решения такого рода задач.

Особое внимание в первой главе уделяется понятиям эквивалентности и адекватности, которые являются центральными в сопоставительных исследованиях. Традиционно два высказывания считаются эквивалентными, если они «одинаковы», т. е. идентичны по форме и содержанию. Однако истинной целью контрастивного анализа является не выявление поверхностных эквивалентов (иногда прямых эквивалентов вообще не существует), а поиск глубинных структурных сходств в сравниваемых языках. Контрастивную прагматику интересует не только семантика высказывания, но и намерения говорящего, взаимоотношения участников разговора, особенности коммуникативной ситуации. Четкое разграничение адекватности и эквивалентности, предложенное в монографии, имеет решающее значение для корректного проведения сопоставительных исследований. Под эквивалентностью авторы понимают «системное соответствие языковых структур на лексическом и грамматическом уровнях на основе их функциональной идентичности», а под адекватностью — «системное соответствие между речевыми выражениями МРП, которое основывается на коммуникативной идентичности и тождественности иллокутивной силы высказываний» (с. 39).

Основная часть монографии состоит из трех глав, каждая из которых анализирует определенную категорию иллокутивно взаимосвязанных речевых действий – этикетных, информирующих и побудительных. При этом авторы указывают на то, что в основе предложенного деления речевых действий лежит «простой организационный принцип», который не следует рассматривать «как вклад в дискуссию о возможных классификациях речевых актов и

моделей речевого поведения» (с. 22). Всего в работе исследуются 22 модели речевого поведения. Так, в главе «Этикетные речевые действия» рассматриваются следующие МРП: ПРИВЕТСТВИЕ, ПРОЩАНИЕ, БЛАГОДАРНОСТЬ, ИЗВИНЕНИЕ, ПОЗДРАВЛЕНИЕ, ЗНАКОМСТВО, КОМПЛИМЕНТ и СОБОЛЕЗНОВАНИЕ. Глава «Информирующие речевые действия» содержит анализ таких МРП, как: СОГЛАСИЕ, ОТКАЗ, ПОЖЕЛАНИЕ, ПРИГЛАШЕНИЕ, ОБЕЩАНИЕ, РАЗРЕШЕНИЕ, УПРЁК и ОСКОРБЛЕНИЕ. ПРОСЬБА, СОВЕТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ, УГРОЗА и ЗАПРЕТ описываются в заключительной главе «Побудительные речевые действия».

Анализ каждой модели речевого поведения проводится по единой схеме. В первую очередь определяется иллокутивная цель высказывания, при этом в качестве основы используется теория Естественного Семантического Мета-языка (см., напр., Goddard & Wierzbicka 2014, Gladkova & Larina 2018a,b, Wierzbicka 1996, 2021). Далее описывается структура МРП, которая, как правило, отличается от модели к модели, но в некоторых случаях может представлять собой устойчивую конфигурацию определенной группы моделей, как, например, императивные высказывания как форма реализации большинства директивных речевых актов. Затем указываются коммуникативно-прагматические факторы, определяющие особенности реализации МРП, среди которых выделяются социальные (социальный статус, пол, возраст, национальная и региональная принадлежность, языковая компетенция и др.), культурные (нормы этикета, нормы вежливости, социальные стереотипы), а также ситуативные факторы (время и место события, связь речевого акта с остальным дискурсом, психическое и физическое состояние коммуникантов).

Следующим шагом описания МРП является описание коммуникативно-прагматического поля, реализующего данную МРП, поскольку именно теория поля представляется авторам наиболее перспективной основой для контрастных исследований (см. Гладров 2001). Теория лингвистического поля имеет, как известно, длительную историю исследования и, наряду с лексико-семантическими (Й. Трир, Э. Косериу и др.), лексико-грамматическими (Е.И. Шендельс и др.) или функционально-семантическими (А.В. Бондарко) моделями, допускает возможность выделения и других видов полей. Авторы представили в монографии оригинальную концепцию коммуникативно-прагматического поля (ср. с. 32–34, а также Kotorova 2008, 2014, Которова 2013), которое, в соответствии с описанием классической модели, делится на ядро и периферию. Коммуникативно-прагматические поля включают прототипические (ядерные) и периферийные средства выражения и объединяют «инвентарь разнообразных грамматических, лексических, словообразовательных, топологических и просодических средств, служащих для выражения определенной иллокутивной цели (например, ПРОСЬБЫ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ, ИЗВИНЕНИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ и т.д.)» (с. 37). В качестве доминанты поля выступает, по мнению авторов, иллокутивная цель МРП, которая, вместе с тесно связанными с ней средствами реализации, образует ядро поля, а остальные формы

реализации МРП находятся на периферии. Описание реакций на соответствующую МРП является заключительным элементом анализа.

Исследования, проведенные авторами монографии, показали, что структура и состав коммуникативно-прагматических полей, реализующих одну и ту же МРП, могут существенно различаться в русском и немецком языках. Продемонстрировать различия в реализации одной из моделей речевого поведения в немецком и русском языках можно на примере анализа МРП КОМПЛИМЕНТ. Compliment как речевой акт прочно закрепился в повседневном общении представителей разных языковых культур и является средством создания доброжелательной коммуникативной среды. Под комплиментом понимается лестное замечание, любезный отзыв, благосклонное, дружеское высказывание. Compliment может выполнять несколько функций, которые тесно взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга. Так, посредством комплимента, с одной стороны, дается высокая оценка положительных качеств собеседника, с другой стороны, выражается совпадение взглядов, интересов партнеров по коммуникации, и наконец, создается ощущение солидарности и сплоченности (Grein 2008).

В соответствии с разработанным авторами алгоритмом описания моделей речевого поведения для анализа МРП КОМПЛИМЕНТ предлагается, в первую очередь, ответить на следующие вопросы: *Что является основанием для комплимента? Кому он адресован? Какие условия необходимы для успеха комплиментов? Для чего их делают? Где и когда комплименты употребляются?* На основе ответов на эти вопросы дается определение прагматического содержания КОМПЛИМЕНТА в терминах ЕСМ:

- (а) Я думаю: о тебе можно сказать что-то хорошее
- (б) Я говорю: в тебе есть нечто хорошее
- (в) Я говорю это, так как хочу, чтобы ты знал, что я хорошо думаю о тебе
- (г) Я полагаю, что тебе это приятно (с. 165).

Ответы на эти вопросы помогают, в том числе, отличить комплимент от схожих МРП, которые в полевой структуре находятся по соседству, но за границами поля МРП КОМПЛИМЕНТ, это – ПОХВАЛА, ЛЕСТЬ, ПОЗДРАВЛЕНИЕ и пр.

Среди коммуникативно-прагматических факторов, существенных для реализации МРП КОМПЛИМЕНТ, авторы выделяют социальный статус, пол и возраст собеседников. И в России, и в Германии комплиментами легко обмениваются равные по социальному положению собеседники. Что касается пола, то отмечается, что в отличие от русских, немецкие мужчины реже делают комплименты женщинам из опасения, что это будет воспринято как заигрывание. В отношении возраста комплименты делаются среди равных или в направлении от старших к младшим. Отмечается, что обратное направление может восприниматься как лесть, но в случае близких доверительных отношений между собеседниками этой опасности не существует.

С точки зрения полевой структуры центр формирует прямой комплимент, непосредственная оценка собеседника (*Классная стрижка! Тебе очень*

идёт) или его окружения, напр. дома, сада, детей и пр. (*Твой участок – прямо как парк культуры и отдыха!*), а периферию – оценка от третьего лица (*Я слышал, вы прекрасно готовите*) и косвенная оценка в форме вопроса (*Ты всегда такая очаровательная, Леночка?*). Интересно, что вынужденный комплимент, который фактически спровоцирован его получателем, авторами рассматривается вне коммуникативно-прагматического поля КОМПЛИМЕНТ.

В качестве реакции на комплимент рассматриваются согласие принять комплимент и отказ. Согласие при этом может быть выражено как вербально, так и невербально (улыбка, кивок, благодарный взгляд) и может сочетаться, например, с благодарностью, ответным комплиментом или шуткой. Во многих культурах, прежде всего, в азиатских, существует мнение, что прямое согласие принять комплимент противоречит такому качеству, как скромность. Сравнительный анализ показал, что в России чаще принимают комплименты, чем в Германии. При этом для русских важно проявить оригинальность при выражении согласия, а для немцев важнее искренность и благожелательность (Mironovschi 2009: 126).

Стоит отметить скрупулезный подход авторов при отборе фактического материала для проведения анализа: примеры были взяты из национальных корпусов немецкого и русского языков. Вместе с тем следует указать на то, что количественный анализ корпуса высказываний, реализующих ту или иную МРП, мог бы существенно укрепить доказательную базу исследования и служить убедительным основанием для выделения ядра и периферии в составе коммуникативно-прагматического поля.

Контрастивная прагматика считается относительно молодой научной дисциплиной, это связано с тем, что коммуникация является в настоящее время одной из наименее исследованных языковых сфер. Рецензируемая монография, посвященная описанию моделей речевого поведения в русской и немецкой лингвокультуре, вносит, таким образом, существенный вклад в теорию и методологию языковой коммуникации, а также контрастивной лингвистики, и может быть рекомендована в качестве образца для дальнейших исследований речевого поведения в разных языковых и культурных сообществах. Комплексный алгоритм анализа, разработанный авторами и апробированный на ряде конкретных МРП, также может быть использован в качестве основы для сопоставительного анализа моделей речевого поведения в других европейских и неевропейских языках.

Ценность исследования заключается, кроме того, в возможности использования его результатов в углубленном обучении иностранным языкам (прежде всего, русскому и немецкому). Как учит опыт, владения языковой системой недостаточно для успешного общения. Сравнение особенностей коммуникации в двух лингвокультурах способствует развитию языковой компетенции и существенно обогащает навыки общения на иностранном языке.

Это многостороннее, оригинальное и тщательно выполненное исследование будет несомненно полезным не только лингвистам, переводчикам,

культурологам, преподавателям языка и студентам, но и всем, кто занимается проблемами межкультурной коммуникации и контрастивной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018a. Anna Wierzbicka, words and the world. *Russian Journal of Linguistics* 22 (3). 499–520. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-3-499-520>
- Gladkova, Anna & Tatiana Larina. 2018b. Anna Wierzbicka, language, culture and communication. *Russian Journal of Linguistics* 22 (4). 717–748. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-717-748>
- Gladrow, Wolfgang. 2001. Die Konzeption der mehrdimensionalen Äußerungsstruktur im russisch-deutschen Sprachvergleich. In Gladrow Von W. & R. Hammel (eds.), *Beiträge zur russisch-deutschen kontrastiven Grammatik*, 27–46. Frankfurt am Main: Peter Lngag. (=Berliner Slawistische Arbeiten, 15.)
- Gladrow, Wolfgang. 2013. Das Sprachhandlungsmuster GRUß im Polnischen und Deutschen – gestern und heute. In Lipszuk Von R. & K. Nerlicki (eds.), *Synchronische und diachronische Aspekte der Sprache. Sprachwandel – Sprachkontakte – Sprachgebrauch*, 176–187. Hamburg. (=Stettiner Beiträge zur Sprachwissenschaft, 5.)
- Gladrow, Wolfgang. 2015. Sprechen ist mehr als Sprache. Der WUNSCH im Polnischen und Deutschen im Meer der Sprachhandlungsmuster. In Lipszuk Von R. et al. (eds.), *Sprache und Meer / und mehr – Linguistische Studien und Anwendungsfelder*, 193–208. Hamburg: Dr. Kovač. (=Stettiner Beiträge zur Sprachwissenschaft, 6.)
- Gladrow, Wolfgang & Elizaveta G. Kotorova. 2017. Kontrastive Untersuchung von Sprachhandlungsmustern. *Zeitschrift Für Slawistik* 62(3). 366–387.
- Goddard, Cliff & Anna Wierzbicka. 2014. *Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Grein, Marion. 2008. Der Sprechakt des Kompliments im interkulturellen Vergleich. In Marion Grein (ed.), *Dialogue in and between Different Cultures. Intercultural Comparison of Dialogues. Cultural Impact on Dialogue Translation as Cultural Dialogue Dialogues in Chat Rooms*, 15–32. Marion Grein Publisher: Edda Weigand (IADA President, University of Münster).
- Gladrow, Wolfgang & Elizaveta G. Korotova. 2015. Contrastive study of speech behavior patterns. *Speech Genres* 2(12). 27–39.
- Kotorova, Elizaveta. 2013. Communicative-pragmatic field as a method of comprehensive description for means of Speech Acts realization. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* 1(1). 58–67.
- Kotorova, Elizaveta. 2015. Expression of apology in German and Russian discourse: Pragmatic and linguo-structural aspects. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* 2. 35–48.
- Kotorova, Elizaveta. 2017. “Promise” as speech behavior pattern: Method of contrastive analysis (Based on Russian and German languages). *Russian Journal of Linguistics* 21(2). 405–423.
- Kotorova, Elizaveta. 2008. Kommunikativ-pragmatisches Feld als Modell des kulturbezogenen Redeverhaltens. In von I. Bartoszewicz von I. et al. (eds.), *Linguistica et res cotidianae*, 113–120. Wrocław; Dresden: ATUTund Neisse. (=Linguistische Treffen in Wrocław. 2.)
- Kotorova, Elizaveta. 2013. Dankesbezeugung im deutschen und russischen Diskurs: Soziokulturelle, pragmatische und sprachlich-strukturelle Aspekte. *Zeitschrift für Slawistik* 58(4). 417–434.
- Kotorova, Elizaveta. 2014. Describing cross-cultural speech behavior: A communicative-pragmatic field approach. *Procedia. Social and Behavioural Sciences* 154. 184–192.

- Kotorova, Elizaveta. 2020. ZUSTIMMUNG und ABLEHNUNG: Methodologie der Analyse eines Sprachhandlungsmusters. *Moderna språk* 114 (2). 205–232.
- Mironovschi, Lilia. 2009. *Komplimente und Komplimenterwiderungen im Russischen und Deutschen. Ein interkultureller Vergleich*. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2009. (=Europäische Hochschulschriften. Linguistik. 335.)
- Wierzbicka, Anna. 1996. *Semantics: Primes and universals*. Oxford: Oxford University Press.
- Wierzbicka, Anna. 2021. “Semantic Primitives”, fifty years later. *Russian Journal of Linguistics* 25 (2). 317–342. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342>

Book review history:

Received: 20 November 2021

Accepted: 14 December 2021

Сведения об авторе:

Елена Сергеевна КУЗЬМИНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). Сфера научных интересов: контрастивная грамматика немецкого и русского языков, синтаксис и грамматическая стилистика современного немецкого языка, межкультурная эквивалентность.

Контактная информация:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6.

e-mail: kuzmina-es@rudn.ru

ORCID 0000-0003-1960-830X

Bionote:

Elena S. KUZMINA is a Senior Lecturer, Foreign Languages Department, Faculty of Philology at RUDN-University (Moscow, Russia). Her research interests include contrastive grammar of German and Russian languages, syntax and grammar stylistics of the modern German language, and intercultural equivalence.

Contact information:

6, Mikluho-Maklai Str., Moscow, 117198, Russia

e-mail: kuzmina-es@rudn.ru

ORCID 0000-0003-1960-830X

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

Виктор Иванович ШАХОВСКИЙ – основоположник эмотивной лингвистики в России

9.01.1939–26.01.2022

Ушел из жизни Виктор Иванович Шаховский – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, блистательный ученый-лингвист, основавший новое междисциплинарное направление лингвистических исследований – эмотивную лингвистику. Его жизнь – это яркий пример служения языку.

В.И. Шаховский родился в 1939 г. в г. Николаевске Волгоградской области. После окончания Волгоградского педагогического института в 1963 г. работал учителем иностранных языков в сельской школе. В 1969 г. после защиты кандидатской диссертации в Московском педагогическом институте им. Н.К. Крупской он приступил к работе в Волгоградском педагогическом институте, который более чем на полвека стал для него вторым домом. Здесь он руководил кафедрами второго иностранного языка и языкознания, читал лекционные курсы по лексикологии, стилистике английского языка, типологии языков, проводил спецсеминары и спецкурсы по лингвокультурологии эмоций.

В 1988 г. Виктор Иванович защитил докторскую диссертацию по теме «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе: на материале английского языка» в Институте языкознания АН СССР. Созданная им лингвистическая теория эмоций приобрела большую известность и легла в основу многочисленных трудов его научных последователей.

Профессор В.И. Шаховский – автор более 550 научных публикаций. Его работы опубликованы в авторитетных изданиях России, а также в США, Германии, Испании, Болгарии, Польше, Китае. Он представлял результаты своих научных изысканий на многочисленных международных симпозиумах, конференциях и совещаниях по проблемам семантики, лингвистики текста, переводоведения, психолингвистики, лингвокультурологии. В.И. Шаховский является основателем и руководителем научной школы, в рамках которой исследуется эмотивность языка, речи и текста. На заседаниях созданной им научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» было обсуждено и рекомендовано к защите 14 докторских и 36 кандидатских диссертаций, выполненных под его руководством. Он принимал активное участие в работе Российской коммуникативной ассоциации, был членом редколлегии научных журналов «Известия ВГПУ», «Русистика», «Русский язык и литература в школе», «Вопросы психолингвистики», «Мир лингвистики и коммуникации», «Язык и экология: коммуникативная практика», ответственным редактором тематических сборников: «Язык и эмоции» (Волгоград, 1995), «Сближение культур» (Нью-Джерси—Волгоград, 1997; 1998), серии кафедральных изданий «Человек в коммуникации» и др.

В 2016 и 2017 гг. публикационная активность В.И. Шаховского была отмечена включением в топ-лист «Языкознание: Топ-100 самых цитируемых российских ученых». За вклад в развитие системы образования и науки он был награжден Знаками ВГСПУ «За заслуги» III степени (2004), II степени (2009) и I степени (2016), Почетной грамотой Главы Администрации Волгоградской области (2011), Почетной грамотой Губернатора Волгоградской области (2019). В 2000 г. ему было присвоено Почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ», в 2008 г. — «Почетный доктор ВГПУ», в 2021 г. — «Почетный работник воспитания и просвещения Российской Федерации».

Ученый и педагог, Виктор Иванович много внимания уделял экологии языка. В своих выступлениях и публикациях он неоднократно подчеркивал, что язык – это среда обитания человека в течение всей его жизни, и эта среда нуждается в постоянном укреплении и защите от негативных социальных воздействий. Бережное отношение к русскому языку, по его твердому убеждению, должно стать одной из приоритетных стратегий России.

В центре научных интересов В.И. Шаховского всегда был не только язык, но и говорящий на нем человек – «эмоционально-коммуникативная личность». Как ученый-гуманист и основатель эмотивной лингвоэкологии, он выдвигал задачу разработать механизмы защиты человека от словесной агрессии, призывал более бережно относиться друг к другу и не

провоцировать отрицательные эмоции. Он считал, что каждое сообщение должно обладать терапевтическим воздействием, подчеркивал важность во всех видах общения ориентироваться на формирование позитивных эмоций и не допускать унижения, оскорбления и эмоционального травмирования адресата.

Виктор Иванович был другом нашего журнала. Он неоднократно публиковался в нем и с энтузиазмом обсуждал работы других авторов, поддерживал деятельность журнала своим научным авторитетом, широкими филологическими знаниями и редакционным опытом. Неравнодушие Виктора Ивановича, его беззаветная любовь к лингвистике, постоянное стремление к познанию нового, желание постичь суть явлений и дать им научное объяснение, его общительность, жизнелюбие и чувство юмора навсегда останутся в памяти его коллег, друзей, учеников и последователей. Мы всегда будем помнить нашего замечательного коллегу и друга. Светлая память.

Редколлегия журнала

Иосиф Абрамович СТЕРНИН – основатель коммуникативной лингвистики в России

29.04.1948–05.03.2022

5 марта 2022 г. российская наука потеряла одного из ярких своих представителей. Ушел из жизни Иосиф Абрамович Стернин – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, директор Центра коммуникативных исследований, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, разносторонний ученый-лингвист, внесший неоспоримый вклад в основание и развитие коммуникативной лингвистики в России. Всю свою жизнь он посвятил благородному служению науке и просвещению.

И.А. Стернин родился 29 апреля 1948 г. в поселке Красково Ухтомского района Московской области. Его детство и школьная юность прошли в Ярославле. В 1970 г. он окончил английское отделение факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета, получив диплом с отличием. С 1970 по 1975 гг. преподавал английский, французский, немецкий и испанский языки в вечерней школе. В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию «К проблеме дейктических функций слова» в Институте языкознания АН СССР. В 1987 г. в Минске, в Белорусском государственном университете, защитил докторскую диссертацию «Лексическое значение слова в речи». С 1975 г. постоянным местом его работы стала

кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, которой он руководил почти 20 лет (с 1995 по 2014 гг.).

Специалист в области теории языка, теории речевого воздействия, коммуникативной лингвистики, сопоставительного языкознания, когнитивной лингвистики, риторики и культуры общения, он читал лекционные курсы по этим дисциплинам, проводил спецсеминары и спецкурсы. Яркий лекторский талант позволял ему увлечь любую аудиторию своими идеями. Его выступления вызывали неизменный интерес слушателей.

Широка и многогранна научная, педагогическая и просветительская деятельность И.А. Стернина. Даже неполный перечень видов его деятельности вызывает восхищение и уважение: основатель и руководитель воронежской «Службы русского языка», автор и ведущий еженедельной радиопрограммы «Территория слова», зам. председателя Российской риторической ассоциации, председатель Воронежской риторической ассоциации, президент Воронежской психолингвистической ассоциации, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов, член Совета по русскому языку при Администрации Воронежской области, член Союза журналистов России, организатор конкурсов риторики в школах и мн.др. Он читал курсы лекций в разных университетах России, а также преподавал в вузах Германии, Дании, Финляндии и Польши.

И.А. Стернин – автор более 1000 научных, научно-методических и публицистических работ. Его статьи, монографии, учебные пособия известны не только в России, но и за рубежом, издавались на английском, немецком и арабском языках. Он определил и разработал базовые категории коммуникативной лингвистики: коммуникативное сознание, коммуникативное поведение, коммуникативная личность. Результаты его научных исследований были представлены на многочисленных международных симпозиумах, конгрессах, конференциях. Являясь прекрасным организатором и генератором идей, он способствовал проведению более 50 конференций в Воронеже, в ВГУ. Профессор Стернин И.А. основал научную школу, в рамках которой исследовались проблемы коммуникативной лингвистики, ассоциативной лексикографии, проводилось экспериментальное изучение значения слова. Под его руководством было подготовлено 15 докторских и 77 кандидатских диссертаций. В 2016 г., совместно с сестрой, профессором М.А. Стерниной, он создал Фонд поддержки молодых ученых-лингвистов. Средства, полученные из этого Фонда, помогли многим студентам, магистрантам и аспирантам.

Иосиф Абрамович Стернин много внимания уделял вопросам коммуникативного поведения людей разных культур. Читатели и слушатели могли найти в его книгах и выступлениях ответы на многие интересующие их вопросы: *Почему русские мало улыбаются? Почему в России редко здороваются с незнакомыми людьми? Чем речь женщин отличается от речи мужчин? Как изменился язык во время пандемии?* и мн. др. В одном из своих

последних интервью (8 декабря 2021 г.) он отмечал, что люди часто употребляют новые слова, не понимая, что они означают. Он призывал молодых людей внимательнее относиться к речи, быть более точными в выборе слов.

Трудно представить, что этого живого, общительного, остроумного человека больше нет с нами. Его творческая энергия, исследовательский талант, оригинальный подход к решению лингвистических проблем, дар замечать новые явления в языке, способность находить общий язык с представителями разных поколений и разных научных направлений, интеллигентность, яркий ум навсегда запомнятся тем, кому посчастливилось знать Иосифа Абрамовича лично. Мы осознаем всю тяжесть и невосполнимость этой утраты. Вечная память!

Редколлегия журнала